Годъ 16-й. Кн. LXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1904, № 4.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1905.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Школа, образованіе и литература у россійскихъ мусульманъ. *А. Е. Крымскаго* 1

II. Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда. *С. К. Кузнецова* 24

III. Что такое Овсень? *А. В. Маркова* 50

IV. Гиляки. VI. Родъ. VII. Механизмъ рода. VIII. Междуродовыя отношенія. *Л. Я. Штернберга*. 66

V. Смѣсь:

1. Программа для собиранія свѣдѣній о родильныхъ и крестильныхъ обрядахъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ. *В. Н. Харузиной* 120
2. Похоронные обряды у корейцевъ 157
3. Поѣздка къ казакамъ-грузинамъ въ Терскую область. *Д. И. Аракчіева* 164

VI. Критика и библіографія:

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.

Ratzel. Ueber Naturschilderung. *Е. Н. Е—ой* (168).—Арабековъ. Учебникъ тюркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ Закасп. обл. *А. А. Семенова* (168).—„Keleti Szemle“—Revue Orientale. 1904. 1. С. К. К—ова (172).—„Archiv für Religionswissenschaft“. 7 B., III и IV Heft. 8 B, 1 H. *Е. Н. Е—ой* (174).—Hunter, The India of the Queen. *А. А. С—ва* (176).—Internationale Archiv für Ethnographie B. XVII 1—2. *Е. Н. Е—ой* (176).—Селицкій. Кульджинскіе переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. *Вл. Б.* (177).—Шишовъ. Сарты. *Вл. Б.* (179).—Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни. *Н. В. В—ва* (181).—Іоновъ. Поѣздка къ майскимъ тунгусамъ. Пекарскій. Поѣздка къ приаянскимъ тунгусамъ. *Вл. Б.* (186).—„Живая Старина“. Годъ XIV, 1 и 2 ...ъ (186). Никифоровъ. Стюхинскіе чуваши. *Вл Б.* (187).—Лисенко. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. III. *Е. Н. Е—ой* (188).—Памятная книжка Смоленской губерніи на 1905 г. ...ъ (189).—Минхъ.

Стр.

Историко-географическій словарь Саратовской губерніи, т. I, вып. 4. *С. К. Кузнецова* (190).—Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. *Вл. Б.* (192) 169

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 194

3. Новости этнографической литературы 205

VII. Хроника:

† Н. М. Мартьяновъ. — † В. Тачановскій.—† В. Л. Беренштамъ. — † Д-ръ Бартельсъ.— † Э. Шлагинтвейнъ. — † F. Coillard.—† A. Stübel.—Преміи имени М. Н. Михельсона.— Премія проф. А. А. Котляревскаго.—Двадцатипятилѣтіе «Памятныхъ книжекъ Вятской губ.» и Н. А. Спасскій *(Д. З—нина)*.—Изъ области цензуры русской народной пѣсни.—Новое музыкально-этнографическое изданіе.—«Южная рѣчь».—Новый нѣмецкій этнографическій журналъ.—Художественно-этнографическій музей въ Гуцульщинѣ.—Рѣдкая коллекція кружевъ.—Изъ области матеріальной культуры въ Хорватіи.—Исторія польскаго искусства.—На мѣстѣ древняго кельтскаго царства.—Важныя доисторическія находки въ Швейцаріи. — О «1001 ночи».—«Анналы ислама».— «Степное законодательство».—Моленіе на мордовскомъ пчельникѣ.—Экспедиція для изученія енисейскихъ остяковъ.— Областный музей и библіотека въ Асхабадѣ.— О горныхъ таджикахъ.—Населеніе Индіи.—По классической археологіи и искусству.—Введеніе археологіи въ школѣ.—Программа Археолог. международ. конгресса въ Аѳинахъ.—Въ микенскихъ раскопкахъ.— Изображеніе Орфея.— Раскопки святилища Аммона.— «Змѣиная богиня» и культъ креста у пеласгическихъ грековъ.—Законы вавилонскаго царя Хаммураби.—Къ изученію еврейской народности.—Еврейское населеніе Россіи.—Къ изученію быта франкфуртскихъ евреевъ.— Вторая серія «Талмуда».—Закончившійся 2-й международный конгрессъ по исторіи религій.—Нравственный кодексъ Японіи.—О развитіи японской лирической поэзіи.—Къ исторіи искусствъ Дальняго Востока.—Китайскіе амулеты.—Къ этнографіи Австраліи.—Палеонтологическія изысканія Клаача въ Австраліи.—Питекантропосъ на Явѣ.—Къ этнографіи Африки.—Изученіе карликовыхъ племенъ Африки.—Къ этнографіи Бразиліи.—Матеріальная культура американскихъ племенъ.—Населеніе Гренландіи 209

VIII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и другія 236

Школа, образованность и литература у россійскихъ мусульманъ [1]).

(Культурно-этнографическій очеркъ).

Прежде чѣмъ говорить о школѣ, образованіи, наукѣ и литературѣ мусульманъ Россійской Имперіи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что большая часть ихъ по своей расовой крови—тюрко-татары. На 17 милліоновъ россійскихъ мусульманъ [2]) найдется всего около 3 милліоновъ мусульманъ иранской или туземно-кавказской крови [3]); остальные же 14 милліоновъ, что составляетъ около $^5/_6$ всего россійскаго мусульманства,—это тюрко-татары, преимущественно чистокровные и недаровитые, и лишь кое-гдѣ смѣшанные съ элементомъ иран-

---

[1]) Оригиналъ статьи напечатанъ по-малорусски въ книгѣ „Мусульманство" проф. Крымскаго (=88—90 книжка львовскаго издательства „Літературно-Наукова Библіотека" (1904), недопускаемаго въ Россію, какъ и всѣ малорусскія австрійскія изданія). Въ виду ближайшаго интереса этой статьи именно для русской, а не для австрійской публики, здѣсь дается ея переводъ, сдѣланный А. А. Разумовскимъ и дополненный авторомъ. *Ред. „Этногр. Обозр."*

[2]) Въ эту цифру я включаю также и тѣ 3 милліона мусульманъ, которые составляютъ народонаселеніе вассальныхъ русскихъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго.

[3]) И эти всѣ понимаютъ одно изъ сосѣднихъ татарскихъ или тюркскихъ нарѣчій, такъ-что даже забываютъ свою родную рѣчь. На нашихъ глазахъ пропадаетъ, напримѣръ, персидско-талышское и персидско-татское нарѣчіе на Кавказѣ, замѣняясь тюркскимъ азербейджанскимъ нарѣчіемъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что тюркское азербейджанское нарѣчіе является для цѣлаго Кавказа (и для христіанскаго въ томъ числѣ) рѣчью международной, такъ же какъ въ Европѣ французскій языкъ. Русскій языкъ все еще не достигъ на Кавказѣ такой же международной роли: онъ преобладаетъ въ городахъ, но не въ селахъ.

скимъ (въ Туркестанѣ и Закавказьѣ) или съ какимъ-нибудь инымъ (напр. малорусскимъ, итальянскимъ и греческимъ въ Крыму). Напомню также, что не всѣ россійскіе мусульмане живутъ одинаковое время подъ властію Россіи и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ русской культуры: тѣ татары, которые живутъ по Волгѣ съ ея большими сѣверо-восточными притоками и въ Сибири, подпали подъ власть Россіи давно (это—остатки прежнихъ татарскихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго съ Золотой Ордой и Сибирскаго); тюрко-татары уральскіе, оренбургскіе и прочіе степные кочевники покорены Россіей уже позднѣе; крымскіе татары—только въ концѣ XVIII в.; кавказцы—нѣкоторые сто, нѣкоторые полсотни лѣтъ тому назадъ и даже меньше; надъ Туркестаномъ же Россія владычествуетъ всего какихъ-нибудь лѣтъ тридцать. Разсуждая математически, мы должны бы были надѣяться, что наиболѣе европейски-образованными и прогрессивными должны быть тѣ татары, надъ которыми Россія господствуетъ около 400 лѣтъ, а наименьшую образованность и наибольшую закоснѣлость должны имѣть мусульмане, подпавшіе подъ власть Россіи въ XIX столѣтіи. Однако практика обнаруживаетъ намъ совсѣмъ иное: поволжскіе и сибирскіе татары въ дѣлѣ образованія идутъ позади, туркестанцы же, кавказцы и отчасти крымскіе татары въ этомъ отношеніи идутъ впереди.

Чѣмъ это объяснить? Можетъ быть, неодинаковыми расовыми качествами тѣхъ и другихъ? Конечно, въ извѣстной степени виновата расовая недаровитость чисто-тюркской крови и бóльшая даровитость крови, смѣшанной съ другими элементами; но кромѣ того вина также падаетъ и на самое Россію, или точнѣе, на ея руководящія сферы. Образованіе (да и не только образованіе!) татаръ поволжскихъ, сибирскихъ, а отчасти и крымскихъ Россія могла совсѣмъ спокойно запустить и забыть, такъ какъ они, благодаря своему долгому пребыванію подъ властью Россіи, сдѣлались смирными и спокойными и никуда уже не могутъ политически отложиться отъ нея; между тѣмъ собственной свѣтской интеллигенціи, которая бы могла самостоятельно порадѣть о своемъ народѣ, забытомъ правительственными сферами, у нихъ давно уже не стало, а тѣ единицы, которыя, живя по большимъ русскимъ городамъ (Казани, Рязани, Уфѣ, Симбирскѣ и пр.), совсѣмъ обрусѣли и отбились отъ своего народа, мы не можемъ

уже считать за татаръ [1]). Иное дѣло Туркестанъ и Кавказъ: здѣсь и простой народъ еще не забылъ своей недавней самостоятельности, и мѣстная интеллигенція, въ какомъ бы средневѣковомъ невѣжествѣ она ни находилась во время присоединенія этихъ странъ къ Россіи, имѣла и имѣетъ кромѣ свободолюбія также довольно развитое національное сознаніе (точнѣе, сознаніе политическо-религіозное) и можетъ оказывать извѣстное сепаратистическое вліяніе и на простой народъ. Для того, чтобы уничтожить у мусульманъ этихъ, недавно покоренныхъ, странъ сепаратизмъ, русское правительство хочетъ ихъ сдѣлать русскими и думаетъ, что, пожалуй, единственное для этого средство— школьное образованіе въ русскомъ духѣ и съ русскимъ языкомъ. Что благодаря школамъ могло бы на самомъ дѣлѣ произойти обрусѣніе россійскихъ мусульманъ—это правда; только, для этого нужно было бы основать школъ массу, нужно было бы прямотаки засыпать инородцевъ школами, какъ, напримѣръ, это дѣлаетъ Пруссія по отношенію къ славянамъ. У насъ же, хотя и понимаютъ роль школъ въ дѣлѣ обрусѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся школъ: вѣдь даже коренной великороссъ остается приблизительно еще въ средневѣковомъ невѣжествѣ и варварствѣ; боятся, вѣдь, что „грамота—мечъ обоюдуострый",—какъ выражаются нѣкоторые ревнители обскурантизма. Поэтому, хотя русскія газеты сплошь да рядомъ жалуются на то, что правительство больше просвѣщаетъ окраины, чѣмъ коренныя губерніи, приходится сказать правду, что окраинное образованіе и школьное дѣло, какое бы обрусительное значеніе имъ ни придавалось, поставлены совсѣмъ не такъ хорошо, чтобы ими могло быть достигнуто дѣйствительное обрусѣніе мѣстнаго окраиннаго мусульманства, въ особенности же низшихъ слоевъ.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были мотивы просвѣтительной россійской дѣятельности, кое-что Россіей на этой почвѣ дѣлается: казенныя школы основываются и среди мусульманства окраиннаго, и также,—хотя меньше,—среди мусульманства не-

[1]) Очень небезъинтересныя данныя по вопросу объ отношеніи прежней Россіи къ просвѣщенію мирныхъ инородцевъ разбросаны въ брошюрѣ П. Луппова: „Народное образованіе среди вотяковъ со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ" (Вятка 1898). Рец. А. Максимова—въ „Этногр. Обозр." кн. 46, стр. 146.

окраиннаго. И въ результатѣ мы видимъ теперь, по отношенію къ образованію, среди россійскихъ мусульманъ пеструю смѣсь, въ которой прежнее средневѣковое міровоззрѣніе и невѣжество, поддерживаемое чисто мусульманскими „мектебами“ (начальными школками) и „медресами“ (училищами болѣе высокими), переплетается съ новоевропейской наукой, которая—въ однихъ мѣстахъ больше, а въ другихъ меньше—проливается на мусульманъ изъ школъ, устроенныхъ мѣстной русской администраціей и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія,—школъ начальныхъ, среднихъ и даже изъ университетовъ.

Что касается настоящихъ очаговъ науки—высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ,—то мусульмане ими пользуются мало, въ виду того, что для поступленія въ высшія учебныя заведенія имъ нужно ѣхать въ европейскую Россію: на мѣстѣ вѣдь у нихъ нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній [1]). Главный источникъ европейскаго образованія для россійскихъ мусульманъ— это школы среднія, имѣющіяся вездѣ, и какъ ни богата недостатками постановка образованія въ русскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, все же мусульманскія дѣти воспринимаютъ въ нихъ науку не худшую, а ту же, что и дѣти русскихъ, учащіяся въ тѣхъ школахъ.

Относительно министерскихъ школъ начальныхъ, нужно прежде всего замѣтить, что онѣ не пользуются никакой симпатіей россійскихъ мусульманъ, а во-вторыхъ приходится сказать, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ не многаго стоятъ, главнымъ образомъ потому, что въ нихъ почти всегда господствовалъ и до сихъ поръ еще частенько господствуетъ безсмысленный, такъ называемый „естественный“ методъ, состоящій въ томъ, что учитель преподаетъ и вообще говоритъ съ дѣтьми не на томъ языкѣ, который дѣти понимаютъ (это былъ бы методъ „переводный“, или, какъ его типично называетъ кое-кто, „гуманный“), а исключительно по-русски, чтобы дѣти такимъ образомъ пріучались къ русскому языку. И не научныя свѣдѣнія, а изученіе русскаго языка,— вотъ главная цѣль низшихъ министерскихъ школъ. Что изъ этого якобы „естественнаго“ метода (на самомъ же дѣлѣ противуесте-

---

1) Во всѣхъ русскихъ университетахъ не найдется и сотни студентовъ мусульманъ.

ственнаго) не бывало проку, это издавна должны были видѣть и сами обрусители, но вмѣсто того, чтобы искренно сознать свою ошибку, главные заправилы министерскихъ школъ взваливали (и до сихъ поръ еще взваливаютъ) всю вину своихъ неуспѣховъ на агитаторскую конкурренцію яро-мусульманскихъ „мектебовъ" и „медресъ", куда мусульмане посылаютъ своихъ дѣтей съ несравненно большей охотой, чѣмъ въ министерскія школы. Въ послѣднее время неумолимая практика должна была показать и наиболѣе ярымъ руссификаторамъ, что „естественный" методъ н, науки, ни ожидаемаго обрусѣнія не даетъ, и что даже обрусѣнія можно скорѣе достигнуть такъ называемымъ „гуманнымъ" методомъ. Эту нехитрую тайну окончательно и, должно быть, безповоротно поняли по крайней мѣрѣ въ Туркестанѣ и въ степной Сибири, и теперь тамъ обращаются преимущественно къ методу „гуманному", а не къ „естественному" [1]). Въ большей или меньшей степени то же самое явленіе и ту же самую перемѣну мы видимъ и на Кавказѣ, гдѣ „естественный" методъ, правда, еще не упраздненъ, но гдѣ попечитель кавказскаго округа (такъ мнѣ пришлось отъ него слышать) охотно предоставляетъ выборъ метода на волю самихъ учителей, потому-что для него важны только конечные результаты: нужно, чтобы ученики-инородцы, выходя изъ школы, умѣли правильно говорить и писать по-русски, а какимъ образомъ это достигается—„естественнымъ" ли методомъ или какимъ-нибудь другимъ—это ужъ личное дѣло учителя. Во всякомъ случаѣ антипедагогическому „естественному" методу кавказскій учебный округъ исключительнаго значенія не придаетъ,—напротивъ, старается, чтобы учителя знали языкъ своихъ учениковъ. Округъ даже самъ печатаетъ начальныя руководства на инородческихъ языкахъ, такъ какъ всё это должно скорѣе вести къ обрусѣнію. Никакой такой

---

[1]) Ср. „Очерки изъ исторіи развитія инородческаго образованія въ Россіи" А. Е. Алекторова въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія" 1904, іюль, отд. II, ст. 27—46. На стр. 40—41 авторъ разсказываетъ, какъ самъ былъ когда-то сторонникомъ „естественнаго" метода и какъ онъ скоро долженъ былъ убѣдиться во всѣхъ неудобствахъ этого антипедагогическаго метода. См. также „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области". А. Васильева (Оренбургъ, 1896). Но срв. также новѣйшую статью въ защиту „натуральнаго" метода, помѣщенную тоже въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1904, ноябрь.

педагогической заботливости не видно только въ тѣхъ, вышеупомянутыхъ мусульманскихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ нечего бояться инородческаго сепаратизма; должно быть, перемѣнъ тамъ въ скоромъ времени и не предвидится, и, хотя оффиціальные же отчеты съ сожалѣніемъ констатируютъ, что, напримѣръ въ Вятской губерніи [1]), дѣятельность русскихъ начальныхъ школъ между татарами „или совсѣмъ невѣрна, или малопригодна" и что „къ сожалѣнію" учители русскихъ начальныхъ школъ для татаръ не знаютъ татарскаго языка [2]), однако, по всѣмъ признакамъ, такое положеніе дѣла будетъ тамъ и дальше продолжаться. На этомъ мы можемъ и ограничить свою общую характеристику начальныхъ казенныхъ школъ.

Само собой разумѣется, что нельзя считать настоящимъ образованіемъ тотъ результатъ (изученіе русскаго языка), къ которому прежде всего стремятся эти министерскія народныя школы для инородцевъ; но нельзя отрицать, что, кромѣ этого знанія, русскія министерскія школы незамѣтно и невольно прививаютъ мусульманамъ еще и кое-какіе европейскіе взгляды, да и одно изученіе русскаго языка пролагаетъ татарину дорогу для дальнѣйшаго образованія. Вышедши изъ школы, иной (хотя, конечно, не каждый) можетъ читать русскія книги и изъ нихъ почерпать полезныя научныя свѣдѣнія, иной будетъ въ состояніи поступить въ гимназію или въ какое нибудь другое средне-учебное заведеніе; относительно же средней школы мы ужъ указывали выше, что она спеціально обрусительной миссіи на себя не беретъ, потому что предназначается прежде всего для природныхъ русскихъ, и мусульманскій мальчикъ можетъ получить въ ней образованіе если и не вполнѣ дѣйствительное, то по крайней мѣрѣ не худшее, чѣмъ коренные русскіе.—Изъ среднихъ школъ нѣкоторые мусульмане поступаютъ, какъ сказано, и въ университетъ или въ другія высшія учебныя заведенія.

Такимъ-то образомъ мусульмане, подданные Россіи, мало-помалу европеизируются,—не очень скоро и не всѣ въ одинаковой степени, а всё же европеизируются, и намъ слѣдуетъ, послѣ

[1]) Ср. интересную и богатую подробностями статью А. Н. Анастасіева „Вятскіе инородцы и ихъ школы" въ „Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія" 1904 г. іюнь, II, стр. 75—103.

[2]) Стр. 81, стр. 88 тамъ же.

сдѣланной выше общей характеристики, нѣсколько болѣе детальнымъ и частнымъ образомъ бросить взоръ на состояніе образованія отдѣльныхъ россійскихъ областей, населенныхъ мусульманами.

Особенно интересную картину даетъ намъ Туркестанъ, объ успѣхахъ котораго въ общихъ чертахъ мы уже упомянули. До русскаго владычества Туркестанъ былъ одной изъ самыхъ обскурантныхъ и наиболѣе заскорузлыхъ мусульманскихъ странъ. Пожалуй, число „мектебовъ" и „медресъ" въ Туркестанѣ было гораздо большее, чѣмъ, напримѣръ, въ Персіи, но зато и невѣжества какъ въ этихъ школахъ, такъ и внѣ ихъ стѣнъ, также было гораздо больше, чѣмъ въ той же Персіи, несмотря на то, что туркестанскіе (а именно бухарскіе) улемы считали себя лучшими богословами всего мусульманскаго міра. Какъ извѣстно, народонаселеніе Туркестана состоитъ изъ элементовъ тюркскаго и иранскаго. Школьное дѣло и наука въ Туркестанѣ находились преимущественно въ рукахъ элемента иранскаго, и эта наука была ничто иное, какъ обрывки свѣдѣній и знаній средневѣковаго Ирана; — слѣдовательно, туркестанскіе иранцы, точно также какъ и иранцы персидскіе, застыли было въ воззрѣніяхъ и знаніяхъ еще XIV в. Что же касается тюркскаго населенія, во времена самостоятельности Туркестана, то, по словамъ Вамбери, который проникъ въ Среднюю Азію, переодѣвшись мусульманскимъ дервишемъ, оно было „окутано мракомъ, чернымъ какъ смола". Настало русское господство. Прежнихъ мусульманскихъ „мектебовъ" и „медресъ" русская администрація не уничтожила, сохранивши за ними ихъ религіозный характеръ. Эти мусульманскія школы остались такими же, какими были раньше, съ той же прежней наукой и съ тѣми же порядками [1], — вотъ развѣ что должны были подчиниться извѣстному надзору русскихъ школьныхъ властей, которыя подчасъ пріѣзжаютъ къ нимъ для ревизій; да кромѣ того, въ силу практическо-житейской необходимости, въ „медресахъ" введено вдобавокъ къ прежней схола-

1) См. статью Ѳ. М. Керенскаго: „Медресе Туркестанскаго края" въ „Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія 1892, ноябрь, II. ст. 18—52. Ср. также статью А. Анастасіева: „О татарскихъ духовныхъ школахъ" въ „Русской Школѣ" 1893, декабрь, ст. 126—137 и его же выше упомянутую: „Вятскіе инородцы и ихъ школы", ст. 92—103, въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія", 1904 іюнь.

стической наукѣ преподаваніе русскаго языка, такъ какъ безъ знанія русскаго языка нелегко составить даже духовно-мусульманскую карьеру [1]). Однако, сохраняя за мусульманскимъ духовенствомъ его „мектебы" и „медресы", русская администрація въ противовѣсъ имъ основала свои школы свѣтскія и, какъ говоритъ оффиціальный отчетъ за 25 лѣтъ, „вѣритъ, что сдѣлала всё возможное для того, чтобы привлечь дѣтей туземцевъ къ русскимъ школамъ и дать имъ надлежащее образованіе" [2]). „Всё возможное"... это сказано слишкомъ самонадѣянно, такъ какъ очень легко можно было бы основать школъ въ десять разъ больше, чѣмъ сколько есть, и совсѣмъ неосновательно оправдываетъ себя оффиціальный отчетъ, говоря, что если русское школьное дѣло стоитъ въ Туркестанѣ не на высотѣ, то въ этомъ, будто бы, скорѣе виновата закоренѣлость и неподготовленность самихъ туземцевъ, а не мѣропріятія мѣстной администрація, такъ какъ послѣдняя, со времени покоренія края не переставала заботиться объ образованіи мѣстнаго населенія [3]). Но, пускай даже заботы школьной администраціи въ Средней Азіи и не будутъ „всё возможное", онѣ тѣмъ не менѣе значительны, и оффиціальный отчетъ недаромъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: „Открыты интернаты при городскихъ школахъ съ вакансіями для туземныхъ дѣтей; также открытъ интернатъ при учительской семинаріи, въ Ташкентѣ же былъ такой пансіонъ, гдѣ дѣти подго-

---

1) Даже на должность сельскаго муллы русская администрація утверждаетъ большей частью тѣ лица, которыя знаютъ русскій языкъ. Что же касается высшей мусульманской іерархіи, то для нея обязательно знаніе русскаго языка.—

2) С. Граменицкій: „Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ" Ташкентъ, 1896. Авторъ—директоръ народныхъ школъ въ Сыръ-Дарьинской области.

3) Конечно, мы охотно вѣримъ, что фанатическая мусульманская закоренѣлость составляла конкурренцію и ставила русскому школьному дѣлу значительныя преграды въ такихъ центрахъ, какъ положимъ, Ташкентъ, Самаркандъ и др. Но подобныхъ преградъ не могло быть для русскаго школьнаго дѣла, напримѣръ, въ Акмолинской, Семирѣченской и Семипалатинской областяхъ; однако и здѣсь—что мы видимъ? Въ то время, когда Граменицкій писалъ свой отчетъ, на два милліона населенія въ упомянутыхъ трехъ обширныхъ областяхъ было только 290 начальныхъ школъ—городскихъ и сельскихъ, съ 12,628 учениками.—Срв. еще небольшую статейку М. Кулижнова: „Начальная школа въ Акмолинской области"—въ 26-ой книжкѣ „Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географическаго Общества" (Омскъ 1899).

товлялись для поступленія въ школы и гдѣ жили также и послѣ поступленія въ избранную школу; открыто 28 особыхъ „русско-туземныхъ“ школъ съ интернатомъ для туземныхъ воспитанниковъ, а при 6-ти изъ нихъ и при 13-ти городскихъ училищахъ открыты вечерніе курсы для обученія взрослыхъ туземцевъ“. Эту картину нужно дополнить указаніемъ, что въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ русское школьное начальство сдѣлало еще нѣсколько дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ отношеніи, и среди такихъ шаговъ особенно нужно отмѣтить составленіе спеціальныхъ школьныхъ руководствъ для киргизовъ, сартовъ, узбековъ и др. [1]) и экскурсіи туркестанскихъ учениковъ вмѣстѣ съ учителями въ большіе города Европейской Россіи съ тою цѣлью, чтобы дѣти воочію увидѣли плоды русской культуры. Нечего и говорить, что русская администрація, сама стараясь привлечь въ свои школы туземцевъ, не издаетъ относительно нихъ никакихъ ограничительныхъ законовъ;—это великодушіе мы будемъ въ состояніи надлежащимъ образомъ оцѣнить, если для сравненія припомнимъ, какъ затруднено поступленіе въ русскія школы другимъ нехристіанамъ—евреямъ [2]). И вотъ, при такой постановкѣ русскаго учебнаго дѣла въ Средней Азіи, мы теперь видимъ, что тамъ не только иранскій элементъ, но даже и элементъ тюркскій, тотъ самый элементъ, который во времена Вамбери былъ „окутанъ мракомъ, чернымъ какъ смола“, всё больше и больше приближается къ новоевропейскому просвѣщенію. Обогащаются числомъ мусульманъ не только начальныя низшія школы: даже въ среднихъ русскихъ школахъ (въ Ташкентѣ и сосѣднемъ Оренбургскомъ краѣ) можно вмѣстѣ съ русскими встрѣтить ужъ не мало туземцевъ обоихъ половъ, а въ военныхъ корпусахъ края еще больше [3]). Братъ и сынъ бухарскаго эмира воспитались по

---

[1]) Относительно послѣднихъ 10 лѣтъ школьнаго дѣла въ Средней Азіи см. упомянутую уже статью А. Алекторова: „Очерки изъ исторіи развитія инородческаго образованія въ Россіи“ („Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія“ 1904, іюль).

[2]) Какъ извѣстно, до послѣдняго времени по закону не дозволялось, чтобы евреевъ было въ школѣ болѣе 5%, обыкновенно же 3%.

[3]) Хивинскій ханъ основалъ въ этомъ 1904 г. стипендію имени покойнаго, туркестанскаго генералъ-губернатора Н. А. Иванова въ Ташкентскомъ кадетскомъ корпусѣ.

его желанію въ Петербургѣ—въ пажескомъ корпусѣ. Въ русскихъ университетахъ можно по временамъ встрѣтить, напримѣръ, такихъ первобытныхъ сыновъ степей, какъ киргизы (для нихъ есть спеціальныя стипендіи).

Конечно, если смотрѣть на дѣло безотносительно, мы должны были бы сказать, что для тридцати слишкомъ лѣтъ русскаго владычества въ Туркестанѣ просвѣтительная европеизація средне-азіатскаго мусульманства оказывается еще очень и очень незначительна. Пожалуй. Но не будемъ смотрѣть на этотъ вопросъ лишь безотносительно, а сравнимте-ка, съ этимъ россійскимъ средне-азіатскимъ образованіемъ, россійское же образованіе поволжскихъ татаръ, которые живутъ подъ властью Россіи чуть ли не 400 лѣтъ. Я уже говорилъ, что поволжскіе татары просвѣщены менѣе всѣхъ, а вотъ что свидѣтельствуетъ о нихъ оффиціальный органъ Министерства Народн. Просвѣщенія: „Хотя татары вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ живутъ вмѣстѣ съ русскими, они всё же остаются нетерпимыми мусульманами, держатъ себя отчужденными, не хотятъ имѣть сношеній со своими сосѣдями, ни заимствовать отъ нихъ новаго міровоззрѣнія, нравовъ, обычаевъ, формъ жизни и гражданственности. Татары покорились Россіи только политически, но не нравственно. Только внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, только по своему мѣсту жительства они—въ Европѣ, своей же жизнью, обычаями, стремленіями и вкусами они остаются сынами азіатскихъ степей и убѣжденными сторонниками просвѣщенія восточнаго, азіатскаго. Если вы ѣдете по татарскимъ селамъ Вятской губерніи, вы чувствуете себя туристомъ, какъ будто вы ѣдете по далекой чужбинѣ, гдѣ въ селахъ нѣтъ христіанскихъ церквей, гдѣ видно только угрюмые, низенькіе и тонкіе минареты, которые возвышаются надъ татарскими мечетями, гдѣ улицы тѣсны и кривы, а человѣческія жилища, построенныя по особому типу, расположились кучками безъ всякаго плана и порядка, гдѣ людей можно увидѣть лишь въ особыхъ восточныхъ костюмахъ и гдѣ, наконецъ, не слыхать ни одного русскаго звука, а слышно только твердую, незнакомую рѣчь совсѣмъ чужого племени. Живя изолированно—сплошными татарскими селами, татары Вятской губерніи мало и рѣдко имѣютъ сношенія съ русскими, развѣ только для торговли. Въ виду этого между татарами немного найдется даже мужчинъ, которые бы

свободно и правильно говорили по-русски; въ виду этого татары совсѣмъ не перенимаютъ русскихъ обычаевъ, не учатся русской грамотѣ, не хотятъ и знать объ европейской наукѣ; они даже смотрятъ на насъ съ презрѣніемъ. Русскіе школьные инспектора совсѣмъ напрасно уговариваютъ татаръ, чтобы они въ своихъ селахъ основывали русскія начальныя школы или хоть бы въ своихъ „медресахъ" и „мектебахъ" открывали классы русскаго языка: всѣ ихъ увѣщанія большей частью не приводятъ ни къ чему. Главной причиной этого печальнаго явленія оказывается прежде всего и больше всего мусульманскій фанатизмъ, а затѣмъ незнаніе татарскаго языка русскими школьными инспекторами: они говорятъ черезъ переводчиковъ, оттого ихъ никто и не слушаетъ; кромѣ того, инспекторы никакъ не желаютъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что у татаръ уже есть свое особое міровоззрѣніе, настроеніе, бытъ, своя религія, литература, исторія, своя школа и культура: инспекторы этого не знаютъ, и ихъ незнаніе служитъ только во вредъ русскому учебному дѣлу среди татаръ. Что же касается духовныхъ мусульманскихъ школъ, то въ нихъ совсѣмъ не изучаютъ русской грамоты [1]). Муллы прямо заявляютъ инспекторамъ, что изученіе русскаго языка никогда не входило и не можетъ входить въ программу ихъ школъ, и что татары не будутъ пускать своихъ дѣтей въ школы, если тамъ будутъ преподаватели помимо муллы, и если тамъ будутъ учить русской грамотѣ. Ученикъ ихъ мусульманскихъ школъ осужденъ знать только то, что знали авторы изучаемыхъ имъ статей, лѣтъ пятьсотъ, а то и тысячу тому назадъ,—больше знать ему воспрещается: грѣхъ. Эти его авторитеты не позволяютъ ему вѣрить въ тотъ порядокъ планетнаго вращенія, какой выясненъ наукой, равно какъ въ законы, управляющіе естественными явленіями, въ силы природы и въ историческіе факты, очищенные критикой отъ фантастическихъ примѣсей. Онъ долженъ знать, что есть семь сферъ небесныхъ, заселенныхъ небесными существами, что вся земля дѣлится на семь климатовъ и что Богъ призвалъ мусульманъ владѣть народами, потому что исторія, географія и космографія мусульманъ полны безсмыс-

[1]) Авторъ говоритъ относительно селъ. Въ большихъ городахъ (Казани. Уфѣ и др.) это дѣло стоитъ немного иначе.

ленныхъ сказокъ и фантастическихъ легендъ... Нѣтъ, просвѣтительная русская дѣятельность не должна дальше идти такъ, какъ шла до сихъ поръ [1]"... Картина слишкомъ говоритъ сама за себя, и хотя въ большихъ городахъ (Казани, Уфѣ и др.) дѣло стоитъ немного лучше, но въ общемъ картина отъ этого не мѣняется [2]). Что въ этихъ жалобахъ дѣятеля-обрусителя,—жалобахъ на косность татаръ въ дѣлѣ просвѣщенія,—нужно подъ терминомъ „просвѣщеніе" понимать въ самомъ дѣлѣ просвѣщеніе, а не только обрусѣніе, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ безпристрастные свѣдущіе люди. Между прочимъ то же самое, что говоритъ руссификаторъ Анастасіевъ, говоритъ почти тѣми же словами и извѣстный крымско-татарскій дѣятель-патріотъ Исм. Гаспринскій, ярый прогрессистъ, но врагъ обрусѣнія. Въ своей заслуженной бахчесарайской газетѣ „Терджиманъ" онъ очень часто скорбитъ по поводу того, что поволжскіе татары несравненно невѣжественнѣе туркестанцевъ [3]) и кавказцевъ и даже несравненно невѣжественнѣе крымчаковъ, земляковъ Гаспринскаго [4]).

---

[1]) А. Анастасіевъ: „Вятскіе инородцы и ихъ школы"—ст. 93, 92, 102—103, 83,—въ упомянутой выше іюньской книжкѣ „Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія" 1904 г.

[2]) Срв. у Н. Ашмарина въ изданномъ подъ моей редакціей его „Очеркѣ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ-мохаммеданъ за 1880—1895 годъ" („Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазар. Инст. Вост. яз., вып. IV, М. 1901), стр. 35—36, въ спискѣ.

[3]) См., напримѣръ его изданную и по-татарски и по-русски брошюру: „Мебâді-и темеддюн-и іслямійâп-и Рус"—„Проблески культурнаго движенія татаръ", приложеніе къ 40 № „Терджимâп-а" 1901 г., гдѣ онъ говоритъ: „Въ 30-лѣтнемъ по времени присоединенія къ Россіи Туркестанскомъ краѣ школьное дѣло идетъ лучше, глаже, чѣмъ въ Поволжьи, присоединенномъ къ Россіи 400 лѣтъ тому назадъ! Это грустный, но несомнѣнный фактъ" (ст. 6). „По умственному состоянію и міровоззрѣнію масса находится и понынѣ въ 14-омъ столѣтіи, застывъ на Птоломеевской системѣ, не признавая Кеплера, не зная Ньютона, при невозможныхъ понятіяхъ объ отношеніяхъ народовъ и государствъ" (ст. 1). Цитирую Гаспринскаго по русскому тексту, а не въ переводѣ съ татарскаго, потому-что въ татарскомъ текстѣ всё это сказано короче.

[4]) Для иллюстраціи настроенія казанскихъ татаръ остановлюсь еще на самомъ недавнемъ фактѣ. Осенью нынѣшняго 1904 года одинъ казанскій мулла—Галѣевъ подалъ въ казанское уѣздное земское собраніе просьбу о выдачѣ ему пособія на обученіе двухъ его сыновей въ казанскомъ городскомъ училищѣ. „Казанскій Телеграфъ", сообщая этотъ случай, привѣтствуетъ его какъ нѣчто

Обращаясь къ Крыму, нужно предупредить, что, хоть и объ Крымѣ русское школьное начальство не очень заботится, но всё же оно дѣлаетъ для его просвѣщенія нѣсколько больше, чѣмъ дѣлаетъ для Поволжья, а кромѣ того—крымскіе татары разшевелены теперь энергіей такихъ людей, какъ Гаспринскій съ группой его приверженцевъ,—людей, какихъ именно и недостаетъ Поволжью. Есть уже признаки, что Крымъ, какъ онъ самъ ни мало еще просвѣщенъ, со временемъ придетъ на помощь далекому Поволжью, и это не только благодаря энергіи такихъ крымскихъ дѣятелей, каковъ упомянутый уже Гаспринскій, но даже благодаря оффиціальному русскому крымскому школьному дѣлу. Такъ, въ Симферополѣ—губернскомъ городѣ Крыма—есть учительская школа для татаръ, ведущаяся въ просвѣтительномъ русскомъ духѣ и подъ вѣдѣніемъ русскаго инспектора. Ежегодно она выпускаетъ около десяти человѣкъ (по крайней мѣрѣ столько ихъ вышло въ маѣ нынѣшняго 1904 года), подготовленныхъ для преподаванія въ мѣстныхъ „русско-татарскихъ" школахъ. Къ сожалѣнію, имѣющихся русско-татарскихъ начальныхъ школъ въ Крыму чрезвычайно мало, новыхъ тоже не открываютъ, и учительскихъ вакансій для симферопольскихъ абитуріентовъ нѣтъ въ ихъ родномъ краю;—и вотъ, въ то время какъ одна ихъ половина совсѣмъ отрекается отъ учительской карьеры и, зная русскій языкъ, ѣдетъ искать дальнѣйшаго образованія въ Москвѣ [1]) или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ [2]), или же поступаетъ на службу въ Симферопольскую Казенную Палату,—другая половина ѣдетъ занять вакантныя учительскія мѣста среди своихъ единовѣрцевъ на сѣверѣ—въ Пермской губерніи (такъ сдѣлали прошлогодніе абитуріэнты) или въ какой-нибудь другой изъ поволжскихъ губерній, гдѣ есть мусульмане, а то даже и въ Оренбургѣ [3]). Такимъ образомъ Крымъ прино-

---

небывалое. Земское собраніе отнеслось въ высшей степени сочувственно къ такому необычному ходатайству муллы и ассигновало ему 120 рублей, какъ пособіе для обученія его сыновей.

[1]) Интересно отмѣтить—гдѣ именно. Одинъ поступаетъ въ Московское Строгановское Училище техническаго рисованія; другой—на курсы бухгалтеріи Езерскаго; третій—въ училище землемѣровъ.

[2]) Одинъ поѣхалъ въ Каиръ, чтобы доучиться въ „Азгар-ѣ".

[3]) Всѣ эти подробности взяты мною изъ „Терджиман-а" нынѣшняго года (1322=1904) №№ 48, 55 и 59.

ситъ просвѣщеніе своимъ далекимъ россійскимъ землякамъ... Однако, лучше было бы, если бы русскія школьныя власти, вмѣсто того, чтобы заставлять крымскихъ учителей идти на далекій сѣверъ, позаботились бы о томъ, чтобы въ самомъ Крыму увеличилось число татарско-русскихъ школъ и чтобы крымчаки (матеріалъ, по природѣ своей довольно прогрессивный, особенно въ прибрежныхъ городахъ) не были оставлены, какъ водилось до сихъ поръ, большей частью при той образованности, какую имъ даютъ устарѣлые средневѣковые мектебы и медресы съ ихъ учителями-муллами. Дѣло въ томъ, что та наука и тѣ порядки, которые господствуютъ въ крымскихъ мектебахъ и медресахъ, настолько комичны, что, если о нихъ пожелаетъ написать что-нибудь даже горячій патріотъ-татаринъ (лишь бы просвѣщенный, какъ напримѣръ Гаспринскій въ своемъ „Терджиманѣ“), то и тогда посторонній читатель можетъ подумать, что ему преподносятъ веселую смѣшную каррикатуру, а не горькую жалобу, писанную сокомъ нервовъ и кровью сердца [1]). Правда, что такіе передовые образованные патріоты, какъ Гаспринскій, не сидятъ и не ждутъ, пока русское начальство устроитъ имъ хорошія свѣтскія школы, а своими силами стараются пропагандировать реформу въ тѣхъ духовныхъ мектебахъ и медресахъ, какіе уже есть въ Крыму [2]). Кое-что имъ посчаст-

---

[1]) См. напримѣръ въ 44-омъ № „Терджимана“ за текущій 1904 годъ статью „Зинджерли медреседе имтихан“ (ст. 79—80) относительно майскихъ публичныхъ экзаменовъ нынѣшняго года въ Бахчесарайской зинджерлійской медресѣ, которая считается лучшею во всемъ Крыму и которую самъ Гаспринскій признаетъ еще за сравнительно передовую (ср. „Проблески культурнаго движенія татаръ“, стр. 6). По поводу этихъ яко-бы экзаменовъ Гаспринскій говоритъ, что лучше было бы назвать ихъ не экзаменами, а „пилавоѣдными засѣданіями“ (пилав меджлисй), такъ какъ учениковъ никто и не экзаменуетъ, а просто учители и приглашенные гости собираются для того, чтобы поѣсть баранины съ рисомъ (пилавъ), и для виду кое-что спросятъ нѣкоторыхъ „сохтъ“ (учениковъ), а послѣ распускаютъ учениковъ на каникулы до самого октября.—„Не потому ли,—горько добавляетъ Гаспринскій,—отъ нашихъ медресъ нѣтъ проку? Старая баня—старая утварь“.

[2]) Гаспринскій самъ былъ когда-то учителемъ и, преподавая русскій языкъ въ медресахъ и мектебахъ, могъ прекрасно узнать, чего недостаетъ этимъ школамъ. Потомъ, оставивши учительство и посвятивши себя своей газетѣ „Терджиманъ“ (осн. въ 1883 г.) и составленію популярныхъ книжекъ, онъ никогда не

ливилось таки сдѣлать: благодаря пропагандѣ Гаспринскаго много мектебовъ оставило прежніе дидактическіе способы и, что важнѣе всего, прежній механическій способъ обученія грамотѣ по складамъ [1]), заставлявшій дѣтей тратить попусту 6—7 лѣтъ, а на мѣсто его ввели заимствованный отъ русскихъ звуковой методъ, по которому дѣти выучиваются скоро читать, такъ что остальное время школьничества могутъ употребить на усвоеніе полезныхъ свѣдѣній [2]); эти внесенные Гаспринскимъ новые дидактическіе способы и новый методъ обученія чтенію прославлялись до такой степени, что въ Бахчесарай начали ѣздить татары и другіе тюрки изъ-за предѣловъ Крыма, съ цѣлью присмотрѣться къ бахчесарайскому мектебу, и теперь можно насчитать больше 500 новометодныхъ мектебовъ въ различныхъ областяхъ Россійской Имперіи: и въ Крыму, и на Поволжьи, и на Кавказѣ, и за Кавказомъ, и въ Туркестанѣ, и даже въ Кульджѣ, подъ самымъ Китаемъ. Въ большинствѣ, однако, закоренѣлые крымскіе муллы не очень слушаютъ этихъ своихъ свѣтскихъ патріотовъ-новаторовъ и стремятся вести школьное свое дѣло вполнѣ по-старинному, по-средневѣковому. И поэтому патріоты должны вести пропаганду европейскаго просвѣщенія между своими соотечественниками не черезъ школы, а черезъ популярныя книги, черезъ газеты, и принуждены громко сожалѣть, что въ ихъ Крыму школьное дѣло поставлено не такъ, какъ въ Туркестанѣ и на Кавказѣ.

Относительно школьнаго дѣла въ Туркестанѣ я уже говорилъ выше довольно пространно, причемъ указалъ, что въ средней Азіи русская администрація на самомъ дѣлѣ потрудилась не мало для

забывалъ про педагогику и всегда посвящаетъ много энергіи педагогическимъ вопросамъ и дѣламъ.

[1]) Какъ когда-то и у насъ учили: „буки—азъ“=„ба“, такъ и у мусульманъ: „бе—элиф“=„ба“, и т. д.

[2]) Быть можетъ, кому-нибудь изъ читателей такой фактъ, какъ введеніе новаго метода обученія грамотѣ, можетъ показаться мелочью, не заслуживающею подчеркиванья; на самомъ же дѣлѣ, при консервативности мусульманскаго татарскаго общества, это—не мелочь. Сперва противъ Гаспринскаго возникла было оппозиція, возникли нареканія, его звуковой методъ называли покушеніемъ на вѣковые устои и. т. д. Ср. его „Проблески культурнаго движенія татаръ“ стр. 4—русскаго текста (въ татарскомъ текстѣ этого отрывка нѣтъ). Ср. также татарскую брошюру „Новый мечъ“ 1898, написанную противъ звукового метода.

просвѣщенія туземцевъ. Взглянемъ теперь и на Кавказъ. Это—страна, про которую смѣло можно сказать, что тамъ мусульмане наиболѣе изъ всѣхъ россійскихъ мусульманъ имѣютъ европейское образованіе и значительно превосходятъ въ этомъ отношеніи не только крымскихъ, поволжскихъ и сибирскихъ татаръ, но даже и тюрковъ среднеазіатскихъ, для просвѣщенія которыхъ такъ много дѣлается Россіей. Этотъ успѣхъ объясняется не только ревностными стараніями просвѣтить туземцевъ, проявляемыми со стороны кавказскаго попечителя и администраціи [1]), но и этнографической особенностью кавказскихъ мусульманъ: смѣсью косной тюркской расы съ живой, прогрессивной и талантливой иранской расой. Чистая тюркская раса, сама по себѣ, не особенно прогрессивна и на Кавказѣ [2]), но всюду, гдѣ кавказскіе тюрки смѣшиваются съ иранцами, успѣхи просвѣщенія прямо-таки бросаются въ глаза. На Волгѣ въ Казани (которую Москва покорила въ 1552 г.) не всегда найдется на три казанскихъ гимназіи три гимназиста-татарина; на Кавказѣ же въ Баку можно считать гимназистовъ-мусульманъ цѣлыми десятками; а въ далекомъ Закавказьи, около границы Персіи, въ Шушѣ, половина учениковъ реальнаго училища—мусульмане [3]). Въ этомъ (1904) году, когда вслѣдствіе тяжелой войны съ Японіей русское министерство фи не дало денегъ на основаніе проектированнаго средне-техническаго училища въ Баку, богатый бакинскій мусульманинъ Тагіевъ принялъ всѣ расходы на себя (тысячъ 40—50), лишь бы это училище было непремѣнно открыто. Всѣхъ мусульманъ-студентовъ, которые находятся въ русскихъ университетахъ и въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, бываетъ не менѣе 50—60 ежегодно; однако, если мы исключимъ изъ этого числа небольшое количество студентовъ-киргизовъ-стипендіатовъ, то увидимъ, что остальные—чуть ли не всѣ изъ южной Россіи: нѣкоторые—изъ Крыма,

---

[1]) Какъ извѣстно, Кавказскій учебный округъ принято считать наилучшимъ во всей Россіи, наиболѣе прогрессивнымъ и наилучше поставленнымъ въ педагогическомъ отношеніи.

[2]) Срв. кое-какія мѣста статьи „Грамотность въ горахъ Дагестана", подписанной „Туземецъ" въ „Этногр. Обоз.", кн. 44 (=1900), стр. 106—120. Также статью А. Захарова—о народномъ обученіи у татаръ закавказскихъ, въ Сборникѣ мат. для опис. плем. и мѣст. Кавк., вып. IX.

[3]) Ср. И. Гаспринскій: „Проблески культурнаго движенія татаръ" стр. 6.—

а большинство—съ Кавказа. То же самое мы должны сказать и относительно медичекъ-курсистокъ. Впрочемъ, мусульманокъ съ высшимъ образованіемъ не найдется еще и десяти; зато мусульманокъ со среднимъ образованіемъ (институтскимъ или гимназическимъ) можно было уже лѣтъ десять тому назадъ насчитывать десятками;—и здѣсь кавказки шли впереди. Теперь въ Баку есть спеціальное мусульманское „Александринское женское русско-татарское училище", которое основано съ разрѣшенія кавказскаго попечительства на деньги Тагіева; учители и учительницы въ немъ—мусульмане, но дѣло ведется въ прогрессивно-просвѣтительномъ духѣ; русское школьное начальство наблюдаетъ за нимъ, бываетъ на экзаменахъ и остается удовлетвореннымъ, потому что преподаваніе стоитъ въ „Александринскомъ женскомъ русско-татарскомъ училищѣ" хорошо, а тотъ мусульманскій духъ, который проводится въ немъ, не сѣетъ вражды противъ европеизма и русскости [1]). Мнѣ извѣстно отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, что ему очень хотѣлось бы открыть въ своемъ районѣ, гдѣ-нибудь на Кавказѣ, мусульманскую высшую семинарію или духовную академію, чтобы русскіе муллы для полученія высшаго мусульманско-духовнаго образованія не должны были ѣздить въ Константинополь или каирскій Азхаръ [2]). Конечно, это такое дѣло, въ которомъ недостаточно только одной доброй воли попечителя,—нужно, чтобы инціатива исходила отъ самихъ мусульманъ, а то даже и отъ духовенства; но можно надѣяться, что съ кавказскими мусульманами удастся уладить и это дѣло, какъ оно ни щекотливо [3]). Какое сильное довѣріе имѣютъ кавказскіе мусульмане къ русской наукѣ, можно судить по тому факту, что одинъ ихъ мулла (правда, не тюркъ, а персъ; я не хочу называть его имени) [4]), привезши изъ Мекки святую цѣлебную воду изъ колодца Земземъ, послалъ ее въ петербургскую Академію Наукъ для химическаго анализа.

[1]) Ср. статью объ экзаменахъ нынѣшняго года въ „Терджиманѣ" 1904 (1322), № 43, стр. 77: „Бакунын Александриски кыз мектебинде имтихан".

[2]) Объ этой школѣ см. мою статью: „Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность". Москва, 1903, съ тремя иллюстраціями (оттискъ изъ II тома „Древностей Восточныхъ").

[3]) Ср. „Терджиманъ" 1904 (1322) № 90, стр. 182.

[4]) Онъ—авторъ многихъ популярно-научныхъ книгъ и хрестоматій.

Состоянію просвѣщенія россійскихъ мусульманъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ихъ литература, которую мы можемъ, по примѣру ея авторовъ, называть „новотатарской", хотя нѣкоторыя ея произведенія пишутся по-персидски; она не богата, потому что очень молода. Всего лѣтъ тридцать тому назадъ свѣтскіе мусульманскіе интеллигенты (точь-въ-точь какъ старое вымирающее теперь поколѣніе украинофиловъ) не умѣли писать на своемъ языкѣ, а только по-русски (да, впрочемъ,и до сихъ поръ не всѣ умѣютъ). Мусульманскими писателями въ Россіи прежнихъ временъ являлись или одни муллы, или начетчики-полудуховные, или, изъ свѣтскихъ людей, лица совсѣмъ малограмотныя [1]), и поэтому литература тѣхъ русскихъ мусульманъ (ее мы будемъ называть „старотатарской") была почти исключительно схоластической, заимствованной отъ средневѣковыхъ арабовъ и персовъ, или (во время паломничества въ Мекку) отъ тюрковъ-османовъ; она и писалась часто на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, а если писалась и по-татарски, то такимъ труднымъ и смѣшаннымъ языкомъ, что половина словъ была арабскими и персидскими. Не далѣе, какъ четверть столѣтія тому назадъ, всю свѣтскую печатную литературу мусульманскаго народонаселенія Россійской Имперіи составляли только *три* книги свѣтско-литературнаго содержанія: изъ нихъ двѣ были напечатаны въ Казани (одна—„Биликь"=Знаніе, которую составилъ русскій нѣмецъ-тюркологъ, теперь членъ Петербургской Академіи Наукъ, Радловъ, другая—календарь Кайюма Насырова), третья книжка была напечатана въ Тифлисѣ (это—комедіи Мирзы Фетхъ-Али-Ахундова, съ русскимъ переводомъ); сверхъ того, имѣлись напечатанными также нѣкоторыя повѣсти лубочно-сказочнаго содержанія: „Tâхеръ и Зехрâ" и т. п., которыя въ счетъ не могутъ идти. И вотъ, при такомъ положеніи дѣлъ зародилась такъ называемая „новотатарская" литература, началось новое литературное пробужденіе русскаго мусульманства, ряды котораго сразу пополнились нѣсколькими милліонами, вслѣдствіе покоренія Туркестана и завершенія покоренія и расширенія Кавказа (окончательно послѣ войны съ Турціей 1877—1878 г.). Прежде всего въ Баку

[1]) Эти русскіе мусульмане были тогда преимущественно татары поволжскіе, крымскіе, степные и сибирскіе. Отъ Туркестана была покоренной тогда только маленькая часть, а отъ Кавказа—мѣстности преимущественно христіанскія.

Хасанъ-бекъ-Меликовъ основалъ татарскую газету „Икинджи“ (Пахарь), которая должна была вспахать ново-просвѣтительнымъ плугомъ простонародную татарскую ниву, лежавшую вѣковѣчно цѣлиной. Эта газета издавалась не долго, но все таки успѣла хоть немного разшевелить русское мусульманство [1]). Вскорѣ выступилъ на сцену часто упоминаемый нами крымскій мусульманинъ Исмаилъ Гаспринскій, теперь очень заслуженный и всѣми уважаемый дѣятель, а тогда еще молодой учитель, человѣкъ просвѣщенно-передовой, талантливый, демократъ, симпатичный и искренній. Онъ еще въ 1881 году напечаталъ по-русски брошюру: „Русское мусульманство“, гдѣ сформулировалъ тѣ задачи, какія стоятъ передъ прогрессивнымъ русскимъ мусульманиномъ, и между прочимъ призывалъ всѣхъ образованныхъ татаръ, чтобы они, обратившись къ языку простого народа, составляли или хоть бы переводили всякія книжицы научно-практическаго (напр. техническаго), научно-просвѣтительнаго и литературнаго содержанія; далѣе же, съ 1883-го года, Гаспринскій началъ издавать прогрессивную газету „Терджиманъ“ (съ параллельнымъ другимъ заглавіемъ: „Переводчикъ“) на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ, обще-политическаго, публицистическаго, научнаго и беллетристическаго содержанія; теперь эта газета пользуется чрезвычайнымъ вліяніемъ и вездѣ распространена, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи,—гдѣ только есть мусульмане,—равно какъ и въ сѣверной Персіи и даже въ Китайскомъ Туркестанѣ [2]). Гаспринскому выпала честь оказаться предтечей и выразителемъ того рѣшительнаго прогрессивно-образовательнаго настроенія, которое тогда, во время обрусительно-реакціоннаго теченія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, начало то здѣсь, то тамъ пробуждаться отпорнымъ образомъ между русскими мусульманами; и если 25 лѣтъ тому назадъ у русскихъ мусульманъ было только три новотатарскихъ печатныхъ свѣтскихъ книжекъ, то теперь ихъ

[1]) И. Гаспринскій: „Мебаді-и темеддюн-и исляміян-и Рус“=„Проблески культурнаго движенія татаръ“, стр. 1.

[2]) За исключеніемъ корресподенціи всю ее обыкновенно пишетъ самъ Гаспринскій, да и корреспонденціи самъ же онъ и переводитъ на русскій языкъ, которымъ владѣетъ лучше, чѣмъ иной природный русскій. Только съ прошлаго года, когда газета обратилась изъ еженедѣльной въ полунедѣльную, явилось еще нѣсколько постоянныхъ главныхъ сотрудниковъ.

больше 300, т. е. во сто разъ больше, чѣмъ было раньше [1]). Самая большая группа этихъ новотатарскихъ книгъ [2]) имѣетъ характеръ популярно-научный (географія, начальная физика, астрономія, гигіена, практическіе полезные совѣты и т. д.), другая группа—руководства дѣльнаго содержанія и съ дѣльными дидактическими методами; третья группа (наименьшая)—беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, театральныя пьесы,—преимущественно комедіи, гдѣ осмѣиваются всякіе устарѣлые взгляды, нравы и привычки мусульманъ [3]). Въ виду того, что русскіе мусульмане съ дипломированнымъ образованіемъ обыкновенно не умѣли писать на языкѣ своего народа, авторами этихъ книгъ, за малымъ исключеніемъ, бывали до сихъ поръ люди безъ дипломированнаго русскаго образованія; это—энергичные самоучки, которые, не учившись ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, своими личными стараніями или только съ помощью низшихъ школъ выучили русскій языкъ, усердно принялись за чтеніе русскихъ книгъ и пишутъ по ихъ образцу вышеупомянутыя свои книжки. Большинство этихъ новотатарскихъ писателей—люди не духовные, а свѣтскіе, однако не изъ высшаго круга (купцы, учителя низшихъ школъ и т. п.), и лишь меньшинство—передовые муллы; только въ новѣйшемъ, самомъ молодомъ поколѣніи мы встрѣчаемъ татарскихъ писателей ужъ и съ высшимъ образованіемъ. Само собой разумѣется, что, кто захочетъ критиковать или осмѣивать всѣ эти новотатарскія или иныя россійскія новомусульманскія произведенія, переводы и компиляціи,

---

[1]) Перечень ихъ можно найти въ брошюрѣ: „Проблески культурнаго движенія татаръ" ст. 8—12 русскаго текста, ст. 9—15 татарскаго текста. Мусульманскихъ типографій до 1880 г. было двѣ: въ Казани и Тифлисѣ; а теперь онѣ есть и въ Петербургѣ, и въ Оренбургѣ, и въ Баку, и въ Бахчесараѣ, не считая тѣхъ русскихъ типографій, гдѣ тоже печатаются книги татарскимъ шрифтомъ.

[2]) написанныхъ то на томъ, то на другомъ изъ тюркскихъ нарѣчій, или по-персидски.

[3]) Если бы кто пожелалъ ближе ознакомиться съ той частью этой литературы, которая печаталась въ Казани, то для ознакомленія съ нею можно посовѣтовать редактированный мною „Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ-мохаммеданъ" Н. Ашмарина, Москва 1901 (=„Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ", вып. IV). А для Кавказа и Закавказья можно указать интересную брошюру Фридунъ-бека Кочарлинскаго: „Литература адербейжанскихъ татаръ", Тифлисъ, 1903 г.

тотъ можетъ найти себѣ широкое поле для острословія [1]). Но кто пожелаетъ всмотрѣться въ эту литературу безъ зубоскальства, тотъ долженъ будетъ согласиться съ Гаспринскимъ, который говоритъ: „По всѣмъ этимъ книгамъ проходитъ единая тенденція,—тѣмъ или другимъ способомъ призвать людей къ знанію, обновленію, просвѣщенію. Не сердиться и не претендовать нужно на этихъ писателей,—каждый строитъ такъ, какъ умѣетъ,—а нужно ихъ искренно цѣнить... нужно цѣнить уже хотя бы ни по тому одному, что они пишутъ не для образованнаго общества, ...котораго (т. е. сознательно-національнаго) среди нашихъ мусульманъ еще покамѣстъ нѣтъ... а для простого народа [2])." Къ словамъ Гаспринскаго надо добавить, что еще больше мы будемъ цѣнить передовыя просвѣтительныя стремленія этихъ писателей-самоучекъ, не имѣющихъ дипломнаго образовательнаго ценза, если вспомнимъ, что половина ихъ—люди расы малоодаренной, неталантливой, тюркской, которая науку и образованіе воспринимаетъ не легко, только съ большимъ напряженіемъ энергіи и трудолюбія. Глубоко уважать эту энергію и ея литературные результаты мы должны также потому, что россійскія обстоятельства, среди которыхъ приходится работать этимъ ново-татарскимъ писателямъ, очень для нихъ неблагопріятны, и не откуда имъ ждать помощи, развѣ что отъ своего простого народа, когда онъ со временемъ просвѣтится. Вѣдь на помощь отъ русскаго начальства, очевидно, надѣяться нельзя: оно можетъ для татаръ основывать школы, въ виду ихъ обрусительнаго значенія, но не можетъ поддерживать нерусскую литературу. Если въ глазахъ русскихъ властей, по словамъ Щедрина, даже своя русская лите-

---

[1]) Въ беллетристикѣ, напримѣръ, татарскіе писатели вмѣсто того, чтобы брать себѣ за образецъ міровые русскіе литературные таланты, охотно подражаютъ русскимъ переводамъ бульварныхъ французскихъ романовъ (очевидно, благодаря ихъ интересной фабулѣ). Подчасъ они (напримѣръ, казанецъ Бигѣевъ) пишутъ романы изъ жизни самыхъ интеллигентныхъ, даже столичныхъ круговъ и, не зная обычаевъ и психологіи университетскихъ людей, пишутъ о нихъ такое, что и читать немного смѣшно. Въ научной терминологіи у нихъ подчасъ встрѣчаются такіе комичные термины, какъ „икс-люч" (Рентгеновскіе лучи),—слово, живьемъ выхваченное изъ русскаго (иксъ-лучи);—это въ персид. научной хрестоматіи Талибова.

[2]) „Проблески культурнаго движенія татаръ", стр. 2.

ратура „является одною изъ тѣхъ прискорбныхъ и жалкихъ потребностей, которыя, подобно домамъ терпимости, допускаются въ обществѣ только, какъ необходимое зло“ [1]), то что́ же говорить о литературѣ нерусской? ей русскія власти ставятъ однѣ только преграды. Единственную надежду, какъ сказано, могутъ возлагать татарскіе писатели на простой народъ, если имъ удастся просвѣтить его; однако, покамѣстъ, этотъ народъ остается еще очень непросвѣщеннымъ, а тѣ единицы, кому посчастливилось добиться лучшаго соціальнаго положенія и получить русское среднее или высшее образованіе, чаще всего чувствуютъ себя настолько обрусѣлыми, что имъ до татарской литературы мало и дѣла; отъ духовенства же, имѣющаго кое-какое восточное образованіе, рѣдко можно ждать помощи, больше же приходится видѣть только вражду противъ новшествъ. И если, несмотря на всѣ такія неблагопріятныя обстоятельства, все же мы видимъ очевидный ростъ и прогрессивное развитіе ново-татарской литературы, то мы должны только уважать ее, какъ она еще ни бѣдна. Кромѣ того, тотъ фактъ, что молодое поколѣніе русской мусульманской интеллигенціи, воспитавшееся ужъ и въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, начинаетъ примыкать къ ново-татарской литературѣ, основанной ихъ малообразованными отцами-самоучками,—этотъ фактъ обезпечиваетъ ново-татарской литературѣ соотвѣтствующую свѣтлую будущность и служитъ порукой хорошаго дальнѣйшаго развитія, хотя, конечно, безъ блестящихъ талантовъ. И если даже теперь литература русскаго мусульманства имѣетъ вліяніе также на тюркское населеніе внѣ предѣловъ России (въ сѣверной Персіи, въ китайскомъ Туркестанѣ), которое, благодаря торговымъ, экономическимъ сношеніямъ, составляетъ вмѣстѣ съ русскими подданными (ихъ 17 милліоновъ) одну громадную цифру въ 24—26 мил., то можно навѣрное сказать, что далѣе литература русскихъ мусульманъ, все болѣе и болѣе развиваясь, все болѣе и болѣе будетъ пріобрѣтать вліяніе между нероссійскими тюрками и, распространяя среди нихъ идеи прогресса, заимствованныя отъ русскихъ, не только послужитъ благу человѣчества, но даже

---

1) Щедринъ: „Признаки времени“, ст. 505 (въ полномъ изданіи сочиненій, т. VII-ой).

самой Россіи принесетъ честь. Или кто знаетъ? Не явится ли когда нибудь литература россійскихъ мусульманъ источникомъ прогрессивныхъ идей и для закоснѣвшей самостоятельной Турціи? Вѣдь казанскій ли татарскій, азербейджанско ли татарскій или бухарскій языкъ турки-османы поймутъ!.. [1]).

А. Крымскій.

---

[1]) Теперь, пока что, дѣло стоитъ наоборотъ: изъ частныхъ отношеній я могъ констатировать у нѣкоторыхъ россійскихъ мусульманскихъ единицъ извѣстное знакомство съ литературой османской. Въ такомъ случаѣ можно бы даже возбуждать вопросъ: не имѣетъ ли иногда османская литература вліянія на русскихъ мусульманъ? Однако, вообще говоря, никакого болѣе или менѣе общаго вліянія, проистекающаго отъ новой османской литературы на русское мусульманство, нельзя отмѣтить. Если на комъ и можно прослѣдить такое вліяніе, то это на муллахъ, да и то вліяніе не новой, а старой, еще схоластической османской литературы.

Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи.

Кто открылъ общину у нашихъ инородцевъ? Неточности первоначальныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ. Отсутствіе новѣйшихъ свѣдѣній о вотской общинѣ. — Районъ наблюденій автора. Исторія вотяковъ въ предѣлахъ Мамадышскаго уѣзда. Способы собиранія свѣдѣній. Разновидности общинныхъ порядковъ. Свобода передвиженій вотскаго населенія встарину. Законъ 1864 года. Подсѣчное хозяйство и захватный способъ землепользованія. Колонизація вотскихъ земель русскими. Министерскій циркуляръ 1871 г. и насильственное причисленіе русскихъ колонистовъ. Характеристика чисто-вотской общины. Начало передѣловъ земли послѣ ревизіи 1858 г. Оскудѣніе угодій.— Вотская община—*бускѐль, міp* и деревенское сосѣдство—*исъкавын*. Первоначальный составъ *бускеля*—кровные родственники. Трехпольная система хозяйства. Конъ или участокъ (*утым, рад, дасд*) и полоса (*аніа́*). Вотская терминологія для обозначенія почвъ по качеству и минералогическому составу. Роль жребія (*жеребà, шабагà*) при передѣлѣ земель. Описаніе того и другого способа жеребьевки. Интересъ, представляемый изученіемъ названій полевыхъ угодій. Инструменты, съ помощью которыхъ совершается измѣреніе полосъ: веревка и сажень. Вотская межа между полосами. Хранитель поля (*бусы́ утѝсъ*), богъ и богиня пахатной земли (*Кылчи́н* или *Му кылчи́н*), хранитель межи (*межà утѝсь*). Легенда о богинѣ *Му кылчи́н*.—*Подэ́м пус*=мѣтка для полосы. Дѣленіе полосы на гоны (*ветлѝс*).—Вотское землемѣріе. Способы вычисленія площадей: 1) прямоугольнаго треугольника, 2) ромбоидальнаго параллелограмма, 3) косоугольнаго четыреугольника, 4) неправильнаго четыреугольника съ однимъ прямымъ угломъ, 5) разносторонняго пятиугольника, 6) круга, 7) полуокружности и 8) эллипса. Откуда ведутъ свое происхожденіе вотскіе пріемы вычисленія площадей? Ошибки при измѣреніи площадей. Ссоры по поводу обмѣра. Сходка (*кене́ш*). Крикуны на сходкѣ (*пасъкы́т чырты́*). Повѣрка величины надѣловъ и штрафы. Коренной передѣлъ земель.—Особенности вотскаго общиннаго быта. Земледѣльческіе праздники. Вотскія суевѣрія, связанныя съ земледѣліемъ. Помочь.—Луга заливные (*возъ*) и лѣсные (*сайкѐм*). Способы уборки арендованныхъ сѣнокосовъ. Выгоны.—Яровой и озимой сѣвъ. Вывозка удобренія. Вотская соха (*гері́*).—Лѣсъ (*нюлэ́с*) и лѣсное хозяйство. Штрафы за самовольную порубку. Мірская заготовка лѣса и дровъ. Подворные лѣсные участки. Выращиваніе лѣса

на поляхъ. Бортевыя деревья. Родовыя рощи (*луд*). *Бадзым луд*—главная молитвенная роща мамадышскихъ вотяковъ. —Мірскія повинности. Сборъ на надобности языческаго культа, на поддержаніе родового шалаша (*бадзым квалд*). Смѣта на языческое жертвоприношеніе. Сборщики на жертвенныя надобности.—Общинное пользованіе водой. Измѣреніе воднаго запаса. Водяная очередь. Сроки пользованія водой.—Общинная мельница. Устройство мельницы. Мельничные паи. Очереди помола. Контрольныя бирки. Роль мельника. Распредѣленіе мельничныхъ доходовъ. Заключеніе.

Чѣмъ дальше углубимся мы въ изученіе нашихъ инородцевъ, тѣмъ скорѣе придемъ къ заключенію, что мы удивительно мало знаемъ ихъ бытъ и что много еще нужно положить труда, чтобы сказать себѣ: теперь для насъ все ясно. И въ области вѣрованій инородцевъ, и въ условіяхъ экономическаго ихъ быта для насъ много темнаго, загадочнаго. Возьмемъ хотя бы инородческую общину, въ частности—общину вотскую.

По странной ироніи судьбы, на инородческую общину въ Россіи впервые обратилъ вниманіе нѣмецъ—баронъ *Гактсгаузенъ* [1]), отмѣтившій съ большими неточностями общинные порядки у горныхъ черемисъ и чувашъ. И тутъ, стало быть, не обошлось безъ вмѣшательства варяговъ... Долго пробавлялись мы его свѣдѣніями. Первоначально огласилъ ихъ *Бабстъ* въ „Рѣчной области Волги", потомъ они перешли въ „Волгу" *Рагозина*, въ учебникъ географіи Россіи *Лебедева* [2]), наконецъ въ книгу *Мунтъ-Вамуевой*, „По великой русской рѣкѣ". Мнѣ помнится даже, что свѣдѣнія географіи Лебедева опровергались кѣмъ-то въ печати изъ учителей-инородцевъ. Дѣло въ томъ, что *Гакстгаузенъ*, введенный въ заблужденіе земскимъ исправникомъ *Фененко*, невѣрно истолковалъ одно явленіе въ горно-черемисской общинѣ, и у него получилось, будто черемисы всѣ продукты земледѣлія свозятъ въ домъ богатаго черемисина, такъ называемаго *коштана*, складываютъ ихъ въ его амбары, а онъ изъ этихъ запасовъ платитъ подати, выдаетъ на посѣвъ, на пропитаніе отдѣльныхъ семей и т. д. Нѣчто подобное, правда, существуетъ у инородцевъ, но совсѣмъ въ иной формѣ, о которой я скажу далѣе. Между тѣмъ образъ „коштана"—мірского воротилы—данный *Гакстгау-*

---

[1]) Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи. Переводъ Рагозина. Томъ I. Москва. 1870. Стр. 300. По-русски вышелъ одинъ только этотъ томъ.

[2]) Географія Россійской имперіи. Изданія 1876 и 1877. Стр. 144.

зеномъ, до сихъ поръ носится въ воздухѣ, и многіе, особенно иностранцы, какъ *Roskoschny* въ своей книгѣ (Volga und ihre Zuflüsse. Leipzig. 1887), принимаютъ его до сихъ поръ на вѣру, а учебникъ *Лебедева* прививаетъ ложный взглядъ на дѣло учащемуся юношеству.

Перехожу собственно къ вотской общинѣ.

Въ обширной русской литературѣ объ инородцахъ вообще и вотякахъ въ частности мы напрасно стали бы искать свѣдѣній объ общинѣ. Эта область еще не затронута, хотя, по совѣсти, пора бы: старый укладъ вотской жизни круто измѣняется; въ инородческія селенія проникаетъ волна русскихъ переселенцевъ, и мы скоро не узнаемъ этихъ старыхъ порядковъ...

Мои наблюденія надъ вотскою общиной довольно стары: они относятся къ 1883 г., когда я, вмѣстѣ съ другими, подъ руководствомъ Н. Θ. Анненскаго, производилъ (по порученію Казанскаго губернскаго земства) подворную перепись голодающаго вотскаго населенія въ двухъ волостяхъ Мамадышскаго уѣзда—Староюмьинской и Петропавловской. Перепись заняла у меня два мѣсяца, но въ немногіе свободные промежутки мнѣ удалось записать и наблюсти много такого, что, собственно говоря, не входило въ программу изслѣдованія, какъ напр., и то, что предлагается вниманію читателя.

Прежде всего—немножко исторіи. Вотскія поселенія Мамадышскаго уѣзда, какъ и сосѣдняго съ нимъ Казанскаго, составляютъ только остатки того сплошного вотскаго населенія, которое занимало добрую половину Казанскаго и почти весь Мамадышскій уѣздъ. Въ пору покоренія Казани (1552 г.), вотяки густо сидѣли въ этихъ мѣстахъ, а въ теперешнемъ заштатномъ городѣ *Арскѣ* [1]) они имѣли даже крѣпость. Уже въ эпоху татарскаго владычества вотяки терпѣли отъ насильственной колонизаціи татаръ и до сихъ поръ питаютъ къ нимъ враждебныя чувства. Какъ сѣвернѣе, въ предѣлахъ Вятской губ., подъ давленіемъ черемисъ, державшихъ руку татаръ, такъ и здѣсь—подъ

[1]) Отъ *ари*—„шершень“; такъ зовутъ татары вотяковъ, нѣкогда оказавшихъ упорное сопротивленіе ихъ поступательному движенію. Сами вотяки до сихъ поръ называютъ татаръ *биґѐр*, т. е. „булгаринъ“; отъ этого почетнаго титула не прочь и сами татары, величающіе себя *булгарлык*, т. е. производятъ себя отъ волжскихъ булгаръ.

чисто татарскимъ давленіемъ, вотяки подались на востокъ—въ Малмыжскій и Елабужскій уѣзды Вятской губ. На старыхъ мѣстахъ осталось всего 8—10 родовъ, изъ которыхъ роды *Юмья* и *Нырья*, какъ хранители мѣстной вотской святыни—священнаго „*бадзым-луда*, расположеннаго на древнемъ, обширномъ и обнесенномъ рвами городищѣ, притомъ какъ роды многолюдные, образовавшіе по нѣскольку деревень, ни за что не хотѣли выселиться изъ родныхъ предѣловъ. Объ нихъ то и будетъ моя рѣчь.

На первыхъ порахъ свѣдѣнія объ общинѣ добывались мною туго, но когда я удачно распуталъ нѣсколько семейныхъ неурядицъ и устроилъ до 15 семейныхъ раздѣловъ, ко мнѣ образовалось полнѣйшее довѣріе; оно простерлось потомъ до того, что ко мнѣ нѣсколько разъ пріѣзжали отсюда вотяки въ Казань потолковать о своихъ нуждахъ. Помогало отчасти и мое небольшое знаніе языка, которое вообще служитъ могучимъ подспорьемъ для этнографа.

Въ общинномъ землевладѣніи у вотяковъ, какъ у русскихъ, черемисъ и татаръ, существуютъ не вездѣ одинаковые порядки. Объясняется это или укоренившимися издревле обычаями, или географическимъ положеніемъ общины, или, наконецъ, разноплеменностью ея состава. Иногда такъ и кажется, что какое-нибудь рѣзкое различіе вызывалось стремленіемъ къ лучшему порядку, стремленіемъ, создавшимся иногда самостоятельно, иногда подъ вліяніемъ русскихъ новоселовъ. Староюмьинская община—не чисто вотская; въ составъ ея входили уже въ ту пору три дома русскихъ; подобное явленіе (присутствіе ничтожнаго $^0/_0$ русскихъ) наблюдается почти во всякой вотской общинѣ, какъ въ описываемой мѣстности, такъ и всюду. Этотъ фактъ даетъ мнѣ право познакомить читателя съ исторіей водворенія русскихъ среди вотяковъ.

Въ далекія времена, когда еще не установилась у вотяковъ вполнѣ осѣдлая жизнь, подсѣчное хозяйство, т.-е. разработка пашни изъ-подъ лѣса, было преобладающей системой хозяйства. Истощивши „новочисть“ годовъ въ 10—15, вотякъ переселялся куда-нибудь по сосѣдству, а оттуда черезъ такой же срокъ еще на новое мѣсто. По словамъ стариковъ, въ ту пору выселялись на починокъ большими, нераздѣльными семьями, состоявшими человѣкъ изъ 20 работниковъ; такой семьѣ переселяться было легко

Лѣтъ черезъ 50 вотская семья возвращалась на старое пепелище, гдѣ успѣвалъ вырости матерый лѣсъ, который теперь снова расчищался. Вотъ почему еще и теперь встрѣчаются среди полей или въ лѣсу остатки „старыхъ вотскихъ поселеній“ *(вуж гурт)*, въ видѣ кирпичей, овинныхъ ямъ и т. д. Часто со своихъ надѣльныхъ земель вотяки переселялись временно въ казенные лѣса, гдѣ расчищали для себя большія площади подъ пашни и сѣнокосы. Законъ 1864 года положилъ конецъ устройству заимокъ и самовольныхъ поселеній на казенныхъ земляхъ. Этимъ закономъ всѣ вотскія поселенія прикрѣплены были къ извѣстной мѣстности, а до того сплошь и рядомъ бывало, что весной было тутъ или тамъ селеніе, а осенью оно исчезало, будучи перенесено на новое мѣсто. Но былъ еще одинъ способъ, съ помощью котораго вотякъ удовлетворялъ свою страсть къ непосѣдливости.

Когда земли у вотскихъ общинъ было много и существовалъ еще чисто или только наполовину *захватный* способъ пользованія, тогда члены одной вотской общины переселялись на починки и изъ деревни въ деревню самовольно, безъ всякаго разрѣшенія, по одному приглашенію многоземельныхъ селеній; послѣдніе для того и приглашали съ себѣ сосѣдей, чтобы легче было вносить платежи за свои надѣлы, когда всякое обложеніе версталось не по наличнымъ, а по ревизскимъ душамъ. Въ свою очередь селеніе, потерявшее своихъ выселившихся членовъ, должно было кого-нибудь пріискать на убылое мѣсто; если вотяковъ не находилось, скрѣпя сердце брали и русскихъ, лишь бы избѣжать раскладки за убылыя души. Но и кромѣ такихъ случаевъ русскіе попадали часто въ вотскія деревни то какъ ремесленники, то какъ временные арендаторы мельницъ или вымороченныхъ надѣловъ; въ послѣднемъ случаѣ они заводили осѣдлость, уплачивали подати и отправляли всѣ натуральныя повинности, наравнѣ съ вотяками, а въ первомъ случаѣ пользовались землей и сѣнокосомъ за угощеніе, поставленное міру. Такихъ колонизаторовъ-русскихъ было достаточно по всей территоріи вотскихъ поселеній.

Съ теченіемъ времени вотяки пожелали избавиться отъ нѣкоторыхъ подобныхъ арендаторовъ, къ нимъ формально не причисленныхъ, но начавшихъ проявлять чисто разуваевскіе аппетиты. Посыпались многочисленныя жалобы по начальству со стороны

русскихъ. Послѣдствіемъ такихъ жалобъ явилось циркулярное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ, данное всѣмъ губернаторамъ инородческихъ губерній отъ 26 іюня 1871 г. за № 6, на основаніи коего дозволялось всѣхъ самовольно проживающихъ болѣе десяти лѣтъ въ вотскихъ деревняхъ русскихъ колонистовъ причислить, за давностью проживанія, безъ пріемныхъ приговоровъ, а казеннымъ палатамъ разрѣшено сдѣлать перечисленіе этихъ русскихъ изъ старыхъ селеній на основаніи однихъ свѣдѣній волостныхъ правленій. Такимъ образомъ закрѣплены были въ вотскихъ общинахъ всѣ переселившіеся къ вотякамъ до 24 ноября 1866 г. (когда вышелъ указъ о позем. устр. госуд. крестьянъ въ 36 губ.) русскіе колонисты. Благодаря этому циркуляру, въ колонисты вотской окраины попало много такихъ, которые жили только въ своихъ домахъ, а земледѣліемъ совсѣмъ не занимались; попало вообще достаточно самаго неподходящаго элемента.

Приселеніе добровольное къ вотякамъ совершалось также безъ особаго труда, лишь бы находились въ селеніи выморочныя души. Нужно сказать по совѣсти, что гдѣ русскихъ нѣтъ, тамъ больше сохранилось вотской патріархальности: такъ, напр., вотяки не допускаютъ бѣдняка до продажи его имущества за недоимки, а вносятъ за него родственники или (за отсутствіемъ таковыхъ) всѣмъ міромъ, даютъ имъ сѣмена для посѣва и лошадей для работы; помогаютъ и въ другихъ случаяхъ; путемъ благотворительности и очереднаго кормленія неимущихъ, вотяки уничтожаютъ у себя нищенство и т. д.

Въ доброе старое время (лѣтъ 70—50 назадъ), когда староюмьинская волость богата была лѣсами, землепользованіе, какъ я выше сказалъ, было *захватное*, т.-е. каждый вотякъ расчищалъ себѣ пашню изъ-подъ лѣсу, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Очень многія селенія только послѣ ревизіи 1858 г. начали примѣнять раздѣлъ полей, да и то отчасти, главнымъ образомъ—для земель истощенныхъ, выпаханныхъ. Лѣса истреблялись безпощадно по мѣрѣ размноженія населенія, съ помощью не столько топора, сколько огня. Даже и послѣ ревизіи, когда расчищенныя мѣста во многихъ деревняхъ пошли въ передѣлъ, новыя расчистки, сдѣланныя послѣ этого, не отбирались лѣтъ по 25—30. Многосемейные расчищали огромныя площади и сильно богатѣли. Но...

исчезли лѣса, поубавились угодья, и картина сильно измѣнилась: количество скота уменьшилось, древніе бобровые гоны и вообще звѣроловство отошли въ область преданія, пчеловодство или сократилось, или совсѣмъ уничтожилось, постройки (и вообще въ вотскихъ деревняхъ—неважныя) обветшали; но вездѣ еще и теперь видна печать былого довольства, для многихъ домохозяевъ уже невозвратнаго...

Свою общину, т.-е. совокупность домохозяевъ извѣстнаго селенія, вотяки наз. *бускѐль;* въ деревняхъ съ значительною примѣсью русскаго населенія усвоенъ уже русскій терминъ—*міp*. Въ послѣднемъ случаѣ сосѣди по двору называютъ другъ друга *иськавы́н*. Слово *бускѐль*, кромѣ понятія „община", значитъ еще „совокупность сосѣдей", но вотяки говорятъ, что прежде такъ назывались собственно не сосѣди, а сплошь живущая въ извѣстномъ околоткѣ кровная родня.

Въ старыхъ селеніяхъ всякій переулокъ и улица заселены членами одного только бускеля. Такой участокъ деревни наз. *шенѐл* = „конецъ" или „улица". Съ теченіемъ времени, когда нѣкоторыя семьи вымираютъ, среди такого шенела видны пустыри съ одиноко стоящими подгнившими столбами. Безъ воли бускеля нельзя занять выморочную усадьбу. Шенелъ всегда имѣетъ предикатъ, въ видѣ имени родоначальника даннаго бускеля, напр.: *Ядыгàр шенѐл*—„Ядыгаровъ конецъ". Сами домохозяева, значущіеся по оффиц. документамъ безъ фамилій, на самомъ дѣлѣ всегда имѣютъ семейное прозвище-фамилію, напр.: Кутѝ, Зайн, Герѐй, Бирзà, Конды̀, Папѝ, Торò, Камзѐй, Сёмѝ, Юртàй, Кудàй, Кельдàн, Минà-пи, Ожмѐг, Келѐй, Бисàр, Чубы̀к... Глубокой стариной вѣетъ отъ этихъ прозвищъ, которыхъ сами вотяки теперь не понимаютъ.

Обыкновенно, всѣмъ, составляющимъ одинъ *бускель*, отводится въ полѣ одинъ участокъ или конъ, разбиваемый по дворамъ. Связанные близкимъ или отдаленнымъ родствомъ, члены бускеля жили дружно, другъ другу помогали, въ случаѣ нужды ссужали всѣмъ необходимымъ нуждающагося сочлена. Я еще имѣлъ возможность наблюдать такіе бускели, производившіе отрадное впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ нищенства, трогательной заботой о безродныхъ старикахъ и старухахъ, которымъ по очереди давали для избы топливо, по очереди кормили... Ослабѣвшимъ

семьямъ вдовъ сообща весь бускель вспахивалъ и засѣвалъ полосы, сообща убиралъ имъ хлѣбъ и сѣно.

Вотяки придерживаются преимущественно трехпольной системы. Смотря по тому, какимъ хлѣбомъ поле засѣяно, оно называется: сезы̀—бусы̀ (яровое), шер—бусы̀ (озимое), сёд—бусы̀ (паровое). Каждое поле—*бусы̀*—разбито по числу бускелей, на копы, дѣлянки или участки—*утьым*, *рад* или *дасѐ*. Чѣмъ разнообразнѣе качество земли въ полѣ, тѣмъ больше этихъ *дасѐ*; число послѣднихъ увеличивается для того, чтобы справедливѣе разбить землю, сообразно качеству. Чѣмъ обширнѣе конъ, тѣмъ больше полоса (*ангà*) въ длину или ширину, смотря по формѣ кона. Многолѣтній опытъ учитъ вотяковъ, гдѣ земля родитъ лучше, гдѣ хуже, поэтому они стараются образовать конъ по возможности изъ однородной земли. Но бываетъ, что при всемъ стараніи нельзя этого сдѣлать,—до того участокъ невеликъ по размѣрамъ и разнообразенъ по качеству почвы (напр.: каменистая чередуется съ глинистой и болотистой).

Кстати, о характеристикѣ качества почвы у вотяковъ. Какъ народъ, издревле занимающійся земледѣліемъ, вотяки имѣютъ богатую терминологію для обозначенія общихъ и спеціальныхъ свойствъ пахатной земли.

Термины общіе. Старое выпаханное поле, съ совершенно безплодной землей, наз. *кыршàм.* Ровный, какъ скатерть, гладкій участокъ пашни наз. *чочàт.* Низкое, потное мѣсто, гдѣ даже въ засуху бываетъ урожай, наз. *пукы̀л.* Вновь расчищенная тучная земля наз. *сайкòс,* а запущенная подъ сѣнокосъ лѣсная росчисть—*сайкѐм.*

Термины частные. 1) *Черноземъ,* или темная земля, съ нѣкоторою примѣсью перегноя (гумусъ), наз. *гыбѐт.* Болотистая черная земля—*нюр чуй.* Темная земля изъ-подъ обсохшаго болота—*лобàсь чуй.*

2) *Песокъ* вообще называется *лудò.* Желтый песокъ—*чуж лудò.* Сѣрый песокъ—*сед лудò.* Бѣлый песокъ—*тедѝ лудò.* Крупнозернистый (бѣлый или желтый) песокъ на влажныхъ мѣстахъ—*кот лудò.*

3) *Супесь* называется *лудò пож* или *луэ̀н сурдò.*

4) *Глина* вообще—*гылтэ̀м.* Глинистое обнаженіе, произведенное на поляхъ весеннею водой—*ву гылтэ̀м.* Темная (почти черная), вязкая глина—*сед чуй.* Мокрая глина, залегающая на

каменистой подпочвѣ—*ву чуй, урыж.* Материкъ (красноглинистая почва) наз.—*горт чуй.*

5) *Суглинокъ.* Сѣрый—*пурысь чуй;* таковой же изъ-подъ еловаго лѣса, нѣсколько свѣтлѣе—*теди чуй.* Свѣтлый бѣлесоватый суглинокъ, какъ бы съ крапинами—*села мыл* (= „грудь рябчика", т.-е. пестрая земля).

6) *Подзолъ* (слегка влажный подпочвенный песокъ—*ву луо* (= „водяной песокъ") или *пени* („зола").

Столь богатая почвенная терминологія сама по себѣ говоритъ уже за то, что вотяки—усердные хлѣбопашцы, хорошо умѣющіе разобраться въ качествахъ почвы. Такой подробной терминологіи нѣтъ ни у черемисъ, ни у татаръ.

Всякое затрудненіе при раздѣлѣ кона по душамъ вотяки рѣшаютъ жребіемъ. Жребій бываетъ двухъ сортовъ: a) исконный славянскій „жребій", вот. *жереба* или b) палка—*шабага,* и сообразно съ этимъ у вотяковъ имѣется два способа жеребьевки. По первому способу каждый домохозяинъ на обрѣзкѣ или кускѣ липовой палки (биркѣ) вырѣзаетъ свою тамгу, а грамотные даже пишутъ имя и фамилію карандашемъ; затѣмъ всѣ жеребьи кладутся въ шляпу и тщательно перемѣшиваются. Держащій въ рукахъ шляпу потряхиваетъ ее, а въ это время кто-нибудь снизу ударяетъ слегка по шляпѣ или даетъ щелчокъ, чтобы выпала бирка: чья бирка выпадетъ первою, тому достается въ кону первая полоса. Такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока въ шляпѣ не останется одна единственная бирка: этой послѣдней биркѣ отдается и послѣдняя въ кону полоса. Никто уже не имѣетъ теперь права заявлять претензію, если до жеребьевки $^2/_3$ голосовъ согласны были на этотъ способъ раздѣла земли. Какъ курьёзъ, отмѣчу, что иногда, при очень усердномъ щелчкѣ, вылетаетъ сразу двѣ или три бирки; ихъ или кладутъ обратно въ шляпу, или прибѣгаютъ уже къ *шабагѣ* (палка аршина въ $1^1/_2$ длиною). Одинъ изъ состязающихся о полосѣ подбрасываетъ вверхъ тонкую палку, которую двое стараются поймать поперекъ. Кто поймаетъ ближе къ нижнему концу палки, тотъ и держитъ ее въ этомъ мѣстѣ, а остальные двое захватываютъ одинъ за другимъ палку выше, придвигая свою сжатую руку плотно къ нижней; такъ перехватываютъ до самаго верхняго конца. Кто взялъ палку за

самую верхушку, такъ что слѣдующему уже не за что уцѣпиться, тому и достается первая изъ спорныхъ полосъ, и т. д.

Число коновъ въ каждомъ полѣ далеко не одинаково, благодаря качеству земли. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ на трехполье насчитывается до 90 коновъ, зато есть и такія, гдѣ не болѣе 20 коновъ. Въ первомъ случаѣ обиліе коновъ объясняется желаніемъ общины справедливѣе распредѣлить земли, сообразно ихъ качеству; послѣдній случай указываетъ на то, что земля болѣе или менѣе однородна по степени урожайности. Обиліе коновъ объясняется отчасти желаніемъ вотяковъ сохранить въ прежнихъ границахъ старыя урочища. При обиліи коновъ часто случается, что два или три считаются за одинъ, и въ каждомъ изъ нихъ нарѣзаются полосы только нѣкоторой части домохозяевъ. Каждое поле, независимо отъ того, ржаное оно *(шер бусы)*, яровое *(сезы бусы)* или паровое *(сёд бусъ)*, имѣетъ свое постоянное названіе, разъ навсегда ему усвоенное, напр.: *Вуж гурт бусы*—„поле старой деревни" (т.-е. гдѣ прежде стояла деревня); *Вылын бусы*—„верхнее поле"; *Нюк бусы*—„овражистое поле". Каждое мельчайшее урочище носитъ особую кличку. Познакомившись съ топографическими названіями на территоріи данной вотской общины, вы узнаете отчасти ея исторію, потому что номенклатура урочищъ есть живая лѣтопись данной общины.

Беру на выдержку названія урочищъ одной только общины, именно коновъ и овраговъ.

1) *Шайтан ошмес*—„чертовъ ключъ", потому что вонючую его воду не могутъ пить ни люди, ни скотъ.

2) *Вылын луд*—„верхняя (по теченію рѣки) родовая роща".

3) *Мыне ватон*—„бросаніе куколъ", т.-е. мѣсто, гдѣ, по принятіи христіанства, вотяки побросали своихъ идоловъ.

4) *Часовня дынь*—„мѣсто часовни", кѣмъ-то въ старину тутъ поставленной и совершенно сгнившей.

5) *Ыж вöсян сик*—„лѣсъ, гдѣ приносятся въ жертву овцы", хотя лѣсу тутъ давно нѣтъ.

6) *Бусы вöсь*—„полевое мольбище", гдѣ при началѣ пашни совершается жертвоприношеніе.

7) *Эшмат луд*—„Эшматова родовая жертвенная роща". Родъ Эшмата давно вымеръ, отъ рощи нѣтъ и слѣдовъ.

8) *Бигѐр сик*—„татарскій лѣсъ", въ углу поля, обращенномъ къ сосѣдней татарской деревнѣ.

9) *Сыця̀н нюк*—„покрытый испражненіями оврагъ" (проходящій среди полей, почему всѣ стремятся здѣсь уединиться).

10) *Чига̀н балага̀н*—„цыганскій балаганъ". Случайно остановившіеся тутъ цыгане-кузнецы зазимовали, а потомъ пріѣзжали еще разъ или два и оставили по себѣ память.

11) *Гонды̀р тумѐм нюк*—„оврагъ съ медвѣжьей берлогой". Надо замѣтить, что здѣсь медвѣди перестали водиться уже болѣе полустолѣтія.

12) *Каба̀к выр*—„кабацкій уголъ", потому что участокъ этотъ (по малой его величинѣ, непригодный для раздѣла) всегда пропивался міромъ, какъ и вообще большинство небольшихъ отрѣзковъ.

Смотря по величинѣ кона, ширина полосъ *(анга̀)* колеблется отъ 1 арш. до 5 саж. и болѣе на душу. Дробленіе кона на полосы (или разбивка) совершается съ помощью веревки, на которой узлами или пришитыми цвѣтными лоскутьями отмѣчены аршины и сажени. Обыкновенно стараются употреблять 10-саженную веревку. Но еще чаще употребляется оригинальная вотская сажень, въ видѣ огромной печатной буквы А, длинныя стороны которой имѣютъ по 1 саж. длины, а разстояніе между ножками = 1 арш. Этотъ инструментъ вотскаго изобрѣтенія оригиналенъ до чрезвычайности, но и удивительно удобенъ: производя измѣренія, нѣтъ нужды наклоняться къ землѣ, что скоро утомляетъ; а кромѣ того эта сажень, сколоченная изъ тонкихъ рамокъ, очень легка для переноски. При нарѣзкѣ изъ надѣла вычитается обыкновенно узкая полоса земли, отводимая подъ межу, примѣрно до четверти аршина. Обходя поля, вы сразу узнаете вотское поле и вотяка, крѣпко чтущаго завѣты предковъ: у него межа всегда широкая, чтобы *Кылдысѝнъ* (или *Кылчи̇̀нъ*), доброе божество, иногда представляемое въ видѣ богини—*му Кылчѝн* = „богини земли", равно и *бусы̀ утысь* = „духъ хранитель полей", а особенно *межа̀ уты̀сь*—„блюститель межи" свободно могли прогуливаться по межѣ и наблюдать за посѣянными полями. Теперь на этотъ счетъ у вотяковъ замѣчается уже вольнодумство, и иные изъ нихъ не очень-то вѣрятъ въ Кылчина и Утыс'я. Но

большинство блюдетъ еще завѣты старины, и иногда приходится слышать по этому поводу любопытныя легенды.

Вотякъ Михей Сидоровъ (дер. *Ныръя)* разсказывалъ мнѣ въ 1883 г. про себя такой случай. Шелъ онъ по своей межѣ, заросшей травой и покрытой цвѣтами, шелъ и молча любовался густой рожью на своей полосѣ, которая только что наливалась. День стоялъ ясный, тихій: солнышко грѣло чуть замѣтно волнующуюся рожь, а въ воздухѣ, высоко надъ головою, пѣли жаворонки... Вдругъ Михей какъ будто на что-то наступилъ: смотритъ подъ ноги—нѣтъ ровно ничего... Только ступилъ онъ еще шага два, какъ вдругъ заплачетъ ребенокъ, да такъ жалобно! Посмотрѣлъ Михей впередъ и назадъ по межѣ и диву дался—нѣтъ никого!.. Что̂ бы это значило?—думаетъ онъ. Вдругъ предъ нимъ показалась благообразная молодая женщина въ бѣлой вотской одеждѣ. „Ты, говоритъ, когда ходишь по межѣ, пой или говори что-нибудь, чтобы мой ребенокъ успѣлъ отползти съ дороги, а то ты вонъ отдавилъ ручку моему сыну“. И исчезла...

Можно слышать на эту тему и другіе разсказы, которымъ вотяки придаютъ вѣру.

Чтобы легче узнать свою полосу, каждый втыкаетъ въ нее у дороги колышекъ съ своей тамгой—*подэм пус*. Если полоса очень длинна, лошадь, пожалуй, не вытянетъ борозды за одинъ духъ; поэтому, чтобы дать лошади вздохнуть, чтобы пахарь могъ очистить сошники да закурить трубку, дѣлятъ такія полосы на гоны—*ветлдс*, отъ 20 до 25 саж. (рѣдко въ 15 саж.) длиною. Гдѣ смыкаются гоны, можно сразу замѣтить, идя вдоль полосы: обыкновенно въ этомъ мѣстѣ замѣтна небольшая поперечная „припухлость“, происшедшая отъ того, что при остановкѣ пахарь вытряхаетъ сошники. Съ годами этотъ валъ все возвышается, поэтому обыкновенно мѣсто смыканія гонъ лѣтъ черезъ пять мѣняется, а валъ понемногу разносится сохой по полосѣ. Всякая полоса однимъ концомъ непремѣнно примыкаетъ къ дорогѣ, чтобы, пробираясь на свою полосу, вотяку не приходилось топтать чужой земли. Точно также одинъ конъ отъ другого отдѣляется полосой земли, достаточной для проѣзда съ сохой, бороной или телѣгой.

Въ практикѣ вотскихъ передѣловъ встрѣчаются крайне оригинальные пріемы вычисленія площадей. Когда дѣлится ровный

конъ, съ болѣе или менѣе прямоугольнымъ очертаніемъ, дѣло элементарно просто: каждая полоса на 1 душевой надѣлъ, при 1 саж. ширины и 50 саж. длины, должна имѣть 50 кв. саж. на душу, 100—на двѣ души, 150—на три души и т. д. Но если конъ имѣетъ неправильныя очертанія, изъ него предварительно вырѣзается правильная фигура, разбиваемая на полосы, а въ отрѣзкахъ для каждаго получающаго надѣлъ особо вычисляется площадь и разбивается на куски, которые имѣли бы квадратную поверхность нужной величины. Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ чисто вотскимъ землемѣрнымъ искусствомъ, которое навѣрно поразитъ читателя оригинальностью пріемовъ при вычисленіи геометрическихъ площадей. Даже у русскихъ не встрѣчалъ я стремленія къ такой точности, а математикъ навѣрное причислилъ бы такой способъ къ самымъ архаическимъ агримензорнымъ пріемамъ, которые когда-либо существовали. Я думаю, что для этого есть достаточныя основанія. Правда, вотскія измѣренія почти вездѣ даютъ болѣе или менѣе крупную ошибку, но это неважно для цѣлей практическихъ. Меня смущаетъ одинъ крупный (хотя случайный) недочетъ: я не записалъ названій этихъ геометрическихъ фигуръ, а между тѣмъ подобныя названія существуютъ у вотяковъ, какъ и у черемисъ.

Перейдемъ теперь къ описанію этихъ вотскихъ способовъ измѣренія площадей, составляющихъ сомнительной величины отрѣзки отъ коновъ, причемъ замѣтимъ, что при повѣркѣ вотскихъ вычисленій мы держались „Руководства къ геометріи" *Пржевальскаго.*

Случай I. *Площадь въ формѣ прямоугольнаго* △ *ABC.* Катеты AB и BC перемножаются другъ на друга и произведеніе дѣлится пополамъ. Положимъ AB = 10 саж., BC = 22 с. Перемноживъ, найдемъ 220 саж., которыя нужно раздѣлить на 2 = 110 кв. с. Это будетъ въ то же время *истинная геометр. величина.* (Рис. I).

Случай II. *Площадь въ формѣ параллелограмма (ромба) ABCD.* Основаніе AD = 21 саж., помножается на AB = 12 саж. (такимъ образомъ AB принимается за высоту косого четыреугольника) и произведеніе 252 выражаетъ квадр. площадь фигуры. Здѣсь вотскіе землемѣры допускаютъ *ошибку,* примѣняя способъ вычисленія площади прямоугольника (= произведенію основ. × высоту). *Въ данномъ случаѣ косая сторона AB не будетъ высотой,* кото-

рая на самомъ дѣлѣ aB = 10 с. (а не 12 с.). Перемноживъ AD×aB (21×10), получимъ 210 кв. с., т.-е. мѣрщики присчитываютъ 42 кв. с. лишней земли. (Рис. II).

Случай III. *Площадь въ формѣ неправильнаго косоугольнаго четыреугольника ABCD.* Сначала измѣряется AD = 20 с., потомъ DC = 8 с., сумма ихъ = 28 дѣлится на 2 = 14. Это частное умножается на AB = 10 саж. Такимъ образомъ площадь фигуры выразится цифрой 140 с. *И здѣсь мѣрщики допускаютъ ошибку:* было бы несравненно вѣрнѣе раздѣлить фигуру по линіи AC на два треугольника и взять $^1/_2$ произведенія высоты каждаго на его основаніе. Площадь △ ACD = AC (18 с.)×CD (8 с.) = $\frac{144}{2}$ = 72 кв. с. Площадь △ ABC = AB (10 с.)×BC (11 с.) = $\frac{110}{2}$ = 55 с. т.-е. 72 + 55 = 127 кв. с. Такимъ образомъ, вотскій мѣрщикъ обсчитался на 140—127=13 кв. саж. (Рис. III).

Случай IV. *Площадь въ формѣ неправильнаго четыреугольника ABCD, одна сторона котораго перпендикулярна основанію.* Сначала измѣряется AD (15 с.), потомъ BC (10 с.) и сумма ихъ дѣлится на 2 $(15+10=\frac{25}{2}=12^1/_2)$. Потомъ измѣряются BA (6 с.) и CD (8 с.) и сумма ихъ тоже дѣлится на 2 $(6+8=\frac{14}{2}=7)$. Теперь оба частныя перемножаются и получается, что площадь фигуры $12^1/_2\times 7=87^1/_2$ кв. саж. *Здѣсь будетъ самая ничтожная ошибка,* ибо если мы раздѣлимъ фигуру діагональю на 2 треугольника и вычислимъ особо площадь каждаго, то площадь всей фигуры будетъ $=\frac{(AD\times DC)}{2}+\frac{(AC\times aB)}{2}=\frac{15\times 8}{2}+\frac{18\times 3}{2}=\frac{120}{2}+\frac{54}{2}=\frac{174}{2}=$ $=87$ кв. с. (Рис. IV).

Случай V. *Площадь въ формѣ разносторонняго пятиугольника ABCDE.* Сначала проводится діагональ BD, положимъ = 8 с. и измѣряются всѣ стороны пятиугольника, причемъ AE = 5 саж., BC = 9 с., CD = 8 с., AB = 15 с. *Прежде всего* измѣряется нижній четыреугольникъ ABDE: сумма сторонъ AE+BD дѣлится на 2, т.-е. $5+18=\frac{23}{2}=11^1/_2$ кв. с. Частное $11^1/_2$ умнож. на AB, т.-е. $11^1/_2\times 15=172^1/_2$ кв. с: *Потомъ* BC умножается на DC

и произведеніе дѣлится на 2, т. е. $9\times 8=\frac{72}{2}=36$ кв. саж. Теперь складывается $36+172^1/_2=208^1/_2$ кв. саж. *И здѣсь будетъ ошибка* въ вычисленіи площади, такъ какъ нижняя фигура—трапеція; стало быть, площадь ея равна полусуммѣ параллельныхъ сторонъ, умноженной на высоту, т.-е. $\frac{(5+18)}{2}\times 10=\frac{23}{2}\times 10=115$ с. А вся □ равна $36+115=151$ кв. саж. (Рис. V).

Возьмемъ другіе случаи.

Если въ кону не хватаетъ земли для чьей-нибудь полосы, то вотяки для удовлетворенія нуждающагося отбираютъ у богатѣевъ *сайкосы* (чищобы), чаще всего имѣющія форму круглую или овальную. Иногда отбираютъ чищобу цѣликомъ, иногда половину. Въ томъ и другомъ случаѣ нужно опредѣлить площадь отбираемой земли, чтобы не обидѣть (не дать меньше) того, кому предназначается, чтобы была выдержана норма надѣла.

Случай VI. *Чищоба имѣетъ форму круга.* Для измѣренія площади круга вотяки проводятъ взаимно пересѣкающіеся діаметры (подъ прямымъ угломъ), измѣряютъ длину діаметра и умножаютъ его самого на себя, словомъ, вычисляютъ площадь круга, какъ площадь прямоугольника—съ явной ошибкой. Извѣстно, что геометрически площадь круга измѣряется иначе: она *равна половинѣ произведенія окружности на радіусъ.* Если допустимъ, что діаметръ данной чищобы 20 с., а радіусъ = 10 с., то, по вотскому измѣренію, площадь ея будетъ 20 с.$\times$20 с. = 400 кв. с. Между тѣмъ слѣдуетъ взять $7^1/_3$ разъ радіусъ чищобы (окружность), помножить на радіусъ и раздѣлить на 2, т.-е. $\frac{73^1/_3\times 10}{2}=733^1/_3$: : $2=366^2/_3$ кв. с. *Будетъ разница*: на $33^1/_3$ кв. с. больше дѣйствительной площади. (Рис. IV).

Случай VII. *Отъ чищобы круглой формы нужно отрѣзать половину и узнать площадь этой половины.* Проводится діаметръ АС, дуга дѣлится пополамъ въ точкѣ В и проводятся хорды АВ и ВС, изъ коихъ каждая дѣлится пополамъ. Положимъ, что АС = 15 с. ВС = 10 с. Вотяки множатъ 10×15 и дѣлятъ произведеніе пополамъ, т. е. $\frac{150 \text{ кв. с.}}{2}=75$ кв. саж. Если перпендикуляры = **4** с., а хорды = 10 с., то вотяки дѣйствуютъ съ сегмен-

томъ, какъ съ треугольникомъ: $4 \times 10 = 40$ кв. с., но не дѣлятъ почему-то на 2, т. е. $40 \times 2 = 80$ кв. саж. Отсюда $80 + 75 =$ всего 155 кв. с., т. е. *съ ошибкой* противъ площади круга $\left(\frac{225}{2} = 112^1/_2,\right)$ на $43^1/_2$ кв. с. (Рис. VII).

Случай VIII. *Чищоба овальной формы.* Для опредѣленія такой площади вотяки проводятъ продольный діаметръ BD и поперечный AC, оба измѣряютъ и $^1/_2$ продольнаго діаметра умножаютъ на поперечный. Если $BD = 20$ с., $AC = 5$ с., то площадь будетъ, по мнѣнію вотскихъ мѣрщиковъ, $\frac{20}{2} \times 5 = \frac{100}{2} = 50$ кв. с. *И здѣсь будетъ крупная ошибка*, повѣримъ ли мы помощью построенія 4 △, или построеніемъ □ и вычислимъ ихъ площади. (Рис. VIII.)

Вотяки безсильны сами сдѣлать повѣрку своихъ измѣреній: имъ самимъ кажется иногда, что измѣреніе невѣрно, но доказать этого они не могутъ. Часто тотъ, кому такая площадь отводится, чувствуетъ ошибку и начинаетъ ссору; ссора переходитъ въ отборную ругань, а потомъ начинается драка: подерутся и помирятся. Иногда драка случается много позднѣе, когда новый хозяинъ чищобы по количеству высѣянныхъ сѣмянъ заключаетъ, что площадь ея значительно меньше, нежели выходило по разсчету мѣрщиковъ, и вымѣщаетъ на послѣднихъ свою досаду.

Эти оригинальные вотскіе способы измѣренія площадей заслуживаютъ, на мой взглядъ, внимательнаго изученія. Нѣчто подобное, но въ еще болѣе грубой формѣ, существуетъ у черемисъ; но на этомъ пока я не буду останавливаться. Интересна и другая сторона вопроса: откуда могли заимствовать вотяки эти способы геометрическихъ измѣреній? Геометрическаго пріема (правда несовершеннаго) нельзя здѣсь отрицать, но отъ кого и когда вотяки могли заимствовать подобные способы измѣренія площади? Дѣло темное, и для рѣшенія его необходимо, по моему убѣжденію, вмѣшательство математика *).

---

1) Нѣкоторый свѣтъ проливаютъ на дѣло пріемы измѣреній земельныхъ участковъ у сартовъ Сыр-Дарьинской области, замѣченные г. *Зацѣпинымъ* (см. его ст. „О способахъ измѣренія земель у туземцевъ средней Азіи“ въ вып. III „Матеріаловъ для статист. Туркест. края“, стр. 153 слѣд. Спб. 1874). По статьѣ Зацѣпина излагаетъ этотъ вопросъ г. *Шишовъ* въ своей книгѣ, составляющей

Вернемся къ общиннымъ порядкамъ вотяковъ. Недовольный размѣрами своей полосы обращается къ старостѣ, съ просьбой о провѣркѣ надѣловъ, отказываясь (въ противномъ случаѣ) платить подати; или же онъ обращается къ десятскому, прося собрать сходку (*кенѐш*), и на ней приноситъ міру свою жалобу. Къ жалобщику примыкаютъ другіе недовольные, происходитъ перебранка, въ которой принимаютъ особенное участіе горланы или крикуны (*паськы̀т чырты̀*=„широкая глотка"). Когда перевѣситъ трезвое большинство, дѣлается постановленіе о повѣркѣ надѣловъ, но для этого жалобщику непремѣнно нужна заручка со стороны обширной родни или богатыхъ вотяковъ, иначе дѣло не выгоритъ. Если при повѣркѣ надѣловъ окажется, что сосѣдъ жалобщика завѣдомо владѣлъ излишкомъ, то его штрафуютъ въ пользу міра (а не жалобщика: странная логика!), и деньги идутъ на расходы по языческимъ жертвоприношеніямъ.

Общій (коренной) передѣлъ всѣхъ угодій совершается по разнымъ причинамъ: 1) вслѣдствіе неожиданнаго прироста населенія, благодаря новоселамъ; 2) по причинѣ разростанія семей, въ которыхъ явились новые работоспособные члены и 3) вслѣдствіе убыли населенія отъ повальныхъ болѣзней или переселенія въ Сибирь, когда нѣкоторымъ домохозяевамъ становится трудно справляться со своимъ надѣломъ. Обыкновенно, 15-лѣтнимъ парнямъ уже дается душевой надѣлъ; вдовамъ отводятся надѣлы для прокормленія дѣтей, а въ большихъ семьяхъ у 60-лѣтнихъ стариковъ, если они слабы, надѣлы отбираются.

Жизнь вотской общины течетъ нѣсколько своеобразно, по сравненію съ русской: у русскихъ никто не стѣсненъ началомъ работъ, а вотяки (какъ чуваши и черемисы) не могутъ, напр., начать весенней пашни, не совершивъ всѣмъ міромъ языческаго обряда, наз. *геры̀ поттòн* („поднятіе сохи"); кончить пашню

т. XI „Сборника матеріаловъ для статистики Сыр-Дарьинской области". Ташкентъ. 1904. См. стр. 199—205.

Сравнивая пріемы вотскаго измѣренія площадей съ сартовскими, я нашелъ полное сходство только въ измѣреніи площади параллелограмма и неправильнаго четыреугольника съ однимъ прямымъ угломъ. Въ остальномъ есть разница.

Однако и частичное сходство даетъ уже ключъ къ объясненію происхожденія вотскихъ землемѣрныхъ пріемовъ, азіатское происхожденіе которыхъ несомнѣнно. Но вопросъ: черезъ чье посредство способы эти достигли до вотяковъ?

нужно также всѣмъ вмѣстѣ. У вотяковъ и начало каждой полевой работы, и окончаніе ея назначаются сходкой (*кенѐш*) всей общины; въ силу этого обычая, никто (кромѣ русскихъ новоселовъ) не начинаетъ полевыхъ работъ въ одиночку, никто не смѣетъ работать въ то время, когда остальные молятся на жертвоприношеніи; даже всевозможныя суевѣрія долженъ соблюдать всякій вотякъ, иначе—за несоблюденіе всего требуемаго обычаемъ и языческою вѣрою—*бускѐль* подвергнетъ его денежному или водочному штрафу въ пользу міра.

У вотяковъ повсемѣстно существуетъ много спеціальныхъ земледѣльческихъ суевѣрій. Такъ, напр., отъ начала цвѣтенія ржи и до конца наливанія зерна, съ 25 іюня по 20 іюля, нельзя мыть бѣлья, черпать воду окрашенными въ черную краску или сдѣланными изъ темной жести ведрами, особенно же—чугунными котлами, а раньше Петрова дня нельзя косить траву; рыть землю въ это время грѣшно: она всѣ соки отдаетъ хлѣбамъ, и не слѣдуетъ ее въ это время тревожить. Къ спеціально земледѣльческимъ суевѣріямъ нужно причислить кражу земли и сноповъ съ полосы у тѣхъ членовъ общины, у которыхъ хлѣбъ вообще родится хорошо: это дѣлается для того, чтобы присвоить себѣ частицу чужого счастія. Съ этою же цѣлью вотячки воруютъ снопы льна, если свой не родится, крадутъ въ ночь на Ивановъ день (24 іюня) огородныя овощи, даже воруютъ изъ клѣтей печеный хлѣбъ, если свой печется неудачно. Во всѣхъ этихъ кражахъ вотяки со временемъ сознаются, но упорно умалчиваютъ, если случится имъ украсть горсть земли съ чужой полосы и перебросить ее на свою, чтобы отъ сосѣда отнять часть плодородія его полосы.

Въ силу такихъ оригинальныхъ суевѣрій съ одной стороны, а съ другой—въ силу требованій общины о началѣ и концѣ работъ, маломощные домохозяева не въ состояніи управиться вб время съ полевыми работами и вынуждены прибѣгать къ помочамъ. *Помочь* вотская—явленіе, аналогичное съ русскою помочью. Дѣлаютъ помочи или по малосилію собственной семьи, или за невозможностью получить рабочія руки за плату. Помочь хотя и выгодна, потому что помочане работаютъ безплатно, но приглашенные, считая помочь праздникомъ съ обильнымъ угощеніемъ, работаютъ не очень усердно, являясь утромъ довольно

поздно (съ 9 часовъ); особенно лѣниво работаютъ женщины, проводящія большую часть времени въ пустыхъ разговорахъ, если среди нихъ нѣтъ хорошаго заправилы, который мягко, но настойчиво проситъ работать и увлекаетъ къ этому всѣхъ собственнымъ примѣромъ. Наилучшимъ средствомъ прервать пустыя бесѣды служитъ пѣніе. Любопытно, что вотяки въ этомъ случаѣ поютъ чаще русскія пѣсни, чѣмъ свои, потому что пѣсенный складъ вотской пѣсни совсѣмъ особенный; пѣсня эта требуетъ больше плавности, медленности, почти совсѣмъ замираетъ въ цезурѣ (средина стиха), а размашистая русская пѣсня, особенно риомованная, далеко сподручнѣе для работы.

Многое въ усердіи помочанъ зависитъ отъ предстоящаго угощенія. Въ среднемъ на угощеніе 30 человѣкъ тратится около $^1/_2$ ведра водки. Предъ обѣдомъ выпивается не болѣе чарки на человѣка ($^1/_2$ стакана). На голодный желудокъ помочанинъ ни за что работать не будетъ: передъ работой онъ непремѣнно завтракаетъ, и главную роль на этомъ вотскомъ завтракѣ играетъ овсяный кисель. За обѣдомъ горячихъ кушаній не полагается, ибо въ полѣ это невозможно: бываетъ обыкновенно холодная мясная окрошка на квасу, яйца, лукъ зеленый, молоко, пироги, шаньги, а въ придачу $^1/_2$ стакана водки. Вечеромъ, возвращаясь съ поля, помочане поютъ *непремѣнно вотскія* пѣсни, и каждый проходитъ сначала къ себѣ домой, чтобы принарядиться, а затѣмъ уже итти на ужинъ. За ужиномъ водкой угощаютъ далеко щедрѣе,—по чайной чашкѣ и по двѣ на человѣка, а потомъ подаютъ сколько угодно пива. Обычныя блюда на ужинѣ: горячія щи, каша разныхъ сортовъ, жареное мясо, гусь, утка и проч.

Быть на помочи обязательно для ближайшихъ родственниковъ, кумовей и гостей, если они случайно къ этому времени пріѣхали.

Вотскія общины въ изслѣдованномъ мною районѣ сравнительно еще недавно отличались многоземеліемъ: случалось, что на душу падало до 25 десятинъ, при чемъ $^1/_3$ приходилась на лѣса *(нюлэс)*, $^1/_3$ на луга *(возь)*. Но не вездѣ въ этой мѣстности есть рѣчки, потому въ староюмьинскомъ районѣ луга *(возь)* большею частью не заливные, трава родится тощая и сухая, а стало быть—малопитательная. Только на чищобахъ изъ-подъ лѣса, запущенныхъ подъ луга (такая чищоба наз. *сайкѐм*) трава родится лучше. Но такихъ сайкемовъ вообще мало, а косятъ больше по дну овра-

говъ, по опушкамъ лѣса или на лѣсныхъ полянахъ, на гуменникахъ и телятникахъ, а также на крутыхъ склонахъ, непригодныхъ для пашни. Сѣнокосъ начинается всегда послѣ Петрова дня (29 іюня), потому что рѣдко трава созрѣваетъ раньше. Недостатокъ своихъ луговъ побуждаетъ вотяковъ арендовать въ казенныхъ лѣсахъ сѣнокосныя поляны. Такіе покосы убираются на артельномъ началѣ, причемъ скошенное и высохшее сѣно сначала складывается въ копны, вѣсомъ въ 5—6 пуд., а потомъ эти копны дѣлятся по числу пайщиковъ, внесшихъ арендную плату. Раздѣленное сѣно складывается въ большой продолговатый стогъ—*зурòдъ* (русское „зарòдъ"), но такимъ образомъ, что часть каждаго пайщика отдѣлена отъ сосѣдской вертикально поставленными кольями. На поскотинѣ, отведенной для пастбища скота, косить строго воспрещается, потому что если выкоситъ одинъ, другой, третій, то скоту ничего не останется; но если кому-нибудь по раздѣлу не досталось на лугахъ полосы, то (ввидѣ исключенія) ему даютъ полосу на поскотинѣ. Послѣ сѣнокоса на отавѣ пасется скотъ, равно и на ржаномъ или яровомъ полѣ, послѣ уборки хлѣба.

Весной скотъ пасется во всѣхъ трехъ поляхъ, пока не поправятъ изгороди и не начнется *яровой сѣвъ*. Сѣвъ этотъ тянется съ 25 апрѣля до 10 мая, но дней 5 уходитъ на жертвоприношеніе и заключительную пирушку. Мая съ 15 начинается поправка упавшей изгороди, а съ 10 іюня—паровая пашня. Нѣкоторые передъ пареньемъ вывозятъ въ поле навозъ. Какъ только паровое поле вспахано, наступаетъ сезонъ потравъ, потому что скотъ, стѣсненный въ пропитаніи, ломаетъ изгороди и травитъ хлѣбныя поля въ своихъ и сосѣднихъ деревняхъ. И тутъ не обходится безъ рукопашной расправы, а срѣдка дѣло идетъ въ волостной судъ, но чаще сходятся на мировой. *Озимой сѣвъ* начинается съ 5 августа, а скотъ для пастбищъ теперь перегоняется въ лѣсъ (гдѣ онъ есть). Въ началѣ зимы, особенно около Михайлова дня, большинство очищаетъ свои дворы и хлѣвы отъ навоза. Возятъ навозъ на дровняхъ, на которыя ставится плетенка или ярандáки (четырехугольный лубяной коробъ). Встарину вотяки вывозили навозъ прямо на лубкахъ, загнутыхъ корытообразно; но этотъ способъ сохранился только въ воспоминаніяхъ стариковъ.

Говоря о вотскомъ земледѣліи, я совсѣмъ забылъ дать опи-

саніе вотской сохи. Объ этой сохѣ нельзя умолчать, благо она представляетъ такія особенности, которыя сами бросаются въ глаза. Какъ русская и всякая другая соха, вотская соха (*герÿ*) состоитъ изъ: 1) сошниковъ или ральниковъ (*амèзъ*), 2) шабалки (*шабалà*), 3) разсохи (*герÿ кук*), 4) рогаля (*герÿ кис*) и 5) обжей, или оглобель (забылъ записать вотское названіе).

Вотскіе сошники всегда малы, узки, легки и вѣсомъ не болѣе $7^1/_2$ фунтовъ. На разсоху они надѣваются не наклонно, а почти горизонтально; поэтому точкой опоры у вотской сохи будутъ не острые концы сошниковъ, какъ у русской сохи, а вся нижняя поверхность ихъ. Снабженная слабо-вогнутой поверхностью шабалка круто укрѣпляется поверхъ лѣваго сошника. Обжи всегда прямыя, тогда какъ у русской сохи правая всегда снабжена изгибомъ; при этомъ обжи прикрѣпляются къ хомуту съ помощью дуги, а у русской сохи гужи надѣваются на колышки, вдѣланные по концамъ обжей.

Главная особенность вотской сохи заключается въ томъ, что разсоха не вдолблена въ рогаль, а прикрѣплена къ послѣднему съ помощью ремней или бичевокъ и сохраняетъ подвижность, измѣняя по желанію величину угла между обжами и разсохой, начиная отъ 40°. Въ то время, какъ уменьшеніе или увеличеніе глубины вспашки достигается въ русской сохѣ опусканіемъ и подниманіемъ черезсѣдельника (т. е. обжей), въ вотской сохѣ это производится измѣненіемъ величины угла, образуемаго разсохой и обжами; величина угла регулируется крестообразною вязью или распоркой (*сирпỳ*), подвижно укрѣпленной къ срединѣ разсохи, а верхнимъ концомъ привязанной ремнями къ поперечинѣ, скрѣпляющей обжи. Поперечина эта ходитъ въ выемкѣ, продолбленной въ обжахъ, и зажата въ этой выемкѣ клиньями. Если клинья вставить спереди поперечины, то распорка подвинется ближе къ рогалю, и разсоха образуетъ бòльшій уголъ; если же клинья вставлены будутъ позади поперечины, то уголъ получится меньше. При маломъ углѣ будетъ мелкая пахота, при большомъ—глубокая.

Вотская соха очень легка на ходу, и управлять ею можетъ прямо ребенокъ, однако она непригодна для глубокой пашни, и съ нею трудно поворачиваться. Но она вѣситъ много-много 2 п. а русскую соху развѣ изрѣдка встрѣтишь въ $3^1/_2$ пуда, чаще

же бо́льшаго вѣса. Лошадь идетъ съ вотской сохой играючи, а русская соха ее быстро утомляетъ.

Гдѣ много лѣсу (*нюлэс*), тамъ вотяки совсѣмъ его не берегутъ; это—общее правило. Но гдѣ онъ значительно поубавился, тамъ вотяки начинаютъ задумываться и принимаютъ мѣры. Прежде всего составляется приговоръ, по коему назначается полѣсовщикъ и самовольная рубка штрафуется по рублю съ вершка (берется діаметръ въ вершинѣ бревна), а вырубленныя деревья продаются съ торговъ. Для члена своей общины эта кара смягчается штрафомъ до $1/4$ ведра водки. Обыкновенно рубка лѣса и заготовка дровъ совершаются въ вотской общинѣ въ февралѣ и началѣ марта. Количество бревенъ опредѣляется числомъ душъ, а дрова—извѣстнымъ разсчетомъ топлива на печь (примѣрно, сажени $1\frac{1}{2}$ на мѣсяцъ). Пробовали кой-гдѣ вотяки дѣлить лѣсъ на подворные участки, причемъ никто послѣ раздѣла не вмѣшивался въ дѣйствія отдѣльнаго хозяина. Но результаты получались плачевные: бѣднота вырубила весь строевой и дровяной лѣсъ на продажу, а потомъ потребовала черезъ 15 лѣтъ передѣла лѣсной площади. Иной за это время выростилъ у себя чудный лѣсъ, а теперь долженъ былъ отдать его задаромъ тому, кому выпадетъ шальной жеребій. Догадливые принялись теперь ростить лѣсъ на своихъ полосахъ, и успѣли въ этомъ, но всякій разъ когда заслышатъ о передѣлахъ полей, спѣшно рубятъ лучшія деревья. Тѣмъ не менѣе картина хлѣбныхъ полей много выигрываетъ отъ подобныхъ перелѣсковъ, растущихъ то на межахъ, то поперекъ полосы. Пріятно пройтись по такимъ полямъ: сохраняя на поляхъ влагу, деревья служатъ для работающихъ мѣстомъ отдыха во время страды; скотъ спасается здѣсь въ жгучій полдень, а въ лощинахъ и оврагахъ лѣсъ поддерживаетъ многочисленные ключи свѣжей родниковой воды. Здѣсь же ютится и дикая птица.

Тамъ, гдѣ лѣсъ сведенъ весь, до сихъ поръ кой-гдѣ уцѣлѣли бортевыя деревья—вѣковыя сосны, липы и дубы, считающіеся собственностью владѣльца борти, который снабжаетъ дерево своею тамгой. Цѣлы еще *луды*—священныя рощи, частныя и общественныя, которыя свято оберегаются. Самая величественная такая роща *бадзым-луд* (или *куриськон*) находится на земляхъ дер. *Старой Юмьи*. Къ святилищу, окруженному шестиугольной загородкой, ведетъ грандіозная аллея изъ вѣковыхъ сосенъ, дубовъ,

липъ, а въ прилегающемъ оврагѣ растутъ толстыя дикія яблони. Ничего подобнаго по величію я не видѣлъ среди молитвенныхъ рощъ вотяковъ. Это—первоклассная святыня вотяковъ Казанской и западной части Вятской губ.; здѣсь совершается каждые три года торжественное жертвоприношеніе *Салтáн-дис*'у, состоящее изъ коровы, овцы и пары лебедей.

Остановимся еще на одной самобытной чертѣ, свойственной инородческимъ общинамъ, а въ частности—вотской общинѣ: на раскладкѣ сборовъ по языческимъ моленіямъ. Всякій членъ общины исполняетъ (кромѣ податей) натуральныя повинности: 1) очередныя подводы для разнаго начальства, 2) исправленіе дорогъ и мостовъ, 3) ночной обходъ, 4) дрова для церкви, 5) очередная квартира для проходящихъ, 6) служба по выбору, 7) исправленіе полевой изгороди; но несетъ еще спеціально языческія повинности: a) по содержанію общественнаго (родового) шалаша (*бадзым-квалá*) и b) по пріобрѣтенію всего нужнаго для жертвоприношеній. Шалашъ чинится и перестраивается на общій счетъ, имѣетъ пожизненнаго блюстителя (*утысь*) и жреца (*восясь*), преимущественно изъ потомковъ тѣхъ, кто основалъ шалашъ. Всѣ пользующіеся надѣломъ *обязаны* участвовать въ расходахъ на пріобрѣтеніе животныхъ для жертвоприношенія, совершаемаго по обычаю предковъ. Смѣта на этотъ предметъ въ важныхъ случаяхъ достигаетъ внушительныхъ размѣровъ. Положимъ, что, по заведенному изстари порядку, въ жертвоприношеніи участвуютъ три деревни, съ общимъ числомъ въ 235 душъ, и допустимъ, что въ жертву нужно принести:

1 корову, цѣною въ	15	р. —	к.
Пару гусей	1	„ 20	„
Пару утокъ	—	„ 50	„
Ярку или барана	3	„ —	„
Итого скота на	19	р. 70	к.

Всякаго рода печенія нужно на	5	р. —	к.
Воску для свѣчъ	3	„ —	„
Меду для сыты	1	„ —	„
Кумышки изъ 3 пуд. муки	1	„ 50	„
Водки 1/2 ведра	3	„ 50	„
Итого припасовъ на	14	р. —	к.

Всего 19 р. 70 коп. + 14 р. = 33 р. 70 коп., т.-е. на 1 душу по $\frac{3370}{235}$ = $14^1/_3$ коп. Труды по изготовленіи напитковъ (кумышки и сыты), по печенію хлѣба и пироговъ въ счетъ обыкновенно не ставятся.

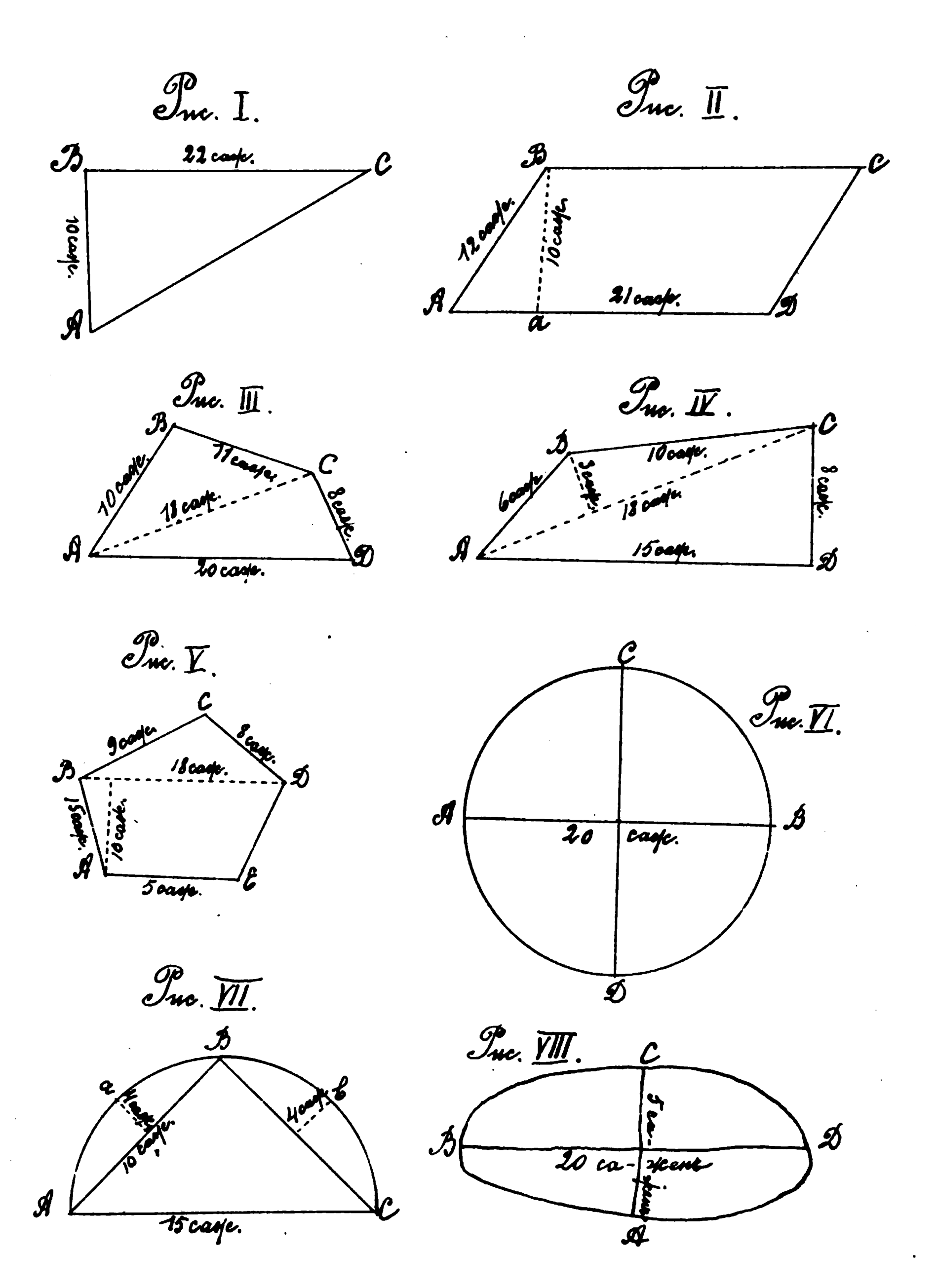
Это—при маломъ моленіи, а при большомъ раскладка достигаетъ болѣе крупныхъ цифръ.

Деньги сбираются обыкновенно въ круглой суммѣ—по 15 коп., не по $14^1/_3$. У кого нѣтъ денегъ, тотъ даетъ мукой нѣсколько фунтовъ, сообразно базарной цѣнѣ; даютъ льномъ, овсомъ—чѣмъ придется. Собираютъ все это деревенскіе десятники или особенные выборные, которые потомъ продаютъ весь сборъ на базарѣ, иногда выше оцѣнки; тогда излишекъ поступаетъ въ ихъ пользу. Вотъ подобныхъ-то сборщиковъ у черемисъ на жертвенныя надобности исправникъ *Фененко* и назвалъ коштанами, смѣшавъ при томъ главнаго коштана съ верховнымъ жрецомъ, но вѣрно указавъ его мѣстожительство (Вятская губернія). Подобные сборы на жертвоприношенія совершаются 6 разъ въ годъ, т.-е. на душу падаетъ до *рубля* расходовъ на религіозныя языческія нужды. Въ этотъ же фондъ идутъ штрафныя деньги, взыскиваемыя съ отдѣльныхъ лицъ за разныя правонарушенія.

Любопытно общинное пользованіе водой, гдѣ нѣтъ рѣки. Мнѣ пришлось встрѣтить только одну такую деревню—*Студеный Ключъ* въ 18 дворовъ, расположенную на горѣ, нѣкогда покрытой густымъ лѣсомъ, а теперь существующимъ въ жалкихъ остаткахъ. Воды прежде было много, а теперь меньше. Поэтому вотяки озаботились прежде всего опредѣлить суточный притокъ воды, измѣряя его съ помощью большой колоды (изъ цѣльнаго ствола сосны), вмѣщающей 50 ведеръ. Лѣтомъ такая колода наполняется въ сутки 6 разъ, зимой—только 4 раза, а въ морозы—и того меньше. Излишекъ воды стекаетъ изъ колоды въ большой срубъ и образуетъ запасной резервуаръ. Къ зимней нормѣ вотяки и приспособили свои водяныя потребности. Весь зимній суточный притокъ воды (200 ведеръ) они дѣлятъ ежедневно такимъ образомъ: 1) для утренняго и вечерняго водопоя 100 ведеръ, 2) на приготовленіе кушанья—50 ведеръ, 3) на стирку бѣлья и баню—50 ведеръ, итого 200 ведеръ на 18 дворовъ, т.-е. на дворъ 11 съ небольшимъ ведеръ. Порядокъ пользованія таковъ: а) утромъ поятъ

крупную и мелкую скотину (часовъ около 3 утра лѣтомъ и часовъ въ 5 зимой); b) часовъ въ 9 утра берутъ на разныя хозяйственныя надобности по кухнѣ; c) послѣ полудня берутъ воду для стирки и бани и d) часовъ около 5 вечера, а зимой немного раньше (въ 4)—второй водопой скота. На недостатокъ воды не жалуются вообще, только зимой въ морозы случается недохватъ, да иногда у бабъ возникаютъ потасовки изъ-за очереди. Все-таки приходится быть разсчетливымъ и въ количествѣ употребляемой воды, и въ срокахъ пользованія ею на мѣстѣ для пойла и стирки бѣлья. Послѣдняя совершается въ той же большой колодѣ, изъ которой поятъ и скотъ.

Подобный же общинный характеръ носитъ пользованіе мельницей въ селѣ *Оштормо-Юмья*, выстроенной сообща 3 деревнями: с. Ошторма-Юмья, Студеный Ключъ и Старая Юмья. При построеніи на каждую душу было положено по 3 бревна; балки, жернова и желѣзо купили на мірскія суммы и потомъ расходъ верстали по душамъ. Строили сами, опытному руководителю (уставщику) платили по 1 руб. въ день. Такъ какъ мельница стоитъ на землѣ с. Ошторма-Юмьи, а рѣчка *Батька-шур* течетъ только по владѣніямъ села О.-Ю., не задѣвая полей Студенаго Ключа и Старой Юмьи, то за это ошторминцы взяли себѣ для помола первые 15 дней въ мѣсяцѣ, староюмьинцамъ дали 12 дней слѣдующихъ и 3 остальныхъ дня—студеноключинцамъ. Всѣ должны смолоть свой хлѣбъ въ очередные дни, которые заблаговременно разверстываются среди домохозяевъ по селеніямъ на кенешѣ (сходка). Пропустившій очередь не въ правѣ претендовать и долженъ ждать цѣлый мѣсяцъ. На самой мельницѣ на видномъ мѣстѣ висятъ бирки (липовыя палки) для каждой деревни: на биркахъ вырѣзаны тамги домохозяевъ въ порядкѣ очереди, предоставленной каждому на сходкѣ, а подъ тамгами черточками отмѣчено число душъ. Мельникъ строго слѣдитъ за очередями; обыкновенно онъ—чужой человѣкъ, получающій опредѣленное жалованье—30 ф. муки въ день изъ общаго лопаточнаго съ мѣшковъ сбора (4 ф.). Мельникъ состоитъ на отчетѣ, и за всякую провинность можетъ быть оштрафованъ водкой, а то и уволенъ, хотя вообще поймать его въ плутняхъ нелегко. Сутки на мельницѣ разбиваются на 8 очередей, по 3 часа каждая. Душевой пай зерна долженъ быть смолотъ на одномъ жерновѣ въ часъ, а на 3 души—въ те-

Рис. I.
B
22 саж.
C
10 саж.
A
Рис. II.
B
C
12 саж.
10 саж.
A
a
21 саж.
D
Рис. III.
B
11 саж.
C
10 саж.
18 саж.
8 саж.
A
20 саж.
D
Рис. IV.
B
10 саж.
C
6 саж.
3 саж.
18 саж.
8 саж.
A
15 саж.
D
Рис. V.
C
9 саж.
8 саж.
18 саж.
B
D
15 саж.
10 саж.
A
5 саж.
E
C
Рис. VI.
A
20
саж.
B
D
Рис. VII.
B
a
4 саж.
4 саж.
b
10 саж.
A
15 саж.
C
Рис. VIII.
C
5 са-
B
D
20 са-
жень
жень
A

ченіе 3-часовой очереди; затѣмъ наступаетъ другая очередь, которую можно купить, вообще—получить по соглашенію. Пайщики мелютъ по $^1/_2$ к. съ пуда, а посторонніе платятъ съ куля по лопаткѣ (4 ф.), т.-е. по $1^1/_2$ коп. съ пуда. Сборная мука дѣлится потомъ между деревнями по душамъ, продается на базарѣ, а деньги идутъ на мірскія нужды.

Этимъ я позволю себѣ закончить. Сознаю, что я не сказалъ не только того, что могъ бы, но и что долженъ былъ сказать о вотской общинѣ: напр., я совсѣмъ не говорилъ о семейныхъ раздѣлахъ и о дробленіи усадебъ при нихъ, не далъ описанія типовъ домохозяйства у вотяковъ (богатый, достаточный, маломощный и бѣдный); не говорилъ о женскомъ вдовьемъ хозяйствѣ и о значеніи приданаго при семейныхъ раздѣлахъ. Обо всемъ этомъ поговорю когда-нибудь въ другой разъ.

С. К. Кузнецовъ.

Что такое Овсень?

Послѣдними о праздникѣ въ честь Овсеня писали акад. Веселовскій (1883 г.), Потебня (1887), проф. Владимировъ (1896) и г. Аничковъ (1903). А. Н. Веселовскій (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—X, стр. 107), указывая на то, что названію „авсень" было предложено нѣсколько объясненій, склоняется къ тому изъ нихъ, которое опиралось на обычаѣ *сѣять* изъ рукава или мѣшка зерна различныхъ хлѣбныхъ растеній. Самое слово „усень" (овсень, баусень, таусень и т. п., разнообразіе формъ г. Веселовскій объясняетъ образованіемъ ихъ изъ пѣсеннаго припѣва: да-ту-усень) авторъ производитъ отъ корня *сѣ*: сѣять, сравнивая форму усень съ причастіемъ сѣнъ. Далѣе (стр. 110) г. Веселовскій замѣчаетъ, что пока остается не разъясненнымъ отношеніе великорусскаго Усеня къ латышскому Ushing, котораго свидѣтельства начала XVII в. называютъ богомъ, покровителемъ коней, а пѣсни сближаютъ съ св. Георгіемъ.

Потебня (Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 37 и слѣд.) прежде всего, на основаніи грамотъ XVII в., гдѣ встрѣчаются формы: *овсень*, род. п. *овсеня*, *усень* и *таусень*, а также пѣсенныхъ позднѣйшихъ записей, рѣшаетъ, что это слово муж. рода. Далѣе онъ объясняетъ варіанты пѣсенныхъ припѣвовъ: *таусень* = частица *та* + *усень*; *говсень* = „гой усень"; съ объясненіемъ различныхъ формъ этого слова изъ пѣсеннаго припѣва да-ту-усень (акад. Веселовскаго) Потебня не соглашается; формы *бауцень*, *тйтусень* и *тусень* представляются ему наиболѣе загадочными, и онъ ограничивается предположеніемъ, что въ составъ второй формы входитъ частица *ти* (καὶ), а третья образовалась изъ та-усень. Относительно формы *овсень* Потебня говоритъ слѣдующее: „*овсень*, въ которомъ, если вѣрно

сближеніе съ лит. *ausz-ti* и пр., *в* не можетъ быть отдѣлено отъ *с* глухимъ звукомъ (лит. *ausz* должно бы соотвѣтствовать *ус*), образовался изъ „ой усень“ или „о усень“. Далѣе Потебня отрицаетъ высказанное впервые Снегиревымъ и затѣмъ принятое Терещенко, Калинскимъ и А. Н. Веселовскимъ сближеніе формы „овсень“ съ сѣяньемъ овса или обсѣваніемъ вообще какими-либо хлѣбными зернами. Ни въ одномъ описаніи святочнаго обряда, сопровождаемаго овсеневыми пѣснями, не упоминается объ обсыпаніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи совершается обрядъ обсыпанья, но онъ отличенъ отъ колядованія и щедрованія и съ великорусскимъ обрядомъ въ честь Овсеня не имѣетъ ничего общаго. Доказавши такимъ образомъ неправильность объясненія слова „овсень“ въ связи со словами „овесъ“ и „сѣять“, Потебня, лишь съ небольшими измѣненіями, приводитъ свою этимологію этого слова, высказанную еще въ 1865 г. „За основную форму, говоритъ онъ, принимаю *ус-ен-ь*, съ суфф. какъ въ *греб-ен-ь*, *шършень*, означающимъ производителя или носителя (снабженнаго тѣмъ-то)... Слав. *у* правильно соотвѣтствуетъ литовско-латышскому *au*; слав. *с* = лат. [1]) *s* или литов. š (sz). Этимъ установляется сближеніе *ус* въ *усень* съ лит. *ausz*, лат. *aus*“. Приведенныя Потебнею литовскія и латышскія слова отъ этого корня означаютъ понятія: разсвѣтаетъ, утренняя заря, восточный вѣтеръ. Кромѣ того, онъ приводитъ другія слова того же корня: слав. *утро*, верхне-лужицкое названіе Пасхи, какъ весенняго праздника, *jutry* (множ. ч.); латинск. *aurum* (золото); латинское, греческое, зендское и санскритское названія, означающія утро, утреннюю зарю и божество зари.

Объяснивъ такимъ образомъ слово усень, Потебня продолжаетъ: „Сближая по корню *усень* съ *утро* и *auszra* (утр. заря), трудно не вспомнить началъ колядокъ съ восхода солнца..., въ связи съ чѣмъ находится обычный припѣвъ колядокъ „ой, рано!“ Здѣсь Потебня отвлекается всторону отъ овсеневыхъ пѣсенъ и „безъ достаточныхъ основаній“ устанавливаетъ ассоціацію великорусскаго святочнаго обряда съ малорусскими колядами, въ чемъ онъ самъ же обвинялъ своихъ предшественниковъ (стр. 38). Но далѣе Потебня дѣлаетъ цѣнныя указанія. Связь утра, раз-

---

[1]) Въ подлинн. опечатка: „лит“; нужно было бы „лот.“ (лотышскому).

свѣта и весны въ литовскихъ словахъ, образованныхъ отъ корня *ausz*, заставляетъ его признать вѣроятнымъ, что „*усень* могъ имѣть отношеніе къ весеннимъ праздникамъ и что имени этого нельзя отдѣлить отъ латышск. *usinš* (богъ пчелъ) и usiňi (мн. ч. день св. Георгія). Далѣе Потебня приводитъ указаніе г. Веселовскаго на „Ушиня", покровителя коней, и заканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими соображеніями. „При сближеніи *усень* съ usiňš, соотвѣтствіе русск. *у* латышскому *и* (а не *au*) могло бы повести къ предположенію заимствованія, которое, однако, могло произойти лишь очень давно, когда смыслъ русск. слова былъ яснѣе" (стр. 45).

Проф. Владимировъ (Введеніе въ исторію русской словесности, стр. 78) не много прибавилъ къ прежнимъ объясненіямъ овсеневыхъ пѣсенъ. Онъ замѣчаетъ, что „*таусень* представляетъ соединеніе *тай усень*", но не объясняетъ, что̀ такое частица *тай*. Повторяя сближенія Потебни и прибавляя къ нимъ указаніе на книгу Вольтера „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени", 1890 г., онъ признаетъ, что они „даютъ указаніе на свѣтовое значеніе *Усеня*". Но онъ соглашается и съ производствомъ этого слова отъ корня *сѣ*. „Въ виду (?) сербскихъ овесъ, овсеница, овсикъ, овсень—русское *овсень*, дѣйствительно, стоитъ въ связи съ обрядомъ сѣять хлѣбныя зерна при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ на Васильевъ вечеръ, а *усень*—съ свѣтовымъ значеніемъ утраченнаго названія языческаго божества, отъ котораго остался такой же эпитетъ *усень*, какъ ярило, кострома, кострубонька и проч.". Такимъ образомъ, г. Владимировъ пошелъ назадъ въ сравненіи съ мнѣніями Потебни, который доказалъ, что обсыпаніе зернами не имѣетъ никакого отношенія къ овсеневому обряду.

Теперь мнѣ слѣдовало бы перейти къ характеристикѣ взглядовъ на овсеневый обрядъ, высказанныхъ въ недавно появившейся работѣ г. Аничкова, но предварительно необходимо указать на старую, ненаучную по методу работы, книгу Фаминцына „Божества древнихъ славянъ" (Спб. 1884), въ виду того, что г. Аничковъ пользуется сгруппированными здѣсь фактами (стр. 115—116, 248—253). Приведя рядъ овсеневыхъ пѣсенъ, Фаминцынъ сравниваетъ ихъ съ латышскими пѣснями, которыя посвящены Усиню и поются въ день св. Георгія, 23 апрѣля. По пѣснямъ Усиню полагается самое почетное мѣсто за столомъ; онъ прино-

ситъ зелень на луга, кормитъ коней; онъ раскладываетъ большой костеръ, чтобы согрѣть міръ; онъ навѣщаетъ своихъ дѣтей разъ въ годъ; у него двое сыновей-ровесниковъ съ красными головами: когда люди работаютъ (въ полѣ), странствуетъ старшій; когда люди спятъ (или стерегутъ лошадей въ ночномъ), странствуетъ младшій; въ жертву Усиню приносятъ яицъ или пѣтуха, чтобы онъ холилъ коней и чтобы росъ хлѣбъ.

Кромѣ того, Фаминцынъ приводитъ описаніе обрядовъ, исполнявшихся до послѣдняго времени у латышей 23 апрѣля. Обряды эти состояли въ томъ, что утромъ въ конюшнѣ рѣзали пѣтуха, кровью его кропили дверной косякъ и овесъ, лежавшій въ ясляхъ; мясо варили и съѣдали. Вечеромъ этого дня въ первый разъ выгоняли лошадей въ ночное, тамъ зажигали огонь и ѣли яйца, по которымъ гадали объ участи лошадей. За ужиномъ хозяинъ произносилъ слѣдующія слова: „Пусть дѣдушка Усинь защититъ нашихъ коней и охранитъ ихъ отъ всякаго несчастія, отъ волковъ, болѣзней“ и пр. Объ отношеніи латышскаго обряда къ св. Георгію, въ день котораго, 23 апрѣля, онъ исполняется, Фаминцынъ говоритъ слѣдующее: „Главный Усиневъ праздникъ совпадаетъ съ главнѣйшимъ сельскимъ весеннимъ праздникомъ— св. Георгія, съ котораго начинается новый годъ сельско-хозяйственный. Св. Георгій же замѣнилъ въ христіанствѣ божество преимущественно весенняго солнца. Характеристическую общую обоимъ черту составляетъ то, что оба они—и Усинь, и св. Георгій—всадники“. Объяснивши этимологически слово „усинь“ такъ же, какъ Потебня, Фаминцынъ прибавляетъ: „Слово *Усинь* встрѣчается уже въ Изборникѣ Святослава (1073 г.): „Ахатис акы ѫсинь (вмѣсто „оусинь“) есть“, т.-е. агатъ подобенъ усиню“ (стр. 252).

Обратимся ко взглядамъ, высказаннымъ г. Аничковымъ (Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ. Т. LXXIV, № 2. Стр. 312—316). Указавъ на то, что толкованіе Усиня, какъ языческаго бога, восходитъ къ XVII в., когда іезуиты называли Ушиня богомъ коней и передавали, что ему литовцы приносили въ жертву хлѣбъ и кусочки жира, которые они бросали въ огонь,—г. Аничковъ продолжаетъ: „Мнѣ кажется, однако, что достаточно внимательно прочесть пѣсни объ Усинѣ,

чтобы разъ навсегда оставить подобныя воззрѣнія. Мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть его чисто обрядовое значеніе... Если поставить пѣсни о немъ въ параллель съ замѣчаніями волочобныхъ пѣсенъ о св. Георгіи и Николаѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что Усинь есть чисто обрядовая фигура и, какъ большинство изъ нихъ, ничто иное, какъ олицетвореніе праздника: дѣйствительно, Усинь въ пѣсняхъ дѣлаетъ то же самое, что каждый „праздничекъ": онъ либо приноситъ съ собою извѣстное благо и доставляетъ хозяину ту идеальную выгоду, которую онъ ждетъ себѣ съ наступленіемъ даннаго праздника, либо самъ совершаетъ обрядовое дѣйствіе, назначенное на этотъ день".

Далѣе г. Аничковъ приводитъ нѣсколько пѣсенъ, которыя, по его мнѣнію, или имѣютъ календарное значеніе, или изображаютъ такія дѣйствія Усиня (Юсеня), которыя соотвѣтствуютъ обрядовымъ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ дѣйствительности. Въ пѣснѣ о двухъ сыновьяхъ Усиня съ красными головами онъ не видитъ ничего миѳическаго: „Появленіе сыновей Усиня, говоритъ онъ, насъ, конечно, удивить не можетъ: это—обычное въ пѣсенномъ стилѣ усугубленіе образовъ; пѣсни поютъ и о матери св. Георгія, и о дочеряхъ Купалочки и весны".

Затѣмъ г. Аничковъ высказываетъ мысль, что слово усинь—не что иное, какъ эпитетъ св. Георгія. Пѣсня изображаетъ Усиня въ видѣ воина въ бронѣ, на каменнообразномъ (камнеобразномъ?) конѣ, какъ изображается на иконахъ св. Георгій. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ вмѣсто Усиня упоминается св. Георгій:

«Пусть святой Юрій пасетъ лошадей
И въ годъ выкормитъ ихъ круглыми».

Отсюда авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Усинь такимъ образомъ есть латышское названіе для св. Георгія, а вовсе не имя древняго языческаго бога, „аттрибуты котораго перешли на св. Георгія". Заимствуя у Фаминцына опредѣленіе агата въ Изборникѣ Святослава (при чемъ допуская опечатку: ѫсинь—вмѣсто ѭсинь), г. Аничковъ пытается изъ этого опредѣленія вывести подтвержденіе своей мысли объ отношеніи Усиня къ Георгію: „Въ видѣ опредѣленія драгоцѣннаго камня, говоритъ онъ, это слово не можетъ имѣть другого значенія, какъ чего-то

въ родѣ: свѣтлый, блестящій, и тутъ невольно вспоминается эпитетъ св. Георгія „свѣтлохрабрый“ и описаніе его, соотвѣтствующее его изображенію на иконахъ:

По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова его вся жемчужная.

На отношеніи латышскаго обряда къ великорусскимъ овсеневымъ пѣснямъ авторъ не останавливается. Онъ признаетъ, что Авсень—русская форма латышскаго Усеня, и указываетъ на то, что въ зимнихъ обрядахъ часто можно встрѣтить черты чисто-весеннихъ обрядовъ. Относительно смысла великорусскаго обряда авторъ выражается крайне неопредѣленно: „Если Ушинь есть эпитетъ св. Георгія у латышей, у русскихъ Авсень могъ быть наименованіемъ другого такого же свѣтлаго и радостнаго обрядового представленія“.

Вотъ какіе взгляды высказаны были на разбираемые обряды. Главные выводы изъ указанныхъ статей сводятся къ слѣдующимъ пяти положеніямъ: 1) великорусскій овсеневый обрядъ въ основѣ своей—весенній (Потебня, Аничковъ); 2) слово *овсень* представляетъ собою эпитетъ (Владиміровъ, Аничковъ); 3) слово это—мужескаго рода (Потебня); 4) можно думать, что оно заимствовано латышами у русскихъ (Потебня); 5) въ латышскихъ представленіяхъ объ усинѣ нѣтъ ничего миѳическаго (Аничковъ).

Такъ какъ всѣ эти положенія были высказаны не съ полною очевидностью и только нѣкоторыми изъ указанныхъ мною авторовъ, я считаю не лишнимъ привести нѣсколько фактовъ, которые помогутъ выяснить смыслъ латышскаго и русскаго обрядовъ.

Что овсеневый обрядъ первоначально, дѣйствительно, былъ весеннимъ, на это прямо указываютъ многія овсеневыя пѣсни, поющіяся теперь, какъ извѣстно, наканунѣ Васильева дня. Такъ, начало одной пѣсни указываетъ на то, что она пѣлась нѣкогда во время весенняго половодья:

Широко Волга разливалася,
Круты бережки унималися

(т.-е. понималися; отсюда выраженіе „поёмные луга“) [1]).

[1]) Саратовск. губ. М. Е. Соколовъ, Былины, историч. военныя и др. пѣсни. Петровскъ. 1896. Стр. 8.

Нѣсколько пѣсенъ указываютъ прямо на то, что онѣ прежде были пріурочены ко времени посѣва мака и пшеницы:

Посѣю ль я маку
Цѣлу десятину.
Таусень!
Кому макъ полоти?
Таусень!
Одна дѣвушка умненька:
Маковки не сорветъ.
Таусень! [1]).

Въ пѣснѣ, записанной въ Рязанской губерніи въ различныхъ варіантахъ, передается разговоръ между тѣми, которые поютъ пѣсню, и тѣми, къ кому они съ нею обращаются:

«Дома ли хозяинъ?»
— Его дома нѣту:
Онъ уѣхалъ въ поле
Пашеницу сѣять.—
«Сѣйся, сѣйся, пашеница,
Колосъ колосистый
Зерно зернисто.» [2])

Послѣднее пожеланіе урожая варьируется такъ:

Зароди (v. дай) ему Богъ
Изъ полна зерна пирогъ [3]).

Подобнымъ пожеланіемъ заканчивается и овсеневая пѣсня изъ Тульской губерніи:

Ужъ дай тебѣ Богъ,
Зароди тебѣ Господь,
Чтобы рожь родилáсь,
На гумно свалилáсь [4]).

Очень сходныя пѣсни поются весною, и тогда онѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленный календарный смыслъ. На приведенную выше пѣсню о сѣяніи мака очень похожа веснянка Смоленск. губ.: свекоръ ходитъ по огороду, сѣетъ коноплю, а мнѣ ея не

[1]) Нижегородск. губ. Нижегородскій сборникъ, изд. Статистич. Комитета подъ ред. Гацискаго, т. II. 1869. Стр. 357.

[2]) 35 пѣсенъ русскаго народа, изъ собранныхъ въ 1894—5 гг. Некрасовымъ и Истоминымъ. Переложилъ А. Лядовъ. № 4 (Скопинскаго уѣзда).

[3]) См. приложеніе № 1; Шейнъ, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и проч. I, 308, № 1040 (Зарайск. у.). Болѣе правильное выраженіе—въ колядной пѣснѣ. Тверской губ.: „А дай Богъ тому... Изъ полузерна пирогъ“ (тамъ же, № 1032). Во всѣхъ подобныхъ пожеланіяхъ на первомъ планѣ стоитъ гиперболизмъ. То же—въ семицкой пѣснѣ: Аничковъ, 354.

[4]) Шейнъ, № 1041. Тоже самое мы видимъ въ пѣсняхъ Владим. губерніи. Труды Этногр. Отд. IV, 72, № 6, 74.

бра́ть [1]). Очень много великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малор. весеннихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражается положенія урожая. Таковы троицкія пѣсни, приводимыя въ книгѣ г. Аничкова (стр. 353—354, 360). Можно еще привести великор. весняку Смол. губ.:

Зароди, Боже, жито густое,
Колосистое, ядренистое [2]).

Подобная троицкая пѣсня записана во Владим. губ.:

Уродися на лѣто рожь съ овсомъ,
Со дикушей [3]), со пшеницею [4]).

Такія же пожеланія высказываются въ бѣлор. волочобной пѣснѣ (поются въ первый день Пасхи):

Роди, Божа, жито, жито и пшаницу,
Жито и пшаницу, усякаю пашницу [5]),
Колосомъ колосисто, ядромъ ядристо...
Съ одного колоса бочка жита! [6])

Въ другой волочобной пѣснѣ [7]) говорится о томъ, что хозяинъ дома посѣялъ жито, потомъ поѣхалъ въ поле и увидѣлъ хорошій урожай. Пожеланія волочобниковъ повторяются въ троицкой пѣснѣ:

Посѣю жито и ярову пшеныцу:
Уроды, Боже, ўсяку пашныцу!

Или, иначе:

Посіемъ жито, да нехай зародитца,
И густэе, колосистэе,
Ище къ тому й ядрыстэе [8]).

Обратимъ вниманіе на то, что подобныя пожеланія урожая встрѣчаются въ пѣсняхъ, поющихся спеціально въ Юрьевъ день.

[1]) Шейнъ, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ... I, 337.
[2]) Тамъ же, 338, № 1179.
[3]) Съ гречихой.
[4]) Тамъ же, 359, № 1235.
[5]) Хлѣбный злакъ.
[6]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, 2; ср. 6.
[7]) Тамъ же, 5, № 4.
[8]) Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ, 50—51, №№ 332, 334.

Таковы болгарская и бѣлор. пѣсни, приведенныя у г. Аничкова (стр. 339,311). Можно еще указать извѣстную великор. пѣсню, которую пѣли въ день св. Георгія, *обходя засѣянныя поля*:

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу—
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое;—

а также почти тождественную бѣлор. пѣсню:

Юрью святы, жито радзи!
А замкни травицу,
А выпусьць расицу;
Юрью святы, жито радзи! [1]
Зъ высподу сцеблисто,
Зъ верху колосисто [2]).

Замѣчательно, что почти того же содержанія — латышскія пѣсни объ Усинѣ, поющіяся въ день св. Георгія. Напримѣръ,

а) Усень—
Принесъ деревьямъ листья,
А землицѣ—зеленую траву.

б) Я зарѣзалъ Усиню пѣтуха...
Чтобы росла рожь, росъ ячмень [3]).

Наконецъ, тѣ же выраженія мы встрѣчаемъ въ литовской молитвѣ богу Пергрубію, которую читали еще въ XVI вѣкѣ въ тотъ же день св. Георгія: „Ты прогоняешь зиму, ты зеленишь поля и сады, покрываешь листвою рощи и лѣса; мы просимъ тебя, умножай хлѣбъ нашъ... чтобы онъ росъ колосисто“ [2]).

Изъ этихъ сопоставленій видно, что латышскій обрядъ лучше сохранилъ смыслъ праздника наступленія весны. Великорусскій обрядъ обхожденія засѣяннаго поля въ день св. Георгія имѣетъ тотъ же смыслъ; но впослѣдствіи часть этого обряда была перенесена на 31-ое декабря. Теперь является вопросъ, каковы были основанія для такого перенесенія?

Высказывая мнѣніе, что слово Усинь представляетъ собою эпитетъ, прилагаемый къ св. Георгію, г. Аничковъ ссылается на опредѣленіе камня агата въ Изборникѣ кн. Святослава. Къ сожалѣнію, г. Аничковъ не потрудился заглянуть въ словарь старо-славянскаго языка; онъ бы узналъ, что слово *оусинь*

[1]) Припѣвъ повторяется.
[2]) Тамъ же, 150, № 12.
[3]) Аничковъ, l. c.

имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе: это—не что иное, какъ соединеніе слова *синій* съ частицей *у*. Эту частицу Буслаевъ въ своей „Исторической хрестоматіи" (М. 1861, стр. 277) считалъ особой огласовкой предлога *въ*; впослѣдствіи (Русская хрестоматія, 9) онъ толковалъ *оу*, какъ частицу, означающую ослабленіе или уменьшеніе качества. Миклошичъ въ своемъ словарѣ [1]) признаетъ, что *оу* соединялось съ прилагательными для обозначенія уменьшительности, но оговаривается: „мы пишемъ *оу*, хотя, нужно сознаться, могутъ быть сомнѣнія въ правильности такого написанія, такъ какъ въ рукописяхъ, сохраняющихъ различіе между ж и оу, не имѣется ни одного изъ этихъ прилагательныхъ". Но нужно при этомъ замѣтить, что ѫ вмѣсто оу встрѣчается только въ Изборникѣ 1073 г., да и тамъ не во всѣхъ случаяхъ.

Итакъ, слово *оусинь* можно перевести „синеватый"; но является вопросъ: какой цвѣтъ разумѣли наши предки подъ словомъ *синій*? Миклошичъ въ своемъ словарѣ указываетъ три значенія этого слова: темный, темносиній и темнокрасный. У русскихъ, повидимому, преобладало послѣднее значеніе; это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Въ словѣ о полку Игоревѣ Святославъ видитъ во снѣ „синее вино"; какъ символъ крови, это, конечно,—красное вино [2]). Въ Русской Правдѣ и въ смоленской грамотѣ 1229 г. слово *синь* употреблено въ смыслѣ „имѣющій кровоподтекъ, синякъ": „Аще придеть кровавъ мужь на дворъ или синь"... „Кто биеть друга дѣревъмь, а будеть синь любо кровавъ"... [3])

Въ словарѣ Памвы Берынды, составленномъ въ XVII в. въ юго-зап. Россіи (Кіевъ 1627) слово *синета* объяснено какъ темнокрасный цвѣтъ. Если *синь* обозначало темнокрасный цвѣтъ, то *усинь* должно было обозначать цвѣтъ просто красный. Но слово *синь* иногда употреблялось въ значеніи „свѣтлый", „яркій": въ Словѣ о полку Игоревѣ синими названы молніи; слѣд. форма

---

[1]) Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, 1029.

[2]) Ср. эпитетъ въ малоросс. колядкѣ „червоне вино": Потебня, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 459. Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ 1064 г. „звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье".

[3]) Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 394, 351.

усинь должна была обозначать также „свѣтлѣющій", „не совсѣмъ яркій" [1]).

Теперь является вопросъ: почему слово со значеніемъ красный, свѣтлѣющій, вошло въ весеннюю обрядность, какъ обозначеніе праздника или миѳической личности, способствующей сельскому хозяйству? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на славянское названіе мѣсяца января или декабря „просинецъ". Старослав. просиньць январь, просеньць декабрь; новослав. просинец, просимец, просенец январь; малорусск. просинецъ; хорв. просинац январь; сербск. просинац декабрь; чешск. просинец декабрь. Миклошичъ производитъ это слово отъ корня *си* (сіять), черезъ посредство предполагаемаго прилагательнаго * *синъ* въ соединеніи съ суффиксомъ *ьць*, которое сообщаетъ ему смыслъ существительнаго; *про* — обозначаетъ начало, какъ въ малорусск. *провесень* = начало веснянокъ [2]). Слѣд., просинецъ обозначалъ то время, когда начинается увеличеніе дня; поэтому-то это слово прилагалось то къ январю, то къ декабрю. Въ доказательство правильности своего производства Миклошичъ приводитъ литовское названіе января vasaris, которое происходитъ отъ корня vas=сіять. Нужно замѣтить, что отъ того же корня происходитъ названіе лѣтнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ: латышск. vasara обозначаетъ лѣто, pavasara—весну, vasaras menesis—іюнь, pavasaras—мартъ; лит. vasara—лѣто, pavasaris—весну [3]). Частица *pa*, употребленная здѣсь для обозначенія начала, предшествованія, обозначаетъ въ русскомъ языкѣ малую степень, недостачу [4]), т.-е. то же, что и частица *у*. Можно предположить, что и у русскихъ были названія весенняго и лѣтняго мѣсяцевъ на основаніи солнечнаго свѣта; въ такомъ случаѣ, одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ могъ носить имя усинъ, безъ суффикса *ець*, какъ чръвьнъ (іюль) при старочешск. червенец, яръ (весна) при малорусск. ярець (май) [5]). Замѣтимъ еще,

[1]) Ср. замѣчаніе Н. А. Янчука въ „Трудахъ Этнографическаго Отдѣла О. Л. Е., кн. VII, стр. 130. прим.

[2]) Я думаю, что *про*—обозначаетъ не только начало, но и малую степень подобно частицѣ *у*, какъ въ словахъ: проблескъ, впроголодь, впробѣль.

[3]) Miklosich, Die slavischen Monatsnamen. Wien. 1867, стр. 15; Потебня, указ. соч. II, 41.

[4]) Павѣтье, паужинъ, падчерица, падубъ (ясень), память.

[5]) Miklosich, стр. 7, 13.

что какъ на ряду съ „просинецъ" являются искаженія „просенецъ", „просимецъ", такъ и на ряду съ формой „усинь" встрѣчаются „усень" и „ба-усимъ". Появленіе *е* вмѣсто *и* указываетъ на то, что слова эти прежде имѣли удареніе на первомъ слогѣ.

Если „усинъ" обозначалъ одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ, мартъ или апрѣль, а „просинъ" или „просинецъ"—одинъ изъ зимнихъ, декабрь или январь, то самое уже сходство этихъ названій могло повліять на перенесеніе русскаго весенняго праздника на зимній. Конечно, празднованіе происходило въ опредѣленный день мѣсяца. И вотъ, дѣйствительно, мы видимъ, что словомъ usini [1]) латыши обозначаютъ день 23 апрѣля. Овсень тоже, несомнѣнно, обозначалъ опредѣленный день въ году. Объ этомъ можно судить, прежде всего, по аналогіи. Какъ припѣвъ къ великорусскимъ колядкамъ развился изъ названія дня 24 декабря „колядой", такъ, можно думать, и припѣвъ „овсень" появился вслѣдствіе того, что когда-нибудь такъ назывался канунъ Васильева дня, 31 декабря. Поющихъ овсеневыя пѣсни встарину приглашали словами: „мы рады Овсеню, гостю жданому"; пѣвцы, конечно, — провозвѣстники праздника, приходящаго утромъ какъ будто вмѣстѣ съ ними. Есть нѣсколько варіантовъ пѣсни о мощеніи мостовъ; въ одномъ изъ нихъ бояре мостятъ мосты для Овсеня и Новаго года:

Кому жъ, кому жъ ѣхать — Ѣхать тамъ Овсеню
По тому мосточку? Да Новому году [2]).

Овсень—здѣсь такое же олицетвореніе дня 31 декабря, какъ Новый годъ—олицетвореніе 1 января. Какъ уже указалъ акад. А. Н. Веселовскій [3]), варіантъ этой пѣсни, въ которомъ вмѣсто Овсеня упоминается Василій, свидѣтельствуетъ о томъ, что св. Василій (1 января) замѣнилъ собою Овсеня; отсюда этотъ святой—покровитель свиней, т. к. жертвенный поросенокъ колется на день св. Василія. Отсюда, конечно, происходитъ и странный, на первый взглядъ, образъ Василія:

---

[1]) Множ. чикло, какъ Jutry (Пасха), Госпожинки (время съ 15 авг. до 1 окт.), Филипповки (Рождественскій постъ) и т. п.

[2]) Фаминцинъ, 244.

[3]) „Розысканія", 109—110.

«Кому по нимъ (мостамъ) ѣздить?»
— Василію по нимъ ѣздить?—
«На чемъ ему ѣздить?»
— На сивенькой свинкѣ.—
«Чѣмъ ее погонять-то?»
— Цуцкимъ [1]) поросенкомъ.—
«А чѣмъ ему взнуздать-то?»
— Жирною кишкою [2]).—

Акад. Веселовскій сравниваетъ ѣзду Василія по мостамъ съ малорусской колядкой, въ которой по мостамъ идутъ трое рождественскихъ святыхъ; конечно, эти святые—три рождественскихъ праздника: Рождество Христово, св. Василій, св. Іоаннъ. Въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ—тотъ же образъ: по намощенымъ мостамъ ѣхала Пречистая съ свв. Юріемъ, Николой и Ильей; далѣе перечисляются праздники, и между прочимъ: Юрій, съ росою, Никола жито родитъ, Илья съ новымъ хлѣбомъ [3]). Въ болгарской пѣснѣ къ св. Маріи подходятъ три пастыря: св. Никола (6 дек.), св. Василій (1 янв.) и св. Іоаннъ (6 янв.); они собираются выстроить мосты черезъ Черное море, чтобы перейти на другой берегъ, гдѣ живутъ некрещеные люди, и ихъ крестить [4]). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ—тотъ же образъ [5]): святые ѣдутъ или идутъ по мостамъ, чтобы оказывать людямъ благодѣянія; послѣднія заключаются въ тѣхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ или дѣйствительныхъ явленіяхъ, которыя происходятъ въ сроки празднованія этимъ святымъ.

Выше я указалъ въ овсеневыхъ пѣсняхъ признаки перенесенія на 31 декабря весенняго праздника. Какъ канунъ Васильева дня, праздникъ естественно привлекъ къ себѣ и св. Василія. Подобное перенесеніе мы знаемъ не только у великоруссовъ, но и у другихъ народовъ. Для насъ имѣютъ особое значеніе обряды съ плугомъ, совершаемые наканунѣ Васильева дня, въ день святой Меланіи. Извѣстны щедривки, въ которыхъ эти святые представляются или мужемъ съ женой, или сыномъ съ матерью; Ва-

[1]). Вар. „живымъ“. Вѣроятно, цуцкій=грудной, отъ слова „тита“, бѣлор. и болг. „цица“.

[2]) Фаминцынъ, 246. Указаніе, что и Овсень выѣзжаетъ па свиньѣ, неправильно: въ той пѣснѣ говорится о „молодцѣ-удальцѣ“.

[3]) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, 4, № 3.

[4]) Потебня, указ. соч. II, 485—6. Подъ св. Іоанномъ разумѣется, несомнѣнно, Іоаннъ Креститель. Ср. въ малор. колядкѣ, три святителя: Рожество, Василь, Иванъ Хреститель (тамъ же, 188, 239). Три пастыря въ малор. кол. Николай, Юрій, Богъ.

[5]) Въ болг. пѣсню внесенъ историческій элементъ, измѣнившій смыслъ пѣсни.

силько пашетъ поле, а Меланка ходитъ за стадомъ [1]). Въ другихъ щедривкахъ Василь ходитъ по полю и сѣетъ жито; пѣсни кончаются знакомымъ намъ пожеланіемъ:

Зароди, Боже, жито, пшеницю, Всяку пашницю [2]).

Итакъ, слово „усинь" — славянское, и перешло вмѣстѣ съ обрядомъ къ латышамъ, не имѣя опредѣленнаго миѳологическаго смысла. Но въ латышскомъ обрядѣ мы уже видимъ миѳическій образъ: Усинь — покровитель лошадей, пчелъ и весенней растительности; ему приносятъ жертву; онъ изображается всадникомъ на каменномъ конѣ; у него два сына: солнце и мѣсяцъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ русскихъ пѣсняхъ, слѣд., созданіе миѳа совершилось уже на латышской почвѣ. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Старая миѳологическая школа, связывавшая развитіе миѳовъ непосредственно съ развитіемъ языка, видѣла въ миѳахъ нѣчто первоначальное, древнее, но въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что миѳологическимъ представленіямъ всегда предшествовали реальныя. Представленіе о розовомъ свѣтѣ зари греки имѣли раньше, нежели олицетворили его въ розоперстой Эосъ; со словомъ Зевсъ они первоначально соединяли реальное понятіе неба, и только впослѣдствіи съ этимъ словомъ стало соединяться представленіе о верховномъ божествѣ; раньше, чѣмъ индійцы олицетворили огонь подъ именемъ бога Агни, они имѣли понятіе о реальномъ огнѣ, и прежде, нежели явился миѳъ о Прометеѣ, уже существовало созвучное слово (санскр. pramantha), обозначавшее инструментъ, при помощи котораго огонь добывался посредствомъ тренія [3]).

---

[1]) Веселовскій, 105, 114; Потебня, II, 432.

[2]) Веселовскій 112—113; Довнаръ-Запольскій, ук. с. 46, №№ 319, 320. Образъ Ильи, сѣющаго въ Васильевъ день, представляетъ искаженіе пѣсни: Илья-пророкъ упоминается въ великор. подблюдной пѣснѣ, но тамъ онъ исполняетъ свое дѣло—считаетъ въ полѣ снопы (Потебня, II, 138).

[3]) Тейлоръ, происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. М. 1897. Стр. 304, 308—311, 321.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Пѣсня, записанная въ дер. Носово, Алпатской вол., Зарайскаго у. Рязанской губ. „Овсень кличутъ" 31 декабря, послѣ обѣда, въ 1 часъ дня, мальчики и дѣвочки. Хозяйки подаютъ имъ пышки, блины, поросячьи и телячьи ножки; иногда даютъ денегъ. Въ дер. Чурилковѣ ходятъ отдѣльно мальчики и взрослыя дѣвушки; начинаютъ пѣсню здѣсь такъ: „Овсе́нь да Бау́синь! Дома ли хозяинъ?" Въ дер. Барсуки ходятъ дѣвушки и молодыя бабы; собранное бабы продаютъ и покупаютъ водки. Здѣсь попозднѣе ходятъ ряженыя, въ соломенныхъ шляпахъ, съ елкой, украшенной лентами и разноцвѣтными бумажками; дѣвушки собираютъ яйца и дѣлаютъ вскладчину яичницу; эти „короводы" уже не имѣютъ отношенія къ Овсеню, появились они только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. День 31 декабря называютъ „колядой"; напр., „на Коляду кличуть Овсень".

Ой, Афсень, Палусень!
Мы и ходимъ по фсѣмъ,
Мы по (Носову) селу;
Мы поищемъ, мы поищемъ
Мы у (Павлова) двора.
Яво дома нѣту:
Онъ уѣхалъ фъ поля
Пашаницу сѣить.
Зароди яму Бохъ
Исъ полна зярна пирохъ.
Ни дадитя пирога—
Мы корову за рога;
Ни дадитя ношку
Въ верхнію окошку,
Сами ни достанимъ—
Лопатку подставимъ.
Жалутки въ печи сидять,
На насъ глидять,
И фъ кошель они къ намъ хотять.
Тетка (Прасковья),
Подайтя—ни ломайтя.

№ 2.

(Пѣсня записана Н. В. Марковымъ въ дер. Мустафинкѣ Кузнецкаго у. Саратовской губ. Поютъ ее 31 декабря).

Бласлови-ко Богъ, завтра Новый годъ!
Таусень, Тау́сенько! Дома ли хозяйка?
Таусень, Таусень!
Ея дома нѣту: на базаръ уѣхала,
Таусень, Таусень! (припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Торги торговати, товаръ закупати:
А мужу-то шубка, а себѣ-ти юбка,

Сыновьямъ по шляпѣ, дочерямъ по лентѣ.
Летѣлъ соколокъ черезъ батюшкинъ дворокъ,
Уронилъ соколокъ съ ноги сапожокъ.
«Ужъ ты (Машенька) сестрица, выдь, подай сапожокъ».
— Мнѣ теперя недосугъ: я головушку чешу,
Я къ обѣденкѣ спѣшу жениховъ выбирать.
Хто бѣлъ да румянъ, тотъ и мой женихъ.
У (Михайли-ти) была рожь хороша,
Уколосиста, умолотиста:
Изъ колосьевъ двѣ осьминки, изъ зернышка пирожокъ.
Не подашь пирога—мы корову за рога;
Не подашь лепешки—обольемъ окошки.

№ 3.

(Записано А. М. Листопадовымъ въ станицѣ Акишевской Земли Войска Донского). Наканунѣ Новаго года толпа ребятъ и дѣвокъ спрашиваетъ подъ окномъ: „Дома ли хозяинъ съ хозяюшкой? Дозвольте кликать авсень“.—Кликайтя.—

У (Иванова) двора
То-й-авсень! (припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Разливалася вода.
Какъ на той-то водѣ
Тамъ плыветь кýна
Сы куняточкими,
Да сы малинькими
Сы дитятачкими (Сы рибятачкими).
Ты (Иванъ) господинъ,
Зарижай ружьё,
Да ты бей куну
Сы куняточкими,
Да сы малинькими
Сы рибятачкими.

№ 4.

(Записано А. М. Листопадовымъ въ ст. Клѣтской той же области).

Мы ходили, мы гуляли по проулочкамъ,
То-й-авсень!
Мы искали, мы искали государевъ дворъ.
То-й-авсень!..

(Дальнѣйшихъ словъ пѣсенникъ не зналъ).

А. Марковъ.

Гиляки.

(Изъ сообщеній въ Географическомъ Обществѣ въ 1900—1 гг.)

VI [1]).

Родъ.

Въ главѣ о семейно-родовомъ строѣ мы разсмотрѣли только одну сторону рода—строеніе его въ зависимости отъ нормъ брака. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы коснулись вліянія идей рода на религіозныя представленія.

Теперь разсмотримъ его во всей совокупности признаковъ, тектоническихъ и динамическихъ, морфологическихъ и соціально-духовныхъ, какъ одно цѣльное учрежденіе, регулирующее всѣ стороны жизни гиляка.

При этомъ въ нашемъ анализѣ мы считаемъ особенно поучительнымъ держаться той же системы, которой держатся сами гиляки при формулировкѣ своихъ представленій о родѣ.

Прежде всего интересенъ самый терминъ, которымъ гиляки выражаютъ понятіе „родъ". Онъ гласитъ: ӽхаль, что̀ буквально значитъ: ножны, футляръ,—удачный символъ единой утробы, единства происхожденія [2]). Что касается признаковъ родового

---

1) См. „Этн. Обозр. 1904 г. № 2.

2) Крайне интересно, что близкій терминъ хаla существуетъ и у сосѣднихъ тунгусскихъ племенъ—ороковъ, орочей, гольдовъ, негда, съ которыми гиляки имѣютъ нѣкоторыя общія родственныя названія, какъ, напр., аки (ст. братъ)= ага (у тунгус. племенъ), несмотря на полную разнородность языковъ этихъ народовъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ.

союза, то гиляки формулируютъ ихъ съ удивительной лаконичностью, ярко рисующей вполнѣ сознательное отношеніе ихъ къ основному учрежденію своего соціальнаго быта.

Если вы спросите любого гиляка, почему онъ считаетъ такихъ-то (NN) своими сородичами, вы неизмѣнно получите одинъ отвѣтъ: „какъ же, у насъ ахмалькъ (тесть)—одинъ (т.-е. общій), ымгі (зять)—одинъ, огонь—одинъ, горный человѣкъ, морской человѣкъ, небесный человѣкъ, земной человѣкъ и т. д. — одинъ, медвѣдь—одинъ, чортъ—одинъ, тхусінд (вира)—одинъ, грѣхъ—одинъ".

Анализъ этой формулы и приведетъ насъ къ выясненію содержанія родового союза.

1. Ахмальк—одинъ, ымгі—одинъ: тесть общій, зять общій. Тесть одного сородича—тесть всему роду. Зять одного сородича—зять всему роду. Каждый родъ принципіально беретъ женщинъ изъ одного опредѣленнаго рода и въ свою очередь отдаетъ своихъ женщинъ въ другой, тоже точно опредѣленный родъ. Общій тесть означаетъ *общее* право каждаго поколѣнія сородичей на соотвѣтствующее поколѣніе женщинъ рода—ахмальк, а общій зять—обязанность отдавать своихъ женщинъ роду—ымгі. Только мужчины постоянный элементъ рода, женщины—элементъ, либо уходящій изъ рода, либо приходящій извнѣ. Отсюда вся „физіологическая" конструкція рода—экзогамность, агнатность, общія права и обязанности относительно женщинъ, взаимныя супружескія права братьевъ и т. д.

Такимъ образомъ гиляцкій родъ—союзъ родственниковъ по мужской линіи, агнатовъ, берущихъ женъ изъ другого опредѣленнаго рода, отдающихъ своихъ женщинъ въ третій и связанныхъ между собою цѣлымъ рядомъ взаимныхъ правъ и обязанностей въ области брачно-половыхъ нормъ.

Но это только формальный остовъ этого родственнаго союза: въ плоти и крови всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій онъ гораздо глубже, интимнѣе и крѣпче, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего надо имѣть въ виду, что, несмотря на принципъ агнатства, сородичи связаны родственными узами не только по отцу, но и по матери. Это слѣдуетъ непосредственно изъ самаго тезиса общности тестя. Ибо, разъ *каждое*

поколѣніе сородичей („братьевъ") женится на соотвѣтствующемъ поколѣніи женщинъ („сестеръ") одного рода—ахмалык, то и матери этихъ сородичей, въ свою очередь, между собою сестры. Далѣе, жены сородичей, несмотря на то, что онѣ, сообразно агнатному принципу рода, являются какъ бы совершенно чуждымъ элементомъ, въ дѣйствительности состоятъ въ близкомъ когнатномъ родствѣ со своими мужьями: мужъ и жена, какъ мы знаемъ, обыкновенно — соотвѣтственно дѣти сестры и брата, — родныхъ или болѣе отдаленныхъ степеней—и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ когнатные братья и сестры. Такимъ образомъ мужской и женскій элементъ далеко не чуждые другъ другу, связанные лишь бракомъ элементы, а, наоборотъ, интимно-связанные помимо брака кровнымъ родствомъ. Мало того, въ силу того же положенія объ единствѣ „тестя", всѣ вошедшія въ родъ женщины—между собою агнатныя родственницы, либо сестры, либо тетки и племянницы, такъ что оба элемента—мужской и женскій, каждый въ отдѣльности и оба вмѣстѣ спементированы крѣпкими интимными узами родства, которые, конечно, глубоко отражаются и на всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ членовъ рода между собою.

На эти отношенія не повліяли и тѣ упомянутыя нами въ свое время обстоятельства, благодаря которымъ отдѣльнымъ членамъ рода въ концѣ концовъ въ силу необходимости приходится иногда брать женъ и за предѣлами единаго первоначальнаго рода-ахмальк.: общій духъ и общія нормы остались тѣ же.

Но цементъ, скрѣпляющій союзъ родственниковъ въ нерушимую организацію рода, кроется не въ одномъ только формальномъ сознаніи общности происхожденія и родства и не на однихъ только формальныхъ нормахъ брака, ибо сами по себѣ онѣ не настолько сильны, чтобы удержать изъ поколѣнія въ поколѣніе людей въ замкнутомь наслѣдственномъ союзѣ. Причины гораздо глубже. Прежде всего—это религіозная санкція, играющая столь важную роль въ глазахъ первобытнаго человѣка, санкція первоначально не самаго родового союза, а тѣхъ брачныхъ нормъ, которыя создали родъ. Принципъ, что каждый долженъ брать женъ изъ рода матери, что жена должна быть кровной родственницей мужа—принципъ религіозный, принципъ, интимно связанный съ культомъ предковъ, въ частности съ культомъ матери. Захватъ замужней женщины—такое же религіозное преступ-

леніе противъ рода похищенной, какъ убійство сородича: борьба за ея возвращеніе или, по крайней мѣрѣ, требованіе виры обязательно, какъ и въ дѣлахъ мести, до третьяго поколѣнія!

Разъ указанный принципъ былъ сознанъ и сталъ непреложнымъ императивомъ жизни, то естественнымъ послѣдствіемъ его явилась экзогамія, а экзогамія—основа рода.

Но экзогамія у гиляковъ, какъ это мы видѣли, не просто только обязанность брать женъ внѣ своего рода. Она даетъ человѣку цѣлый рядъ правъ, играющихъ въ его жизни огромную роль.

Извѣстно, что добываніе жены одно изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ въ жизни первобытнаго человѣка. Женщинъ обыкновенно меньше, чѣмъ мужчинъ. За женщину надо платить, а тутъ еще богачи захватываютъ себѣ по многу женъ. Бѣдному человѣку—а такихъ большинство—добыть жену при такихъ условіяхъ дѣло крайне нелегкое, ему приходится для этого нерѣдко прибѣгать къ пріемамъ, при которыхъ онъ рискуетъ даже жизнью.

Нормы гиляцкаго рода даютъ каждому гиляку право на женщинъ рода-ахмальк, въ частности на дочерей братьевъ своей матери: это его религіозная обязанность и право вмѣстѣ съ тѣмъ. Калымъ въ такихъ случаяхъ если не формальность, то бремя, на раздѣленіе котораго каждый всегда въ правѣ расчитывать со стороны своихъ сородичей, заинтересованныхъ, какъ и онъ самъ, на бракѣ его изъ опредѣленнаго рода, рода матери. Въ худшемъ случаѣ, пока человѣку не удалось обзавестись собственной семьей, семьи его старшихъ братьевъ, сообща съ которыми онъ дѣлитъ право на женщинъ рода-ахмальк,—его семья, ихъ жены—его жены, на которыхъ онъ имѣетъ законныя супружескія права. Умираетъ женатый гилякъ, его жена безъ всякаго калыма переходитъ къ одному изъ младшихъ его братьевъ по выбору рода.

Это все преимущества, которыя играютъ первостепенную роль въ глазахъ первобытнаго человѣка. Вѣнцомъ этихъ преимуществъ является соціальная привилегія каждаго сородича не опасаться за участь своей жены и дѣтей послѣ его смерти. Его жена и дѣти и при жизни юридически, а часто и фактически—жена и дѣти его младшихъ братьевъ: такими они останутся и послѣ его смерти: одинъ изъ братьевъ, по рѣшенію рода, замѣнитъ его въ правахъ и обязанностяхъ мужа и отца, и, даже за отсутствіемъ

у покойника младшихъ братьевъ, кормильцемъ его семьи явится одинъ изъ „старшихъ". Это непреложный законъ рода.

Таковы выгоды, которыя даетъ родовой союзъ въ силу одного только принципа родства и непосредственно вытекающихъ изъ него брачныхъ нормъ. Совершенно естественно, что благодѣяніями этими могутъ пользоваться только лица, имѣющія на то право въ силу родства. Фактъ рожденія отъ сородича—единственный justus titulus для причисленія къ роду. Ы т к-х а в р н д — человѣкъ безъ отца, т.-е. внѣбрачно рожденный, незнающій, кто его отецъ, — человѣкъ *безродный*, парій, бремя для себя и для другихъ. Не знающій отца, слѣдовательно, не знающій, къ какому роду онъ принадлежитъ, не знаетъ поэтому, какія женщины могутъ быть его женами и какія запретны, и невѣдомо для себя и другихъ можетъ нарушить священныя половыя нормы, навлекая на всѣхъ неисчислимыя бѣдствія. Къ счастію, фактически людей, не знающихъ своего отца, не существуетъ. Если дѣвушка забеременѣетъ внѣ брака, её побуждаютъ назвать отца будущаго ребенка. Узнавъ, кто онъ, заставляютъ его жениться на соблазненной, чему онъ только радъ, потому что въ такомъ случаѣ меньше затрудненій при уплатѣ калыма. Въ случаѣ запирательства со стороны дѣвушки, новорожденнаго убиваютъ, и родъ спасенъ отъ грѣха и несчастія.

Но гиляцкому роду не удалось сохранить въ полной чистотѣ и неприкосновенности принципа родства. И ему, какъ и родовымъ союзамъ всѣхъ другихъ народовъ, пришлось дѣлать отступленія и примириться съ институтомъ а д о п ц і и, съ принятіемъ время отъ времени въ свои нѣдра лицъ чужеродныхъ.

Произошло это различными путями. Могло случиться, что эпидемія обезлюдила родъ и поставила горсточку людей лицомъ къ лицу со всѣми случайностями, которымъ подвержены слабые численностью союзы. Могъ родъ обезлюдиться послѣ жестокой войны, оставившей немного мужчинъ и массу вдовъ, пощаженныхъ, въ силу международнаго права гиляковъ, побѣдоноснымъ врагомъ. И если при этихъ обстоятельствахъ находились остатки какого-нибудь другого рода, оказавшагося въ такомъ же безпомощномъ положеніи и не состоявшаго съ первымъ въ отношеніяхъ ахмалък и ымгі, то сліяніе совершалось къ обоюдному удоволь-

ствію: адоптированные обыкновенно женились на вдовахъ сородичей и тѣмъ самымъ присоединялись къ родовому огню и родовому союзу. Но это случаи болѣе или менѣе экстраординарные. Самый обыкновенный случай адоптированія—тотъ, когда пріемышемъ рода является иноплеменникъ, почему-либо бѣжавшій изъ своего рода и поселившійся среди чуждаго рода. Долгое сожительство, привычка, симпатія, помощь при родовыхъ праздникахъ, наконецъ, женитьба на мѣстной вдовѣ приводятъ къ окончательному адоптированію. Крайне любопытный случай адопціи представляется тогда, когда два лица изъ разныхъ родовъ женаты на двухъ сестрахъ, что̀ по правилу можетъ случиться только съ членами одного рода. Вліяніе родового принципа „общаго тестя" такъ сильно, что дѣти такихъ лицъ считаются братьями и сестрами, своихъ тетокъ зовутъ матерями и не могутъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ. Получается фикція родовыхъ отношеній. При благопріятныхъ условіяхъ, когда, напр., такія лица сожительствуютъ въ одной деревнѣ, и одно изъ этихъ лицъ совершенно оторвано отъ своего рода, то кончается тѣмъ, что они взаимно помогаютъ другъ другу при родовыхъ празднествахъ, или даже строятъ ихъ сообща, складываютъ кости медвѣдя въ одномъ мѣстѣ и, наконецъ, во 2-омъ или 3-емъ поколѣніи соединеніе родовъ совершилось.

Адопція играла огромную роль въ жизни гиляковъ. Я не знаю ни одного рода, преданія котораго не сохраняли бы извѣстій о чужеплеменникахъ, какъ основателяхъ рода. Какъ это случилось, что отдѣльныя адоптированныя лица, вмѣсто вкрапленнаго элемента, очутились на первомъ планѣ основателей рода, я уже объ этомъ говорилъ въ первой главѣ, указывая на то, что пришельцы, какъ болѣе энергичный элементъ, приносили съ собою бо̀льшую стойкость въ борьбѣ за существованіе и à la longue переживали менѣе стойкихъ, ослабленныхъ уже и постепенно вымиравшихъ аборигеновъ. Таковъ, быть можетъ, законъ извѣстнаго запаса расовой энергіи, которая при неблагопріятныхъ условіяхъ въ концѣ концовъ истощается. Эта судьба, конечно, не минетъ и потомковъ пришельцевъ, которыя будутъ замѣнены въ свою очередь новыми, если до того племя въ цѣломъ съумѣетъ сохранить свое существованіе.

Теперь я прибавлю только къ тому, что говорилъ раньше,

слѣдующее. Можетъ показаться страннымъ, почему родъ, сложившійся изъ аборигеновъ и потомковъ пришельцевъ, все-таки основателями своими считаетъ категорически первыхъ, а не послѣднихъ. Но дѣло объясняется вотъ чѣмъ. При сліяніи рода съ пришельцемъ, старое чувство родства продолжаетъ свое дѣйствіе. Потомки обѣихъ сторонъ, выполняя свои родовыя обязанности, тѣмъ не менѣе не инкорпорируются, а продолжаютъ держаться отдѣльными группами, ведя каждая по традиціи свой счетъ родства. Это мнѣ пришлось неоднократно наблюдать въ тѣхъ родахъ, въ которыхъ сохранилось потомство аборигеновъ и пришельцевъ. Въ сел. Танги, напр., населенномъ представителями одного рода, одна половина (наиболѣе цвѣтущая) ведетъ свое происхожденіе отъ пришельца-айна, другая считаетъ себя аборигенами. Когда вторые съ теченіемъ времени вымрутъ—что уже и теперь замѣтно—естественно, что первые, которые останутся единственными представителями рода, съ полнымъ правомъ будутъ называть своими основателями айновъ. И такъ вездѣ.

Обыкновенно, впрочемъ, составъ рода единообразенъ, случаи адопціи довольно рѣдки, а прошлыя явленія эндосмоса и экзосмоса давнымъ давно стушевались за туманами преданія и на крѣпость сознательнаго родственнаго союза никакого вліянія не обнаруживаютъ.

2. Огонь одинъ. Общность родового огня—символъ родового единства. Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и у гиляковъ огонь—родовое божество. Въ каждомъ очагѣ сидитъ, по однимъ представленіямъ, старуха огня, родоначальница даннаго рода, по другимъ—старикъ со старухой и ихъ потомство. Роль этихъ „хозяевъ огня“ не въ одномъ только благотворномъ дѣйствіи благодѣтельной горячей стихіи. Какъ божественные родоначальники рода, они въ почетѣ не только у живущихъ сородичей, но и у тѣхъ, которые, отошедши въ другой міръ, стали родовыми богами другихъ стихій, лѣса, моря и т. д. и черезъ нихъ могутъ оказывать могучее вліяніе и во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія.

Хозяинъ или хозяйка огня, такимъ образомъ, не только божество, грѣющее человѣка и охраняющее его домашній очагъ отъ всякихъ злыхъ козней духовъ, но и являющееся посредни-

комъ [1]) между сородичами и всѣми многочисленными божествами, имѣющими вліяніе на судьбу человѣка.

Во всѣхъ важныхъ случахъ жизни—въ случаѣ болѣзни, на охотѣ, передъ отправленіемъ въ опасный путь и т. д., сородичъ бросаетъ въ огонь свои скромныя жертвы—листикъ табаку, сладкій корень, каплю араку, и проситъ старуху огня исполнить его просьбу. А она уже знаетъ всѣ ходы, чтобы просьба къ тому или другому родовому божеству—если это внѣ сферы ея непосредственнаго воздѣйствія—дошла по назначенію.

Чтобы понять реальныя основы „родового" отношенія къ хозяину огня и его функціямъ, нужно имѣть въ виду слѣдующее: 1) покойники предаются сожженію, т. е. общему хозяину огня, который своихъ любимцевъ можетъ принимать въ свой родъ, такъ-что эти послѣдніе становятся въ свою очередь „хозяевами" родового огня; 2) такими же хозяевами въ частности становятся и всѣ погибшіе отъ молніи [2]) и пожара; 3) представленіе о „старухѣ" (хозяйкѣ) родового огня вмѣсто „хозяина"—далекій отголосокъ материнскаго рода; 4) „универсальность" огня, способность его къ быстрому распространенію, многоязычіе его (языки пламени), которое всѣ первобытные люди (ср. Ригъведды) понимаютъ въ самомъ реальномъ смыслѣ—даютъ „огню" спеціальныя преимущества надъ прочими „хозяевами"—именно способность къ быстрой и краснорѣчивой передачѣ порученій и просьбъ; наконецъ, 5) огонь—согрѣвающее и очищающее, т. е. отгоняющее злыхъ духовъ существо.

Внѣшнимъ образомъ родовое единство огня выражается въ слѣдующемъ. Только сородичъ имѣетъ право разводить огонь на очагѣ сородича. Только сородичъ имѣетъ право выносить огонь изъ юрты. Чужеродный, закуривъ у родового очага, не можетъ выходить изъ юрты, не докуривъ своей трубки. Всякое нарушеніе этихъ правилъ неприкосновенности родового огня со стороны чужеродца неминуемо влечетъ опасныя послѣдствія для сородичей и обязанность уплаты виры со стороны чужеродца.

---

[1]) Въ Ведахъ огонь (Агни) тоже играетъ роль посредника между людьми и богами; онъ заступаетъ за людей, онъ герольдъ, жрецъ.

[2]) Любопытно, что подобное воззрѣніе существуетъ и у бурятъ: погибшій отъ молнія становится могущественнымъ и благодѣтельнымъ духомъ, которому приносятъ жертвы и возносятъ молитвы.

Каждый родъ имѣетъ свое родовое огниво, хранящееся у старѣйшаго члена, и только этимъ огнивомъ можно добывать огонь, на которомъ варится мясо медвѣдя на играющемъ столь важную роль въ религіозной и родовой жизни медвѣжьемъ праздникѣ. Когда роду приходится раздѣлиться, т. е. когда часть его вынуждена переселиться въ очень отдаленное мѣсто, старѣйшина ломаетъ родовое огниво и половину вручаетъ старѣйшему изъ выселяющихся, и только послѣ этого родъ формально раздѣленъ.

Хозяйка огня, какъ представительница рода „ахмальк", играетъ немаловажную роль въ междуродовыхъ отношеніяхъ, связывая своимъ культомъ и покровительствомъ тотъ родъ, среди котораго она обитаетъ и который она породила, съ тѣмъ, откуда она вышла и изъ поколѣнія въ поколѣніе приводитъ въ него дочерей своихъ братьевъ и ихъ потомковъ.

3. Горный, морской и т. д. человѣкъ одинъ—общность благодѣтельныхъ родовыхъ хозяевъ горы, моря, земли и т. д. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы уже выяснили природу и значеніе этого рода божествъ. Это не фантастическіе герои классическихъ родовъ, не тѣ туманныя миѳическія существа, родовыя чествованія которыхъ являлись простой традиціонной обрядностью, а близкіе каждому живущему поколѣнію сородичи, которые либо погибли отъ того или другого рода неестественной смерти (въ водѣ, отъ звѣря лѣсного и т. п.), либо взысканные божествами, преждевременно были вырваны изъ жизни болѣе естественными путями, напр., умершіе будто-бы отъ тоски по возлюбившимъ ихъ горнымъ, морскимъ и т. п. людямъ.

Любимцы и избранники „хозяина" той или другой стихіи, отъ щедротъ которыхъ зависитъ все благополучіе гиляка, они послѣ смерти сейчасъ же переходятъ въ родъ соотвѣтствующаго „хозяина" на довольно продолжительное время (у горныхъ людей, напр., до 2-ой своей смерти, т. е. на два поколѣнія) и все это время, конечно, спеціально благодѣтельствуютъ своимъ сородичамъ, посылая имъ звѣрей лѣсныхъ (горный человѣкъ), либо рыбу и морскихъ животныхъ (водяной, морской человѣкъ). И когда гилякъ говоритъ о какомъ-нибудь „горномъ" или т. п. человѣкѣ, который его кормитъ, онъ именно имѣетъ въ виду своего сородича, который на памяти его или—самое большое—его отца или дѣда указанными выше путями очутился среди сонма

„хозяевъ“. Вѣкъ такого избранника не долог҆ъ (самое большое 2 поколѣнія), и часто не успѣваетъ пріобщиться къ богамъ одинъ сородичъ, какъ за нимъ слѣдуетъ другой, третій и т. д.: случаи смерти отъ дикаго звѣря или на водѣ нерѣдки. Такимъ образомъ связь между живущимъ поколѣніемъ сородичей и ихъ божественными сородичами-благодѣтелями глубоко-живая, реальная. Многихъ изъ нихъ каждый зналъ лично или по живымъ воспоминаніямъ своихъ современниковъ; о нихъ повседневно ему напоминаютъ спеціальные памятники [1]), воздвигнутые благодарными сородичами.

Но связь рода съ его божественными сородичами не ограничивается піететомъ и благодарной памятью, узы эти коренятся въ болѣе реальномъ и крѣпкомъ двигателѣ—въ самомъ инстинктѣ самосохраненія. Для гиляка нѣтъ болѣе несомнѣнной истины, чѣмъ та, по которой все его благополучіе, все, что даетъ ему природа за его отчаянныя усилія въ борьбѣ за существованіе, все это лишь вольный даръ боговъ, ему благодѣтельствующихъ; безъ ихъ благоволенія всѣ усилія человѣка остались бы тщетными. А боги-сородичи, какъ мы знаемъ, болѣе всего участвуютъ въ этомъ животворномъ благоволеніи, они истинные кормильцы рода, и нѣтъ важнѣе обязанности для каждаго сородича, чѣмъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать этому благоволенію. Вотъ почему родовыя жертвоприношенія и празднества, ежегодно правильно устраиваемыя горнымъ и морскимъ людямъ являются важнѣйшими актами родовой жизни, въ которыхъ каждый во имя самосохраненія считаетъ своей священной обязанностью принимать самое горячее участіе.

Въ главѣ о религіи мы подробно останавливались на этихъ періодическихъ жертвоприношеніяхъ хозяевамъ моря и горъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что вся соціальная дѣятельность гиляка главнымъ образомъ посвящена приготовленіямъ къ родовымъ жертвоприношеніямъ и заботамъ о наиболѣе торжественномъ устроеніи ихъ. Богатый и бѣдный одинаково по мѣрѣ силъ

[1]) Памятникомъ человѣка, задраннаго медвѣдемъ, служили Срубъ-медвѣжатникъ, въ которомъ останки погибшаго хранятся, по особому ритуалу (см. ниже, п. 6). Что касается людей утонувшихъ, то на мѣстѣ ихъ сожженія ставится лодка со всѣми принадлежностями морскаго и рѣчного промысла, причемъ весла помѣщаются стоймя подъ угломъ другъ къ другу, дабы быть замѣтными издали.

и средствъ, не на страхъ, а на совѣсть, употребляютъ всѣ усилія, отказывая себѣ иногда въ послѣднемъ, чтобы жертвоприношенія были какъ можно обильнѣе и разнообразнѣе и празднества какъ можно торжественнѣе: въ этомъ общій интерессъ всѣхъ и каждаго.

Эта воспитавшаяся вѣками солидарность въ жертвоприношеніяхъ сородичамъ, эволюціонируя, становится принципомъ *родового* отношенія къ богамъ вообще. Когда даже по совершенно индивидуальному случаю, напримѣръ, болѣзни, гиляку приходится приносить жертву, онъ непремѣнно созоветъ даже издалека отлучившихся сородичей, дабы и имъ дать возможность воспользоваться благими послѣдствіями жертвоприношенія.

Принципъ общности родовыхъ божествъ, кормильцевъ рода, лежитъ и въ основаніи института гостепріимства и самой широкой братской взаимопомощи.

Всякому, знакомому съ институтомъ гостепріимства у первобытныхъ народовъ хотя бы по описаніямъ путешественниковъ, должно быть очевидно, что въ основѣ его должно лежать нѣчто бо́льшее, чѣмъ соціальный этикетъ или даже обычная симпатія къ ближнему. Арабъ, проявляющій у своего домашняго очага самое горячее гостепріимство даже къ врагу, по отношенію къ которому во всякомъ другомъ мѣстѣ у него единственный императивъ—убійство, очевидно руководствуется мотивомъ болѣе властнымъ, мотивомъ, имѣющимъ за собою религіозное требованіе. То же должно сказать объ основѣ этого института и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у гиляковъ. Гилякъ считаетъ своей обязанностью проявлять свое гостепріимство не только къ проѣзжему, не только къ дѣйствительно голодному, но и въ такихъ случаяхъ, гдѣ съ нашей точки зрѣнія въ проявленіи этого чувства нѣтъ никакой надобности. Сколько бы разъ на день ни появлялся сосѣдъ у его очага, въ какое бы время дня оно ни происходило, немедленно гостю предлагаются всѣ яства, какія имѣются у хозяина, ужъ не говоря о неизбѣжной пригоршнѣ табаку для трубки. Нѣтъ лишняго табаку, хозяинъ поочередно затягивается съ гостемъ изъ общей трубки. Особенно наглядно эти отношенія проявляются при употребленіи рѣдкихъ, дорогихъ блюдъ и лакомствъ. Если вы поднесете хозяину юрты рюмку водки, онъ никогда не позволитъ себѣ выпить ее одинъ, самъ онъ только пригубитъ, а далѣе уже она пере-

ходитъ ко всѣмъ обитателямъ дома, хотя бы ихъ было десятки человѣкъ, не исключая дѣтей, даже и грудныхъ: иначе, „самый большой грѣхъ, умереть можно". *Грѣхъ* не угощать, не дѣлиться съѣдобнымъ. И причина ясна: „кормятъ" человѣка, какъ мы видѣли, боги и, главнымъ образомъ, родовые боги, дающіе не одному человѣку, а цѣлому роду, приносящему ему жертвы и съ которымъ онъ связанъ родовыми узами; поэтому ѣсть, не дѣлясь съ присутствующимъ сородичемъ, и вообще не кормить его—„грѣхъ" и непосредственный рискъ лишиться благоволенія боговъ-кормильцевъ. „Очагъ" при этомъ играетъ недаромъ крупную роль. Въ огнѣ очага живетъ „хозяинъ и хозяйка огня", сородичъ или даже родоначальникъ, глазъ не спускающій съ того, что дѣлается въ домѣ; они же, какъ мы видѣли, посредники между родомъ и его родовыми богами, и нѣтъ ничего естественнѣе, что именно боги очага болѣе всего являются хранителями принципа гостепріимства.

Но не однимъ взаимнымъ „угощеніемъ" ограничиваются узы сородичей, живущихъ милостями своихъ боговъ-сородичей, а дѣйствительнымъ самымъ широкимъ принципомъ общности земныхъ благъ. Если это не выражается въ чисто-комунистической формѣ, то только потому, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Жизнь настолько проста, условія добыванія пищи такъ просты, дары природы такъ широко и свободно лежатъ передъ каждымъ, что нѣтъ надобности въ комунистическомъ производствѣ и распредѣленіи. Но принципъ все же въ полной силѣ. При общей охотѣ, напримѣръ, за морскими животными на одной лодкѣ, хозяинъ этой послѣдней, онъ же обыкновенно и самый искусный добытчикъ, получаетъ не больше послѣдняго подростка-гребца и, кромѣ того, часть добычи раздается и тѣмъ семьямъ, члены которой почему либо не могли участвовать въ охотѣ. Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляка, разсматривается почти, какъ общая собственность, и всякій, у кого вышли запасы, беретъ ее у сосѣда безъ всякихъ возраженій. Во всякомъ случаѣ никто не голодаетъ, пока хоть у кого-нибудь изъ сородичей есть запасы. Стоитъ голодающему переселиться въ юрту имущаго сородича или даже просто захаживать къ нему 2—3 раза въ день, и съ нимъ безропотно будутъ дѣлиться до послѣдней юкалы, до послѣдней пригоршни табаку.

Въ отношеніи къ предметамъ роскоши, какъ дорогія копья, сабли, ткани, шубы и т. п., больше индивидуализма, внесеннаго новѣйшими условіями обмѣна, но въ дѣйствительно необходимыхъ случаяхъ, какъ для покупки жены, при уплатѣ виры, похоронахъ и т. п. каждый считаетъ своей непремѣнной обязанность жертвовать своимъ индивидуальнымъ богатствомъ для общеродовыхъ цѣлей.

Тотъ же принципъ общности имущественныхъ благъ сородичей лежитъ въ основаніи права наслѣдованія, основное правило котораго, что имущество сородича не должно выходить изъ рода. У гиляковъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ буквально извѣстный тезисъ XII таблицъ: Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento! За отсутствіемъ членовъ семьи, къ которымъ причисляются и „работники", имущество переходитъ къ сородичамъ агнатамъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ, исключающимъ даже наиболѣе близкихъ когнатовъ. Послѣдніе, по завѣщанію, могутъ получать только такъ называемый шагунд[1]), и то только такой, который неизбѣжно возвращается въ родъ завѣщателя, такъ что въ родъ ымгі, т.-е. тотъ, который у рода завѣщателя беретъ женъ и, слѣдовательно, платитъ ему калымъ, можно завѣщать только т. наз. желѣзный шагундъ, который все равно вернется въ родъ въ видѣ калыма, а роду ахмальк., роду тестей, можно завѣщать только мѣховый шагунд, такъ какъ онъ возвращается въ родъ завѣщателя въ видѣ приданаго невѣсты.

4. Медвѣдь одинъ: общая обязанность сородичей въ откармливаніи медвѣдя и участіи въ медвѣжьихъ праздникахъ, какъ по случаю убіенія домашняго медвѣдя, такъ въ случаѣ добычи звѣря лѣсного. „Халь-гу, ут-гу, наp̑х мувс!": „Сородичи, мужчины, будьте гостями!" съ такимъ призывомъ обходятъ под-

---

1) „Драгоцѣнности"—имущество sui generis, состоящее изъ непотребляемыхъ предметовъ, предназначенныхъ только для исключительныхъ случаевъ, калыма, приданаго, выкупа, похоронъ. Дѣлится на: 1) „шагунд" *желѣзный*—большіе чугунные котлы, орнаментированныя серебряной инкрустаціей копья, дорогія японскія сабли, кольчуги и т. п.—идетъ главнымъ образомъ на калымъ; 2) *мѣховый*, состоящій изъ дорогихъ мѣховыхъ шубъ, идущихъ главнымъ образомъ на приданое; 3) *шелковый*—китайскія шелковыя матеріи и одежды, въ которыя облачаются въ торжественныхъ случаяхъ и обряжаютъ покойниковъ.

ростки по юртамъ, призывая сородичей ко вкушенію священной трапезы убитаго въ лѣсу медвѣдя и яствъ, сообща изготовленныхъ по этому случаю цѣлымъ родомъ.

Важность общихъ правъ и обязанностей по медвѣжьему празднику, какъ исключительной привилегіи рода, непосредственно вытекаетъ изъ того, что мы говорили по этому поводу въ главѣ о религіи и о родовыхъ богахъ. Какъ мы видѣли, медвѣжій праздникъ характеризуется двумя основными чертами: во 1-хъ, чествованіемъ самой личности медвѣдя, какъ возможнаго сородича „горнаго" человѣка и, слѣдовательно, и возможнаго собственнаго сородича или его потомка, перешедшаго въ родъ горныхъ хозяевъ, и во 2-хъ, передачей черезъ него разныхъ даровъ горному хозяину и его роду и, слѣдовательно, богу-сородичу, кормильцу. Такимъ образомъ медвѣжій праздникъ имѣетъ несравненно большее значеніе для благополучія рода, чѣмъ другія родовыя жертво- приношенія и празднества, потому что жертвы идутъ къ самому высшему хозяину горъ, главному распорядителю всѣхъ лѣсныхъ богатствъ и самому могучему божеству, передъ которымъ ублаготворенный кормленіемъ и почестями убитый медвѣдь будетъ повседневнымъ заступникомъ. Вотъ почему этотъ праздникъ играетъ такую огромную роль въ жизни рода, обставленъ такимъ сложнымъ ритуаломъ и, несмотря на то, что на него собираются и гости изъ другихъ родовъ, онъ носитъ по существу такой строго-замкнутый родовой характеръ. Въ устроеніи праздника могутъ участвовать только сородичи, а изъ гостей приглашаются только „зятья", относительно которыхъ, какъ это мы увидимъ, существуетъ прямая обязанность кормленія, т.-е., лица, на которыхъ тоже распространяется благоволеніе родовыхъ боговъ—кормильцевъ. Въ соціальномъ отношеніи медвѣжій праздникъ не менѣе важный цементъ родовыхъ узъ, чѣмъ въ религіозномъ. Обязанность участвовать въ изготовленіи блюдъ и многочисленныхъ расходахъ и трудахъ по устройству праздника и пріему гостей создаетъ привычки соціальной солидарности, общихъ координированныхъ дѣйствій для общей цѣли и общихъ жертвъ для общаго дѣла. Періодическіе съѣзды сородичей, разсѣянныхъ иногда въ отдаленныхъ мѣстахъ, постоянно поддерживаетъ традиція и узы родового союза.

Наконецъ, само содержаніе праздника—веселыя предпразд-

ничныя приготовленія, совершаемыя сообща, торжественныя встрѣчи „гостей", общія шумныя трапезы, общественныя бесѣды, пляски, пѣсни, гонки, фехтованія, религіозныя церемоніи—все это объединяетъ, бодритъ, утончаетъ и краситъ жизнь, придавая высшую цѣнность родовому союзу, какъ единственному источнику духовныхъ и соціальныхъ радостей.

5. Чортъ одинъ, т. е. общій врагъ въ лицѣ умершаго сородича, убитаго чужеродца и т. п.

Точно также, какъ мы видѣли, сородичъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ послѣ смерти можетъ перейти въ родъ благодѣтельныхъ божествъ и стать кормильцемъ и покровителемъ рода, точно такъ же можетъ случиться обратное: сородичъ, озлобленный при жизни и разошедшійся съ родомъ, сородичъ не отомщенный или не получившій почестей похороннаго ритуала, не попавшій поэтому въ „селеніе мертвыхъ", можетъ перейти въ родъ злыхъ божествъ или просто на свой страхъ и рискъ всячески мстить роду. То же можетъ быть и со стороны обиженнаго чужеродца. Борьба съ такими врагами рода или умилостивленіе ихъ такая же насущная потребность для всѣхъ сородичей, какъ и ублаготвореніе родовыхъ божествъ—покровителей. Возникаютъ такимъ образомъ общія обязанности въ вознагражденіи шамана за его труды и опасности въ борьбѣ съ подобными врагами или общіе расходы и труды по умилостивленію, одариванію, отомщенію, уплатѣ виры и т. д.

6. Тхусінд одинъ—общая вира, выкупъ, штрафъ, въ обширномъ смыслѣ круговая порука всего рода противъ всякаго посягательства со стороны чужеродца на право сородича и обратно. Подъ *тхусінд* подразумѣвается не только выкупъ, получаемый или выплачиваемый родомъ въ дѣлахъ мести, но и взыскиваемый по всемозможнымъ—отъ весьма серіозныхъ до совсѣмъ маловажныхъ—поводамъ. Такъ тхусінд взыскивается и за похищенную женщину, и за оскорбленіе женской чести, и за оскверненіе святыни, напр. порчу очага, нарушеніе *табу* на медвѣжьемъ праздникѣ, за кражу и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ на родѣ лежитъ круговая порука какъ въ защитѣ нарушеннаго права со стороны чужеродца, такъ и въ отвѣтѣ за таковое нарушеніе права послѣдняго со стороны сородича. Но выкупъ только позднѣйшій коррективъ болѣе важнаго принципа—родовой

защиты *силой* нарушеннаго права сородича. Въ центрѣ всего этого института лежитъ принципъ кровавой мести, отвѣта жизнью за жизнь или за попранную честь (напр. при захватѣ соблазнителя in flagrante delicto).

Какъ у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, убійство внутри рода у гиляковъ остается безнаказаннымъ [1]). Родъ не можетъ проливать крови своего сородича, которая есть кровь родоначальника. Это не только принципъ религіи, но и требованіе самосохраненія, категорическій императивъ существованія самого рода. Сила послѣдняго—въ его численности и внутреннемъ мирѣ, между тѣмъ каждый случай мести внутри рода неминуемо сталъ бы поводомъ къ новой мести со стороны ближайшихъ родственниковъ наказаннаго и привелъ бы такимъ образомъ къ нескончаемой внутренней войнѣ, которая въ концѣ концовъ завершилась бы физическимъ и моральнымъ разрушеніемъ рода.

Впрочемъ, убійство и вообще всякое серіозное нарушеніе правъ и законовъ со стороны сородича не совсѣмъ остается безнаказаннымъ: фактически оно влечетъ за собою смерть политическую, такъ какъ преступникъ вынужденъ бываетъ разстаться со своимъ родомъ и удалиться въ отдаленное селеніе, лишаясь не только всѣхъ благъ родового союза при жизни, но и еще болѣе важныхъ послѣ смерти, т. к. только сородичамъ разрѣшается совершить актъ сожженія покойника. Но убійства, впрочемъ, внутри рода крайне рѣдки; многочисленные запреты рѣчи между сородичами устраняютъ поводы къ раздраженіямъ и ссорамъ, а широкія коммунальныя супружескія права смягчаютъ припадки ревности и дѣлаютъ излишнимъ похищеніе женщинъ, которое служитъ самымъ частымъ поводомъ кровавыхъ ссоръ и мести. Такимъ образомъ, и сама практика жизни не могла благопріятствовать институту мести внутри рода.

Другое дѣло между чужеродными. Тутъ принципъ неумолимъ; кости сородича должны быть подняты! Поднять кость—техническій терминъ родовой мести. Кровь должна быть искуплена кровью, и только въ крайнемъ случаѣ кровавое искупленіе можетъ быть замѣнено выкупомъ. Обязанность эта ярко

[1]) У родовъ, смѣшавшихся съ айнами, у которыхъ сохранился матернитетъ, въ случаѣ убійства внутри рода, братъ матери убитаго и ближайшій агнатъ послѣдняго (отецъ, братъ) получаютъ выкупъ, который ими дѣлится пополамъ.

окрашена болѣе религіознымъ, чѣмъ эмоціональнымъ элементомъ. Месть обязательна не только для современниковъ убитаго, но, въ случаѣ невыполненія ея со стороны послѣднихъ, и для двухъ послѣдующихъ поколѣній. Обязательна не только въ случаѣ убійства намѣреннаго, но и совершенно случайнаго, даже такого, которое только косвенно связано съ тѣмъ или другимъ лицомъ [1]). И что еще болѣе поучительно, она обязательна даже по отношенію къ животнымъ. Месть медвѣдю, задравшему человѣка, не менѣе яростна, чѣмъ по отношенію къ убійцѣ-человѣку.

Ритуалъ подобной мести крайне характеренъ для пониманія психологіи этого родового института, и съ него мы начнемъ нашъ анализъ. Лишь только донеслась вѣсть о гибели человѣка въ борьбѣ съ медвѣдемъ, все взрослое населеніе устремляется въ тайгу, чтобы по свѣжимъ слѣдамъ настигнуть „убійцу". Если не удалось накрыть настоящаго виновника, необходимо убить, по крайней мѣрѣ, трехъ другихъ медвѣдей (его „сородичей"). Если это не удалось въ теченіе зимы, необходимо сдѣлать это лѣтомъ, а сверхъ того „горный человѣкъ" даетъ еще „тхусіндъ" въ видѣ обильной добычи всякаго звѣря.

Но если посчастливилось настигнуть медвѣдя—„убійцу" или его „сородича", на него изливаютъ самую крайнюю ярость. Ему выбиваютъ первымъ долгомъ топоромъ зубы, а во время освѣжеванія колютъ его со всѣхъ сторонъ ножами и осыпаютъ самыми отборными ругательствами. Снявъ съ медвѣдя шкуру, окутываютъ ею убитаго (если тѣло его осталось не съѣденнымъ; въ противномъ случаѣ, оно замѣняется деревяннымъ поясным изображеніемъ его), и, усадивъ его на корточки на партахъ, подкладываютъ ему подъ сидѣнье медвѣжью голову и въ такомъ видѣ съ громкими завываніями, перемѣшанными съ восклицаніями въ честь убитаго и въ поношеніе убійцы, везутъ къ селенію. Если медвѣдь не найденъ, подъ сидѣніе убитому подкладывается поясное изображеніе медвѣдя, а тѣло облекается въ накидку изъ стружекъ [2]). Неподалеку отъ родного селенія сооружается срубъ

---

[1]) Одинъ мой знакомый гилякъ павлекъ на свой родъ месть тѣмъ, что его ружье нечаянно выстрѣлило, когда онъ его поднялъ со дна лодки, и случайно убило рулевого.

[2]) Стружки разсматриваются гиляками, какъ объектъ волшебной силы, священный. Культъ заструженныхъ деревяшекъ (інау, см. гл. о религіи) играетъ

на подобіе медвѣжатника, съ отверстіями для послѣдующихъ жертвоприношеній. Снаружи по угламъ водружаютъ 4 заструженныхъ деревца, а внутри онъ убирается священными інау [2]). Сюда-то и помѣщаютъ останки убитаго и его убійцы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ доставили изъ тайги, какъ нами описано выше.

Подлѣ этого сруба устраивается своеобразная тризна изъ туши убитаго медвѣдя. По обѣимъ сторонамъ длиннаго непрерывнаго костра усаживаются сородичи съ большими кусками медвѣжьяго мяса въ рукахъ. Каждый рѣжетъ мясо на тонкіе ломтики, и по мѣрѣ отрѣзанія перебрасываютъ съ ножа каждый ломтикъ черезъ огонь сидящимъ на противоположной сторонѣ костра. Пойманный на ножѣ ломтикъ медленно поджаривается на огнѣ (величайшее поношеніе для медвѣдя, мясо котораго дозволяется только варить), затѣмъ отъ него съ видомъ отвращенія откусываютъ по кусочку и пренебрежительно бросаютъ, между тѣмъ какъ обыкновенно почитается великимъ грѣхомъ ронять даже косточку на землю. Послѣ этой процедуры „утонченной" мести, начинается пиръ съ жертвоприношеніями хозяину горъ и убитому. Первымъ бросаютъ въ огонь зажженный трутъ, потомъ разныя яства. На ночь у сруба ставятъ стражу изъ 2-хъ человѣкъ съ копьями на случай, если душа медвѣдя захочетъ отомстить. Караульные убѣжденно увѣряютъ въ такихъ случаяхъ, что слышали крики убитаго: „Ой, медвѣдь!" и бросались съ копьями на невидимаго мстителя. Утромъ на клинкахъ копій будто-бы явственно видны слѣды крови...

Съ окончаніемъ тризны миръ между горными людьми и родомъ убитаго возстановленъ. Послѣдній принятъ и будетъ жить до глубокой старости въ родѣ горныхъ людей, а его сородичи въ теченіе 3-хъ поколѣній будутъ дважды въ годъ (лѣтомъ и зимою) приносить жертвы, часть хозяину горы, часть божественному сородичу...

огромную роль въ религіи гиляковъ. Въ накидкѣ изъ стружекъ хоронятъ обыкновенно избранниковъ. Такой чести удостаиваются, напримѣръ, женщины, родившія двойню, тройню, разсматриваемыя, какъ существа высшаго порядка. Этотъ же нарядъ замѣняетъ бѣднымъ пышныя традиціонныя погребальныя одежды изъ китайскаго шелка, что заставляетъ думать, что одежда изъ стружекъ въ отдаленныя времена была въ общемъ употребленіи, и древность облекла ее въ ореолъ чего-то священнаго.

Если месть священна по отношенію къ медвѣдю, существу божественному, отъ котораго зависитъ благополучіе, и который нерѣдко убиваетъ человѣка не изъ злости, а изъ любви къ нему, и принимаетъ его въ свой родъ, то тѣмъ болѣе она обязательна по отношенію къ чужеродцу.

Мы уже указали вначалѣ на преобладаніе въ императивѣ мести мотивовъ религіозныхъ надъ эмоціональными. Если месть обязательна до 3-го поколѣнія, если она обязательна по отношенію къ убійцѣ случайному, къ другу, когнату, то это уже скорѣе тяготѣющее надъ родомъ бремя, чѣмъ импульсивный актъ, внушенный непосредственной реакціей озлобленія.

Гораздо бóльшую роль, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ упроченія, такъ сказать, этой первоначальной реакціи, играетъ жалость къ душѣ убитаго и страхъ передъ нею и родовыми богами, любовно бодрствующими богами, для которыхъ неотомщенная кровь сородича безспорно величайшее оскорбленіе.

Душа человѣка, умершаго насильственною смертью, не можетъ переселиться въ общее „селеніе покойниковъ", гдѣ она могла бы продолжать такую же жизнь, какъ и на землѣ. Пока она не отомщена, пока кровь убійцы не дала ей силы поднять свои кости, она не въ состояніи покинуть земли и вынуждена кружиться въ воздухѣ въ видѣ птицы-мстительницы, по ночамъ испускающей страшные крики. Конецъ ея ужасенъ: постепенно истлѣвая, она, наконецъ, падаетъ на землю „прахомъ", погибая навсегда. Птицу эту гиляки называютъ т а х ч: это сѣрая птица съ краснымъ клювомъ, „любящая войну". Въ этомъ эпитетѣ и кроется, вѣроятно, источникъ вѣрованія въ птицу-мстительницу: война у гиляковъ исключительно результатъ мести, и, слѣдовательно, хищныя птицы, „любящія войну", очевидно, души убитыхъ сородичей. Надъ могилой убитаго въ видѣ грознаго memento ставится пень съ вывороченными корнями кверху [1]), которымъ придается видъ птицы. Иногда эта послѣдняя изображается съ желѣзными зубами и оконечностями въ видѣ *человѣческихъ* ногъ [2]),

[1]) Обыкновенно же надъ могилами умершихъ естественной смертью корни обращены книзу.

[2]) Экземпляръ такого памятника, вывезеннаго изъ низовьевъ Амура покойнымъ акад. Л. Шренкомъ, хранится въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи, при Академіи Наукъ, въ С.-Петербургѣ.

какъ на нѣкоторыхъ изображеніяхъ свастики. Вотъ эта-то страшная и несчастная, вмѣстѣ съ тѣмъ, птица, ищущая успокоенія и возврата въ царство отошедшихъ сородичей, по ночамъ вопіетъ о мести и, конечно, способна страшно мстить сородичамъ, забывшимъ свои обязанности. Даже, когда дѣло кончается выкупомъ, она остается непримиренной: необходима еще искупительная жертва въ видѣ собаки, сердце которой отдается птицѣ; въ противномъ случаѣ она жестоко мститъ обѣимъ сторонамъ.

Такъ какъ душа убитаго, какъ и всякая душа человѣческая, можетъ существовать только не болѣе 3-хъ поколѣній, то съ 3-имъ поколѣніемъ обязанности мести прекращаются. Но до того жалкая участь души убитаго продолжаетъ мучить совѣсть сородичей и пугать ужасами мести неотомщенной, не давая имъ покою. Эти-то мотивы являются преобладающими надъ непосредственнымъ инстинктомъ отплаты. Вотъ почему ярость мстителей никогда не доходитъ до истребленія цѣлаго рода убійцы, ограничиваясь однимъ или 2—3 его сородичами; тщательно избѣгаютъ убійства женщинъ и абсолютно воздерживаются отъ посягательства на имущество...

Тѣмъ не менѣе императивъ мести чрезвычайно интенсивенъ.

Вѣсть объ убійствѣ въ одинъ моментъ объединяетъ всѣхъ сородичей въ единодушное цѣлое, дѣйствующее съ лихорадочной энергіей. Такую же лихорадочность проявляетъ поневолѣ и родъ убійцы. Для него дѣло идетъ не объ одной только охранѣ убійцы—одному человѣку всегда легко укрыться и выждать мирнаго разрѣшенія конфликта,—а объ охранѣ *всего* рода, *каждаго* сородича, котораго ожидаетъ коварное нападеніе изъ каждаго угла, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ со стороны лихорадочно выслѣживающихъ свою жертву мститетелей. Для нихъ важенъ не убійца непремѣнно, а каждый мужской представитель его рода, хотя бы это былъ грудной младенецъ. Вотъ почему матери, чтобы спасти своихъ дѣтей мужескаго пола, въ моментъ неминуемой опасности самыми ужасными способами готовы замаскировать полъ младенца.

Нетрудно себѣ представить, что переживаютъ до окончанія конфликта обѣ стороны.

Самое счастливое положеніе, когда представители обоихъ враждебныхъ родовъ сожительствуютъ въ одномъ селеніи. Въ

этомъ случаѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мученій ожиданія. Дѣло разрѣшается тогда немедленно послѣ убійства вооруженнымъ столкновеніемъ. Ближайшій родственникъ убитаго въ сопровожденіи нѣскольких вооруженныхъ сородичей бросается къ юртамъ рода убійцы и обрушивается на перваго встрѣчнаго мужчину, за котораго немедленно заступаются его сородичи, и тогда начинается общая схватка, которая въ нѣсколько часовъ кончается, и, если съ обѣихъ сторонъ пало по одинаковому числу жертвъ, то этимъ инцидентъ и разрѣшается. Бываетъ и болѣе счастливый исходъ, именно, когда въ дѣло вмѣшиваются представители третьяго рода, живущаго въ томъ же селеніи, пытаясь часто небезуспѣшно разнять противниковъ и закончить дѣло миромъ.

Но если роды живутъ въ разныхъ селеніяхъ, то возникаетъ военное положеніе со всѣми его послѣдствіями. При этомъ, если селенія близко расположены другъ отъ друга, обороняющіеся —вполнѣ въ осадномъ положеніи. Объ обыденныхъ занятіяхъ внѣ дома рѣчи быть не можетъ: ни охота, ни рыбная ловля невозможны, ибо на каждомъ углу можно ожидать засады. Въ крайнихъ случаяхъ мужчины не иначе рѣшаются удаляться отъ своего дома, какъ имѣя впереди себя женщинъ, обшаривающихъ каждый кустикъ, затаптывающихъ траву, повсюду опасаясь засады. Но, конечно, все это паліативы: въ одну прекрасную ночь придется встрѣтить непріятеля грудью въ своемъ собственномъ селеніи... Наконецъ, при отдаленности мѣстожительства враждующихъ родовъ другъ отъ друга приходится предпринимать далекіе походы пѣшкомъ или на лодкахъ. Это—должно быть импозантное зрѣлище, когда толпа воиновъ, одѣтыхъ въ лучшія одежды, со сверкающими копьями въ рукахъ и колчанами за спиной, съ ножами и японскими кинжалами за поясомъ, яростно потрясая оружіемъ, оглашаютъ первобытную тайгу воплями о мщеніи и призываютъ боговъ всѣхъ стихій о помощи:

Паль—хурн мыя́!	Тлы—хурн мыя́!
Толь—хурн мыя́!	Миф—курн мыя́!

„Богъ горы услышь, богъ моря услышь, богъ неба услышь, богъ земли услышь!“,—размахивая при этомъ копьями и вонзая ихъ въ каждое дерево на пути съ крикомъ: „Чхар, мыя́!—О, де

рево, услышь!"... Но это громкое настроеніе скоро смѣняется болѣе ровнымъ; по мѣрѣ приближенія къ вражескому селенію энтузіазмъ переходитъ въ сосредоточенную серіозность.

Врагъ принялъ свои мѣры: въ его родныхъ мѣстахъ ему лучше извѣстны коварныя мѣста для засады, а въ стратегическихъ пунктахъ онъ подстерегаетъ въ искусственныхъ траншеяхъ, („ямкахъ"), откуда осыпаетъ градомъ стрѣлъ неосторожнаго непріятеля. Немало и другихъ препятствій на пути наступающихъ. На непріятельской территоріи всякій промыселъ опасенъ (у многихъ родовъ онъ даже запрещенъ, у нѣкоторыхъ запрещено также пользованіе водой рѣкъ и ключей); припасовъ, взятыхъ изъ дому, не надолго хватаетъ, а открытое, быстрое нападеніе,—принимая во вниманіе засады и безнаказанность сторожевой службы женщинъ,—не всегда возможно. Съ долгимъ терпѣніемъ и тяжелыми лишеніями приходится выжидать благопріятнаго случая или же рѣшиться въ отчаяніи на крайній рискъ...

Чаще всего обороняющіеся предпочитаютъ ожидать нападенія въ собственномъ селеніи. Тогда, оставивъ женское населеніе, пользующееся неприкосновенностью, мужчины собираются въ отдѣльную юрту, откуда при первомъ сигналѣ караульныхъ о приближеніи непріятеля, они, скрывшись черезъ потайные ходы, собираются вмѣстѣ за юртами, готовые встрѣтить врага. По между-родовымъ обычаямъ битва продолжается ночь, самое большое сутки, пока, наконецъ, не появляются убитые, послѣ чего непріятель уходитъ, а остающіеся считаютъ число павшихъ съ обѣихъ сторонъ. Если со стороны обороняющихся пало болѣе, чѣмъ съ противной стороны, возникаетъ новый casus belli. Нападающіе во всякомъ случаѣ должны считать себя удовлетворенными. Но не всегда дѣло кончалось немногими жертвами. Извѣстны случаи, когда цѣлый родъ погибалъ, въ живыхъ оставались только женщины.

Бывало и наоборотъ, когда во избѣжаніе гибели немногочисленнаго рода, неспособнаго къ сильному отпору, самопожертвованіе одного человѣка искупало общую вину. Мнѣ извѣстенъ случай, когда юноша, виновникъ конфликта, въ тотъ самый моментъ, когда получилось извѣстіе о приближенія непріятеля, сталъ умолять собравшихся вокругъ него въ юртѣ сородичей спастись бѣгствомъ, предлагая своей смертью спасти родъ отъ гибели. И когда сородичи съ потупленными взорами стали выхо-

дить изъ юрты, онъ залпомъ выпилъ для храбрости чашку тюленьяго жиру и опрометью бросился, размахивая копьемъ, навстрѣчу разъяренной толпѣ мстителей... Рыцарство проявляется и во многихъ другихъ формахъ. Хотя обыкновенно набѣгъ мстителей бываетъ слишкомъ импульсивенъ, чтобы люди могли думать о какихъ-либо формальностяхъ нападенія, но эпосъ и преданія сохранили намъ многочисленныя формулы объявленія „войны" черезъ особыхъ посредниковъ, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ далѣе.

Обычная формула гласитъ лаконически: „онъ (мститель) окончательно сказалъ, что воевать съ тобою придти собирается; если ты сильнѣе, его убьешь, если онъ сильнѣе, тебя убьетъ, —такъ сказалъ".

Военные походы предпринимаются не только съ цѣлью мести за убійство сородича. Весьма обычны они и изъ-за женщинъ. „Прерасныя Елены" у гиляковъ служатъ печальными поводами для войнъ даже гораздо чаще, чѣмъ убійства; послѣднія крайне рѣдки, никогда не носятъ корыстнаго характера, являясь исключительно дѣломъ минутной вспышки легко возбуждающагося „варвара" по поводу малѣйшаго оскорбленія его самолюбія. Но изъ за женщинъ столкновенія гораздо чаще. То группа сородичей предпринимаетъ просто романическій набѣгъ, чтобы похитить возлюбленную своего товарища. То походы предпринимаются съ цѣлью насильственнаго возврата похищенной жены сородича,—случаи болѣе серіозные, потому-что актъ этотъ столь же обязателенъ для рода (до 3-яго поколѣнія исключительно), какъ и месть и вира за убійство сородича. Обыкновенно стараются избѣгать кровопролитія, принаравливая нападеніе къ моменту, когда мужчины въ отсутствіи, но дѣло рѣдко обходится—какъ въ моментъ похищенія, такъ и во время преслѣдованія—безъ кровавыхъ столкновеній, которыя неизбѣжно влекутъ за собою необходимость „поднимать родныя кости", т. е. войну со всѣми ея послѣдствіями.

Теперь перейдемъ къ институту выкупа; „тхусінд", отчасти смѣнившему месть, отчасти сосуществующему съ „местью", служа ей необходимымъ коррективомъ.

Какія причины вызвали инстутутъ выкупа на ряду съ категорическимъ императивомъ креваваго возмездія, въ концѣ совер-

шенно вытѣснившагося первымъ, до сихъ поръ остается совершенно невыясненнымъ въ наукѣ.

У гиляковъ, мы думаемъ, легко найти, по крайней мѣрѣ, главнѣйшую причину этого великаго преобразованія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Она кроется въ той особой формѣ экзогаміи, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Каждый родъ связанъ съ массой родовъ, по крайней мѣрѣ, съ 4-мя, узами самаго интимнаго свойства. У рода или родовъ ахмальк онъ беретъ себѣ женъ и отъ нихъ вышли его матери; роду или родамъ ымгі онъ даетъ замужъ собственныхъ женщинъ, дочерей и сестеръ. Эти роды, по естественному порядку вещей, ему дороги, съ ними его связываютъ неразрывно матери, дочери, сестры.

Родъ убійцы легко можетъ оказаться такимъ, который беретъ у него женщинъ, въ которомъ его сестры и дочери, или такимъ, который его снабжаетъ женщинами. Отсюда первое великое смягченіе—неприкосновенность женщинъ въ конфликтахъ мести.

Но этимъ роль женщинъ не ограничивается. Если убійца изъ рода ахмальк, т. е., откуда происходятъ матери и жены мстителей, то нетрудно себѣ представить, что эти женщины не могутъ оставаться равнодушными зрительницами войны противъ ихъ собственныхъ братьевъ и отцовъ. Если же убійца изъ рода ымгі, жены этихъ послѣднихъ тоже не легко примирятся съ тѣмъ, чтобы ихъ мужья и сыновья пали отъ рукъ ихъ собственныхъ отцовъ и братьевъ. Въ обоихъ случаяхъ вмѣшательство женщинъ неизбѣжно, и достаточно немногихъ прецедентовъ миротворнаго вліянія ихъ, чтобы прецеденты обратились въ законный обычай, сначала сосуществующій кровной мести, а потомъ его вытѣсняющій.

Косвенно вліяніе женщинъ въ этомъ отношеніи должно было выразиться еще и другимъ образомъ, чисто механически, если можно такъ выразиться. Ихъ неприкосновенность въ значительной степени фактически препятствовала самому осуществленію кроваваго возмездія. Ихъ сторожевая служба, единственная въ своемъ родѣ, больше должна была изнурять врага и ослабить его духъ, чѣмъ самое активное сопротивленіе. Пользуясь своимъ habeas corpus, онѣ въ полной безопасности день и ночь обходятъ окрестности, обыскивая каждый кустикъ, каждую травку, въ поискахъ за-

сѣвшаго гдѣ-нибудь непріятеля. И если только нападающая сторона не обладаетъ подавляющей численностью, чтобы броситься открыто на ожидающаго врага, то ей никогда не удастся усыпить бдительности неприкосновенной сторожевой цѣпи, и терпѣніе нападающихъ, истощенныхъ недоѣданіемъ, походомъ, мучительностью выжиданія, поневолѣ разбивается о пассивное сопротивленіе слабаго пола, и почва для мира становилась, такимъ образомъ, подготовленной...

Чтобы оцѣнить всю важность пассивнаго участія женщинъ въ борьбѣ родовъ, нужно еще принять во вниманіе, что у многихъ родовъ запрещено разводить огонь на чужой территоріи, пользоваться водой изъ ея рѣкъ и источниковъ, охотиться и т. д., такъ что, подобно библейскимъ жителямъ Гивеона, гилякамъ приходится отправляться въ походъ, нагрузившись мѣхами съ водой и такимъ запасомъ пищи, который человѣкъ способенъ понести на себѣ. При такихъ обстоятельствахъ каждый лишній день выжиданія грозитъ голодной смертью, и такимъ образомъ бдительность женщинъ поневолѣ побѣждаетъ.

Вотъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ. Въ 1851 году 30 человѣкъ жителей с. Тебахъ отправились сухопутьемъ отомстить одному изъ родовъ с. Коль за убійство сородича. Послѣ долгаго перехода и еще болѣе долгихъ и безплодныхъ выжиданій вслѣдствіе бдительности женщинъ, съ шестами въ рукахъ безпрестанно обыскивавшихъ мѣстность, вода въ пузыряхъ, наконецъ, истощилась, и мстителямъ пришлось уйти ни съ чѣмъ и покончить дѣло миромъ... Такъ маленькія причины приводятъ часто къ важнымъ послѣдствіямъ.

Правъ былъ Тайлоръ, когда утверждалъ, что экзогамія смягчала отношенія между родами и вносила миръ, хотя онъ исходилъ изъ ошибочнаго предположенія, что стремленіе къ миру вызвало къ жизни самый институтъ экзогаміи. Правда, первобытный человѣкъ не настолько сентиментален, а главное, слишкомъ „богобоязненъ", чтобы съ легкимъ сердцемъ пожертвовать своими страхами кары за нарушеніе своего кроваваго долга голосу чувства или даже явному интересу, но у него есть, какъ мы знаемъ уже (см. гл. IV), испытанное средство, съ помощью котораго онъ умиротворяетъ боговъ съ полнымъ соблюденіемъ своихъ выгодъ: онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, прибѣгаетъ

къ благочестивому обману боговъ, который даетъ ему возможность и выполнить свой религіозный долгъ, и извлечь матеріальныя выгоды изъ конфликта. Обыкновенно эта важнѣйшая, религіозная процедура института виры совершенно игнорируется, да и не у всѣхъ народовъ сохранились слѣды религіозныхъ церемоній примиренія; у гиляковъ, какъ это мы разскажемъ въ дальнѣйшемъ, это отчетливо явствуетъ изъ ритуала выкупа, требующаго предварительной имитаціи кровавой мести въ видѣ борьбы представителей воюющихъ родовъ, убіенія собакъ и кормленія кровью ихъ духа убитаго.

Теперь перейдемъ къ практикѣ этого института.

Главную роль въ процедурѣ примиренія играютъ такъ называемые хlaj нівух'и [1]).

Хlaj-нівух—буквально: толкующій человѣкъ, краснорѣчивый, ораторъ. Такой человѣкъ пользуется въ глазахъ гиляка особымъ почетомъ, ибо краснорѣчивый индивидъ, по его воззрѣнію, избранникъ особаго божества, которое постоянно вдохновляетъ его, обитаетъ въ немъ и внушаетъ ему красивыя, убѣдительныя рѣчи и неотразимое вліяніе на слушателя. Самая быстрота рѣчи, способность говорить плавно и быстро въ теченіе продолжительнаго времени, независимо даже отъ содержанія рѣчи, уже считается даромъ высшаго порядка. „У него языкъ вертится, какъ крылья вѣтряной мельницы", съ благовѣніемъ характеризуетъ гилякъ выдающихся ораторовъ. Послѣдніе, въ свою очередь, сами смотрятъ на себя, какъ на избранниковъ. На материкѣ они всегда носятъ съ собою деревянный жезлъ, на головкѣ котораго вырѣзано человѣческое лицо, изображающее, повидимому, то божество, которое ихъ вдохновляетъ и помогаетъ имъ убѣждать другихъ. Въ патетическіе моменты они грозно размахиваютъ имъ, клянясь, въ случаѣ неуспѣха своихъ доводовъ, сломать его и навлечь кару боговъ на себя и непокорнаго оппонента. Чаще всего хlaj-нівух вмѣстѣ съ тѣмъ избранникъ и въ другихъ отношеніяхъ: это человѣкъ богатый, искусный въ промыслахъ, бывалый, храбрый, съ большимъ природнымъ умомъ и пользующійся авторитетомъ среди своихъ соплеменниковъ.

Каждый родъ, каждое селеніе имѣетъ своего маленькаго хlaj-

[1]) Беремъ терминъ болѣе распространеннаго западнаго діалекта.

нівух'а, но есть знаменитости, пользующіеся широкой славой среди многихъ народностей края, и ихъ, въ случаѣ надобности выписываютъ, какъ у насъ знаменитыхъ адвокатовъ. Свои функціи они исполняютъ скорѣе honoris causa, потому что ихъ обычный гонораръ—китайскій шелковый костюмъ и японская сабля—едва ли можетъ достойно вознаградить богатаго человѣка за потерю времени и тяжесть обязанностей: даримыя имъ одежда и оружіе служатъ скорѣе ихъ insignia magistratus, оффиціальнымъ облаченіемъ, въ которомъ они исполняютъ свои обязанности во время переговоровъ.

Такъ вотъ, когда родъ мстителей достаточно измучился въ своихъ попыткахъ кроваваго возмездія, или если убійство съ самаго начала произошло при обстоятельствахъ, легко располагающихъ къ примиренію, тогда начинаютъ отыскивать хlaj-нівух'а, который взялся бы за переговоры и съумѣлъ бы добиться наиболѣе выгодныхъ условій. Хlaj-нівух долженъ быть обязательно нейтральнаго рода. Сородича послать нельзя: во-первыхъ, до примиренія грѣхъ имѣть какое-бы то ни было дѣло съ родомъ убійцы, кромѣ того, при естественномъ раздраженіи сторонъ переговоры черезъ сородича могутъ кончиться новымъ убійствомъ. Противная сторона, въ свою очередь, выбираетъ своего „оратора", который долженъ защищать ея интересы при переговорахъ о выкупѣ. Обыкновенно иниціативу беретъ на себя обиженная сторона.

Въ одинъ прекрасный день компанія вооруженныхъ мстителей со своимъ хlaj-нівух'омъ во главѣ появляется передъ селеніемъ „убійцы". Въ ближайшей тайгѣ или на берегу рѣки мстители разводятъ огонь и располагаются лагеремъ, а хlaj-нівух одинъ въ своемъ парадномъ облаченіи, съ копьемъ въ одной рукѣ, котелкомъ въ другой, идетъ во вражеское селеніе. Здѣсь въ одной изъ юртъ его ожидаютъ противники со своимъ хlaj-нівух'омъ во главѣ... Опираясь на свое копье или усѣвшись и закуривъ трубку (непремѣнно „своимъ" огнемъ), онъ говоритъ: „Я посланъ вамъ сказать, что вы нашего человѣка убили, и какого человѣка! Его правая рука стоила столько-то „сялахр" [1]), если бы онъ

[1]) Сялахр—денежная единица, которую гиляки по русски почему-то переводятъ „цѣлковый" и оцѣниваютъ на наши деньги въ три рубля,—повидимому китайскій таможенный ланъ. На эти единицы оцѣниваютъ гиляцкія мѣновыя цѣнности—шагунд (см. выше).

живъ былъ, развѣ онъ согласился-бы взять столько? Его лѣвая рука стоила столько-то и т. д.“. Перечисляются затѣмъ всѣ остальныя части тѣла и подводится итогъ виры. Если противная сторона согласна, она кладетъ въ котелокъ оратора столько палочекъ, сколько было условлено уплатить „цѣлковыхъ“. Но сразу къ соглашенію никогда не приходятъ. Ораторъ противной стороны старается находить извиненія для убійцы и предлагаетъ свой минимумъ выкупа. Это выводитъ изъ себя противника, и онъ гнѣвно уходитъ, грозя прервать переговоры. За нимъ спѣшно бѣжитъ вслѣдъ его коллега, убѣждая уступить. Они садятся, каждый закуриваетъ непремѣнно своимъ огнемъ, спорятъ, опять кто-нибудь вспылитъ и убѣгаетъ, опять сходятся, возвращаются въ селеніе... Этикетъ требуетъ, чтобы соглашеніе было принято не сразу, а послѣ упорнаго сопротивленія, поэтому иногда въ безконечныхъ схожденіяхъ и расхожденіяхъ проходитъ 2—3 дня... Нѣкоторые хlaj-нівух'и на Амурѣ прибѣгаютъ, по обычаю тунгусскихъ племенъ, въ послѣдній моментъ къ помощи своего волшебнаго жезла, который они грозятся сломать и этимъ навлечь кару боговъ на себя и упрямыхъ противниковъ.

Когда соглашеніе достигнуто, начинается религіозный моментъ, о которомъ я говорилъ выше, процедура имитаціи кровавой борьбы, которая должна скрыть отъ души убитаго и родовыхъ боговъ мирный исходъ конфликта.

Процессія мстителей съ хлаj-нивух'омъ во главѣ выступаетъ по направленію къ селенію противника, а ей навстрѣчу движется такая же процессія рода убійцы. На разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ обѣ стороны останавливаются, и выступаютъ впередъ ближайшій родственникъ убитаго со своимъ хlaj-нівух'омъ, а съ другой стороны—убійца со своимъ „посредникомъ“, оба вооруженные луками и копьями. По данному сигналу хlaj-нівух'овъ начинаютъ пускать другъ въ друга стрѣлы или набрасываются копьями, ловко уклоняясь при этомъ отъ стрѣлы и удара. Дуэль, конечно, фиктивная, хотя бываютъ случаи, что противники входятъ въ азартъ, и дѣло кончается печально. Все время хlaj-нивух'и успокаиваютъ своихъ кліентовъ, твердя про примиреніе. Сородичи между тѣмъ проводятъ между противниками по собакѣ и убиваютъ ихъ копьями („кровь за кровь“). Затѣмъ противники бросаются другъ другу въ объятія, и миръ заключенъ. Сердце

убитой собаки отдается въ жертву птицѣ-мстительницѣ (см. выше), а мясо съѣдается на послѣдующемъ пиршествѣ.

Затѣмъ представители обѣихъ сторонъ отправляются въ юрту убійцы, гдѣ разставлены предметы, составляющіе тхусінд,—котлы, копья, сабли, шелковыя матеріи и т. д. Въ уплатѣ послѣдняго участвуютъ всѣ сородичи, каждый по своему состоянію, считая за великій грѣхъ уклониться отъ посильной доли. Съ другой стороны для рода убійцы полученный тхусінд становится общей собственностью. Частью имъ возмѣщаются тѣ драгоцѣнности, которыя понадобились для убитаго въ „селеніи мертвыхъ", частью это становится фондомъ для семьи убитаго и родовыхъ надобностей.

Переговоры о тхусінд по другимъ поводамъ, какъ напр., по поводу похищенной женщины, оскорбленія святыни и т. п., ведутся тоже посредствомъ xlaj-нівух'овъ, но уже безъ особенной торжественности. Посредники обсуждаютъ спорные вопросы въ присутствіи собравшагося народа, выслушиваются мнѣнія присутствующихъ, и рѣшеніе является какъ бы приговоромъ цѣлаго собранія.

7. Грѣхъ одинъ. Хотя нормы и обычаи религіи и поведенія почти тождественны у всего племени, тѣмъ не менѣе каждый родъ имѣетъ свой комплексъ обязанностей и запретовъ, обязательныхъ только для его членовъ. Первый обширный кругъ запретовъ касается половыхъ нормъ. Для членовъ каждаго рода запретны для брака и полового общенія опредѣленныя категоріи женщинъ, напримѣръ, всѣ безъ исключенія женщины, родившіяся въ данномъ родѣ, далѣе, жены младшихъ братьевъ, всѣ женщины, которыхъ зовутъ ымк и ранр, всѣ женщины, происходящія изъ рода „зятей" и т. д., такъ что достаточно знать, какія женщины тому или другому лицу запретны, чтобы безошибочно сказать, къ какому роду онъ принадлежитъ. Къ этой категоріи можно отнести и запреты рѣчи. Для членовъ каждаго рода существуютъ опредѣленные классы лицъ, съ которыми говорить воспрещается; таковы классы тувн (братья и сестры всѣхъ степеней родства), ачьк (мать и тетки жены) и др. Третья категорія запретовъ касается религіозныхъ нормъ въ тѣсномъ смыслѣ. У каждаго рода, какъ мы видѣли, есть свои родовые боги и жертвоприношенія, свои священные предметы, свои повѣрія и, слѣдовательно,

свой ритуалъ роводого культа, общіе для всѣхъ сородичей и съ религіозной стороны совершенно безразличные для чужеродныхъ. Эти многочисленны обряды и предметы культа требуютъ величайшаго къ себѣ уваженія. За всякое нарушеніе ихъ отвѣчаетъ круговой порукой весь родъ, на котораго обрушивается гнѣвъ оскорбленныхъ божествъ, и потому каждый членъ рода не только обязанъ самъ избѣгать нарушенія своихъ табу, но и охранять ихъ отъ нарушенія посторонними. За каждое такое нарушеніе необходимо взыскать тхусінд. Отсюда обычныя тяжбы съ чужеродцами по поводу случайной порчи ограды очага, выноса огня изъ юрты, уроненной косточки медвѣдя во время праздничной трапезы, нарушенія неприкосновенности всѣхъ принадлежностей медвѣжьяго праздника—столбовъ для привязыванія медвѣдей, шестовъ съ ихъ головами, амбаровъ для праздничной посуды и медвѣжьихъ костей и т. д.

Наконецъ, если принять во вниманіе, что терминъ „грѣхъ" обнимаетъ не только запретъ, въ формальномъ смыслѣ, но и обязательность исполненія положительныхъ нормъ, то формула „общій грѣхъ" пріобрѣтаетъ широкій обобщающій смыслъ, становится выраженіемъ принципа единства круга родовыхъ обязанностей вообще. Значеніе этого принципа тѣмъ важнѣе, что обязанности и запреты въ глазахъ гиляка отнюдь не формальныя юридическія нормы, соблюдаемыя подъ страхомъ наказанія, а религіозные императивы, ригористически выполняемые изъ чувства самосохраненія. Для гиляка нѣтъ различія между запрстомъ религіознымъ, половымъ или соціальнымъ: всѣ они одинаково религіозные, а исполнять требованія религіи—значитъ заботиться о благоволеніи боговъ, устраненіи козней враговъ жизни и т. д., иначе говоря, заботиться о своемъ самохраненіи. Не исполнять ихъ, принимая во вниманіе всю родовую подкладку культа, значитъ губить не только себя, но и весь родъ. Отсюда —важное значеніе этого принципа какъ цемента родового союза. Отсюда, съ другой стороны, становится понятнымъ, почему нормы, часто противорѣчащія человѣческой природѣ, требующія огромнаго самообладанія, выполняются не по принужденію, а какъ естественныя требованія инстинкта. Посмотрите, напримѣръ, съ какой силой дѣйствуютъ нормы половыя. Вообще въ дѣлахъ полового инстинкта гиляки, какъ мужчины, такъ и женщины,

слѣдуютъ совершенно свободно естественному влеченію: цѣломудрія нѣтъ ни до, ни послѣ брака: единственная забота—не сдѣлаться жертвой ревности. О какомъ-либо чувствѣ самообузданія и рѣчи нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на полную половую распущенность, съ нашей точки зрѣнія, гилякъ соблюдаетъ абсолютное цѣломудріе по отношенію къ лицамъ запретныхъ категорій: прелюбодѣяніе ему не извѣстно, прелюбодѣй—уродъ, почти не встрѣчающееся исключеніе. То же и въ запретахъ рѣчи. Даже оставаясь съ глазу на глазъ братья и сестры по цѣлымъ днямъ переносятъ муки молчанія, перекидываясь между собою въ случаѣ крайней необходимости рѣдкими дѣловыми обращеніями въ безличной формѣ, а между тѣмъ по темпераменту это люди менѣе всего молчаливые. Конечно, такое самообладаніе—результатъ въ значительной степени воспитанія, дрессировки, но оно бы никогда не достигло такой высокой степени выдержки, еслибы не общее сознаніе гибельности каждаго индивидуальнаго нарушенія для блага всего рода.

Религіозная санкція запретовъ и обязанностей, живое сознаніе всѣмъ и каждымъ „общности грѣха" объясняютъ намъ самую удивительную сторону строя рода, наличность соціальнаго организма и почти полное отсутствіе принудительнаго элемента, власти. Но объ этомъ послѣ.

Таковы основные признаки рода. По нимъ можно судить о всеобъемлющей роли его въ жизни гиляка. Онъ охватываетъ человѣка отъ рожденія до смерти, заполняя все содержаніе жизни Онъ окружаетъ его интимными узами родства какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Онъ соединяетъ живою связью живущее поколѣніе со всѣми отошедшими. Онъ гарантируетъ человѣку бракъ индивидуальный и супружескія права внѣ его, а послѣ смерти обезпечиваетъ его вдову и дѣтей. Онъ охраняетъ его жизнь и неприкосновенность его семьи отъ посягательствъ чужеродца, готовый какъ одинъ человѣкъ встать на защиту попранныхъ правъ сородича и отвѣчать за его вину передъ чужеродцемъ. Онъ кормитъ въ случаѣ голода, платитъ долги неимущаго, выручаетъ въ уплатѣ калыма и виры.

Въ благоволеніи родовыхъ боговъ, въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ человѣкъ находитъ высшее покровительство и самую

сильную гарантію своему благополучію. Родъ—школа нравственнаго воспитанія, школа долга, соціальнаго сотрудничества и самопожертвованія и, наконецъ, въ родѣ человѣкъ находитъ высшія радости и самыя цѣнныя утѣшенія въ наиболѣе горькихъ бѣдствіяхъ жизни,—шумныя радости празднествъ и заботы о блаженствѣ въ загробномъ мірѣ.

Каковъ же механизмъ этого удивительнаго учрежденія, дающаго человѣку больше, чѣмъ современное государство, окружающаго человѣка не только всеобъемлющими заботами, но и обширной сѣтью регламентацій и „грѣховъ"? Гдѣ его внѣшніе признаки и органы, выполняющіе его функціи? Не странно ли, что въ формулѣ рода эти важнѣйшіе съ нашей точки зрѣнія элементы совершенно отсутствуютъ?

VII.

Механизмъ рода.

Норденшильдъ, описывая чукчей, въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „Здѣсь, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ мною стоянкахъ, царствовала совершенная анархія. Тѣмъ не менѣе члены этой безглавой общины жили между собою въ ладу и дружбѣ".

Подобные отзывы легко встрѣтить и у многихъ другихъ путешественниковъ по отношенію къ разнымъ первобытнымъ народамъ. Въ частности то же, что о чукчахъ, сказалъ бы, вѣроятно, Норденшильдъ и о гилякахъ. Та глубокая соціальная организація, которую мы описали въ предыдущей главѣ, составляющая душу всякаго первобытнаго общества и вошедшая въ исторію подъ именемъ рода, остается часто совершенно скрытой отъ взора случайнаго цивилизованнаго наблюдателя, ибо для него все, что не напоминаетъ ему, европейцу, привычныхъ для него элементовъ государственности—территоріи, представителей власти, принудительной регламентаціи строя—есть не больше, какъ „анархія, при которой, къ крайнему его изумленію, тѣмъ не менѣе, члены безглавой общины умудряются жить въ ладу и дружбѣ".

Это именно поражаетъ и въ строѣ гиляцкой жизни. Несмотря на всю сложность соціальной ткани, охватывающей всѣ стороны жизни, всѣ внѣшне-формальные признаки организаціи, которые

невольно ищетъ повсюду европеецъ, либо совершенно отсутствуютъ, либо принимаютъ слишкомъ колеблющіяся формы.

Начнемъ съ территоріи. Совершенно естественно, что члены одного рода предпочитаютъ жить совмѣстно, въ непосредственномъ единеніи и общеніи другъ съ другомъ. Есть, дѣйствительно, нѣсколько селеній, какъ Танги, Няниво, Вискво и др., гдѣ все населеніе принадлежитъ къ одному роду. Въ большихъ зимнихъ юртахъ такихъ селеній можно въ каждой насчитать иногда по 2—3 десятка сородичей и ни одного чужого. Даже тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи, какъ Коль, гдѣ живетъ совмѣстно нѣсколько родовъ, юрты каждаго рода расположены въ рядъ, какъ бы по строго соблюдаемой традиціи. Каждый родъ имѣетъ свои родовыя рѣчки для охоты, распредѣленныя между отдѣльными семьями, среди которыхъ онѣ переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, хотя, впрочемъ, право собственности ограничено фактическимъ пользованіемъ, съ перерывомъ котораго рѣчка становится res nullius и можетъ быть использована всякимъ, даже чужимъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на естественную тенденцію сородичей держаться поближе другъ къ другу, принципъ территоріальности фактически не существуетъ. Въ огромномъ большинствѣ гиляцкихъ деревень составъ населенія смѣшанный. Въ упомянутомъ селѣ Коль я насчиталъ представителей 8 родовъ, въ селеніяхъ меньшихъ по 2—3 рода, и очень мало такихъ, въ которыхъ совсѣмъ не было бы чужеродныхъ. Есть роды, развѣтвленія которыхъ встрѣчаются въ самыхъ различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ гиляцкой территоріи. Эта разбросанность, конечно, есть фактъ, идущій какъ бы въ разрѣзъ съ принципами рода, но она неизбѣжна при данныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Селеніе, расположенное въ особенно благопріятномъ въ рыболовномъ отношеніи пунктѣ, естественно привлечетъ пришельцевъ изъ другихъ родовъ, и, наоборотъ, если родъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ размножился настолько, что исконное селеніе прокормить всѣхъ уже не можетъ, отъ него постепенно выдѣляются переселенцы въ другія мѣста, причемъ выбираются ближайшіе пункты, дабы связь между сородичами не прерывалась. Переселеніе въ очень отдаленные пункты влечетъ за собою фактическое дѣленіе

„огня“ и развѣтвленіе рода. Не менѣе важной причиной смѣшанности населенія является обычай переселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ зятей въ роды тестей, о чемъ подробнѣе будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Такъ или иначе территорія является неопредѣленнымъ признакомъ рода.

У гиляковъ отсутствуетъ даже сознаніе права собственности на территоріи, и не только по отношенію къ своимъ, но и къ чужеплеменникамъ. Когда лѣтъ 50 тому назадъ на Сахалинѣ появились бродячіе тунгусы, которые стали охотиться на исконныхъ территоріяхъ гиляковъ, никому въ голову не приходило протестовать противъ этого, хотя тунгусы пришли небольшими группами и едва-ли были въ состояніи удержаться силой противъ многочисленныхъ аборигеновъ.

Столь же неопредѣленнымъ признакомъ являются и родовыя прозвища. У массы первобытныхъ племенъ, такъ назыв. тотемныхъ, родовое прозвище—одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ внѣшнихъ признаковъ единства рода. Тотемнымъ прозвищемъ является реальный предметъ природы, животное или растеніе, которое изображается на тѣлѣ, на платьѣ, на зданіяхъ и т. д.

У гиляковъ ничего подобнаго нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ существуютъ тотемистическія преданія. Такъ, напр., родъ, живущій въ с. Тангахъ, считаетъ себя родственнымъ съ медвѣдемъ, на томъ основаніи, что одна женщина этого рода родила урода съ чертами, напоминающими медвѣжьи. Подобныя преданія имѣются и въ другихъ родахъ. Тѣмъ не менѣе не только типичныя тотемныя, но и обыкновенныя родовыя прозвища въ собственномъ смыслѣ отсутствуютъ. Прозвища имѣются только территоріальныя. Если гилякъ хочетъ назвать людей такого-то рода, онъ говоритъ „жители такого-то селенія“, что̀ иногда совпадаетъ, съ дѣйствительнымъ мѣстожительствомъ рода, но чаще всего только показываетъ то селеніе, которое было когда-то исконнымъ мѣстопребываніемъ того или другого рода.

Такъ, въ с. Коль есть роды, носящія названія: Тывли-фінг (жители с. Тывли); Мьехре-фінг (жители с. Мьехри), Ньенхай-фінг (жители с. Ньенхай) и т. д., между тѣмъ представители этихъ родовъ уже давнымъ давно живутъ въ упомянутомъ селеніи Коль, порвавъ всякія связи съ исконными мѣстожительствами

своихъ родоначальниковъ [1]). Единственные роды, которые имѣютъ настоящія родовыя прозвища, это основанные выходцами изъ сосѣднихъ тунгусскихъ племенъ; такъ образовались роды Цхарнунгъ, Чориль и т. д. И замѣчательно, что именно у этихъ племенъ мы уже находимъ явный переходъ къ тотемизму. У племени негда, напримѣръ, почти каждый родъ ведетъ свое происхожденіе отъ того или другого рода животнаго (тигра, жабы, медвѣдя и т. д.). У гиляковъ же подобныя явленія встрѣчаются очень рѣдко.

Теперь переходимъ къ самому, съ точки зрѣнія европейца, важному признаку родоваго единства—къ органамъ власти. Какъ ни сложна, какъ мы видѣли, родовая жизнь, родъ не знаетъ никакихъ установленныхъ властей. Правда, китайцы, а за ними русскіе пытались устанавить у гиляковъ институтъ старостъ, и то не родовыхъ, а сельскихъ, но онъ никакого отношенія къ родовой жизни не имѣлъ. Это былъ скверный эпизодъ, но и только. Старосты, назначенные русскими властями, избирались не изъ лучшихъ и даже не изъ богатѣйшихъ жителей, а изъ наиболѣе угодливыхъ, а потому не только никакимъ авторитетомъ не пользовались, но скорѣе презрѣніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистью. Исконный строй рода ничего подобнаго не зналъ. Патріархальная власть, которая по библейскимъ примѣрамъ обыкновенно ассоціируется съ родомъ, и которую еще и теперь мы видимъ, напримѣръ, у бурятъ, киргизовъ, кавказскихъ народовъ и т. д., у гиляковъ, да и вообще у народовъ однородной съ ними ступени развитія, абсолютно отсутствуетъ. Ея не существуетъ даже въ семьѣ. Правда, нѣкоторый деспотизмъ практикуется по отношенію къ женщинамъ, которыя подчинены сначала отцу и братьямъ, а послѣ замужества—мужьямъ, но это—деспотизмъ, ничего общаго не имѣющій съ римскимъ patria potestas. Случаи убійства или продажи въ рабство женъ и дочерей невозможны.

Нерѣдки, правда, случаи принудительной выдачи замужъ, что въ значительной степени связано съ религіозно освященнымъ обычаемъ браковъ между дѣтьми братьевъ и сестеръ, но вообще

[1]) Подобныя территоріальныя названія у австралійцевъ подали поводъ Кунову совершенно неосновательно заключить, что у этихъ племенъ отсутствуетъ родовая организація.

отношеніе къ дочерямъ самое нѣжное какъ до, такъ и послѣ замужества. Между семьями тестя и зятя на всю жизнь устанавливаются, какъ это мы увидимъ, глубокія интимныя узы гостепріимства и взаимопомощи, а въ рѣдкихъ случаяхъ дурного обращенія съ замужней женщиной послѣдняя всегда находитъ фактическую защиту со стороны своихъ родныхъ. Вообще же супружескія отношенія очень мягки, съ женщинами совѣтуются, а болѣе пожилыя даже участвуютъ въ сходкахъ и совѣщаніяхъ сородичей.

Совершенно незамѣтенъ деспотизмъ по отношенію къ представителямъ мужского пола. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть отношеніе старшихъ къ дѣтямъ. Цивилизованному человѣку трудно даже себѣ представить, какое чувство равенства и уваженія царитъ здѣсь по отношенію къ молодежи. Подростки 10—12 лѣтъ чувствуютъ себя совершенно равноправными членами общества. Самые глубокіе и почтенные старцы съ самымъ серіознымъ вниманіемъ выслушиваютъ ихъ реплики и отвѣчаютъ имъ съ такой же серіозностью и вѣжливостью, какъ своимъ собственнымъ сверстникамъ. Никто не чувствуетъ ни разницы лѣтъ, ни положеній. Правда, гиляцкій подростокъ 10—12 лѣтъ обыкновенно уже accomplished gentleman. Онъ не только усвоилъ всю технику обиходныхъ работъ, онъ не только ловкій стрѣлокъ, рыболовъ, гребецъ и т. д., онъ уже фактически работникъ, такой, какъ и всѣ. Мало того, онъ въ значительной мѣрѣ обладаетъ уже и всей суммой духовнаго знанія: онъ знаетъ уже изъ практики всѣ родовые обычаи, всѣ религіозные обряды, помнитъ всѣ родственныя названія, знаетъ легенды, сказки и пѣсни своего племени, и въ довершеніе всего—то знаніе людей и жизни, которое даетъ постоянное пребываніе въ обществѣ взрослыхъ: въ путешествіяхъ, на охотѣ, рыбной ловлѣ, празднествахъ и т. д. Отсюда—и его чувство собственнаго достоинства, и солидность въ рѣчи, и умѣніе держаться въ обществѣ.

Но всѣ эти качества не имѣли бы никакого значенія, если бы патріархальные принципы существовали. И у другихъ малокультурныхъ народовъ молодежь рано достигаетъ самостоятельности, но отъ нея требуется особенная, почти религіозная почтительность къ старшимъ, которые нарочито дрессируютъ ее въ подчиненіи. Ничего подобнаго нѣтъ у гиляковъ. Тѣмъ болѣе не

замѣтно деспотизма главы семьи по отношенію къ взрослымъ членамъ. Сыновья совершенно свободно отдѣляются отъ отца, получая отъ него выдѣлъ въ видѣ утвари, саней и т. п., и, помогая ему долей отъ своей добычи, дѣлаютъ это совершенно свободно, безъ всякаго принужденія. Встрѣчаются большія семьи, живущія общимъ хозяйствомъ, во главѣ котораго стоитъ старшій въ семьѣ, дѣдъ, отецъ или одинъ изъ братьевъ, но это совершенно свободная ассоціація, изъ которой когда угодно можно выступить. И вотъ, даже состоя участникомъ такого хозяйственнаго союза, каждый членъ можетъ имѣть и свое индивидуальное хозяйство въ видѣ саней и собакъ, оружія, пользуясь правомъ на индивидуальные заработки, связанные съ личными заслугами; и то, чѣмъ каждый членъ дѣлится со своими,—а дѣлятся широко особенно съѣстными припасами, какъ природными, такъ и покупными,—удѣляется безъ всякаго понужденія: привозятъ изъ города муку, рисъ, чумизу и т. п., все это варится въ общемъ котлѣ для всѣхъ. Коммунизмъ и индивидуализмъ сочетаются безъ всякихъ треній.

Наконецъ—и это особенно необходимо отмѣтить — во главѣ большой семьи съ общимъ хозяйствомъ стоятъ вовсе не обязательно старшіе по лѣтамъ, а, наоборотъ, чаще всего люди молодые, заявившіе себя своей дѣловитостью, усердіемъ и оборотливостью, словомъ, личными талантами. Старики пользуются авторитетомъ лишь въ вопросахъ спеціальныхъ, какъ хранители традицій, знатоки обрядовъ и исторіи семейно-родовыхъ отношеній. Съ ними совѣтуются въ запутанныхъ вопросахъ родства, дачѣ именъ, имъ предоставляется распоряжаться обрядовой стороной на праздникахъ, но это имъ не даетъ никакой власти, никакихъ преимуществъ.

И вотъ, чего нѣтъ въ семьѣ,—деспотизма старѣйшаго, главы,— того нѣтъ и въ родѣ. Онъ не знаетъ не только полновластныхъ старѣйшинъ — патріарховъ, но и установленныхъ постоянныхъ властей вообще, ни коллективныхъ, ни единичныхъ, ни выборныхъ, ни по праву рожденія и наслѣдства.

Между тѣмъ родъ не фикція: это—сложное учрежденіе, окружающее гиляка густѣйшею сѣтью регламентацій, запретовъ, обязанностей и въ то же время доставляющее ему всѣ блага, матеріальныя и духовныя, прочнаго общественнаго союза.

Мы вернулись такимъ образомъ къ вопросу, поставленному нами въ концѣ предыдущей главы. Гдѣ двигатели механизма этого всемогущаго учрежденія—рода, гдѣ тайна этого удивительнаго соединенія самой тѣсной общественности и абсолютнаго отсутствія деспотизма, всеобъемлющей опеки и регламентаціи съ отсутствіемъ принудительности и сохраненіемъ индивидуальной свободы?

Тайна эта заключается въ двухъ условіяхъ: 1) въ простотѣ экономическихъ условій и отношеній, предоставляющихъ широкій просторъ всестороннему развитію силъ и способностей личности и свободному примѣненію ихъ къ широко и равно открытымъ для всѣхъ дарамъ природы; и во 2-хъ, въ томъ цѣлостномъ соціально-религіозномъ міросозерцаніи, которое совершенно спонтанейно, безъ всякаго внѣшняго давленія, направляетъ волю и дѣятельность каждаго къ гармоніи общаго интереса, ставя на мѣсто внѣшняго принужденія силу внутренняго сознанія каждаго,

Разсмотримъ поближе эти условія, и прежде всего экономическія.

Преобладающая форма труда—индивидуальная или самое простое сотрудничество. Главнѣйшій источникъ пропитанія—рыболовство. Море и рѣки такъ богаты этимъ продуктомъ, что при самомъ скудномъ инвентарѣ каждый при нормальныхъ условіяхъ можетъ личными индивидуальными условіями обезпечить свое существованіе. При добываніи морскихъ звѣрей, правда, необходимо сотрудничество нѣсколькихъ человѣкъ, но все дѣло такъ просто, что тутъ не можетъ быть рѣчи о хозяевахъ и работникахъ, ни о спеціальной организаціи: каждый исполняетъ то, къ чему онъ болѣе способенъ, артель къ тому обыкновенно составляется изъ родственниковъ, и никому и въ голову не приходитъ дѣлить добычу иначе, какъ по числу работниковъ. Часть ея удѣляютъ даже и непринимающимъ участія въ охотѣ, ибо развѣ родовые боги даютъ только однимъ, а не всѣмъ членамъ рода? То же и при охотѣ на лѣсныхъ звѣрей, если она ведется въ компаніи, но обычно охотникъ, какъ и рыболовъ, можетъ совершенно обойтись въ своихъ промыслахъ безъ посторонней помощи. И, дѣйствительно, въ сезонъ рыбной ловли гиляцкое населеніе расходится во всѣ стороны; каждый хозяинъ удаляется на свое излюбленное мѣстечко. Въ сезонъ охоты каждый заби-

рается въ свой промысловый балаганъ и отсюда слѣдитъ за своими ловушками, по недѣлямъ не видя посторонняго человѣка.

Такимъ образомъ, преобладающая форма труда индивидуальная. Каждый долженъ умѣть дѣлать все, обладать всѣми знаніями своего племени, быть равной со всѣми, всесторонне развитой и подготовленной къ жизни личностью.

А такъ какъ дары природы обильны, свободны и доступны усиліямъ каждаго, то благосостояніе человѣка зависитъ, слѣдовательно, исключительно отъ его способностей и усердія. Неравенство, которое, при болѣе сложныхъ условіяхъ, является источникомъ раздоровъ и соціальной розни, здѣсь не проявляетъ своихъ терніевъ. Богатый человѣкъ всѣмъ обязанъ исключительно лично своимъ талантамъ и добродѣтелямъ. Его накопленія никого не могутъ ни порабощать, ни унижать. Кромѣ того, личныя достоинства человѣка—даръ боговъ, и избранникъ не можетъ ни вызывать зависти, ни гордиться своими преимуществами [1]).

Его покровители, посылающіе ему звѣрей въ тайгѣ и рыбу въ водѣ, общіе геніи рода. Копить свои богатства, не дѣлясь съ сородичами, значило-бы присваивать себѣ то, что принадлежитъ ему сообща со всѣми, и высшее честолюбіе такого человѣка —проявлять свою щедрость и благоволеніе окружающимъ.

Таковы экономическія отношенія, выработавшія цѣльную, равную по подготовкѣ и знаніямъ съ другими личность, исключающія возможность взаимнаго порабощенія и создающія здоровую атмосферу сознанія каждымъ своей свободы и самоопредѣленія.

Но высшую цѣльность придаетъ человѣку его соціально-религіозное міросозерцаніе. Основная аксіома каждаго состоитъ въ томъ, что все его существованіе и благополучіе всецѣло въ рукахъ боговъ, въ частности боговъ родовыхъ, дарящихъ свое

---

[1]) Хорошей иллюстраціей къ воззрѣнію гиляка на происхожденіе личнаго богатства можетъ послужить слѣдующій примѣръ. На запад. берегу Сахалина самымъ богатымъ человѣкомъ въ мое время считался нѣкто Гибль изъ с. Танги. Онъ, дѣйствительно, выдающійся по уму, промысловымъ талантамъ и энергіи человѣкъ. Кромѣ того, ему помогли знакомства съ русскими чиновниками, которымъ онъ служилъ поставщикомъ мѣховъ и коллекцій. По логика гиляка видѣла причину его чрезвычайнаго богатства совсѣмъ въ особомъ обстоятельствѣ, именно, въ томъ, что онъ когда-то далеко въ горахъ нашелъ подъ бревномъ какой-то лоскутокъ матеріи, чудесный талисманъ, посланный ему богами.

благоволеніе не одному, а всѣмъ. Всякая попытка монополизировать дары боговъ неминуемо должна повлечь за собою справедливую кару общихъ благодѣтелей рода.

Все, что предписываетъ религія и родовая мудрость для снисканія благоволенія боговъ, является благомъ для каждаго, и исполнять ихъ требованія значитъ только заботиться о себѣ. То же—со всѣми предписаніями родовой регламентаціи, будь это нормы половыя, правила мести или религіозные обряды; всякое нарушеніе ихъ со стороны одного—„грѣхъ“ общій и губительно для каждаго.

Всѣ болѣе или менѣе важные акты соціальной жизни вплоть до самопожертвованія въ битвѣ мести за сородича—категорическіе императивы религіознаго міросозерцанія, не знающіе колебаній, не требующіе понужденія. Всѣ инстинкты самосохраненія совершенно гармонируютъ съ религіозными представленіями. Актомъ мести человѣкъ защищаетъ свою безопасность, но имъ же онъ исполняетъ религіозный долгъ, умиротворяя душу убитаго, которая съумѣетъ покарать, если она останется неотомщенной. И такъ—во всемъ...

Здоровая, цѣльная, всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міросозерцаніемъ, создающимъ полную гармонію личнаго и общественнаго интересовъ и двигателей жизни — такова скрытая, но могучая пружина родового механизма.

Посмотрите, какъ безъ всякой регламентаціи и органовъ принужденія, однимъ произволеніемъ личности, движется сложный механизмъ родовой жизни.

Вотъ умеръ семейный сородичъ. Необходимо обезпечить его семью, сохранить имущество до достиженія совершеннолѣтія наслѣдниковъ и необходимо, во избѣжаніе споровъ, рѣшить, къ кому перейдетъ вдова покойнаго. Нѣтъ судей, нѣтъ властей, но, черезъ нѣкоторое время послѣ погребенія покойника, сойдутся ближайшіе сородичи, потолкуютъ, выслушаютъ претендентовъ, и, на комъ остановятся, тотъ будетъ мужемъ вдовы и отцомъ осиротѣвшихъ.

Или: та или другая семья временно бѣдствуетъ. Нѣтъ спеціальнаго органа, который долженъ былъ-бы позаботиться о ней: это лишнее, потому-что въ любомъ домѣ хотя-бы самаго отдаленнаго сородича она найдетъ гостепріимство и помощь, пока

не минетъ тяжелое время. И никому не обидно, потому что рѣдко кому не приходится время отъ времени пользоваться гостепріимствомъ или оказывать его другому.

Вотъ необходимо устроить хлопотливый и дорого стоющій родовой праздникъ. Нѣтъ ни сборовъ, ни понужденій, ни организаціи пріема гостей и т. п. Каждый по совѣсти готовитъ, сколько въ силахъ, каждый вноситъ свою долю труда, а одинъ кто-нибудь, кто побогаче, беретъ на себя заботы по устройству. Къ нему всѣ сносятъ приготовленныя яства и закупки, къ нему сходятся для участія въ предпраздничныхъ работахъ.

Во время медвѣжьяго праздника съѣзжаются, кромѣ того, со всѣхъ концовъ много десятковъ народу. Надо въ теченіе нѣсколькихъ дней кормить не только людей, но и ихъ многочисленныхъ собакъ. Сколько хлопотъ, сколько расходовъ! Между тѣмъ все устраивается просто и къ общему удовлетворенію. Каждый гость предпочитаетъ заѣхать, разумѣется, къ тому, кто ему поближе по родству или симпатіи, гдѣ его принимаютъ не по долгу, а по влеченію; но и въ любомъ домѣ каждый пріѣзжій находитъ искренній радушный пріемъ, потому-что каждому охота въ дни праздничнаго подъема проявить свою симпатію и широкое общеніе съ новыми людьми.

Явился голодъ, призракъ грозной бѣды, которая можетъ унести все населеніе деревни. Всѣ голодающіе, которымъ не удалось разъѣхаться въ болѣе счастливыя мѣста, собираются въ домѣ того, у кого сохранились запасы, и законы гостепріимства столь же властны въ черный день, какъ въ дни изобилія.

Но худшее бѣдствіе: убитъ сородичъ! Война неминуема!.. Все населеніе становится подъ оружіе. Нѣтъ постояннаго вождя, нѣтъ старѣйшаго, нѣтъ и выборовъ. Естественный вождь давно извѣстенъ и всѣми признанъ: это самый храбрый и удачливый изъ сородичей; это такъ называемый „хозяинъ", „ызь", на него обращены всѣ взоры!

И въ одинъ моментъ равный между равными становится вдругъ военноначальникомъ, отдаетъ распоряженія, распредѣляетъ оружіе, назначаетъ время похода и т. д., и его слушаютъ, какъ диктатора. Умеръ или погибъ этотъ естественный вождь, всякій знаетъ того достойнѣйшаго, который можетъ его замѣнить.

Возникъ гражданскій споръ между сородичами или между пред-

ставителями различныхъ родовъ. Нѣтъ установленныхъ судей, которые ex officio рѣшаютъ споры и тяжбы. Очень часто истецъ является самъ себѣ судьей и исполнителемъ. Разъ отвѣтчикъ отказался добровольно выполнить свое обязательство, истецъ, не задумываясь, отцѣпитъ собаку отъ запряжки должника или полѣзетъ въ его амбаръ, чтобы отобрать себѣ вещь, равноцѣнную его иску. И истецъ считаетъ это въ порядкѣ вещей. Не всегда, конечно, такой способъ возможенъ. Но и тогда дѣло обходится безъ властей предержащихъ. Достаточно только обиженному обратиться непосредственно или черезъ хлай-нівух'а (см. выше) къ одному, двумъ авторитетнымъ лицамъ—„хозяевамъ" изъ сородичей обидчика, и дѣло рѣшается очень скоро. Они вызываютъ обидчика, который является обыкновенно въ сопровожденіи своихъ близкихъ, а иногда хлай-нівух'а. Собираются и посторонніе. По выслушаніи обѣихъ сторонъ и мнѣній присутствующихъ, мнѣніе, принятое большинствомъ, пріобрѣтаетъ силу приговора. Обыкновенно обидчикъ подчиняется добровольно, въ противномъ случаѣ вершители дѣла отправляются въ амбаръ обидчика и отбираютъ присужденное...

Но кто же эти авторитетныя лица, которыя въ экстренныхъ случаяхъ являются на сцену и лично или вмѣстѣ съ „міромъ сородичей, какъ власть имущіе, проявляютъ свою иниціативу и энергію? Какую роль играютъ они въ обыкновенной жизни?

На нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Это такъ называемые ыз —„хозяева" *), иначе урдля-нівухи—хорошіе, т. е. богатые, выдающіеся люди (хорошій и богатый—синонимы у всѣхъ первобытныхъ народовъ). Это индивиды, пользующіеся выдающимся благосостояніемъ, благодаря своимъ исключительнымъ индивидуальнымъ достоинствамъ—храбрости,

---

*) На роль такихъ личностей въ структурѣ первобытныхъ обществъ до сихъ поръ мало обращали вниманія. Ихъ роль затемнялась классифицированіемъ ихъ только какъ представителей богатства. Вотъ одинъ изъ совсѣмъ свѣжихъ примѣровъ такого отношенія. Отдѣльныхъ классовъ „благородныхъ" и „низшихъ" не существуетъ въ сѣверно-западной Калифорніи, но почти во всѣхъ дѣлахъ жизни *богатый человѣкъ* играетъ важнѣйшую роль. (Types of Indian culture in California, by A. Z. Kroeber; University of California, Pubbeations, Sune, 1904 v. II). Еще спасибо, впрочемъ, можно сказать, что подобные факты хоть отмѣчаются.

ловкости, силѣ, предпріимчивости, уму, ставящимъ ихъ въ преимущественное положеніе въ дѣлѣ добыванія средствъ къ жизни. Такой индивидъ—цѣнный человѣкъ для окружающихъ. Для тѣснаго круга своей собственной семьи—онъ естественный глава общаго хозяйства, которое, благодаря его предпріимчивости и талантамъ, ведется съ бо́льшими выгодами, чѣмъ въ разбивку. Громадная семья, группирующаяся вокругъ него, лучше обезпечена не только естественными продуктами, но и покупными—табакомъ, рисомъ, чумизой и т. д., потому что богатство и ассоціація даютъ ему возможность предпринимать дальнія поѣздки для обмѣны пушниной и пріобрѣтенія товаровъ изъ первыхъ рукъ. Онъ хранитель общаго „шагунд" своихъ ближайшихъ родныхъ, и обладатель собственнаго богатаго собранія „шагунд", которымъ въ случаѣ надобности можетъ воспользоваться его сородичъ.

Для всего рода онъ не только человѣкъ, у котораго открытый домъ, у котораго всегда можно хорошо поѣсть, полакомиться табакомъ, чаемъ, послушать интересныхъ вещей, но который можетъ выручить въ минуту нужды. Но особенно безцѣнна его помощь въ моменты общественнаго бѣдствія, какъ война, столкновеніе въ дѣлѣ мести, при тяжбѣ съ чужеродцемъ. У него запасы лучшаго оружія, перевозочныхъ средствъ, его имя страшно врагу, который поэтому гораздо легче соглашается на примиреніе, наконецъ, у него запасы „шагунд", когда придется платить выкупъ. Кромѣ того, обыкновенно такой человѣкъ обладаетъ и недюжиннымъ умомъ, краснорѣчіемъ, богатымъ опытомъ и знаніемъ жизни и людей: это естественный ораторъ, „хлай-нівухъ", играющій столь важную роль въ дѣлахъ мести и гражданскихъ спорахъ; къ нему прибѣгаютъ даже изъ сосѣднихъ родовъ, когда необходимо вмѣшательство посредниковъ. Среди такихъ ыз'ей есть лица, которыя пользуются громкой извѣстностью и почетомъ по всей территоріи гиляцкой осѣдлости. По образу и подобію этихъ ыз'ей создаются образы боговъ, „хозяевъ" горъ, морей, неба, рѣкъ и т. д. Мало того, къ нимъ самимъ относятся не просто съ уваженіемъ, но съ чувствомъ религіознаго преклоненія. Изъ такихъ лицъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вырабатываются тѣ элементы власти, которые мы видимъ у другихъ племенъ, стоящихъ на другой ступени культурныхъ условій. Въ одномъ случаѣ такіе ыз'и становятся совѣтомъ старѣйшинъ, которые передъ народнымъ

собраніемъ въ лицѣ рода рѣшаютъ дѣла общины. При другихъ обстоятельствахъ, когда племя вынуждено вести частыя войны, наиболѣе выдающіеся ыз'и становятся пожизненными или наслѣдственными начальниками племенъ, предводителями дружинъ, викингами, основателями династій.

Но въ родовой жизни гиляковъ подобныя личности не претендуютъ еще ни на что подобное. Ихъ роль слишкомъ еще незначительна, во всякомъ случаѣ случайна въ сравненіи со сложными функціями рода, механизмъ и жизнь котораго зиждется на равноцѣнности и иниціативѣ цѣльной личности каждаго. Что такое ыз̀, какъ не та же цѣльная личность въ ея высшемъ проявленіи индивидуальности? Вліяніе ыз̀я поэтому чисто фактическое, моральное, между нимъ и бѣднѣйшимъ изъ его сородичей нѣтъ еще никакой пропасти ни въ умственномъ, ни въ экономическомъ отношеніи, и въ то же время надъ всѣми доминируетъ высшая братская связь религіозно-соціальнаго союза рода.

Таковъ механизмъ родовой жизни. Его дѣйствительная пружина—всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міровоззрѣніемъ. Организованная власть совершенно отсутствуетъ. За всѣмъ тѣмъ хотя невидимо, безъ всякой претензіи на власть, элементы авторитета имѣются; это элементы не оформленные, выступающіе на сцену стихійно, спонтанейно, отнюдь не какъ постоянные элементы власти, которые отодвигали-бы на заднiй планъ свободное проявленіе личности, но эти элементы все-таки имѣются. Ихъ три:

Прежде всего это х а л ь, родъ, т.-е., вся совокупность или, по крайней мѣрѣ вся наличная въ данный моментъ часть взрослыхъ сородичей, которая, не имѣя ни главы, ни регулярныхъ собраній, обыкновенно неожиданно появляется на сцену, когда какой-нибудь серіозный случай требуетъ его вмѣшательства, и, разрѣшивъ тотъ или другой вопросъ, исчезаетъ со сцены такъ же стихійно, какъ появился.

Далѣе, һејмар'ы, старцы, весь авторитетъ которыхъ заключается въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ культа и родства.

Нѣкоторую роль они играютъ во время родовыхъ праздниковъ, на которыхъ они обыкновенно являются главными распорядите-

лями; это своего рода жрецы рода. Но ни вліяніемъ, ни фактическимъ значеніемъ въ другихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ жизни рода они не пользуются.

Наконецъ, третьимъ элементомъ авторитета являются ызʼн, о роли которыхъ мы уже говорили.

Изъ этихъ трехъ элементовъ при благопріятныхъ условіяхъ могли бы выработаться тѣ разнообразныя формы власти, различныя комбинаціи которыхъ (народныя собранія, совѣтъ старѣйшинъ, патріархи, цари-жрецы и военноначальники, герцоги, викинги, короли и т. д.) находимъ у многихъ полукультурныхъ народовъ въ настоящее время и у всѣхъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ націй на зарѣ ихъ исторіи. Но у гиляковъ эти элементы только въ зародышѣ, и едва ли когда-либо имъ суждено получить толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

VIII.

Междуродовыя отношенія.

Но родъ не самодовлѣющее учрежденіе, и не однимъ родомъ, къ которому человѣкъ принадлежитъ по происхожденію, ограничиваются его интимныя узы.

Каждый родъ, по основному принципу своего матримоніальнаго права, связанъ брачными узами по крайней мѣрѣ еще съ 4-мя родами, родами ахмальк и ымгі. Между этими родами образуется столь важная въ глазахъ первобытнаго человѣка связь кровнаго родства, связь общаго происхожденія по матери (родоначальники всѣхъ 4-хъ родовъ и представители каждаго поколѣнія ихъ взаимно двоюродные братья по матери), а къ этому присоединяются тѣ могучія узы естественной интимности, которыя порождаются поколѣніями женщинъ, переплетающихъ эти роды въ безпрерывной цѣпи брачныхъ союзовъ. На практикѣ, какъ мы знаемъ, узы эти далеко расширяются за предѣлами первоначальныхъ 4-хъ родовъ. Прежде всего, сверхъ этихъ послѣднихъ, каждый родъ, съ которымъ хотя-бы одинъ сородичъ вступилъ въ матримоніальныя отношенія, является уже ахмальк'омъ или ымгі всему его роду. Съ другой стороны, мы знаемъ, что каждый ахмальк и каждый ымгі сохраняетъ свое званіе не

только по отношенію къ тѣмъ родамъ, съ которыми онъ непосредственно связанъ матримоніально, но и къ тѣмъ, которые считаются соотвѣтственно ымгі и ахмальк'ами первыхъ, такъ что, кромѣ ахмальк'овъ и ымгі 1-ой степ., каждый имѣетъ еще таковыхъ 2-ой, 3-ьей степ. и т. д. Всѣ эти роды между собою именуются пандф'ами, лицами общаго происхожденія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ основной принципъ, простой и ясный, который легъ въ основаніе семьи и рода, принципъ, по которому человѣкъ предпочтительно женится на дочери брата своей матери, становится базисомъ кровныхъ узъ и симпатіи не только внутри каждаго отдѣльнаго рода, но и болѣе обширныхъ союзовъ, междуродовыхъ и, наконецъ, всего племени. Правда, въ силу указанныхъ нами неблагопріятныхъ условій, какъ разбросанность маленькаго племени по огромной территоріи и мн. др., эти узы не могли оформиться въ такія законченныя организаціи, какъ фратріи и племена, наприм., сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, но онѣ и тутъ создали атмосферу соціальнаго единенія, которое вывело родъ изъ эгоистической замкнутости на путь междуродового общенія и братства.

Остановимся теперь ближе на тѣхъ узахъ, которыя возникаютъ между родами пандф, между каждымъ родомъ и тѣми, откуда гилякъ беретъ женъ или куда отдаетъ своихъ женщинъ. Эти узы не ограничиваются только одними чувствами, онѣ выражаются въ довольно реальныхъ формахъ.

Прежде всего это обязанность взаимнаго кормленія и гостепріимства. Это въ сущности только распространеніе таковой же обязанности, существующей внутри рода, на кровныхъ пандф'овъ, распространеніе на нихъ того благоволенія родовыхъ божествъ, которое имъ по праву принадлежитъ по женской линіи. „Ымгі (зятя) кормить должно"—такъ гласитъ формула этой междуродовой обязанности.

Это правило, впрочемъ, отнюдь не выражается въ томъ, что ахмальк обязанъ постоянно содержать зятя и его семью въ своемъ домѣ. Можетъ быть, въ очень отдаленное время, въ періодъ матернитета, когда мужъ переходилъ на жительство въ домъ жены, оно фактически такъ и было, но въ настоящее время, при агнатныхъ принципахъ, жена переходитъ въ домъ мужа и обыкновенно совсѣмъ переселяется въ родовое мѣстожительство

супруга. Тѣмъ не менѣе принципъ „кормленія", какъ мы увидимъ, играетъ немаловажную роль въ объединеніи родовъ.

Онъ закрѣпленъ въ особомъ, чрезвычайно своеобразномъ религіозномъ обрядѣ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Въ послѣдній моментъ передъ самымъ уводомъ невѣсты изъ дома ея отца ставится передъ порогомъ съ внутренней стороны большой 4-хъ-ушный чугунный котелъ, привезенный женихомъ, какъ часть калыма за невѣсту, а съ наружной стороны—небольшой котелокъ, принадлежащій отцу молодой. При выходѣ и женихъ, и невѣста должны наступить ногой сначала на внутренній, потомъ на наружный котелъ: первый остается у тестя, а второй увозится домой женихомъ—ымгі. Черезъ годъ, когда, по установленному обычаю, молодые пріѣзжаютъ въ гости къ ахмальк'у, передъ отъѣздомъ повторяется та же церемонія: только на этотъ разъ ставится по обѣимъ сторонамъ порога по котелку и чашкѣ, которыми опять таки взаимно обмѣниваются, какъ и въ первомъ случаѣ. Характерно, что обмѣниваемые предметы носятъ названія н̀іч (моетвое: символъ взаимнаго кормленія), а весь обрядъ называется н̀іч зычывынд (топтаніе н̀іч'а). Онъ называется также: лымызьнзанд—топтаніе порога, чтò указываетъ на религіозный элементъ обряда, въ которомъ играетъ роль такъ называемая лымызьн-мам—старуха, хозяйка порога, женщина-предокъ, геній-хранительница дома, кровь которой течетъ одинаково въ жилахъ обоихъ молодоженовъ, дѣтей брата и сестры. Въ тѣсной связи съ этимъ обрядомъ стоитъ и описанный нами моментъ на медвѣжьемъ праздникѣ, когда передъ стрѣльбой въ цѣль хозяинъ медвѣдя (ахмальк) и его ымгі ставятъ каждый подлѣ себя по топору и котелку, которые тоже называются н̀іч и которыми тоже взаимно обмѣниваются. Если первый обрядъ символизируетъ взаимное кормленіе, то второй—взаимное сотрудничество въ промыслахъ, что, какъ увидимъ сейчасъ, имѣетъ за собою вполнѣ реальное основаніе.

Принципъ „кормленія" не ограничивается періодическими наѣздами въ гости для свиданія съ родственниками жены, хотя и они имѣютъ нѣкоторое экономическое значеніе, такъ какъ всякій разъ ахмальк'и, сверхъ оказаннаго гостепріимства, еще всегда одариваютъ чѣмъ-нибудь цѣннымъ своихъ ымгі, особенно въ первый пріѣздъ послѣ женитьбы, когда зятю дарятся по обы-

чаю, смотря по состоянію, одна или нѣсколько паръ нарядной мужской одежды. Гораздо важнѣе случаи дѣйствительной нужды. Бываютъ моменты, когда собственный родъ оказывается безсильнымъ помочь своему сородичу, потому что бѣдствіе, постигшее одного, постигло всѣхъ. Стоитъ почему-либо въ сезонъ хода рыбы послѣдней почему-либо уклониться отъ обычнаго своего пути, и общее бѣдствіе готово. И вотъ тогда имѣется простой выходъ. Человѣкъ забираетъ свою семью, своихъ собакъ и вообще подвижный скарбъ и переселяется на цѣлый сезонъ въ селеніе тестя.

Здѣсь его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, и онъ съ первой минуты чувствуетъ себя, какъ дома, гдѣ его кормятъ и поятъ и дѣлятся всѣмъ. Конечно, зять не дармоѣдничаетъ, кое-чѣмъ помогаетъ, но это далеко не всегда окупаетъ расходы, вызываемые пріѣздомъ надолго нежданно-негаданно цѣлой семьи, зачастую въ періодъ, когда запасы рыбы уже сдѣланы и увеличить ихъ уже невозможно.

Такія же братскія отношенія между ахмальк'ами и ымгі проявляются въ морскихъ промыслахъ и охотничьихъ предпріятіяхъ.

Наиболѣе важные изъ нихъ требуютъ участія нѣсколькихъ лицъ; таковы—лѣтняя и зимняя (добываніе изъ берлоги) охота на медвѣдя, соболій промыселъ и особенно промыселъ на лодкѣ за морскими животными. И вотъ замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ гилякъ приглашаетъ къ участію чаще всего не своихъ сородичей, а ымгі, притомъ не непремѣнно женатыхъ на его сестрѣ или дочери, а ымгі вообще т.-е. молодыхъ людей изъ того рода, который у него беретъ женъ. Съ ними гилякъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ съ собственными сородичами: съ ними онъ можетъ невозбранно говорить и шутить, между тѣмъ какъ изъ сородичей, какъ мы знаемъ, не со всякимъ это допускается. Въ свою очередь, ымгі чувствуютъ себя среди рода ахмальк'а какъ рыба въ водѣ: всѣ женщины ихъ поколѣнія для нихъ аньгей (жены)—все будущія жены и во всякомъ случаѣ женщины, на которыхъ они во всякое время имѣютъ супружескія права въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Что касается мѣстной мужской молодежи, то она находитъ себѣ реваншъ въ родѣ своихъ ахмальк'овъ, гдѣ представители ея встрѣчаютъ такой же пріемъ у своихъ „тестей“ и среди многочисленныхъ своихъ „женъ“. Между мужской моло-

дежью обоихъ родовъ („навх'ами") [1]) устанавливаются, благодаря частымъ свиданіямъ, уже не говоря о матримоніальномъ родствѣ, самыя трогательныя отношенія. Это та среда, гдѣ больше всего процвѣтаетъ дружба. У гиляковъ очень въ ходу обычай побратимства. Обыкновенно оно выражается въ періодическомъ обмѣнѣ подарками, взаимной помощи въ бѣдѣ и т. п. услугахъ. Но самые трогательные случаи побратимства приходится наблюдать среди навх'овъ. Одинъ такой примѣръ, особенно меня поразившій, мнѣ пришлось видѣть въ с. Нгамбе-во, на восточномъ берегу Сахалина. Оба друга „навх'и" жили въ одной юртѣ, все у нихъ было общее, ходили другъ за другомъ, какъ влюбленные, почти никогда не разлучаясь — настоящіе Орестъ и Пиладъ. Правда, оба были очень молоды, холосты, и трудно сказать, что сталось съ ихъ чувствами впослѣдствіи, но уже одна возможность такихъ примѣровъ рельефно рисуетъ отношенія между членами матримоніальныхъ родовъ.

Принципъ взаимопомощи между послѣдними выражается и въ правѣ наслѣдованія, которое, несмотря на строго агнатную основу, знаетъ одно исключеніе, именно по отношенію къ пандф'амъ: по завѣщанію, какъ мы уже знаемъ, ымгі можетъ получить желѣзный „шагунд" (т.-е. идущій на калымъ), а ахмалькъ — „шагунд" мѣховый (идущій на приданое невѣстѣ). Это правило, сводящее калымъ къ простой формальности перекладыванія его изъ одного кармана въ другой, между прочимъ; служитъ важнымъ указаніемъ того, что калымъ у гиляковъ первоначально не носилъ характера платы за невѣсту, а скорѣе являлся формой религіознаго выкупа. Но за что?

Дѣло въ томъ, что, при гиляцкихъ нормахъ брака, калымъ является вообще странной аномаліей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ бракъ религіозно обязателенъ изъ рода матери, да еще предпочтительно между дѣтьми брата и сестры, то какая же рѣчь можетъ быть о платѣ или выкупѣ за невѣсту? Очевидно, что возникновеніе этого института должно было быть вызвано какой-нибудь новѣйшей перемѣной въ брачныхъ нормахъ. Эту перемѣну мы знаемъ: она заключалась въ томъ, что въ нѣкоторыхъ слу-

---

[1]) Напомнимъ, что навх'ами называютъ себя взаимно ымгі и „братья" ихъ „женъ".

чаяхъ, когда бракъ изъ рода матери оказывался невозможнымъ, приходилось брать женъ изъ посторонняго рода, но этотъ послѣдній, въ свою очередь, обязанъ былъ беречь своихъ женщинъ для собственныхъ законныхъ ымгі и могъ поэтому согласиться на отдачу женщины чужому не иначе, какъ замаскировавъ это какимъ-нибудь актомъ благочестиваго обмана боговъ, который въ то же время былъ-бы связанъ съ личными выгодами тестя. По аналогіи съ религіознымъ выкупомъ при мести (см. выше) и создался институтъ калыма, удовлетворявшій и интересамъ тестя, и требованіямъ религіи. Въ свою очередь, родъ ымгі, нарушившій свой законъ, ограждалъ себя другой фикціей: весь родъ „незаконнаго" тестя получилъ титулъ ахмальк'а и становился какъ бы законнымъ родомъ для брачныхъ союзовъ. По мѣрѣ учащенія подобныхъ случаевъ калымъ, исключительный генезисъ котораго былъ забытъ, сталъ общимъ правиломъ при всѣхъ бракахъ даже съ законными родами.

Таково, можетъ быть, происхожденіе калыма и у другихъ народовъ.

Другимъ важнымъ факторомъ, закрѣпляющимъ узы между матримоніальными родами, является участіе пандф'овъ въ медвѣжьемъ праздникѣ.

Въ смыслѣ цементированія междуродовыхъ отношеній онъ играетъ едва-ли не бóльшую роль, чѣмъ олимпійскія игры для племенного объединенія грековъ. Медвѣжій праздникъ происходитъ каждую зиму то въ одномъ, то въ другомъ селеніи, а въ селеніяхъ многолюдныхъ рѣдкая зима проходитъ безъ праздника. Посѣтить такой праздникъ не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Запрягается нарта, которая имѣется у каждаго хозяина, и отправляются въ путь: все остальное не забота гостя.

Вездѣ по пути, равно какъ и въ селеніи, гдѣ происходитъ праздникъ, будутъ кормить его собакъ и его самого угощать самыми изысканными блюдами. А за маленькое безпокойство путешествія—цѣлый рядъ высокихъ соціальныхъ удовольствій. Во-первыхъ, самый обрядъ праздника—процессія, стрѣльба въ цѣль, убіеніе, обряженіе медвѣдя и т. д. Далѣе, встрѣчи съ самыми умными и почетными представителями племени. Наконецъ, состязаніе въ борьбѣ, гонкахъ, пляскахъ, пиршества, бесѣды, шутки, пѣсни, словомъ—бездна наслажденій. На суровомъ фонѣ

сѣраго существованія, исполненнаго голодовокъ, лишеній, опасностей и однообразія впечатлѣній, медвѣжьи праздники являются самыми свѣтлыми моментами жизни, своего рода вѣхами житейскаго пути, о которыхъ вспоминаютъ и мечтаютъ... Но эти шумныя многолюдныя празднества строго регламентированы. Кромѣ сородичей, приглашаются только ымгі, которые имѣютъ право приглашать уже отъ себя своихъ ымгі, но ахмальк'и вовсе не участвуютъ.

До такой степени строго соблюдается это правило, что тотъ самый хозяинъ, который всѣ силы употребитъ, чтобы какъ можно почетнѣе принять и одарить своего ымгі, на праздникъ къ этому послѣднему даже не приглашается, но за то онъ будетъ первымъ гостемъ у своего ахмальк'а. Образуется такимъ образомъ непрерывная цѣпь, соединяющая длинный рядъ родовъ въ ихъ соціально-религіозныхъ празднествахъ.

Какую важную роль играютъ ымгі на медвѣжьемъ праздникѣ, мы уже отчасти говорили въ главѣ о религіи. Имъ выѣзжаютъ навстрѣчу за много верстъ, имъ предоставляютъ самую почетную функцію на праздникѣ, именно убіеніе медвѣдя, и все время они служатъ центромъ вниманія всего рода. Ихъ вездѣ откармливаютъ до отвала, рвутъ изъ юрты въ юрту и, наконецъ, передъ отъѣздомъ имъ отдаютъ бо́льшую часть туши медвѣдя. Всѣ эти акты гостепріимства и почетнаго вниманія увѣнчиваюття серьезными религіозными обрядами, санкціонирующими братскій союзъ родовъ. Въ началѣ праздника ымгі обмѣнивается съ хозяиномъ ні̇ч'ами (символъ общаго сотрудничества въ промыслахъ, см. выше); передъ отъѣздомъ на прощаніе ымгі даритъ своему ахмальк'у собакъ, которыя вмѣстѣ съ собаками послѣдняго пойдутъ къ хозяину горъ и общему кормильцу рода, а въ послѣдній моментъ ымгі совершаетъ церемонію „топтанія порога“ (см. выше). Такія вещи для первобытнаго человѣка не формальности, онѣ закрѣпляютъ узы родства высшей санкціей религіознаго авторитета.

Но узы эти не ограничиваются только временными „кормленіями“, гостепріимствомъ, приглашеніями на промыслы и празднества.

Онѣ идутъ еще дальше, поднимаясь въ своей интенсивности до силы настоящей родовой связи. Когда у человѣка мало сородичей, или онъ плохо ладитъ съ ними, онъ покидаетъ родовое

селеніе и навсегда переходитъ жить къ пандф'амъ. Вотъ почему, между прочимъ, такъ мало селеній съ однороднымъ составомъ жителей; вездѣ сородичи перемѣшаны со своими ымгі или ахмальк'ами. Но особенно цѣнными оказываются эти узы въ дѣлахъ мести. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда родъ, вовлеченный въ войну, оказывается малосильнымъ, пандф'ы помогаютъ ему „поднимать кость" и обороняться отъ нападеній съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какъ и собственнымъ сородичамъ. Только въ уплатѣ тхусінд пандф'ы не могутъ участвовать. Еще болѣе, быть можетъ, цѣнны матримоніальныя узы въ дѣлѣ примиренія родовъ, особенно когда враждующіе изъ-за мести роды сами между собою пандф'ы, какъ это нерѣдко и случается, и мы уже высказали въ главѣ о мести свое убѣжденіе, что самый институтъ виры, по всей вѣроятности, обязанъ своимъ происхожденіемъ благодѣтельному вліянію женщинъ и религіозно-соціальнымъ узамъ, связывающимъ матримоніальные роды.

Таковы отношенія между родами ахмальк' и ымгі, отношенія, расширяющія узкія рамки замкнутаго рода и распространяющія его симпатіи на цѣлый рядъ постороннихъ родовъ. Это цѣлая школа соціальнаго воспитанія, школа благоволенія, гостепріимства, состраданія, и, наконецъ, соціальной благовоспитанности. Въ этой школѣ создаются тѣ соціальные навыки и чувства, которые въ концѣ концовъ становятся сильнѣе междуродовыхъ узъ, и превращаются въ симпатіи къ цѣлому племени и, наконецъ, къ людямъ вообще. Терминъ навх, которымъ именуютъ другъ друга въ соотвѣтствующихъ поколѣніяхъ представители родовъ ымгі и ахмальк, въ концѣ концовъ сталъ обычнымъ обращеніемъ, съ которымъ адресуются ко всякому чужеродному и незнакомцу. Этотъ формальный оборотъ есть только выраженіе настоящаго глубокаго переворота въ отношеніи къ чужероднымъ.

Гостепріимство, вѣжливость, состраданіе—добродѣтели, которыя гиляки въ дѣйствительности примѣняютъ ко всѣмъ безъ различія, не только къ чужеродцу-единоплеменнику, не только къ исконнымъ иноплеменнымъ сосѣдямъ, какъ ороки, гольды, айны, но и къ новымъ пришельцамъ, тунгусамъ, якутамъ и, наконецъ, къ русскимъ, причинившимъ имъ такъ много зла. Сколько разъ бѣглые каторжные вырѣзывали цѣлыя семьи гиляковъ послѣ самаго гостепріимнаго пріема съ ихъ стороны, и тѣмъ не менѣе

только въ рѣдкихъ случаяхъ гилякъ откажетъ въ гостепріимствѣ забредшему къ нему русскому. Если случалось, что гиляки поступали [1]) жестоко съ бѣглыми, то это было не болѣе какъ родовая месть за убитыхъ сородичей,—то же, что́ они считаютъ своимъ долгомъ дѣлать по отношенію къ своему же единоплеменнику-убійцѣ. Но отдѣльные акты подобнаго рода нисколько не измѣняютъ общаго ихъ отношенія къ иноплеменникамъ. Есть, конечно, и у гиляковъ, какъ у цивилизованныхъ народовъ, національные предразсудки, но они исключительно сводятся къ незнанію, къ незнакомству съ чуждымъ, неизвѣстнымъ элементомъ, дающему полный просторъ для фантастическихъ представленій и опасеній. Такіе предразсудки у нихъ имѣются даже къ своимъ собственнымъ единоплеменникамъ, живущимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, гиляки западнаго берега Сахалина склонны представлять себѣ своихъ же соплеменниковъ Охотскаго берега чуть-ли не людоѣдами, во всякомъ случаѣ крайне злыми и вороватыми, хотя это чистѣйшій предразсудокъ, вызванный незнакомствомъ или обобщенными единичными случаями. Точно также послѣ первыхъ походовъ нашихъ казаковъ въ XVII ст. гиляки не иначе называли русскихъ, какъ кінр (чортъ), но казаки имъ подали достаточно поводовъ къ этому не только своей странной внѣшностью, невиданнымъ одѣяніемъ и оружіемъ, но и цѣлымъ рядомъ безсмысленныхъ жестокостей и разбойнической жадностью къ „сорока сороковъ" цѣнныхъ шкурокъ пушнины. Но теперь, когда гиляки встрѣтились съ мирными русскими людьми, они вспоминаютъ о своемъ старомъ „предразсудкѣ", какъ о смѣшномъ анекдотѣ, и умѣютъ къ своимъ сосѣдямъ относиться съ настоящей человѣчностью.

Но мы удалились нѣсколько отъ нашей главной темы. Мы можемъ теперь резюмировать.

Тѣ несомнѣнные соціальные навыки и чувства, которые мы видимъ въ современномъ гилякѣ, беспорно вынесены имъ изъ благодѣтельной школы соціальныхъ отношеній, выработавшихся первоначально среди матримоніальныхъ родовъ, и отъ нихъ уже были перенесены постепенно сначала и на всякаго единоплемен-

---

[1]) Гиляки разсматриваютъ русскихъ бѣглыхъ, какъ одинъ родъ, представители котораго другъ за друга отвѣчаютъ.

ника, далѣе, на иноплеменныхъ сосѣдей и, наконецъ, на человѣка вообще.

Но источникъ соціальныхъ узъ между матримоніальными родами ахмальк'овъ и ымгі, какъ мы видѣли, коренится въ той удивительной организаціи гиляцкаго р о д а, анализу которой мы посвятили эти главы. Въ этой эволюціи отъ эгоизма замкнутаго рода черезъ узы съ близкими по крови чужеродными пандф'ами до симпатіи и человѣчности ко всякому, близкому и дальнему, заключается, быть можетъ, самый высокій по поучительности выводъ нашего долгаго анализа. Съ того момента, когда установилось правило для человѣка жениться на дочери своего дяди по матери, заложено было и прочное основаніе для широкаго роста соціальныхъ навыковъ и чувствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Штернбергъ.

СМѢСЬ.

Программа для собиранія свѣдѣній о родильныхъ и крестильныхъ обрядахъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ.

Обрядовъ и вѣрованій, пріуроченныхъ къ появленію ребенка на свѣтъ и къ первому періоду его жизни, многократно касалась русская этнографическая литература. Нельзя, однако, не признаться, что во многихъ изслѣдованіяхъ о бытѣ той или другой народности или группы населенія данныя объ этихъ обрядахъ и вѣрованьяхъ носятъ отрывочный характеръ. Облегчить собираніе матеріала въ этой области, по возможности точнаго и полнаго, имѣетъ въ виду предлагаемая программа.

Полнота свѣдѣній о вѣрованьяхъ и обрядахъ, касающихся рожденія ребенка, тѣмъ болѣе желательна, что эти обряды и вѣрованья являются весьма часто цѣнными обломками прошлаго, звеньями, позволяющими на ряду съ другими вѣрованьями, обрядами и обычаями данной группы населенія возстановить цѣпь общаго ея религіознаго міровоззрѣнія. Смыслъ и истинное значеніе отдѣльныхъ родильныхъ обрядовъ и вѣрованій выясняются сравнительнымъ изученіемъ ихъ у различныхъ народовъ земного шара. Какъ вообще въ области вѣрованій, права и народнаго творчества, изслѣдователь и тутъ наталкивается на аналогіи, иногда на полную тождественность, доказывающія, что на одинаковой ступени развитія человѣческій умъ создаетъ и вырабатываетъ по большей части одинаковыя формы выраженія своего міросозерцанія.

Во взглядахъ на фактъ появленія новаго существа въ міръ прежде всего можно отмѣтить смутное представленіе и незнаніе (или пережитки ихъ) естественныхъ причинъ, вызывающихъ зачатіе и рожденіе ребенка. Какъ бы нелѣпы и странны ни казались намъ разсказы, въ которыхъ женщина изъ инородческой или русской крестьянской семьи описываетъ свое состояніе во время ожиданія ею ребенка, кажущіяся ей знаменательными сновидѣнія, примѣты и т. п., собиратель матеріала не долженъ относиться къ нимъ пренебрежительно. Часто эти разсказы, кажущіеся произведеніемъ неразвитого и опутаннаго суевѣріемъ ума, служатъ лишь отраженіемъ древнихъ вѣрованій, частью уже полузабытыхъ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ, Спенсеръ и Джилленъ (Spencer и Gillen), также и Ротъ (W. Roth) отмѣтили, первые—у австралійскаго

племени arunta, второй—у туземцевъ на Tully River полное отсутствіе понятія объ естественной причинѣ зачатія [1]). Едва ли можно сомнѣваться, что подобное же незнаніе раздѣляли съ ними въ отдаленныя времена многочисленныя народности, стоящія теперь на неизмѣримо болѣе высокой ступени развитія. На этой почвѣ выростаютъ слѣдующія представленія.

1 Мужчинѣ отводится лишь ничтожная роль въ зачатіи, и это представленіе поддерживается крѣпко вѣрой въ такъ называемыя чудесныя рожденія. Эта послѣдняя сохраняется у большинства народностей въ формѣ преданій, разсказовъ и сказокъ, которые на первый взглядъ поражаютъ культурнаго человѣка дикостью представленій, но которыя вслѣдствіе этого интересно записать возможно подробнѣе, какъ остатки первобытнаго міровоззрѣнія. Чудесныя рожденія являются широко распространеннымъ мотивомъ народнаго творчества какъ у низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи народовъ, такъ и у такихъ, которые достигли сравнительно высокой ступени цивилизаціи. Въ преданіяхъ алтайскихъ инородцевъ, напримѣръ, богатыри родятся безъ отца, безъ матери, сами собой, иные—изъ костей отца [2]). Въ остяцкомъ эпосѣ Богъ посылаетъ бездѣтнымъ родителямъ «три крошки, величиной съ косточку черемухи»; жена съѣдаетъ ихъ и становится матерью [3]). Беременность отъ съѣденнаго предмета (тѣсто, слюна и пр.) встрѣчается въ монгольскихъ сказкахъ [4]). Въ старинной финской пѣснѣ Св. Дѣва Марія зачала Спасителя, съѣвши ягоды [5]) и т. д. Представленіе, сохранившееся у болѣе культурныхъ народностей въ произведеніяхъ народнаго творчества, можно, однако, встрѣтить гораздо болѣе живымъ у менѣе подвинувшихся въ своемъ развитіи племенъ. Тазы, по свидѣтельству Браиловскаго, вѣрятъ, что въ старину дѣвушки—правда, во снѣ—имѣли сношенія съ медвѣдями и имѣли отъ нихъ дѣтей [6]). Болѣе опредѣленно выступаетъ это представленіе у вотяковъ, которые до сихъ поръ вѣрятъ въ возможность подобнаго факта [7]). Штернбергъ встрѣтилъ у орочей родъ тигра, называвшійся такъ потому, что велъ свое происхожденіе отъ союза тигра и женщины (видѣннаго этой послѣдней во снѣ [8]). Въ вѣрѣ въ чудесныя рожденія изслѣдователь соприкасается съ системой тотемизма, одной изъ отличительныхъ чертъ котораго является признаніе родственной связи между даннымъ племенемъ, или одной группой ея (семьей, родомъ и т. д.) и извѣстнымъ видомъ животныхъ, растеній и пр. предметовъ видимой природы. Тотемическія преданія о чудесномъ рожденіи

---

1) Globus B. LXXXIV, № 15, S. 243.
2) Вербицкій, Алтайскіе инородцы, стр. 139.
3) Patkanov, S. Die Irtysch-Ostjaken, SPt, 1897, s. 102.
4) Потанинъ, Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ. Э. О. 1892, № 2—3. стр. 7, 8, 9.
5) Sitzungsberichte d. Gelehrt. Esthn. Gesellsch. 1887. s. 38.
6) Браиловскій, Тазы или Удиhэ, опытъ этногрѳ. изслѣд. Ж. Ст. 1901. В. II.
7) Смирновъ, Вотяки, стр. 223.
8) Статья Л. Я. Штернберга: Тотемизмъ въ Энц. Слов. Андреевскаго, т. 66, стр. 662.

предковъ-родоначальниковъ народности или группы ея извѣстны и въ русской этнографической литературѣ. Напомнимъ хотя бы преданія родовъ мундусовъ и теолесовъ у алтайскихъ инородцевъ, которые производятъ себя отъ дѣвицы, съѣвшей льдинку и два пшеничныхъ зерна. «Вспоминая свое происхожденіе отъ льдинки, пишетъ о. Вербицкій, (потомки мундусовъ и теолесовъ и по сю пору) приносятъ жертвы преимущественно Тотю—Паянѣ, владыкѣ града, грома и дождя», происшедшему, въ свою очередь, также отъ льда и «отъ ледяного гороха», какъ говорится въ молитвенномъ къ нему обращеніи [1]). Вспомнимъ также тотемическія преданія о происхожденіи отдѣльныхъ бурятскихъ родовъ отъ быка и лебедя, потерпѣвшія болѣе или менѣе значительныя искаженія, но еще весьма ясно свидѣтельствующія о своей тотемической основѣ [2]). Если у данной народности или группы населенія можно и въ прочихъ вѣрованьяхъ и обрядахъ подмѣтить почитаніе того или другого животнаго, растенія и пр., тотемическая основа разсказовъ и сказокъ о чудесномъ рожденіи, о возможности сношеній даннаго вида животныхъ и пр. съ женщинами, хотя бы только въ сновидѣніяхъ, становится весьма опредѣленной, и подобныя сообщенія пріобрѣтаютъ тѣмъ бо́льшее значеніе. Такъ, записанное Браиловскимъ свѣдѣніе о вѣрѣ тазовъ въ возможности женщинъ имѣть дѣтей отъ медвѣдей прекрасно объясняется изъ тотемическихъ воззрѣній тазовъ: тазы хранятъ интересное родовое преданіе, будто они произошли отъ дѣвочки, жившей въ лѣсу, и пойманнаго ею медвѣженка. «И понынѣ, пишетъ Браиловскій, тазы обожаютъ медвѣдя». Медвѣжій же праздникъ, справляемый ими, носитъ характеръ чисто родового торжества [3]). Такимъ образомъ, у тазовъ оказываются и налицо ясно сохранившіяся черты тотемическаго культа медвѣдя, и представленіе о возможности каждой женщины имѣть дѣтей отъ медвѣдей является не изолированнымъ non sens, но укладывается вполнѣ въ цѣпь тотемическихъ представленій, какъ выраженіе тѣсной связи между представителями человѣческой группы и родственной ей и расположеннымъ видомъ животныхъ.

Тотемическія вѣрованія, даже въ своихъ отдаленнѣйшихъ переживаніяхъ, являются отраженіемъ первобытнаго міросозерцанія, при которомъ человѣкъ, стоя еще на низшихъ ступеняхъ культурной лѣстницы, не проводилъ рѣзкой черты между собой и остальной природой, когда, не сознавъ еще своего превосходства въ борьбѣ съ ней, онъ видѣлъ въ рѣкахъ, скалахъ, деревьяхъ, животныхъ и пр. созданій, подобныхъ себѣ, оживленныхъ тѣмъ же духомъ—душой, обладающихъ одинаковыми съ собой качествами и чувствомъ. Остатки этихъ архаичныхъ представленій можно встрѣтить также въ вѣрованьяхъ и обрядахъ, пріуроченныхъ къ появленію живого существа въ міръ. Они сказываются, во-

---

1) Вербицаго, op. c. стр. 136—137.

2) Хангаловъ, Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ. З. В. Сиб. От. И. Р. Г. О. по этн. т. I, в. 1. стр. 19—24 и 3—4. Ср. Потанинъ, Очерки сѣверозап. Монголіи. Спб., 1883. в. IV. стр. 265—267.

3) Браиловскій, op. c.

первыхъ, въ преданіяхъ и сказкахъ, въ которыхъ говорится о возможности для женщины произвести на свѣтъ не только дѣтей, но и звѣренышей, въ преданіяхъ о появленіи того или другого вида животныхъ отъ союза женщины съ животными, о рожденіи полулюдей и полуживотныхъ и т. п. Къ этому же циклу представленій слѣдуетъ отнести и преданіе о вскармливаньѣ ребенка, особенно героя-родоначальника, тѣмъ или другимъ животнымъ. Хотя и слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобные разсказы, по замѣчанію Е. А. Покровскаго [1]), могутъ имѣть фактическую подкладку, нельзя также забывать, что чисто-тотемическія легенды, при развитіи народности, терпятъ измѣненіе именно въ томъ смыслѣ, что родоначальникъ-животное обращается въ животное, вскормившее героя.

Во-вторыхъ, интереснымъ пережиткомъ этого первобытнаго чувства близости къ природѣ служатъ нѣкоторые обряды, въ которыхъ животное, производящее на свѣтъ дѣтеныша, или дерево и растеніе, приносящее плодъ, приравнивается женщинѣ, ожидающей ребенка или ставшей уже матерью. Въ Ориссѣ, напримѣръ, на растущій рисъ «смотрятъ, какъ на беременную женщину, и относительно него соблюдаются тѣ же обряды, какъ и относительно женщины». Яванцы, когда рисъ въ цвѣту, считаютъ растеніе беременнымъ и принимаютъ рядъ предосторожностей, напримѣръ, не стрѣляютъ по-близости, чтобы зерно не потекло раньше времени. На Молуккскихъ островахъ подобныя же мѣры предосторожности принимаютъ во время цвѣтенія гвоздичнаго дерева. По близости отъ дерева не шумятъ, не проносятъ огня. «Боятся, какъ бы дерево не испугалось и не принесло бы плодовъ или не уронило бы плодовъ слишкомъ рано, какъ преждевременно освобождающаяся отъ бремени женщина» [2]). Аналогичные факты извѣстны и по отношенію къ животнымъ. «Священныя книги иранцевъ, писалъ Ядринцевъ, заключаютъ похвалы собакѣ и наставленія, какъ обращаться съ нею, особенно въ болѣзни и беременности ея, и эти наставленія ставятъ собаку наравнѣ съ человѣкомъ» [3]). Вотяки въ день рожденія ребенка не даютъ ничего изъ дома; та же предосторожность соблюдается и въ день появленія на свѣтъ теленка, жеребенка и пр. [4]). У лопарей было въ обычаѣ въ случаѣ болѣзни ребенка перемѣнять его имя. Ребенка при этомъ обмывали растворомъ ольховой коры, «смывая съ него старое имя и нарекая новое». При нареченіи имени собакѣ примѣняли тотъ же обрядъ [5]). Въ Тульской г. существуетъ обрядъ «очищенія» родильницы и всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ родинахъ, сводящійся къ ихъ

---

1) Покровскій, Физическое воспитаніе дѣтей. М. 1884, стр. 360—363.

2) Frazer, The Golden Bough. 1 ed. I, p. 60—61.

3) Ядринцевъ, культъ собаки и почетное ея погребеніе. Э. О. 1894, 4. XXIII, стр. 155.

4) Wasiljef. Uebersicht über die heidnischen Gebräuche... der Votjaken in d. gouv. v. Wjatka u. Kazan. Mém. de la Soc. Finno-Ougr. XVIII. Helsingfors, 1902. S. 103.

5) Харузинъ, Н. Русскіе лопари, стр. 178.

омовенію. «Очищеніе же совершается и надъ кошкой, принесшей котятъ: ее вмѣстѣ съ котятами купаютъ въ рѣкѣ или пруду» [1]). Если приведенные факты поддерживаются въ жизни теперь и объясняются близостью домашнихъ животныхъ къ человѣку въ быту некультурныхъ или малокультурныхъ народовъ, то основаніемъ имъ все же служитъ первобытный взглядъ на растеніе или животное, какъ на существо, мало чѣмъ отличающееся отъ человѣка. Извѣстно, что у многихъ малайскихъ племенъ до сихъ поръ крѣпка вѣра въ душу риса и другихъ растеній. Признаніе души у животныхъ ограничивается теперь у многихъ народовъ признаніемъ ея только за наиболѣе почитаемыми представителями животнаго міра. Такъ, напримѣръ, у якутовъ душа, присущая человѣку, *кутъ*, признается только у коннаго и рогатаго скота [2]), пользующагося у якутовъ, какъ извѣстно, большимъ почтеніемъ. Лопари въ древности признавали человѣческую душу у нѣкоторыхъ животныхъ [3]). У всѣхъ восточно-тюркскихъ племенъ животное считается имѣющимъ не четыре ноги, но двѣ руки и двѣ ноги [4]), что, конечно, существенно сближаетъ его съ человѣкомъ.

2. Неясное пониманіе естественныхъ условій зачатія и рожденія ребенка отразилось въ представленіяхъ, приписывающихъ отцу ближайшее участіе въ актѣ рожденія. Если можно встрѣтить вѣрованье, что нѣкоторые мужчины, правда, обладающіе силой и способностями, недоступными всѣмъ людямъ, какъ, напримѣръ, шаманы у якутовъ, могутъ производить на свѣтъ животныхъ и людей [5]), вѣра въ возможность для отца испытывать муки рожденія вмѣстѣ съ женой или отдѣльно отъ нея, въ возможность перенести страданія жены на мужа, хотя бы посредствомъ различныхъ симпатическихъ дѣйствій или колдовства, не можетъ особенно поразить изслѣдователя. Подобное вѣрованіе было встрѣчено г-мъ Рѣдько у русскихъ крестьянъ [6]). Въ этомъ воззрѣніи важно сознаніе связи между отцомъ и ребенкомъ—связи, признаваемой гораздо болѣе интимной, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ. Вѣра въ таинственную связь между отцомъ и ребенкомъ, еще до его рожденія, дала источникъ ряду обычаевъ и предписаній, которые можно объединить подъ однимъ словомъ: кувада. Этотъ терминъ нельзя признать особенно удачнымъ, но онъ привился въ этнографической литературѣ. О кувадѣ, какъ извѣстно, было писано много [7]), ей придавались различныя объясненія;

---

1) Успенскій, Родины и крестины, уходъ за родильницей и т. д. Э. О. 1895. 4, XXVII, стр. 78—79.

2) Сѣрошевскій, Якуты, стр. 307.

3) Харузинъ, op. cit. стр. 156—157.

4) Катановъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинской окр. Енисейск. г. (1896), Казань 1897.

5) Сѣрошевскій, op. c., стр. 631.

6) Рѣдько. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Э. О. 1899, № 1—2. XL—XLI, стр. 54—56.

7) Укажемъ хотя бы па Тэйлора, Researches... p. 291; Ploss, Das Kind, I. Cap. V.; Ling Roth, въ Jour. Anthr. Instit. XXII, p. 204; Hartland, Legend of Perseus II, p. 400 a. s. и мн. др. См. также въ трудахъ Starcke, Wilken-a, Im Thurn'a, примѣры у Robinson-a, Psych. d. Naturvölker.

примѣровъ ея въ различныхъ частяхъ свѣта было найдено очень много. Въ широкомъ смыслѣ слова, какой и придается ей въ новѣйшихъ этнографическихъ трудахъ, куваду можно опредѣлить, какъ кодексъ ограниченій и запрещеній (табу) для отца, начиная съ зачатія или рожденія ребенка и кончая извѣстнымъ срокомъ послѣ его появленія на свѣтъ, имѣющихъ одну цѣль—благо ребенка—и покоющихся на вѣрѣ въ тѣсную связь межу ребенкомъ и отцомъ. Извѣстно, что предписанія кувады являются весьма стѣснительными, начиная отъ запрещенія ѣсть извѣстную пищу, совершать извѣстныя работы, кончая укладываньемъ отца въ постель вмѣсто роженицы, вплоть до истязанія его у нѣкоторыхъ народностей. Объ источникахъ нѣкоторыхъ запрещеній (табу) будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи ограниченій, налагаемыхъ на мать. Можно только указать въ общихъ чертахъ, что въ основаніи кувады лежитъ «представленіе о переносимости» вредныхъ или считающихся вредными дѣйствій съ одного лица на другое [1]). Нѣкоторые родильные и крестинные обычаи, сохранившіеся до сихъ поръ и въ которыхъ отецъ является такъ или иначе страдающимъ лицомъ, можетъ быть, придется отнести, подъ рубрику: кувада. Едва ли можно согласиться съ объясненіемъ Сумцова, что они служатъ «наказаніемъ мужа за родильныя муки» жены, хотя нельзя, отрицать, что въ настоящее время эта идея иногда (но далеко не всегда) сквозитъ, напримѣръ, у русскихъ крестьянъ въ приговорахъ бабки при кормленіи отца новорожденнаго какой-нибудь противной на вкусъ пищей (сильно посоленной кашей и пр.). Этотъ послѣдній обычай Рѣдько признаетъ, съ своей стороны, за средство избавить отца отъ дѣйствія нечистой силы, подъ дѣйствіемъ и вліяніемъ которой находится, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, какъ отецъ, такъ и роженица [2]). Нельзя упускать изъ виду, что аналогичныя мѣры примѣняются и къ матери. Напримѣръ, въ Виленской г. ей, тотчасъ послѣ рожденія ребенка, даютъ выпить противную смѣсь изъ грѣтаго вина съ красной глиной, медомъ, перцемъ и коровьимъ масломъ [3]). Но подобныя же мѣры могутъ имѣть и совершенно иное объясненіе. Иногда во время мученій родильницѣ засовываютъ въ ротъ волосы или поятъ ее чѣмъ-нибудь противнымъ, чтобы вызвать рвоту и этимъ будто бы ускорить актъ рожденія [4]). Въ Пермской г. повитуха поитъ родильницу мыльной водой, деревяннымъ масломъ, въ надеждѣ, что это облегчитъ выходъ ребенка [5]). Въ всякомъ случаѣ, изучить детально подобные обряды представляетъ значительный интересъ.—Кувада, по замѣчанію Гартланда, не существуетъ на низшихъ ступеняхъ культуры, потому что у низкостоящей народности родство считается по матери, да и роль отца въ фактѣ рожденія ребенка признается весьма ничтожной. Кувада неизвѣстна обыкновенно и народамъ, достигшимъ

---

1) Ploss, Das Kind, s. 158.
2) Рѣдько, op. c., гл. V.
3) Рѣдько, op. cit., стр. 92.
4) Покровскій, op. cit., стр. 45.
5) Покровскій, op. cit., стр. 43.

извѣстной высоты цивилизаціи, потому что предписанія кувады весьма стѣснительны, и часто запрещенія производить извѣстныя работы вредятъ хозяйству [1]). Но она жива еще во многихъ пережиткахъ, иногда довольно яркихъ. Нѣкоторые изслѣдователи, между прочимъ, пр. Сумцовъ [2]), видѣли въ кувадѣ символизацію усыновленія ребенка отцомъ. Въ такомъ значеніи кувада можетъ встрѣтиться лишь у народностей, достигшихъ довольно высокаго развитія; символическія дѣйствія недоступны народностямъ, стоящимъ низко на культурной лѣстницѣ. Нѣкоторые обряды при рожденіи дѣтей, до сихъ поръ недостаточно выясненные (какъ, напримѣръ, поднятіе отцомъ новорожденнаго съ пола), встрѣчающіеся какъ въ древнемъ Римѣ [3]), такъ и въ современной Германіи [4]), у готтентотовъ и тупи [5]), завертыванье ребенка въ отцовскую одежду въ Швейцаріи [6]), у насъ въ Россіи [7]), и т. п. дѣйствія, нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и Сумцовъ, считаютъ за символическое признаніе ребенка отцомъ. Либрехтъ видитъ въ обычаѣ класть возлѣ новорожденнаго отцовскую одежду слѣды кувады [8]). Рѣдько (см. цитир. статью) признаетъ, что нечистая сила боится особенно мужчинъ, откуда вѣрованье, что предметъ, принадлежащій мужчинѣ, имѣетъ особую предохранительную отъ нечисти силы. Въ пользу взгляда Рѣдько говорятъ нѣкоторые аналогичные факты изъ быта другихъ народностей. Въ нѣкоторхыъ мѣстностяхъ Германіи, напримѣръ, женщина послѣ рожденія ребенка выходитъ не иначе изъ дому, какъ надѣвъ на себя часть одежды мужа. Бастіанъ видитъ въ этомъ обычаѣ слѣды кувады [9]). Обычаи въ родѣ вышеупомянутыхъ, безъ сомнѣнія, требуютъ детальнаго изученія, которое единственно можетъ пролить вѣрный свѣтъ на нхъ значеніе. Нельзя также упускать изъ виду, что съ развитіемъ народности нѣкоторые обычаи, коренящіеся въ первобытномъ міросозерцаніи, могутъ получить и символическій смыслъ. Интересно было бы поэтому записать и приговоры, сопровождающіе такія дѣйствія, какъ поднятіе отцомъ ребенка, принятіе его на руки послѣ рожденія или крещенія и т. п. Нѣмецкій этнографъ Э. Г. Мейеръ указываетъ на желательность записыванья подобныхъ обрядовыхъ приговоровъ и привѣтствій, которыми, по обычаю, отецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи привѣтствуетъ новорожденнаго [10]).

3. Неясныя представленія о зачатіи и рожденіи дѣтей отразились и въ вѣрованіяхъ объ участіи въ появленіи дѣтей опредѣленныхъ жи-

---

1) Hartland, Legend. of Perseus, II, p. 409–410.
2) Сумцовъ, О славянскихъ народн. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка. Журн. Мин. Нар. Пр. 1880, XI.
3) Ploss, op. c., I, s. 62.
4) Meyer, Deutsche Volkskunde, s. 102.
5) Ploss, ib.
6) Ploss ib.
7) Покровскій, op. cit. стр. 43.
8) Ploss op. c. I. s. 155.
9) Ploss, op. c., I, s. 155.
10) Meyer. op. и loc. cit.

вотныхъ, птицъ и т. п., о таинственномъ нахожденіи ихъ въ глубинѣ извѣстнаго озера, пещеры, рѣки, дерева и пр. [1]). Въ настоящее время у большинства народностей, достигшихъ извѣстнаго культурнаго уровня, это вѣрованье можно встрѣтить въ качествѣ переживанія въ вѣрѣ, кто̀ приноситъ душу новорожденнаго (въ разсказахъ, которыми объясняютъ въ семьяхъ старшимъ дѣтямъ появленіе на свѣтъ младшихъ). Но корень подобныхъ вѣрованій таится весьма глубоко, въ первобытномъ міросозерцаніи. Представленіе, что опредѣленное животное или птица приносятъ ребенка (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напримѣръ, ворона, въ другихъ—лисица [2]), на о. Рюгенѣ—лебедь и пр. [3]) можно иногда поставить въ связь съ почитаніемъ этого животнаго или птицы, иногда прослѣдивъ его до первобытныхъ тотемистическихъ представленій. Извѣстно, напримѣръ, что въ Римѣ въ тѣсной связи съ рожденіемъ дѣтей стоялъ дятелъ; эта птица или скорѣе олицетвореніе ея, полубогъ Пикъ (Picus—дятелъ), считался покровителемъ родильницы, и, очевидно на него смотрѣли, какъ на приносителя жизни (Lebensbringer [4]). Между тѣмъ тотемическое основаніе культа Пика-дятла врядъ ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Дятелъ обоготворялся сабинскимъ родомъ Picini; онъ, по преданію, предводительствовалъ ими во время ихъ переселенія, что сближаетъ его съ миѳическими животными-предками, руководителями и покровителями группъ; члены рода Дятла не употребляли дятла въ пищу. Наконецъ, римлянамъ былъ извѣстенъ миѳъ о превращеніи Пика, спутника Одиссея, въ дятла. Божество Пикъ изображался, между прочимъ, въ видѣ юноши съ дятломъ на головѣ, а въ древнее время въ видѣ деревяннаго столба съ дятломъ; дятелъ считался птицей, обладающей даромъ прорицанія, все—черты, характерныя для тотемическаго культа. Вѣрованіе въ то, что дѣтей приноситъ аистъ, распространенное, хотя и не повсемѣстно, въ Германіи, Плоссъ ставитъ въ связь съ культомъ аиста, какъ молніеносной птицы (Blitzvogel); колесо, которое кладутъ на крышу дома для него, Плоссъ считаетъ за эмблему солнца [5]). Можетъ быть, однако, этому вѣрованью, такъ же, какъ почитанію аиста, можно найти и другое основаніе. Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить, что аиста запрещено трогать, что его всячески охраняютъ, несмотря на то, что онъ является скорѣе вредной птицей; за причиненіе ему зла угрожаетъ кара [6]). Это тоже черты культа тотемическаго животнаго. Представленія о появленіи дѣтей изъ опредѣленнаго озера, изъ обломка скалы на полянѣ, изъ извѣстнаго потока и т. д. могутъ также имѣть основаніе въ древнѣйшихъ тотемическихъ вѣрованьяхъ, сопряженныхъ съ даннымъ озеромъ, скалой, потокомъ и пр., происхожденіе отъ которыхъ еще смутно вспоминается дан-

---

1) Meyer, op. cit. s. 102.
2) Ploss, op. c., I, s. 7.
3) Meger, op. c., s. 102.
4) Ploss, op. c., I, s. 10.
5) Ploss, op. c. I, s. 6.
6) Ploss, op. c., S. 10, 11.

ной группой населенія. Они могутъ также быть связаны съ культомъ озеръ, рѣкъ, горъ и скалъ и живущихъ въ нихъ духовъ. Тѣ же основанія могутъ быть въ представленіи о появленіи дѣтей изъ опредѣленнаго, одиноко стоящаго стараго дерева [1]) или изъ опредѣленнаго вида деревьевъ или растеній (въ Бельгіи изъ размаринноваго куста [2]), въ Германіи изъ липы, дуба, ясени; послѣднее можно сблизить съ преданіемъ о сотвореніи Одиномъ перваго человѣка изъ ясени и почитаніемъ этого дерева [3]). Здѣсь мы также соприкасаемся съ культомъ деревьевъ въ его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, съ вѣрою въ душу дерева, въ духа, покровительствующаго всѣмъ деревьямъ одного вида, въ духа-покровителя извѣстнаго человѣка, семьи, группы населенія, обитающаго въ извѣстномъ деревѣ и умирающаго (засыхающее дерево) при прекращеніи существованія даннаго человѣка, семьи, рода и пр. Если вѣра въ тѣсную связь духа дерева или данной породы деревьевъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка или группы можетъ вызвать представленіе о возможности данному дереву или породѣ деревьевъ быть источникомъ жизни нарождающагося поколѣнія, она же можетъ служить основаніемъ обычая сажать при рожденіи дѣтей опредѣленное дерево или растеніе, съ жизнью и ростомъ котораго находится въ тѣснѣйшей связи возрастаніе и здоровье ребенка. Этотъ обычай можно отмѣтить въ различныхъ частяхъ свѣта. Съ теченіемъ времени онъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе. Хорошій и дурной ростъ дерева, посаженнаго при рожденіи ребенка, служитъ лишь предзнаменованіемъ, болѣе или менѣе вѣрнымъ, его возрастанія и здоровья. Наконецъ, такое дерево утрачиваетъ всякую связь съ жизнью и здоровьемъ ребенка; оно является лишь его собственностью, а онъ—полновластнымъ хозяиномъ его плодовъ [4]).

Изъ вѣрованій, связанныхъ съ появленіемъ на свѣтъ ребенка, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, широко распространенныхъ по всему земному шару, и все еще недостаточно изслѣдованныхъ, является убѣжденіе въ «нечистотѣ» беременной женщины и родильницы. У многихъ народностей, между прочимъ, и среди русскихъ крестьянъ, это вѣрованье поддерживается въ жизни предписаніями вѣры и церкви, признающими роженицу «нечистой» въ теченіе извѣстнаго періода. Но нельзя упускать изъ виду, что предписанія церкви и высшихъ религій въ данномъ случаѣ основывались на болѣе древнихъ представленіяхъ. Множество народовъ, стоящихъ на весьма низкой ступени развитія, не испытавшихъ вліянія высшихъ религіозныхъ системъ, раздѣляютъ это вѣрованье, напримѣръ, австралійцы [5]). Признаніе беременной женщины и родильницы нечистой сказывается въ слѣдующихъ представленіяхъ. Она считается какъ бы обладающей силой зараженія той «нечистотой», которая ей въ данное время присуща. Заразительно и вредно ея прикосновеніе,

---

1) Meyer, op. c., s. 102.
2) ibid.
3) Ploss, op. c., I, s. 8.
4) Ploss, op. c., I, s. 78.
5) Jevons, Introduction to the History of Religion, p. 75.

и ей поэтому запрещено касаться предметовъ, имѣющихъ особое, священное значеніе для семьи: огня, печи, обѣденнаго стола, соли и пр. Она заражаетъ пищу, посуду, которую употребляла; вслѣдствіе этого ее кормятъ иногда съ палочки, уничтожаютъ посуду, служившую ей [1]). Беременная женщина дѣлаетъ опасной дорогу, черезъ которую проходила; прошедшій за ней будетъ страдать чирьями. Сѣдло или хомутъ, черезъ которые она перешагнула, будутъ тяжелы лошади [2]). Вреднымъ, приносящимъ несчастье считается ея присутствіе. Она устраняется изъ жизни селенія (у хевсуръ), не допускается на празднества (на медвѣжій праздникъ у остяковъ [3]). Одна близость ея заставляетъ портиться воду въ колодцѣ [4]), вино въ погребѣ [5]). Она не должна посѣщать чужія семьи; она является нежеланной гостьей при повязываніи молодой женскимъ чепцомъ (у бѣлоруссовъ), при родахъ, при крестинахъ; она не можетъ быть воспріемницей [6]). Глубокая вѣра въ ея «нечистоту», въ гибельное вліяніе ея прикосновенія и присутствія вызвало появленіе цѣлаго ряда обычаевъ какъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, такъ и у различныхъ народностей земного шара: 1) У многихъ народовъ запрещеніе (табу), налагаемое на роженицу, и предметы, до которыхъ она касается, устраняются посредствомъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Существуетъ рядъ обрядовъ очищенія послѣ прикосновенія къ ней, также и симпатическія средства противъ ея дурного вліянія. Такъ, въ Купянскомъ у. беременная женщина, отправляясь къ роженицѣ, чтобъ не повредить ей, кладетъ за пазуху просо и кусокъ желѣза [7]). 2) Роженицѣ устраивается отдѣльное помѣщеніе (у самоѣдовъ, напр., сямаймякидо—«поганый чумъ» [8]), чтобы предотвратить оскверненіе семейнаго жилья актомъ рожденія. Это временное жилище, по минованіи надобности, уничтожается или очищается. То же дѣлается и съ постелью роженицы. Часто родильницѣ отводятъ лишь отдѣльное помѣщеніе въ общемъ жильѣ, но и оно потомъ очищается. 3) Родильницу оставляютъ одну, безъ помощи, или къ ней допускаютъ лишь бабку, женщину, свѣдующую не только въ поданіи помощи, но и въ мѣрахъ обезопасенія себя и другихъ отъ «заразы», исходящей отъ родильницы. Оставленіе родильницы безъ помощи не слѣдуетъ приписывать исключительно грубости. Такъ, у тазовъ помогать при родахъ считается «грѣхомъ» [9])— слѣдовательно, обычай покидать родильницу вытекаетъ иногда изъ мотивовъ болѣе высокаго порядка. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Новго-

---

[1]) Jevons, op. et l. c.
[2]) Ивановъ, Этногр. мат., собр. въ Купянск. у. Харьковск. г. Э. О. 1897, 1, XXXII, стр. 24.
[3]) Ядринцевъ, О культѣ медвѣдя, преимущественно у русскихъ инородцевъ. Э. О. 1890, 1, IV, стр. 103.
[4]) Ивановъ, op. et loc. c.
[5]) Meyer, op. c., s 188.
[6]) Ивановъ, op. et loc. cit.
[7]) Ивановъ, op. et loc. cit.
[8]) Иславинъ, Самоѣды. Спб. 1847, стр. 120.
[9]) Брайловскій, op. c., стр. 374.

родской, Нижегородской и Пермской г.) женщина добровольно удаляется изъ жилого помѣщенія въ хлѣвъ, сарай и пр. (даже зимой) и остается одна во время рожденія ребенка. Бабку зовутъ лишь по появленіи ребенка на свѣтъ. Основаніемъ этого обычая въ настоящее время выставляется боязнь «сглаза» [1]), но онъ, безъ сомнѣнья, можетъ корениться въ еще болѣе первобытныхъ воззрѣніяхъ. 4) Опредѣляется срокъ, у различныхъ народностей различный, въ теченіе котораго роженица считается нечистой и опасной. По минованіи его нерѣдко надъ ней совершается обрядъ очищенія. Иногда она не сразу возвращается подъ кровъ мужа, но сначала переходитъ изъ помѣщенія въ помѣщеніе, соотвѣтственно убыли въ ней заражающаго элемента. Иногда она, прежде чѣмъ вернуться къ мужу, живетъ нѣкоторое время въ своей родной семьѣ. 5) Лица, соприкасающіяся съ ней, считаются въ свою очередь нечистыми. Въ такой роли оказывается прежде всего новорожденный. Часто отецъ не долженъ прикасаться къ нему, пока его не обмоютъ и пр. Иногда «нечистотѣ» считается подверженнымъ и мужъ. Онъ такъ же, какъ и жена, устраняется изъ общей жизни, будучи также въ состояніи оказать вредное вліяніе своимъ присутствіемъ. Наконецъ, зараженной отъ роженицы оказывается находившаяся съ ней въ тѣсномъ соприкосновеніи бабка. Обрядъ очищенія во многихъ случаяхъ производится не только надъ родильницей, но и надъ ребенкомъ, мужемъ, бабкой и, наконецъ, надъ всѣми, присутствовавшими при родахъ.— Объясненія этого страннаго, на нашъ взглядъ, воззрѣнія были предложены нѣсколькими изслѣдователями. Плоссъ видитъ причину страха передъ беременной женщиной и родильницей въ воззрѣніи, что состояніе беременности и актъ рожденія является въ глазахъ первобытныхъ народовъ болѣзненнымъ процессомъ [2]), съ чѣмъ едва ли можно согласиться въ виду легкости прохожденія этого процесса у первобытныхъ народовъ. Кромѣ того, большинство настоящихъ заболѣваній у малокультурныхъ народностей, несмотря на то, что причиной ихъ въ весьма многихъ случаяхъ приписывается дѣйствію или присутствію сверхестественныхъ духовъ или нечистой силы, не возбуждаютъ ни страха заразы, ни подобнаго отношенія къ больному. На этомъ же основаніи едва ли можно видѣть въ убѣжденіи, что женщина-мать находится во власти нечистой силы, источникъ страха передъ ней. Взглядъ Сумцова, что опасеніе вызываетъ присутствующая въ женщинѣ-матери таинственная сила, «вызываемая душой зародыша», едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Ближе, быть можетъ, подходили къ рѣшенію его изслѣдователи, разсматривавшіе его въ связи съ запрещеніями (табу), окружающими женщину въ другіе періоды ея жизни, при другихъ функціяхъ женскаго организма [3]). Быть можетъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на вѣрованье въ «нечистоту» ея можетъ также изученіе вѣро-

[1]) Покровскій, op. cit., стр. 41—42.

[2]) Ploss, op. c. I, стр. 49.

[3]) Ср. хотя бы статью Durkheim'а, La prohibition de l' inceste et ses origines. L' Année Sociologique. 1-er année. P. 1898.

ванья въ опасность прикосновенія вообще съ другимъ человѣкомъ, съ предметомъ и т. п., отъ которыхъ можно ждать гибельнаго вліянія. [1]) Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ источникѣ признаванія женщины-матери нечистой въ теченіе извѣстнаго періода времени можетъ быть правильно рѣшенъ лишь при детальномъ изученіи его хотя бы въ болѣе или менѣе яркихъ пережиткахъ.

Несмотря на вышеизложенное воззрѣніе на женщину, готовящуюся стать матерью, какъ на носительницу нечистоты, мѣстами встрѣчается чрезвычайно внимательное къ ней отношеніе, стремленіе освободить ее отъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, работъ, удовлетворить всѣмъ прихотямъ ея въ пищѣ и т. п. За исключеніемъ случаевъ, когда народность доросла до уровня, при которомъ уже появляется гуманное отношеніе къ женщинѣ въ трудное для нея время, эти заботы о ней нельзя выводить изъ этическихъ мотивовъ. Сумцовъ приписываетъ ихъ тому же чувству страха передъ женщиной, которое, помимо собственной души, носитъ въ себѣ еще начало другой, не облекшейся въ плотскую форму, таинственной души [2]). Если бы удалось установить, что та или другая народность имѣетъ ясное представленіе о томъ, что женщина съ минуты зачатія и до рожденія ребенка находится во власти пребывающей въ ней таинственной или нечистой силы, боязнь отказать ей въ желаемой пищѣ (по нѣкоторымъ народнымъ разсказамъ такой отказъ карается свыше), удручить ее непосильной работой и пр. могла бы проистекать отъ страха передъ этой незримой силой. Съ бо́льшей легкостью, однако, внимательное отношеніе къ женщинѣ, готовящейся стать матерью, можно отнести къ широкому кругу обрядовъ и предписаній, вытекающихъ изъ заботы о будущемъ ребенкѣ.

Бытъ народностей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, даетъ примѣры удивительной заботливости о ребенкѣ и до, и послѣ его рожденія. Мать у такъ называемыхъ дикарей, у некультурныхъ и полукультурныхъ народовъ (а иногда и отецъ) безропотно подвергаютъ себя многимъ лишеніямъ, иногда весьма чувствительнымъ и трудно переносимымъ, лишь бы обезпечить своему ребенку долгую жизнь, здоровье, желательныя качества, наконецъ, даже красоту. Многочисленныя предписанія, связывающія свободу женщины-матери, основаны 1) на вѣрѣ въ тѣснѣйшую связь между матерью (какъ мы видѣли и между отцомъ) и ребенкомъ и 2) на вѣрѣ въ такъ называемую «симпатическую магію» (Sympathetic magic, Analogiezauber). Эта послѣдняя заключается въ убѣжденіи, что извѣстныя дѣйствія, качества и пр. вызываютъ непремѣнно въ окружающей природѣ, другомъ человѣкѣ, предметѣ и пр. соотвѣтствующее дѣйствіе, качество и пр., и, мало того—что опредѣленными дѣйствіями можно вызвать опредѣленное же дѣйствіе. Покоится она на плохомъ знаніи малокультурнаго человѣка законовъ при-

---

[1]) Ср. у Crawley, The mystic Rose. A study of primitive marriage. Lond. 1902, въ кот. онъ, м. п., оспариваетъ положеніе Дюрглейма въ вышеприведенной статьѣ.

[2]) Сумцовъ, op. et loc. cit.

роды и причинной связи явленій. Случайнаго совпаденія двухъ напоминающихъ другъ друга явленій достаточно, чтобы при маломъ опытѣ и отсутствіи критики натолкнуть первобытнаго человѣка на мысль, что одно изъ нихъ явится причиной другого, или утвердить его въ вѣрованіи, будто подобное имѣетъ какъ бы магическую власть вызывать подобное. Отсюда формула: *какъ—такъ*, фигурирующая въ заговорахъ, и являющаяся основаніемъ для многочисленныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣль вызвать опредѣленный эффектъ, соотвѣтствующій этому дѣйствію. Сѣя капусту, напримѣръ, нѣмецкая крестьянка обматываетъ себѣ голову платкомъ въ нѣсколько рядовъ; отъ этого кочны капусты будутъ полны и листья будутъ также плотно прилегать другъ къ другу въ нѣсколько рядовъ, какъ и ея платокъ голову. Сѣя рѣпу, нѣмецкій крестьянинъ надѣваетъ большую круглую шляпу; величина и форма шляпы магически подѣйствуютъ на величину и форму будущей рѣпы [1]) ихъ. Влюбленная дѣвушка у южныхъ славянъ, вынувъ слѣдъ своего возлюбленнаго, сажаетъ въ эту землю безсмертникъ—Neven (Calendula officinalis). Какъ растетъ и не вянетъ цвѣтокъ, такъ и любовь парня къ ней не будетъ вянуть, но расти [2]). Приступая къ пахотѣ, крестьянинъ Могилевской г. Мстиславскаго у. катаетъ по лошади яйцо со словами: «будь мой конь такъ гладокъ и повинъ (покоренъ), якъ ето яйцо» [3]). Не только качества, видимые признаки и дѣйствія вызываютъ соотвѣтствующія качества и пр.—подобную же магическую силу имѣютъ и слова. Дѣвушки боснянки, желающія выйти замужъ, удаляются въ укромный уголокъ, и одна изъ нихъ, взявъ пригоршню проса, дѣлаетъ видъ, что сѣетъ его. Подруга спрашиваетъ: «Что ты сѣешь, сестрица?» Она отвѣчаетъ: «Сѣю просо, чтобы посватали тебя и меня...» (Sijem proso, da prose i mene, i tebe...) [4]). Здѣсь колдовство основано на однозвучныхъ словахъ. Примѣровъ симпатической магіи можно привести множество изъ быта всѣхъ народностей земного шара. Въ предписаніяхъ, окружающихъ женщину во время ожиданія ею ребенка, она сказывается необычайно ярко. Кажется, что при той тѣсной связи, которая признается между ней (отчасти и отцомъ) и ребенкомъ, она является какъ бы особенно чувствительнымъ проводникомъ этой таинственной силы и поэтому должна чрезвычайно беречься. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предупредительность къ женщинѣ, готовящейся стать матерью, вытекаетъ прямо изъ этихъ соображеній. Такъ, у нѣмецкихъ крестьянъ существуетъ взглядъ, что если отказать будущей матери въ какой-нибудь пищѣ, особенно желаемой ею, ребенокъ при жизни никогда не получитъ вдостоль этого вида пищи, или же на тѣлѣ его появится опухоль, напоминающая своимъ видомъ отказанное яблоко, рѣдьку и пр. [5]). Будущая мать (также иногда и

---

[1]) Meyer, op. c. s. 228.

[2]) Krauss, Sitte u. Brauch d. Südslaven. s. 165.

[3]) Шейнъ. Мат. для изученія быта и яз. населенія сѣверозап. края. T. II. стр. 228.

[4]) Krauss, op. cit. s. 170.

[5]) Meyer, op. c. s. 186.

отецъ) ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ; ее связываетъ рядъ запрещеній (табу). На Ніасѣ она не должна посѣщать дома, гдѣ есть мертвецъ; иначе умретъ ея ребенокъ; она не должна выжимать масло, иначе у ребенка будетъ болѣть голова. У камчадаловъ неправильное положеніе ребенка было въ одномъ случаѣ приписано тому, что отецъ, во время родовъ, гнулъ дерево [1]). Въ Купянскомъ у. женщина, ожидающая ребенка, не должна выплескиват воду черезъ порогъ, иначе ребенокъ будетъ страдать рвотой [2]). Особенно часты запрещенія относительно пищи. Пріемъ извѣстнаго рода пищи, какъ извѣстно, нерѣдко служитъ у некультурныхъ народностей средствомъ овладѣть извѣстными качествами (напр. употребленіе мяса дикихъ животныхъ для полученія храбрости, съѣданіе съ этой цѣлью сердца, головы и пр. отличавшагося выдающимися качествами павшаго врага и пр.). Пищевые табу изъ опасенія заполучить непривлекательныя качества извѣстныхъ животныхъ (трусость, слабость, слѣпота крота и пр.) соблюдаются у многихъ некультурныхъ народностей всѣми членами племени. Та же мысль сказывается и въ пищевыхъ табу, налагаемыхъ на будущую мать (иногда и отца). На Ніасѣ родители будущаго ребенка не употребляли въ пищу мясо совы, изъ страха, что ребенокъ будетъ не говорить, но кричать, какъ сова. У карйбовъ отцу воспрещалось ѣсть мелкихъ звѣрей, чтобы ребенокъ не былъ худымъ, мясо кабана, чтобы онъ не родился съ хоботомъ, извѣстнаго вида птицъ, чтобы онъ не былъ нѣмымъ и т. д. [3]). Аналогичные запреты у южныхъ славянъ изъ тѣхъ же основаній приведены у Крауса, Sitte и Brauch bei d. Südslaven s. 534—535. Хотя пищевые табу во время ожиданія ребенка и вытекаютъ преимущественно изъ вышеприведенныхъ цѣлей, необходимо, однако, къ каждому такому случаю отнестись особенно внимательно. Въ пищевомъ табу, соблюдаемомъ будущей матерью, могутъ отразиться слѣды почитанія того или другого животнаго, исчезнувшаго уже въ данной группѣ населенія, но соблюдаемаго еще наиболѣе консервативнымъ ея элементомъ, женщинами.

Роль нечистой силы въ судьбахъ женщины-матери пространно разобрана въ прекрасной статьѣ г. Рѣдько (Э. О. 1899 № 1—2, XL—XLI). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по народнымъ воззрѣніямъ женщина-мать, а также и ея ребенокъ, находятся въ чрезвычайной опасности отъ нападенія сверхъестественныхъ силъ. Въ теченіе извѣстнаго срока они какъ будто находятся въ ближайшемъ соприкосновеніи съ міромъ духовъ. Воззрѣніе это сказывается въ слѣдующихъ представленіяхъ. 1) Страданія женщинъ считаются иногда не свойственными ей по природѣ; они «разсматриваются цѣликомъ, какъ результатъ нападенія на нее призрачныхъ враговъ» [4]), благодаря чему отъ нихъ можно избавиться рядомъ пріемовъ, имѣющихъ часто характеръ борьбы съ нечистой силой. Большой интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи заговоры и молитвы, спеціально

[1]) Ploss, op. c. s. 37, 38.
[2]) Ивановъ, op. c. стр. 24.
[3]) Robinson, Psychologie der Naturvölker, s. 55—57.
[4]) Рѣдько, op. c. стр. 87.

пріуроченные къ состоянію беременности и къ рожденію. 2) Извѣстный срокъ, различный у разныхъ народностей, считается опаснымъ какъ для родильницы, такъ и для новорожденнаго. Особенная опасность заключается въ возможности для нечистой силы подмѣнить ребенка. 3) Рожденіе мертваго ребенка, смерть дѣтей въ семьѣ, безплодіе приписываются не естественнымъ причинамъ, но дѣйствію враждебныхъ силъ, которыхъ можно принудить измѣнить свое враждебное къ данной женщинѣ поведеніе. Въ этихъ вѣрованьяхъ мы соприкасаемся съ интереснѣйшими демонологическими представленіями данной группы населенія, какъ о духахъ мрачныхъ и злобныхъ, препятствующихъ благополучному появленію ребенка (напр. Ави-сули у месховъ [1]), Албоста у киргизовъ [2]) и др.), такъ и о духахъ, имѣющихъ отношеніе къ судьбѣ ребенка (роженицы у славянскихъ народностей, «урисницы» у болгаръ Таврической г. [3]), или о вѣдьмахъ—«вѣщицахъ» или «труболёткахъ», вынимающихъ плодъ (зап. Сибирь [4]) и пр. Въ средствахъ борьбы съ сверхъестественной силой ясно выражается вѣра въ волшебную или симпатическую силу нѣкоторыхъ предметовъ, какъ напримѣръ, ножа, ножницъ, вѣника, хлѣба, соли, яица и т. п. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ интересно точнѣе опредѣлить, дошла ли данная группа населенія до символическаго пониманія силы этихъ предметовъ или въ ней сохранились еще остатки болѣе древнихъ представленій (напр. о духѣ ножа или ножницъ, какъ, напримѣръ, у бурятъ [5]), о духѣ покровителѣ дома, имѣющемъ преимущественное мѣстопребываніе въ хлѣбѣ, какъ, напримѣръ, у нѣмцевъ [6]) и т. п.). Весьма интересно также изученіе различныхъ амулетовъ и ладонокъ, носимыхъ женщиной-матерью и ребенкомъ, или подвѣшиваемыхъ близъ постели роженицы и колыбели новорожденнаго. Подобные предметы, какъ бы незначительны они ни казались на первый взглядъ, слѣдуетъ тщательно разсмотрѣть и подробно разспросить объ ихъ значеніи. Такъ, напримѣръ, обыкновеніе киргизовъ подвѣшивать къ колыбели ребенка, между прочимъ, когти беркута и хвостъ ежа [7]) можно поставить въ связь съ ихъ вѣрованьемъ, что беркутъ, принесенный въ домъ къ родильницѣ, отгоняетъ своимъ крикомъ злого Албосту, и съ почитаніемъ ежа за священное животное, сумѣвшее нѣкогда отнять у черта спрятанное имъ солнце [8]). Насколько важны точные разспросы объ амулетахъ, можно видѣть на примѣрѣ чукотскаго дѣтскаго браслета, состоящаго изъ ремешка и бусыньки. Это простое и мало замѣтное, быть можетъ, украшеніе имѣетъ, однако, глубокій таинственный смыслъ. Бусынька,

---

[1]) Хахановъ, Месхи. Э. О. 1891, 3, X, стр. 10—11.

[2]) Поярковъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Э. О. 1891, 4. XI, стр. 42.

[3]) Державинъ, Н. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. Э. О. 1898. 3. XXXVIII, стр. 41.

[4]) Живая Старина, 1896, в. III и IV. стр. 542.

[5]) Хангаловъ, Свадебные обряды и пр. у бурятъ Унгинскаго вѣдомства. Э. О. 1898, 1. XXXVI, стр. 65.

[6]) Meyer, op. cit. s. 209.

[7]) Поярковъ, op. c. стр. 38.

[8]) ibid. стр. 39—40.

оказывается, представляетъ священный бубенъ, а ремешокъ — духа-покровителя [1]). Въ средствахъ борьбы съ безплодіемъ нерѣдко можно также натолкнуться на слѣды весьма архаичныхъ вѣрованій. Такъ, напримѣръ, остатки культа очага и вѣра въ священное значеніе очага—покровителя семьи рода сказываются въ слѣдующемъ обычаѣ южныхъ славянъ. Женщина, страдающая безплодіемъ, ставитъ на очагъ чашку съ водой. Мужъ ударяетъ головой объ головню; когда нѣсколько искръ попадутъ въ воду, жена выпиваетъ ее. Другое средство—съѣдать съ этой же цѣлью червя, найденнаго въ вѣткѣ орѣшины,—Краусъ сближаетъ съ культомъ души дерева [2]). Въ значеніи фетишей, избавляющихъ женщину отъ безплодія, выступаютъ иногда болѣе или менѣе ясно куклы, которыя, очевидно, у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, народностей, служили не только излюбленной дѣтской игрушкой. Такъ смотрѣлъ на куклы венгерскій этнографъ Янко, по мнѣнію котораго куклы служатъ не столько игрушками, сколько религіозно-суевѣрнымъ цѣлямъ, имѣя отношеніе къ плодовитости женщинъ [3]). На то же значеніе куколъ указалъ и нѣмецкій этнографъ Андрэ. У африканской народности финго каждой дѣвушкѣ при наступленіи совершеннолѣтія дарится кукла; она хранитъ ее при себѣ, пока у нея не родится первый ребенокъ. Кукла пользуется почитаніемъ [4]). Въ томъ же значеніи покровителя женскаго плодородія выступаютъ куклы у чукчей. Женщина, выходя замужъ, уноситъ съ собой свои куклы и прячетъ ихъ подъ изголовье, чтобы скорѣе имѣть дѣтей. Отдавать куклы нельзя—это значило бы отдать залогъ плодородія семьи [5]). Въ томъ же значеніи куклы выступаютъ иногда въ свадебныхъ обрядахъ: молодымъ дарятъ куклы, какъ «пожеланіе... счастья и потомства» (у терскихъ казаковъ, у грузинъ [6]). Чѣмъ ниже бытъ изслѣдуемой группы населенія, тѣмъ возможнѣе и легче смѣшать игрушки-куклы съ тряпичными и иными фигурками, имѣющими совершенно другое назначеніе и глубокій смыслъ. Такъ, дѣвушки якутки въ Колымскомъ округѣ кладутъ надъ своими кроватями на балкѣ сдѣланныя изъ цвѣтныхъ тряпокъ фигурки. Это, однако, не куклы, но изображенія Айсытъ, «существа женскаго рода, символа плодородія по преимуществу», духа, дающаго жизнь новорожденному, и дѣвушки якутки держатъ близко къ своимъ постелямъ эти куклы, «желая вымолить плодородіе» [7]). Не надо забывать также, что въ инородческой семьѣ можно встрѣтить куклы, въ которыхъ воплотилась или введена волшебнымъ дѣйствіемъ душа умершаго ребенка, близость котораго къ матери можетъ, по взглядамъ нѣкоторыхъ малокультурныхъ народовъ, дать возможность матери въ скоромъ времени зачать новаго ребенка.

---

[1]) Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей. Сб. Музея по Антр. и Этн. при Им. Ак. Н. П. СПБ. 1901, стр. 16.

[2]) Krauss, op. c. s. 531

[3]) Gabnay, Ungarische Puppen, Globus. B. LXXXI, № 13.

[4]) Andree, Ethnographische Paralellen, N. F. s. 92.

[5]) Богоразъ, op. c. стр. 49.

[6]) Малявкинъ, Станица Червленая. Э. О. 1891. 1, VIII, стр. 134.

[7]) Сѣрошевскій, Якуты. Т. I. Спб. 1896, стр. 673.

Въ обрядахъ и вѣрованьяхъ, связанныхъ съ послѣдовательной смертью дѣтей въ семьѣ, съ безплодіемъ женщины, появленіемъ мертворожденнаго ребенка, можно иногда встрѣтить обломки первобытной вѣры въ способность души человѣка вести самостоятельное существованіе, возможность для нея блуждать и быть возвращенной просьбами и извѣстнаго рода магическими дѣйствіями. Такъ, у якутовъ обрядъ сити быг(h)оръ, совершаемый въ семьѣ, гдѣ не живутъ дѣти, имѣетъ цѣлью уловленіе души будущаго ребенка. Къ веревкѣ, протянутой черезъ юрту и обмотанной вокругъ матери, привязываютъ, между прочимъ, птичку. Шаманка острымъ ножемъ перерѣзываетъ веревку (нарушая, такимъ образомъ, козни злого духа, которые изображаетъ веревка), и птичка падаетъ на женщину. Птичку эту затѣмъ хранятъ въ особомъ гнѣздышкѣ. Якутки вѣрятъ, что здоровье и жизнь родившагося, по совершеніи обряда, ребенка тѣсно связано съ ней [1]). Та же вѣра сказывается и въ обыкновеніи якутовъ послѣ смерти ребенка изготовлять куклу изъ лошадиной или коровьей бабки, въ которую вселяется душа ребенка [2]), и въ воззрѣніи вотяковъ, что мертворожденнаго можно вернуть къ жизни, вымоливъ для него душу у предковъ [3]).

Изъ обрядовъ, сопровождающихъ появленіе на свѣтъ ребенка, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыми обставлены дача имени ребенку и его крещеніе. Естественно, что въ обрядахъ крестинныхъ меньше всего можно ожидать слѣдовъ первобытныхъ вѣрованій, хотя эти послѣднія и продолжаютъ существовать въ болѣе или менѣе ясныхъ пережиткахъ и подъ кровомъ церкви. Но нерѣдко случается, что инородческія группы населенія, причисленныя къ православному вѣроисповѣданію, наряду съ христіанскимъ обрядомъ крещенія сохраняютъ и языческій обрядъ дачи имени или на ряду съ именемъ, даваемымъ православнымъ священникомъ новорожденному, даютъ ему и другое—языческое,—сообразно прежнимъ своимъ взглядамъ. Въ такихъ случаяхъ, конечно, наибольшій интересъ представляетъ языческій обрядъ или его переживаніе, хотя не лишены интереса и формы, въ которыхъ отливается желаніе народности перенести на новую, еще не усвоенную вѣру, требованія прежней вѣры отцовъ.

Въ дачѣ имени новорожденному проявляется необычайно ярко вѣра въ связь человѣка съ его именемъ, наблюдаемая у многочисленныхъ народностей. Эта вѣра сквозитъ: 1) въ убѣжденіи, что существуютъ имена счастливыя и несчастливыя, что имя можетъ обезпечить тому, кто его носитъ, благополучное существованіе или, наоборотъ, навлечь на него несчастіе. Та забота о ребенкѣ, которая заставляетъ женщину-мать подчиняться ряду иногда стѣснительныхъ предписаній во благо ребенка, руководитъ ею при выборѣ имени новорожденному. Наиболѣе подходящее для него имя стараются узнать путемъ гаданья, вѣрятъ указаніямъ во снѣ и т. п. Заботы о благополучіи ребенка вынуждаютъ иногда давать

---

[1]) Приклонскій, Три года въ Якутской Области. Ж. Ст. 1891, III, стр. 65.
[2]) ibid. стр. 64.
[3]) Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края, стр. 85.

ему имя некрасивое, унизительное и т. п. Имя, непріятное само по себѣ, имѣетъ великое преимущество: оно можетъ отогнать или обмануть злую силу духовъ, враждебно настроенныхъ противъ ребенка. Поэтому дача имени некрасиваго, унижающаго и т. п. происходитъ обыкновенно въ семьяхъ, гдѣ часто умираютъ дѣти. Быть можетъ, боязнь выбрать имя неудачно заставляетъ при выборѣ руководствоваться не собственными соображеніями, а положиться на случай: называть ребенка по имени вошедшаго въ жилище первымъ послѣ рожденія его, по имени встрѣтившагося животнаго, растенія, перваго попавшагося на глаза предмета и т. п. 2) Имя можетъ доставить извѣстное покровительство ребенку. Эта вѣра сказывается при выборѣ имени святого для младенца въ христіанской семьѣ. Но оно имѣетъ гораздо болѣе древнее основаніе. Вслѣдствіе интимной связи животнаго, растенія, предмета и пр. съ его наименованіемъ, животныя, растенія и пр. или духи, оживляющіе ихъ, обязаны покровительствовать ребенку, носящему ихъ имя. Ребенокъ, благодаря своему имени, входитъ въ извѣстныя тѣсныя отношенія съ тѣмъ или инымъ видомъ животнаго, растенія и пр. Частая дача одного и того же имени въ данной группѣ населенія по имени извѣстнаго вида животнаго, растенія и пр. можетъ имѣть основаніе въ почитаніи этихъ послѣднихъ. 3) Имя можетъ служить средствомъ перенести извѣстныя качества на новорожденнаго. Съ этой цѣлью, напримѣръ, даютъ иногда дѣтямъ имена умершихъ родственниковъ. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе культъ предковъ. 4) Наконецъ, въ дачѣ ребенку имени умершаго можетъ проявляться архаичная вѣра въ переселеніе души умершаго въ новорожденнаго, вѣра во вторичное рожденіе. Это вѣрованье весьма широко распространено [1]. Въ переживаніяхъ оно встрѣчается еще среди низшихъ, слоевъ населенія Западной Европы, напримѣръ, въ Норвегіи, гдѣ новорожденному давали имя умершаго родственника, «чтобы дать покойнику возможность вновь ожить». Если норвежская крестьянка, ожидающая ребенка, увидитъ во снѣ покойника, она даетъ его имя ребенку: покойникъ, по ея воззрѣнію, ходилъ по землѣ, «ища имени» и успокоится, когда его имя будетъ дано новорожденному [2]. Вѣра въ переходъ души умершаго въ новорожденнаго встрѣчается мѣстами и у русскихъ инородцевъ.—Увѣренность въ важномъ значеніи имени для человѣка, необходимости его имѣть для благополучнаго существованія заставляетъ многочисленныя народности относиться съ сожалѣніемъ къ душамъ дѣтей, умершихъ безъ полученія имени. У лопарей надъ могилой такого ребенка воетъ по ночамъ мрачный духъ удбоеръ; избавить отъ него ребенка можно только, крикнувъ ему имя [3]. Среди

---

[1] Примѣры изъ быта некультурныхъ народностей см. у Тэйлора, Первоб. культура, II, стр. 76 и далѣе; у германскихъ народностей—Golther, Deutsche Mythologie. Lpz. 1895, s. 96—97.

[2] О слѣдахъ этого представленія въ крестинныхъ обрядахъ см. статьи Jiricek. въ Mitt. d. Schlesischen Ges. f. Volkskunde, 1894—95 s. 34 и далѣе и Maurer-а въ Ztsch. d. Vereins f. Volkskunde, 1895, s. 99.

[3] Харузинъ, op. c., стр. 162.

русскаго крестьянскаго населенія ходятъ также многочисленные разсказы о душахъ некрещенныхъ дѣтей, не имѣющихъ покоя, но которыхъ можно успокоить, давъ имъ имя.

Материнская забота, мягкимъ теплымъ лучемъ освѣщающая обряды и вѣрованья, связанныя съ рожденіемъ ребенка, съ необычайной трогательностью сквозитъ въ суевѣрныхъ представленіяхъ, относящихся къ смерти родильницы. Мать, по представленію многочисленныхъ народностей, и послѣ смерти не оставляетъ попеченія о своемъ ребенкѣ. Душа ея возвращается; она навѣщаетъ по ночамъ новорожденнаго, пеленаетъ, купаетъ, кормитъ его грудью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ей облегчаютъ приходъ, напримѣръ, въ теченіе извѣстнаго времени стелютъ ей еще постель [1]); въ другихъ все-таки стараются обезопасить себя отъ нежелательнаго посѣщенія мертвеца. Для этого стараются обмануть ее, отвлечь вниманіе (средства, употребляемыя во избѣжаніе посѣщеній покойниковъ вообще): ей кладутъ въ гробъ пеленки, чепчики дѣтскіе и пр., иглу, нитки и пр., чтобы она могла на томъ свѣтѣ заняться обшиваньемъ ребенка, или ставятъ за дверь воду и мыло, чтобы она тамъ купала ребенка [2]) Иногда примѣняютъ къ ней ту же мѣру, какъ и къ умершимъ колдунамъ: въ ея могилу вбиваютъ осиновый колъ (въ Германіи и Даніи) и тѣмъ пригвождаютъ или, можетъ быть, умерщвляютъ совсѣмъ ея неспокойную душу [3]). Въ яркомъ свѣтѣ предстоятъ здѣсь древнія вѣрованья въ существованіе души послѣ смерти и матеріалистическій взглядъ на самую душу.

Мы коснулись въ этомъ бѣгломъ обзорѣ нѣсколькихъ главныхъ группъ вѣрованій и обрядовъ, связанныхъ съ появленіемъ на свѣтъ ребенка. Мы видѣли, что основанія ихъ таятся глубоко, хотя та или другая группа населенія и забыла настоящіе источники этихъ обрядовъ и вѣрованій; что понять истинный смыслъ ихъ возможно путемъ сравненія подобныхъ же обрядовъ у другихъ племенъ и народностей, изученіемъ другихъ вѣрованій или оста тковъихъ у той же группы населенія. Но если родильные обряды и вѣрованья освѣщаются общимъ міровоззрѣніемъ данной группы, не надо забывать, что они, детально изученные, могутъ пролить сильный свѣтъ на вѣрованья и весь духовный складъ изслѣдуемой народности или части ея.

Для лицъ, неопытныхъ еще въ собираніи путемъ опроса этнографическихъ свѣдѣній, намъ хотѣлось бы сдѣлать слѣдующія указанія. Всякая программа имѣетъ одинъ недостатокъ: она какъ бы наводитъ вопросомъ на опредѣленный отвѣтъ и нѣтъ сомнѣнія, что при недостаткѣ опытности можно получить изъ устъ вопрошаемаго отвѣтъ, подтверждающій вопросъ программы и не находящій себѣ соотвѣтствія въ дѣйствительной жизни. Поэтому, первымъ требованіемъ при собираніи этнографическаго матеріала является провѣрка записанныхъ свѣдѣній, путемъ ли разспроса

---

1) Robinson, op. c., s. 159

2) Robinson, op. c., s. 160.

3) Meyer, E. H. Germanische. Mythologie, s. 71.

объ одномъ и томъ же предметѣ нѣсколькихъ человѣкъ, путемъ ли возвращенія къ тому же вопросу черезъ нѣсколько времени. Далѣе, сама программа для данной группы населенія можетъ оказаться недостаточной, въ ней могутъ быть опущены вопросы, относящіеся спеціально къ этой группѣ или народности. Въ виду всего этого мы признавали бы наиболѣе цѣлесообразнымъ для изслѣдователя начать не съ разспросовъ по программѣ, а съ просьбы разсказать весь процессъ родинъ, ухода за новорожденнымъ, крестинъ и пр. Желательно при этомъ получить и возможно точное объясненіе каждаго обряда со стороны разсказчика и присутствующихъ. Эти объясненія изъ устъ народа необычайно цѣнны: они могутъ иногда освѣтить вполнѣ тотъ или другой обрядъ. Но нельзя забывать, что съ развитіемъ народности или группы ея мѣняется и объясненіе его. Архаичное міровоззрѣніе уступило болѣе просвѣщеннымъ взглядамъ; болѣе гуманное отношеніе сгладило примитивныя грубость и дикость, и обряду, коренившемуся въ далекихъ временахъ первобытности, подыскано болѣе удовлетворяющее современному міровоззрѣнію объясненіе. Но изслѣдователь не можетъ останавливаться на этомъ: онъ долженъ стараться идти глубже, отыскать корни обряда, для этого коснуться иногда и другихъ вѣрованій изслѣдуемой группы. Поэтому при вторичномъ разспросѣ онъ уже можетъ пользоваться наводящими вопросами програмы. Они позволятъ, съ одной стороны, вопрошаемому пополнить тѣ пробѣлы, которые часто встрѣчаются въ разсказѣ малокультурнаго человѣка, весьма затрудняемаго требованіемъ разсказать что-нибудь связно и въ опредѣленномъ порядкѣ. Съ другой, они возбудятъ въ немъ любопытство, что гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ поступаютъ иначе, вызовутъ отвѣтъ вродѣ: «нѣтъ, у насъ такъ не дѣлается» или радостное: «и у насъ такъ». При такомъ способѣ разспроса главная опасность программъ, ихъ предвзятость, будетъ обойдена.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать одно пожеланіе. Трудно бываетъ порой собирателю этнографическихъ матеріаловъ проникнуть во внутренній міръ изслѣдуемой группы, будь то русское крестьянское населеніе опредѣленной мѣстности, будь то инородческое племя или народность. Интимная сторона жизни женщины еще болѣе скрыта отъ этнографа-собирателя. Женщина, занимающая по большей части приниженное положеніе не только въ инородческой, но и въ русской крестьянской семьѣ, не привыкла быть предметомъ вниманія и часто стыдливо относится къ вопросамъ, затрогивающимъ ея внутренній міръ. Но этотъ послѣдній весьма богатъ и для этнографа представляетъ значительный интересъ. Консервативная часто по своему внутреннему складу, озабоченная сохраненіемъ своему ребенку долголѣтія, здоровья, благополучія, наконецъ, внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ, женщина-мать не упускаетъ ничего для достиженія этой цѣли. Она при этомъ руководствуется не только своими собственными суевѣрными соображеніями, но также опытомъ предшествующихъ поколѣній и становится этимъ самымъ хранительницей древнѣйшихъ представленій. Въ настоящее время на этнографической нивѣ работаетъ уже много женщинъ. Для нихъ доступъ къ

интимной сторонѣ жизни женщины—инородки или русской крестьянки—свободнѣе, чѣмъ мужчинѣ-этнографу. Завѣтныя вѣрованья, ожиданія, мелкія заботы, которыми мать окружаетъ своего ребенка, все передуманное и перечувствованное она скорѣе повѣдаетъ «сестрѣ» въ задушевномъ разговорѣ. Желательно, поэтому, чтобы собирательницы-этнографы обратили особое вниманіе на детальное изученіе той области, въ которой, быть можетъ, ярче всего проявляется внутренняя жизнь женщины, ея духовный обликъ.

ВОПРОСЫ.

I. Безплодіе; отношеніе къ незаконнорожденнымъ.

1. Считается ли безплодіе несчастіемъ? Относятся ли къ нему съ презрѣніемъ? Не отзывается ли оно на положеніи женщины въ семьѣ мужа? Не считается ли безплодіе карой за грѣхи жены или мужа? За какого рода грѣхи?

2. Не употребляютъ ли противъ безплодія особыхъ средствъ? Какія именно? Заговоры, сюда относящіеся; симпатическія средства, колдовство, амулеты, ладонки.

3. Какимъ святымъ молятся о разрѣшеніи отъ неплодія и безчадія (напр. пр. Ипатію—31 марта, св. Роману чуд.—27 ноября)? На какихъ основаніяхъ? Какія легенды извѣстны по этому поводу?

4. Не существуетъ ли (у инородцевъ) какихъ нибудь запрещеній, пищевыхъ или другихъ, за нарушеніе которыхъ будто бы женщина карается безплодіемъ?

5. Не придается ли особое значеніе кукламъ (напр. у чукчей)? Не считаются ли онѣ отчасти покровителями женскаго плодородія? Не хранитъ ли женщина своихъ куколъ и послѣ замужества (съ цѣлью имѣть дѣтей)? Гдѣ и съ какой цѣлью ихъ прячетъ? Нѣтъ ли въ обычаѣ сохранять ихъ для своихъ дочерей (съ цѣлью ихъ одѣлить плодородіемъ). Существуютъ ли куклы, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе? Какъ называются куклы? (точный переводъ у инородцевъ).

6. Существуютъ ли свадебные обряды, выражающіе желаніе, чтобы бракъ былъ не бездѣтенъ. Обряды, играющіе роль симпатическихъ средствъ, чтобы отвести несчастіе безчадія? Символическіе обряды, указывающіе на будущую плодовитость молодой?

7. Не фигурируютъ ли куклы въ свадебныхъ обрядахъ? Въ какомъ значеніи (вызвать плодородіе молодой)?

8. Не существуетъ ли вѣрованья въ злое существо, уничтожающее плодъ у беременныхъ женщинъ? Не обращается ли это существо въ животное, птицу и т. п.? Въ какія? Не обращаются ли извѣстныя женщины въ такое существо и какимъ путемъ?

9. Какія средства употребляются, чтобы больше не имѣть дѣтей? Настой какихъ травъ? Какія коренья?

10. Въ ходу ли искусственное вызыванье выкидыша? Не бываетъ ли случаевъ, что отецъ ребенка обременяетъ нарочно беременную жену, желая вызвать выкидышъ? Какъ относится къ этому народъ?

11. Существуютъ ли симпатическія средства, заговоры и т. п. въ предотвращеніе выкидышей?

12. Не вносится ли какихъ либо измѣненій въ костюмъ женщины послѣ рожденія ею перваго ребенка?

13. Каково отношеніе къ незаконнорожденнымъ? Разнится ли отношеніе къ незаконнорожденному ребенку дѣвушки и замужней женщины? Нѣтъ ли или не было въ обычаѣ умерщвлять такихъ дѣтей (у инородцевъ, напр. у орочонъ)?

14. Существуютъ ли какія-нибудь прозвища для незаконнорожденныхъ дѣтей? (напр. «міронъ» т.-е. родившійся отъ міра—у пермяковъ). Записать обидныя прозвища.

15. Записать пѣсни, въ которыхъ выражается отношеніе народа къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ? (Пѣсни матери, колыбельныя).

II. Беременность.

1. Не считается ли появленіе какого-нибудь животнаго, птицы и т. п. вблизи жилья, крикъ, пѣнье ихъ и т. п. примѣтой или предвѣщаніемъ, что въ данномъ домѣ имѣется или скоро будетъ беременная женщина?

2. Существуютъ ли примѣты, по которымъ женщина можетъ узнать, беременна ли она или нѣтъ? Беременна ли мальчикомъ или дѣвочкой?

3. Не существуетъ ли представленія, что періодъ беременности не одинаковъ, если родится мальчикъ или дѣвочка? (напр. у торгоутовъ).

4. Каково отношеніе самой будущей матери къ состоянію беременности? Скрываетъ ли она свое положеніе, пока возможно, или съ гордостью выставляетъ его наружу?

5. Существуютъ ли какія-нибудь запрещенія, обязательныя для беременной женщины? На чемъ они основаны?

6. Не воспрещается ли беременной женщинѣ принятіе той или другой пищи, извѣстныхъ видовъ животныхъ, рыбъ и пр. или частей ихъ (напр. головы, ногъ, внутренностей оленя у якутовъ)? Подробно разспросить объ основаніяхъ этого запрещенія. Записать преданія и разсказы, сюда относящіеся.

7. Не подвергается ли беременная женщина какимъ-нибудь ограниченіямъ? Не устраняется ли она отъ общей жизни селенія? Не запрещается ли ей переходить дорогу, по которой прошли тѣ или другія животныя (у якутовъ)?

8. Не запрещается ли участіе беременнымъ женщинамъ въ какихъ-нибудь торжествахъ? Въ какихъ? (напр., на медвѣжьихъ праздникахъ у остяковъ). На какихъ основаніяхъ?

9. Не подвергается ли подобнымъ ограниченіямъ мужъ беременной женщины? Раздѣляетъ ли онъ одни съ ней ограниченія или стѣсненъ другими? Какими именно?

10. Каково отношеніе къ беременной женщинѣ окружающихъ? Не относятся ли къ ней предупредительно? Не исполняютъ ли всѣхъ ея желаній? Не уменьшаютъ ли работу? Изъ какихъ основаній это дѣлаютъ? Изъ страха повредить ея здоровью, благополучному исходу родовъ? Изъ страха, что до нихъ работа отзовется на здоровьѣ, на качествахъ ребенка? Или изъ опасенія, что работа, исполняемая женщиной беременной, особенно, если она считается нечистой въ данной мѣстности, будетъ неудачна?

11. Какъ относятся къ желанію беременной женщины съѣсть ту или иную пищу? Нѣтъ ли особаго названія для такого состоянія? Не связаны ли какіе-нибудь предразсудки съ неудовлетвореніемъ такихъ желаній? Не существуетъ ли представленія, что такое желаніе непремѣнно надо удовлетворить? не выработало ли обычное право народа извѣстныхъ нормъ по этому поводу?

12. Какія повѣрья существуютъ относительно этого? Записать разсказы, въ которыхъ описывается наказаніе за непредупредительное отношеніе къ беременной женщинѣ, за отказъ исполнить ея желаніе?

13. Въ какую связь ставятъ съ внѣшними и внутренними качествами ребенка поведеніе матери во время беременности, ея занятія, принимаемая ею пища и т. д.?

14. Отчего происходятъ на тѣлѣ ребенка родимыя пятна, имѣющія своеобразную окраску или форму? Существуютъ ли средства уничтожить ихъ?

15. Въ какихъ повѣрьяхъ и примѣтахъ выражается взглядъ на беременную женщину, какъ на существо нечистое? Записать относящіеся къ этому повѣрью разсказы.

16. Когда и при какихъ случаяхъ присутствіе беременной женщины считается вреднымъ?

17. Не считается ли присутствіе беременной женщины при родахъ вреднымъ для роженицы? Какими средствами (заговорами, волшебными травами, симпатическими дѣйствіями) можно отвратить гибельное вліяніе ея присутствія?

18. Во сколько времени, по вѣрованью изслѣдуемой группы, ребенокъ зарождается во чревѣ матери? (напр. въ Олонецк. г.—въ три дня).

19. Не существуетъ ли повѣрья, что зачатыя подъ тѣ или другіе дни (праздники, напр.), дѣти родятся уродами?

20. Какое существо (богъ или др.) даетъ, по воззрѣнію народа, душу ребенку? (у русск. крестьянъ—ангелъ или кто другой?)

21. Существуютъ ли симпатическія средства, исполняя которыя во время беременности женщина можетъ ожидать легкихъ родовъ (напр., спать въ овечьей шубѣ?)

22. Какому святому или святой рекомендуется молиться беременной женщинѣ для того, чтобы роды были легкіе (напр., св. вел. Варварѣ, св. Анастасіи Узорѣшительницѣ)?

23. Записать пѣсни, поговорки и пр., въ которыхъ указывается тяжелое состояніе женщины, готовящейся стать матерью?

III. Родины.

1. Нѣтъ ли какихъ-нибудь симпатическихъ средствъ заранѣе обезопасить себя отъ будущихъ родильныхъ мукъ? (напр., невѣста, идя къ вѣнцу, грызетъ зубами церковный замокъ и пр.).

2. Не существуетъ ли повѣрье, что родильныя муки можетъ дѣлить съ женой мужъ? что онѣ могутъ быть перенесены съ жены на мужа? какимъ путемъ? нѣтъ ли повѣрья, что это можетъ сдѣлать бабка?

3. Не существуетъ ли взгляда на процессъ рожденія, какъ на нѣчто нечистое? Не считается ли роженица нечистой? Не считается ли прикосновеніе къ ней «грѣхомъ»? Не требуется ли исполненіе какихъ-нибудь очистительныхъ обрядовъ послѣ посѣщенія роженицы? Какія предосторожности принимаются при сношеніяхъ съ роженицей?

4. Гдѣ происходятъ роды? Не принято ли отводить особое помѣщеніе для роженицы или уводить ее изъ дому? Не считается ли въ послѣднемъ случаѣ, что актомъ рожденія оскверняется домъ? Почему?

5. Уничтожается ли помѣщеніе, устроенное спеціально для родинъ? Очищается ли оно, такъ же, какъ и домъ, комната, въ которыхъ они произошли? Какъ производится очищеніе?

6. Нѣтъ ли обычая при наступленіи родинъ прощаться съ родильницей и не уходятъ ли послѣ этого всѣ домашніе въ другую избу или помѣщеніе?

7. Не уходитъ ли женщина при приближеніи родовъ въ хлѣвъ, сарай и пр., даже зимой, стараясь быть одной (даже безъ бабки) въ моментъ рожденія ребенка? Не оставляютъ ли роженицу одну безъ помощи? Не считается ли «грѣхомъ» помогать при родахъ? Изъ какихъ воззрѣній вытекаютъ подобные обычаи и представленія?

8. Какими средствами стараются облегчить или ускорить роды?

9. Какія растенія признаются цѣлебными для родильницы? Какъ они употребляются (настой, примочки, кладутъ около родильницы, подъ подушку и т. д.)?

10. Какія симпатическія средства употребляются при трудныхъ родахъ? Не заставляютъ ли мужа ослабить или развязать поясъ, разстегнуть рубашку? Не заставляютъ ли дѣвушекъ въ семьѣ или саму роженицу распускать волосы?

11. Не вынимаютъ ли печную заслонку, не выдвигаютъ ли ящики, не открываютъ ли сундуки? Не развязываютъ ли всѣхъ узловъ на поясѣ? Не снимаютъ ли всю верхнюю одежду съ роженицы?

12. Не вынимаютъ ли серегъ изъ ушей родильницы, не снимаютъ ли у нея кольцо съ руки? Не обводятъ ли ее вокругъ обѣденнаго стола, заставляя ее съѣдать съ угловъ по грудочкѣ соли?

13. Не заставляютъ ли ее переступать черезъ пустой мѣшокъ, поясъ и др.? черезъ бѣлье мужа? черезъ самого мужа?

14. Нѣтъ ли въ обычаѣ при трудныхъ родахъ отыскивать «счастливое мѣсто» въ домѣ, дворѣ, на гумнѣ и пр., водя при этомъ роженицу по разнымъ мѣстамъ?

15. Не обращаются ли къ священнику, прося прочесть «разрѣшительныя» молитвы, раскрыть царскія врата? Не служатъ ли молебны св. Анастасіи Узорѣшительницѣ, не надѣваютъ ли на роженицу какихъ-нибудь предметовъ съ иконы святой (напр. въ Москвѣ, сорочку, положенную на раку св. во время молебна), не поятъ ли ее водой съ ея иконы и т. п.?

16. Не заставляютъ ли больную «прощаться» (просить прощенья) съ землей, съ бѣлымъ свѣтомъ и т. д.? Записать формулы «прощенія».

17. Нѣтъ ли вѣрованья, что присутствіе какого-нибудь животнаго, птицъ и т. п. облегчаютъ родильныя муки? (напр. у киргизовъ приносятъ филина на родины и заставляютъ его кричать, п. ч. голосъ его прогоняетъ нечистую силу).

18. Не изготовляется ли во время родинъ особыхъ фигурокъ изъ дерева и т. п.? Не приносятъ ли имъ жертвъ? Не вѣшаютъ ли ихъ потомъ надъ люлькой ребенка? (напр., у гиляковъ). Разузнать точное названіе и значеніе этихъ фигурокъ.

19. Не существуетъ ли повѣрья объ особомъ представителѣ міра духовъ, поселяющемся въ домъ во время родовъ? Его названіе, внѣшній видъ? (Альбоста—у киргизовъ, Ави-сули у месховъ). Какія мѣры принимаются для огражденія родильницы отъ него? Молитвы, заговоры, симпатичес. средства.

20. Если въ домъ родильницы придетъ ночью путникъ, не грозитъ ли это опасностью родильницѣ? На какомъ основаніи? (Не можетъ ли вмѣстѣ съ нимъ проникнуть злобный духъ)? Не подвергаютъ ли въ такомъ случаѣ какимъ-нибудь обрядамъ путника?

21. Не даютъ ли роженицѣ чего-нибудь противнаго съѣсть или выпить? Чѣмъ объясняютъ это обыкновеніе? Желаніемъ вызвать рвоту и ускорить актъ рожденія, или другими основаніями?

22. Не даютъ ли роженицѣ тотчасъ по окончаніи родовъ какую-нибудь противную смѣсь (напр., въ Виленской г. смѣсь глины, меда, перца и коровьяго масла)? Въ какихъ цѣляхъ это дѣлается?

23. Не заставляютъ ли отца новорожденнаго ѣсть или пить что-нибудь противное на вкусъ во время крестиннаго обѣда (напр. сильно посоленную кашу)? Кто подноситъ эту пищу отцу? Съ какими приговорами? Какъ объясняется этотъ обрядъ совершающими его?

24. Не существуетъ ли обычая послѣ рожденія ребенка или крещенія подвергать отца его какимъ либо мучительнымъ операціямъ (напр. жестокое паренье въ банѣ у эстовъ)?

25. Въ теченіе какого времени родильница одна или съ мужемъ, или одинъ мужъ подвергаются извѣстнымъ ограниченіямъ? Не считаются ли они въ это время «нечистыми»?

26. Сколько времени роженица остается въ постели? Не существуетъ ли особаго названія для этого времени? Сопровождается ли вставанье съ постели какими нибудь спеціальными обрядами? Существуютъ ли обязательныя молитвы, относящіяся сюда, заговоры?

27. Какъ устраивается постель роженицы? Что дѣлаютъ съ ней послѣ выздоровленія роженицы?

28. Какія лекарственныя травы и отъ чего пьетъ родильница? Какую діэту соблюдаетъ? Въ чемъ выражается медицинская помощь со стороны бабки (баня, массажъ и т. д.).

29. Не принято ли новорожденнаго класть на полъ, послѣ чего отецъ обязанъ поднять его? Нѣтъ ли установленныхъ формулъ, произнести которыя долженъ при этомъ отецъ?

30. Нѣтъ ли обычая принимать новорожденнаго или завертывать его тотчасъ послѣ рожденія въ какую-нибудь часть отцовской одежды (въ рубаху, напр.)? Основанія этого обычая, объясненія?

31. Существуетъ ли обычай оповѣщать семейныхъ или отца ребенка или родственныя и дружескія семьи о благополучномъ окончаніи родовъ? Кто беретъ на себя оповѣщеніе? Получаетъ ли лицо оповѣстившее какой-нибудь подарокъ?

32. Существуетъ ли обычай поздравлять роженицу съ благополучнымъ исходомъ родовъ? Приноситъ ей подарки, съѣстное? Что дѣлаютъ, что говорятъ при этомъ, особенно молодыя женщины, желающія имѣть дѣтей?

33. Какія суевѣрныя представленія связаны съ мѣстомъ, послѣдомъ?

34. Что дѣлаютъ съ мѣстомъ? Не произносятъ ли при закапываньѣ его особыхъ заговоровъ? Записать ихъ. Гдѣ закапываютъ мѣсто?

35. Не существуетъ ли обычая съѣдать placenta? Какія основанія такому обычаю? Не дѣлаютъ ли это родильницы, чтобы вызвать появленіе въ скоромъ времени новой беременности? (напр. камчадалы).

36. Въ теченіе какого срока родильница считается „нечистой»? Какимъ ограничительнымъ правиламъ она подвергается? Запрещается ли ей дотрогиваться до огня, до печи, до большого стола, до соли и т. д.?

37. Въ теченіе какого срока къ родильницѣ нельзя прикасаться? (у сванетовъ до 40 дней). Въ теченіе какого срока она не должна посѣщать чужія семьи? Нѣтъ ли вѣрованья, что она приноситъ собой несчастье?

38. Нѣтъ ли воззрѣнія, что посуда, употреблявшаяся родильницей, должна быть уничтожена?

39. Не считается ли необходимымъ мужу удаляться отъ роженицы въ теченіе извѣстнаго срока? Совпадаетъ ли этотъ срокъ съ срокомъ ея «нечистоты»?

40. Не уходитъ ли родильница послѣ родинъ сначала къ матери, а затѣмъ ужъ возвращается въ домъ мужа? (напр. въ Тульск. губ.).

41. Не строится ли для роженицы спеціальнаго помѣщенія, одного или нѣсколькихъ, въ которыя она переходитъ постепенно до возвращенія въ общее помѣщеніе? (у инородцевъ).

42. Не существуетъ ли обряда очищенія родильницы? Какъ онъ называется? Подвергается ли очищенію одна родильница или еще другія лица? кто именно? повитуха? всѣ соприкасавшіеся съ родильницей?

43. Записать подробно обрядъ очищенія. Молитвы, заговоры, произносимые при немъ. Предметы, травы, употребляемые при совершеніи его.

44. Кто присутствуетъ при обрядѣ очищенія? На который день послѣ родинъ онъ совершается? Не существуетъ ли обычая при этомъ обрядѣ поминать умершихъ? Въ какую связь приводится поминовеніе съ обрядомъ?

IV. Лица, присутствующія при родинахъ.

1. Какимъ лицамъ дозволяется и какимъ воспрещается присутствовать при родинахъ?

2. Не запрещается ли мужу присутствовать при родинахъ? Или, наоборотъ, его присутствіе считается желательнымъ, какъ средство облегчить страданія женѣ?

3. Нѣтъ ли въ обычаѣ приглашать на родины нѣсколькихъ женщинъ и изъ среды ихъ выбирать мать для новорожденнаго? (напр. у бурятъ). Какова роль этой избранной матери?

4. Приглашаютъ ли повитухъ (бабушекъ) при родахъ?

5. Не называютъ ли повитухъ особенными именами, кромѣ обычныхъ (бабка, бабушка и т. п.)?

6. Не считается ли грѣхомъ (или не считалось ли прежде) повитухѣ брать деньги за помощь?

7. Не существуетъ ли воззрѣній, что повитуха обязана идти по первому зову, несмотря на непогоду, усталость и т. п.?

8. Каково отношеніе къ повитухѣ въ народныхъ пѣсняхъ (крестинныхъ)? Не пользуется ли она бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ кумовья? (напр. у литовцевъ).

9. Не существуетъ ли повѣрья, что повитухи одарены даромъ предвидѣнія судьбы своихъ пріемныхъ дѣтей?

10. Не существуетъ ли повѣрій, указывающихъ на то, что связь между повитухой и пріемными дѣтьми продолжается и на томъ свѣтѣ? Какова эта связь? въ чемъ она выражается? Записать разсказы, сюда относящіеся.

11. Не играетъ ли повитуха какой нибудь роли на свадьбѣ своихъ пріемныхъ внуковъ? (напр., у кореловъ она «продаетъ» невѣсту).

12. Какія дѣйствія обязательны для повитухи по приходѣ къ роженицѣ? Не зажигаетъ ли она свѣчей (страстныхъ и др.) передъ иконами? Какія молитвы читаетъ? Не предпринимаетъ ли тотчасъ по приходѣ какихъ-нибудь средствъ отъ колдовства, сглаза?

13. Не приглашаютъ ли шамановъ (инородцы), знахарей и т. п. лицъ для того, чтобы облегчить родины? Какія дѣйствія предпринимаются ими? Какія травы употребляются при этомъ (окуриванье) и т. п.?

14. Не приглашаются ли на родины особые спеціалисты, способные видѣть шайтана? (напр. у башкиръ). Какова ихъ роль?

V. Рожденіе ребенка; уходъ за нимъ; смерть его и матери.

1. Какъ объясняютъ старшимъ дѣтямъ появленіе новорожденнаго? Записать разсказы.

2. Не радуются ли больше рожденію мальчика, особенно первенца, чѣмъ дѣвочки? Нѣтъ ли въ обиходѣ пожеланій, обращенныхъ къ невѣстѣ, молодой, въ которыхъ выражается такое предпочтеніе мальчикамъ?

3. Нѣтъ ли симпатическихъ средствъ, особыхъ обрядовъ (свадебныхъ и др.) зоговоровъ и пр., обезпечивающихъ рожденіе мальчиковъ?

4. Какая разница въ обрядахъ при рожденіи мальчика и дѣвочки?

5. Не сопровождается ли рожденіе первенца какими нибудь особыми обрядами?

6. Не существуетъ ли празднество для всѣхъ родившихся въ году мальчиковъ первенцовъ? (напр. у осетинъ). Въ какое время года оно справляется?

7. Не признается ли за перворожденнымъ особенной способности лечить нѣкоторыя болѣзни? (напр., у бѣлоруссовъ).

8. Какія представленія связаны съ двойнями? Чѣмъ объясняется рожденіе двоенъ? Не считается ли оно доказательствомъ супружеской невѣрности? Не считается ли оно, наоборотъ, за особое благословеніе.

9. Не сохранилось ли слѣдовъ обычая одного изѣ двояшекъ убивать?

10. Какіе сохранились слѣды вѣрованья въ духовъ, предрекающихъ судьбу ребенку? (у славянск. нар.). Какъ ихъ зовутъ? (напр. урйсницы у болгаръ Тавр. г.). Въ какой день послѣ рожденіи приходятъ они къ новорожденному? Не устраиваютъ ли имъ торжественной встрѣчи?

11. Какое вліяніе оказываютъ свѣтила на судьбу новорожденнаго? Гадаютъ ли по звѣзда́мъ? По расположенію ихъ въ день рожденія младенца? (напр. у тунгусовъ).

12. Какое вліяніе, по народнымъ представленіямъ, имѣетъ мѣсяцъ на ростъ, здоровье и т. д. младенца?

13. По какимъ примѣтамъ судятъ о будущемъ новорожденнаго, объ его будущихъ свойствахъ? (напр. если родится лицомъ внизъ—скоро умреть; съ длинными волосами на ногахъ—будетъ счастливъ и т. д.).

14. Какія заключенія о будущемъ и свойствахъ ребенка выводятъ изъ рожденія его подъ тотъ или другой день недѣли? (напр. родившійся подъ понед.—будетъ знахарь; подъ четвергъ—богатъ и т. д.).

15. Какія растенія признаются цѣлебными для дѣтей? Настоемъ какихъ растеній поятъ дѣтей отъ безсонницы (макъ), отъ другихъ заболѣваній? Какія растенія употребляются при мытьѣ ребенка для здоровья, для красоты?

16. Не существуетъ ли обычая, если новорожденный задыхается, кричать ему на ухо имя отца (мальчику) или имя матери (дѣвочкѣ)?

17. Не существуетъ ли обычая устраивать послѣ родинъ пиршество, на которое допускаются одни женщины, а случайно вошедшіе мужчины изгоняются (насмѣшками и пр.) (напр. у болгаръ Таврич. г.).

18. Какія суевѣрія соединены съ отрѣзаніемъ пуповины? Какъ и кѣмъ (матерью или бабкой) производится эта операція? Не сопровождается ли она особыми приговорами (у черемисъ, напр.)? Не дарится ли ножъ, употребляемый при этомъ, бабкѣ? (напр. у остяковъ и самоѣдовъ) чѣмъ перевязываютъ пупокъ (волосами матери у осетинъ, конской жилой у киргизовъ и пр.)?

19. Какія суевѣрія связаны съ «сорочкой», съ «чепцомъ»?

20. Какъ относятся къ ребенку, родившемуся съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ? Какія повѣрья связаны съ такими дѣтьми, съ появленіемъ ихъ на свѣтъ? Не существуетъ ли представленій, что такія дѣти приносятъ счастье дому? Или, наоборотъ, появленіе такого ребенка ставятъ въ связь съ нечистой силой? Не сохранилось ли слѣдовъ обычая умерщвлять уродовъ (напр. у чукчей)?

21. Не вывѣшиваютъ ли или не выставляютъ ли какіе нибудь предметы передъ жилищемъ, гдѣ есть роженица и новорожденный? Для чего это дѣлается? Сколько времени остается передъ жильемъ этотъ предметъ?

22. Существуетъ ли обычай тотчасъ послѣ рожденія исправлять голову ребенку, придавать ей желаемую форму?

23. Нѣтъ ли въ обычаѣ послѣ рожденія ребенка расправлять его члены? Кто это дѣлаетъ? Повитуха или другая женщина?

24. Не считается ли первая ночь (или другая) послѣ рожденія особенно опасной и для роженицы и для новорожденнаго? Если ребенокъ родился ночью, не долженъ ли до утра горѣть огонь, чтобы нечистая сила не могла подмѣнить въ темнотѣ ребенка?

25. Не существуетъ ли обычая сидѣть при роженицѣ ночью съ цѣлью охранять ее и ребенка отъ дѣйствія нечистой силы, сглаза и т. п. Не поется ли при этомъ особыхъ пѣсенъ?

26. Не существуетъ ли повѣрья, что роженица подвергается особенной опасности въ теченіе девяти дней послѣ рожденія? Не запрещается ли ей выходить въ теченіе этого времени изъ хаты послѣ захода солнца? Не даетъ ли ей повитуха какихъ-нибудь предметовъ или травъ, предохраняющихъ отъ опасности?

27. Какой срокъ считается опаснымъ для роженицы и новорожденнаго? Какъ охранять ихъ?

28. Считается ли новорожденный «нечистымъ» и до какого срока? Не избѣгаетъ ли его отецъ? Не воспрещается ли отцу прикасаться къ новорожденному до перваго омовенія его и т. п.?

29. Не существуетъ ли повѣрья, что изъ жилища, гдѣ есть новорожденный, не слѣдуетъ давать огня? Другихъ предметовъ? Въ теченіе какого времени? На какомъ основаніи?

30. Не обставлено ли какими-нибудь обрядами первое одѣваніе новорожденнаго? Во что его одѣваютъ или завертываютъ?

31. Нѣтъ ли обычая зашивать или завязывать что-нибудь въ рубашку, которую надѣваютъ на новорожденнаго? (напр. кусокъ печной глины въ Малороссіи).

32. Не обставлено ли какими-нибудь обрядами пеленаніе ребенка?

33. Какія суевѣрія относятся къ новорожденному ребенку до крещенія? Не надѣваютъ ли на него какихъ-нибудь ладонокъ и т. п. Что зашито въ ладонкахъ? Какіе молитвы, псалмы, заговоры?

34. Какіе амулеты надѣваютъ на ребенка? Узнать, если возможно, точное значеніе амулета, его составныхъ частей (особ. у инородцевъ).

35. Какія средства употребляются для удаленія дурныхъ примѣтъ, сглаза, опасности отъ вѣдьмъ и т. п.

36. Какимъ святымъ молятся о сохраненіи здравія младенцевъ? напр. св. (Симеону Богопр., Б. М. Тихвинской). На какихъ основаніяхъ?

37. Не вѣшаютъ ли надъ люлькой, не кладутъ ли въ нее какихъ-либо частей одежды отца (матери)? Для чего это дѣлаютъ? Чтобы предохранить ребенка отъ нечистой силы, отъ безсонницы?

38. Какъ относятся къ засыпанію рабенка? Считается оно тяжкимъ грѣхомъ? Какія средства искупить его? Не заставляютъ ли виновную женщину проводить ночь въ церкви? Нѣтъ ли представленія, что она должна ходить въ церковь по ночамъ, пока не увидитъ своего ребенка совершенно здоровымъ?

39. Не устраивается ли для ребенка двухъ зыбокъ—денной и ночной?

40. Не обставляется ли особыми обрядами положеніе ребенка въ колыбель? Записать приговоры, употребляемые при этомъ, молитвы, заговоры?

41. Какими обрядами сопровождается первое мытье въ банѣ ребенка? На какой день послѣ его рожденія моютъ его тамъ? Вмѣстѣ съ матерью или нѣтъ? Не правитъ ли при этомъ бабка всѣхъ членовъ ребенка? Записать ея приговоры.

42. Не подвергается ли ребенокъ опасности, когда чихаетъ, зѣваетъ? Какими дѣйствіями или словами предотвратить опасность?

43. Какую опасность представляетъ для ребенка неосторожное упоминаніе матерью имени чорта, брань на ребенка и пр.? Какіе существуютъ по этому поводу разсказы?

44. Не существуетъ ли повѣрья, что дѣти уроды или съ физическими недостатками подмѣнены нечистой силой? Нѣтъ ли средствъ вернуть настоящаго ребенка?

45. Какія повѣрья относятся къ подмѣнышамъ? Какіе духи, сверхъестественныя существа и т. д. подмѣниваютъ своихъ дѣтей на новорожденныхъ? При какихъ условіяхъ они могутъ это сдѣлать? какъ узнать подмѣнышей?

46. Какую роль играетъ хлѣбъ въ обрядахъ при рожденіи? Не обязательно ли приносить его съ собой при посѣщеніи родильницы и новорожденнаго? при приглашеніи на крестины и пр.?

47. Какую роль играетъ соль въ обрядахъ при родинахъ, въ уходѣ за новорожденными? Нѣтъ ли обычая осыпать ребенка солью? Въ теченіе какого срока? Съ какой цѣлью? Съ гигіенической или другой?

48. Какую роль играетъ яйцо въ обрядахъ при рожденіи?

49. Нѣтъ ли въ обычаѣ натирать новорожденнаго масломъ или

другими жирными веществами? Съ какою цѣлью? Съ гигіенической или другой? Нѣтъ ли въ обычаѣ посыпать его какими-нибудь изсушающими порошками? (напр. у армянъ).

50. Нѣтъ ли въ обычаѣ окуривать новорожденнаго? Чѣмъ?

51. Нѣтъ ли въ обычаѣ помазывать ребенка слюной? Съ какою цѣлью?

52. Нѣтъ ли въ обычаѣ подпаливать ребенка? Съ какою цѣлью?

53. Кто въ первый разъ купаетъ ребенка? Не становится ли затѣмъ эта женщина въ особыя отношенія съ ребенкомъ? Не называется ли особеннымъ именемъ?

54. Какія суевѣрія связаны съ водой, въ которой купаютъ въ первый разъ новорожденнаго? Что въ нее кладутъ и съ какой цѣлью? Куда ее выливаютъ и куда ее не слѣдуетъ выливать?

54. Какъ часто купаютъ ребенка? Употребляютъ ли при купаньѣ мыло или замѣняютъ его чѣмъ-нибудь? Не употребительны ли нѣкоторыя травы при купаньѣ—для здоровья или для приданія ребенку красоты въ будущемъ.

56. Когда мать даетъ въ первый разъ грудь ребенку? Не сопровождается ли это особыми обрядами?

57. Не существуетъ ли воззрѣнія, что кормленіе грудью некрещеннаго ребенка опасно для матери? Въ случаѣ необходимости кормить новорожденнаго не призываютъ ли чужой женщины, которая кормитъ его грудью?

58. Чѣмъ кормятъ ребенка до перваго принятія имъ груди? Не относятся ли сюда какія-нибудь повѣрья и примѣты?

59. Не существуетъ ли повѣрья, что чѣмъ дольше кормить ребенка, тѣмъ лучше?

60. Не считается ли дурнымъ послѣ отнятія груди снова начать кормить грудью ребенка?

61. Что дѣлаютъ, если у матери пропадетъ молоко? Считаютъ ли возможнымъ въ такомъ случаѣ дать чужой женщинѣ покормить ребенка? Не считается ли это опаснымъ для ребенка?

62. Какія средства, заговоры и т. п. извѣстны для прекращенія болей въ груди?

63. Какіе обряды, суевѣрія и т. п. связаны съ отнятіемъ ребенка отъ груди? Не выбираютъ ли для этого особенныхъ дней.

64. Не сопровождается ли какими-нибудь обрядами первое вкушеніе твердой пищи ребенкомъ? Не извѣстны ли (у инородцевъ) ритуальныя пляски при этомъ?

65. Какъ вскармливаютъ ребенка?

66. Не существуетъ ли какихъ-нибудь обрядовъ, заговоровъ, и т. п. съ цѣлью облегчить ребенку прорѣзыванье зубовъ?

67. Какія суевѣрія относятся къ прорѣзыванью зубовъ у ребенка, къ первому выпавшему зубу и т. п.

68. Когда и при совершеніи какихъ обрядовъ въ первый разъ подпоясываютъ ребенка? Какія молитвы, заговоры при этомъ произносятъ?

69. Какія суевѣрія связаны съ подпоясываньемъ ребенка? Почему спѣшатъ подпоясать умирающаго ребенка?

70. Не соблюдаются ли какіе-нибудь обряды, когда стригутъ въ первый разъ волосы ребенку? (напр. ребенка непремѣнно сажаютъ при этомъ на овчину).

71. Какіе обычаи соблюдаютъ при первомъ посѣщеніи съ ребенкомъ чужого дома? Даютъ ли при этомъ ребенку подарки и какіе?

72. Какія предосторожности должна принимать мать, чтобы ребенокъ спокойно спалъ, чтобы росъ, началъ говорить, ходить, имѣлъ тѣ или другія качества?

73. Какія симпатическія средства употребляютъ, какіе заговоры въ ходу и т. д., если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, говорить и т. п.?

74. Какому святому или святой молятся въ случаѣ, если ребенокъ долго не говоритъ, не начинаетъ ходить? Какія есть мѣстныя святыни, куда отправляются на богомолье съ этой цѣлью? (напр. въ Москвѣ рѣзная икона св. Параскевы въ Ново-Дѣвичьемъ мон.) Какіе обряды совершаютъ? Что надѣваютъ при этомъ на ребенка? (шапку, башмачки и т. д.)?

75. Какіе ex-voto относятся сюда?

76. Какіе обряды совершаютъ надъ новорожденнымъ, чтобы сдѣлать его красивымъ, ловкимъ и т. п.?

77. Не сохранилось ли (у инородцевъ) обычая татуировать ребенка? Описать процедуру татуировки. Зарисовать, если возможно, рисунки узнать ихъ точное значеніе.

78. Какія дѣтскія болѣзни встрѣчаются чаще всего въ данной мѣстности?

79. Къ кому по преимуществу обращаются въ случаѣ болѣзни ребенка? Существуютъ ли лица (колдуны, знахари, шаманы и пр.), которымъ преимущественно дано леченье дѣтскихъ болѣзней? Нѣтъ ли у нихъ особаго названія (напр. у бурятъ)? Не сохраняется ли потомъ на всю жизнь особой связи между ребенкомъ и вылечившимъ его?

80. Какими средствами, заговорами, травами и пр. лечатъ каждую болѣзнь?

81. Употребляется ли при леченіи болѣзней ребенка материнское молоко? При какихъ именно?

82. Употребляютъ ли при леченіи дѣтскихъ болѣзней камешки, привезенные изъ Іерусалима, иконы, которыми благословляли жениха съ невѣстой? Умываютъ ли больного ребенка водой съ трехъ угольковъ, съ угловъ обѣденнаго стола, съ громовыхъ стрѣлъ, съ народнаго креста?

83. Какія средства, заговоры и т. п. въ ходу для излеченія родимца?

84. Существуетъ ли обрядъ «перераживанья» (символическаго рожденія) въ случаѣ, если никакія лекарства не помогаютъ больному ребенку? (напр. въ Тульск. г.).

85. Не существуетъ ли обычая въ случаѣ болѣзненнаго состоянія новорожденнаго (крика, безсонницы) изготовлять особое изображеніе божества? (бурханъ паккари у гольдовъ)? что дѣлаютъ съ этимъ изображеніемъ?

86. Нѣтъ ли обычая въ случаѣ смертности дѣтей посвящать новорожденнаго божеству? (напр. у калмыковъ, манжики, посвящ. хурулу). Посвященіе дѣйствительное или фиктивное? Какія обязанности оно налагаетъ на посвященннаго?

87. Не существуетъ ли обычая при рожденьѣ ребенка сажать дерево? Опредѣленной ли породы или любое? Гдѣ сажается такое дерево? Не на томъ ли мѣстѣ, гдѣ закопана placenta? Не ставится ли въ извѣстную связь дерево и жизнь ребенка: напр. если умретъ ребенокъ, засохнетъ и дерево, и наоборотъ? Каковы права ребенка на это дерево и его плоды?

88. Не существуетъ ли обычая при рожденіи (крещеніи или при другомъ празднествѣ, сопряженномъ съ родинами) дарить новорожденному скотину: корову, овцу, козу и пр., домашнюю птицу и пр.? Каковы права ребенка на подаренную скотину и пр. и на ея приплодъ?

89. Не приносится ли по случаю рожденія ребенка какая-нибудь жертва (у инородцевъ)? Кому она приносится? Какое животное приносится? Обязательно ли извѣстное животное или нѣтъ? (напр. у вотяковъ).

90. Не существуетъ ли въ обычаѣ, если женщина умерла во время родовъ, стлать ей постель еще нѣкоторое время послѣ смерти? Сколько времени? Какія основанія такому обычаю?

91. Не существуетъ ли повѣрья, что умершая мать встаетъ изъ могилы навѣщать грудного ребенка?

92. Не сохранилось ли представленія, что умершая мать посѣщаетъ новорожденнаго, купаетъ его, пеленаетъ? Въ теченіе какого времени? Существуютъ ли способы для успокоенія матери и прекращенія ея посѣщеній? Не кладутъ ли съ этой цѣлью какихъ-нибудь предметовъ въ гробъ (пеленки, бѣлье ребенка), не выставляютъ ли какихъ-нибудь предметовъ за дверь и т. п.?

93. Не сохранилось ли въ преданіяхъ, сказкахъ, разсказахъ, поговоркахъ и т. п. слѣдовъ древняго обычая (практикуемаго еще до сихъ поръ некультурными народами) погребать новорожденнаго вмѣстѣ съ матерью, умершей во время родовъ или въ періоды кормленія?

94. Какія основанія можно отмѣтить этому обычаю? Стремленіе не лишить младенца ухода, который ему дастъ въ загробномъ мірѣ мать?

95. Какіе обряды исполняются при погребеніи грудного ребенка съ тѣмъ, чтобы предотвратить болѣзнь матери отъ молока, будущее безплодіе и т. п.?

96. Не дѣлаютъ ли послѣ смерти ребенка куклу (изъ чего)? Не существуетъ ли вѣрованья, что въ эту куклу вселяется душа ребенка? (напр. у якутовъ). Совпадаетъ ли этотъ обычай съ обычаемъ дѣлать послѣ каждаго покойника куклу, его изображающую (напр. у остяковъ, гольдовъ) или нѣтъ?

97. Что дѣлаютъ съ куклой, въ которую будто бы вселилась душа ребенка? Носитъ ли ее мать при себѣ? Съ какой цѣлью? Чтобы чувствовать близость умершаго ребенка? Не придается ли куклѣ какого-нибудь значенія для слѣдующей беременности женщины?

98. Не существуетъ ли обычая вымаливать душу мертворожденному ребенку у предковъ (напр. у вотяковъ)? Записать слова и дѣйствія, употребляемые при этомъ.

99. Гдѣ хоронятъ родившагося мертвымъ ребенка? Если его хоронятъ подъ двернымъ порогомъ, то на какомъ основаніи? (Чтобы переступающіе порогъ крестили его крестомъ?).

100. Не существуетъ ли особаго названія для душъ дѣтей, умершихъ до полученія имени, до крещенія?

101. Не существуетъ ли повѣрій относительно рано умершихъ дѣтей? Что дѣлаютъ они въ раю? Не считается ли грѣхомъ оплакивать ихъ? Не существуетъ ли разсказовъ, указывающихъ на народныя воззрѣнія по этому поводу?

102. Какія существуютъ забавы («потѣшки») для занятія маленькихъ дѣтей? Записать ихъ, также слова и приговоры, употребляемыя при «потѣшкахъ»?

103. Записать страшные разсказы, которыми пугаютъ плачущихъ дѣтей (про стариковъ съ сумой, татаръ, поповъ, волковъ съ огненными глазами? и т. п.

104. Записать колыбельныя пѣсни, названіе ихъ (байканье и др.).

VI. Дача имени; крещеніе.

1. Какими соображеніями опредѣляется выборъ имени для новорожденнаго?

2. Не существуетъ ли особыхъ гаданій, при помощи которыхъ опредѣляется имя новорожденнаго?

3. Придаютъ ли значеніе снамъ въ вопросѣ о выборѣ имени?

4. Сопровождаютъ ли какіе-нибудь обряды выборъ имени для новорожденнаго?

5. Не избѣгаютъ ли давать новорожденному имя, которое уже есть у другого члена семьи, рода (напр., у осетинъ)? На какомъ основаніи?

6. Не избѣгаютъ ли давать имя по умершему раньше въ семьѣ ребенку? На какомъ основаніи?

7. Не существуетъ ли обычая давать новорожденному имя умершаго родственника? На какихъ основаніяхъ? Нѣтъ ли вѣрованья, что благодаря такой дачѣ имени на новорожденнаго переносятся качества покойнаго? Нѣтъ ли вѣрованья, что такая дача имени оказываетъ честь или услугу самому покойнику, напр. облегчается его загробное существованіе?

8. Не стоятъ ли имена дѣтей, по крайней мѣрѣ дѣвочекъ, въ связи съ именемъ матери?

9. Не существуетъ ли обычая давать имя новорожденному по имени перваго вошедшаго въ жилище послѣ его рожденія? (напр. у черкесовъ, алтайскихъ инородцевъ).

10. Не существуетъ ли обычая давать имя новорожденному по первому предмету, бросившемуся въ глаза отцу при выходѣ изъ жилья послѣ родинъ? (у инородцевъ, напр. у калмыковъ).

11. Не существуетъ ли обычая (у инородцевъ) давать имя по названію животныхъ, птицъ?

12. Нѣтъ ли обычая (у инородцевъ) или не сохранилось ли слѣдовъ его называть дѣтей въ каждой семьѣ одними и тѣми же именами въ опредѣленномъ порядкѣ: для всѣхъ первенцевъ—одно имя, для рожденныхъ вторымъ—другое и т. д.

13. Не существуетъ ли обычая давать имя ребенку по мѣсту его рожденія?

14. Не существуетъ ли обычая (у инородцевъ) давать имена некрасивыя? (напр. у камчадаловъ). Съ какой цѣлью это дѣлается (удалить злыхъ духовъ)?

15. Записать наиболѣе употребительныя въ данной мѣстности имена. Чѣмъ вызывается частое повтореніе извѣстныхъ именъ? (особое почитаніе извѣстныхъ святыхъ? мѣстная святыня? близость монастырей, мощей и пр.)? Замѣчается ли перемѣна въ выборѣ часто встрѣчающихся въ одной мѣстности именъ? Чѣмъ она обусловлена?

16. У язычниковъ инородцевъ постараться также найти причину частаго повторенія излюбленныхъ именъ. Не существуетъ ли связи между именами и почитаніемъ извѣстныхъ животныхъ, вѣрой въ перерожденіе?

17. Не существуетъ ли убѣжденія, что ребенка не слѣдуетъ называть по имени святого, празднуемаго раньше дня рожденія ребенка? Какія основанія приводятся этому предразсудку?

18. Нѣтъ ли въ обычаѣ (у инородцевъ) давать одно имя при рожденіи, а другое впослѣдствіи? Когда дается это второе имя? Не пріурочивается ли дача второго имени къ какому-нибудь опредѣленному событію въ жизни даннаго лица, къ наступленію зрѣлости и т. п.

19. Присутствуетъ ли мать при дачѣ имени новорожденному (у инородцевъ)? Или присутствовать ей не дозволяется при нѣкоторыхъ обрядахъ, связанныхъ съ дачей имени? При какихъ именно?

20. Кто въ семьѣ, въ роднѣ имѣетъ преимущественное право выбирать имя новорожденному? Не признается ли это право за матерью?

21. Если новорожденный показываетъ слабые признаки жизни, не существуетъ ли обычая, чтобы повитуха произносила подрядъ имена извѣстныхъ ей святыхъ? При какомъ имени ребенокъ вскрикнетъ, то имя и дается ребенку.

22. Не существуетъ ли убѣжденія, что до крестинъ или до «молитвы» ребенка нельзя называть по имени? Какъ въ такомъ случаѣ называютъ новорожденнаго въ семьѣ?

23. Не существуетъ ли вѣрованья, что къ могиламъ младенцевъ, не получившихъ имени, приходитъ ночью сверхестественное злобное, мрачное существо? Какое? Что оно дѣлаетъ? Какимъ способомъ избавить младенца отъ этихъ посѣщеній? Крикнуть ему имя?

24. Нѣтъ ли обычая послѣ рожденія перваго ребенка называть родителей не по ихъ имени, но отецъ, мать такого-то, такой-то? (напр. у юкагировъ).

25. Какими ласкательными именами называютъ дѣтей?

26. Нѣтъ ли обычая обращаться къ дѣтямъ нарочно съ именами или прозвищами унизительными? Почему это дѣлается? Не объясняется ли это какъ средство предохранительное отъ сглаза, отъ вліянія нечистой, злой силы?

27. Не существуетъ ли обычая, если дѣти въ семьѣ умираютъ, выбирать для новорожденнаго особое имя? выбирать имя некрасивое, унизительное (у инородцевъ)?

28. Какіе обряды, кромѣ церковныхъ сопровождаютъ крестины? Не существуетъ ли обычая кромѣ церковнаго давать еще имя новорожденному? Кто даетъ это имя?

29. Когда назначаются крестины? Спѣшатъ ли съ крестинами и на какомъ основаніи?

30. Кто несетъ ребенка въ церковь? Въ чемъ его несутъ?

31. Нѣтъ ли обычая нести ребенка крестить въ отцовской рубахѣ, непримѣнно грязной? На чемъ основанъ этотъ обычай?

32. Не принято ли, чтобы кумъ оставался одинъ и тотъ же въ семьѣ, т. е. крестилъ бы у отца, потомъ у его сына и т. д. (у болгаръ Тавр. г.).

33. Не выбираетъ ли куму самъ кумъ? Кого предпочтительно?

34. Не существуетъ ли повѣрья, что въ крестныя не слѣдуетъ выбирать бездѣтныхъ женщинъ?

35. Не существуетъ ли повѣрья, что быть воспріемникомъ незаконнаго ребенка (тамъ, гдѣ рожденіе такого ребенка считается позоромъ для матери) приноситъ счастье?

36. Не стараются ли имѣть первымъ крестникомъ мальчика, а не дѣвочку? На какихъ основаніяхъ?

37. Не существуетъ ли воззрѣній, что воспріемницей не можетъ быть беременная женщина? На какихъ основаніяхъ?

38. Не существуетъ ли повѣрья, что воспріемникъ колдунъ можетъ чарами уморить крестника, чтобы отдать его дьяволу въ качествѣ оброка?

39. Не играютъ ли при лѣченіи болѣзней грудного ребенка какую нибудь роль воспріемники? Не выпадаетъ ли имъ какая нибудь особенная роль при смерти крестника?

40. Нѣтъ ли обычая передъ крестинами класть ребенка на овечью шубу, съ которой его поднимаетъ воспріемница? И послѣ крещенія снова класть его на нее?

41. Кто передаетъ ребенка воспріемникамъ передъ отбытіемъ въ церковь? (мать, повитуха?) Какіе предметы даются воспріемникамъ, чтобы избавить ребенка отъ сглаза? Какія слова произносятъ при передачѣ ребенка?

42. Не принимаютъ ли участія въ устройствѣ крестиннаго пиршества воспріемники и др.?

43. Какія существуютъ особенности угощенія и спеціальныя кушанья на крестинахъ? Не носитъ ли крестинное пиршество особаго назва-

нія? Какую роль играютъ на немъ отецъ, мать ребенка, воспріемники, повитуха?

44. Гдѣ находится ребенокъ во время крестиннаго пира? Участвуетъ ли въ пированіи мать, отецъ? Не отводится ли имъ особеннаго мѣста во время пира?

45. Если на крестинномъ пиру присутствуетъ молодая, не подвергается ли она нѣкоторымъ обрядамъ, не получаетъ ли подарковъ и т. п.? Съ цѣлью обезпечить ей плодовитость?

46. Не принимаютъ ли на крестинное торжество среди прочихъ гостей съ особымъ почетомъ человѣка, слывущаго за колдуна изъ страха передъ нимъ? (напр. у бѣлоруссовъ).

47. Существуютъ ли особыя крестинныя пѣсни?

48. Не существуетъ ли обычая везти повитуху въ саняхъ или въ корытѣ въ шинокъ? (напр. въ Харьковской г.). Какія пѣсни поютъ при этомъ?

49. Какіе подарки обязательны для крестнаго, крестной? Въ какіе дни они ихъ дѣлаютъ?

50. Не существуетъ ли вѣрованья, что связь между воспріемниками и крестниками продолжается и на томъ свѣтѣ? Что, напримѣръ, крестникъ защищаетъ отъ нападенія чертей своихъ крестныхъ?

51. Какія повѣрья связаны съ дѣтьми, умершими до крещенія? Не существуетъ ли повѣрья, что души ихъ обращаются въ птицъ, летаютъ повсюду и просятъ крещенія? Какими способами можно дать имъ крещеніе?

VII. Чудесныя рожденія.

1. Не сохранилось ли отголоска вѣрованій (въ преданіяхъ и т. п.) въ чудесныя рожденія? Въ то, напр., что въ прежнее время дѣти рождались отъ союза съ извѣстными животными (напр. у тазовъ) или инымъ необычнымъ путемъ? Не сохранилось ли преданія о подобномъ необычайномъ появленіи на свѣтъ героя миѳическихъ разсказовъ (у инородцевъ), предка-родоначальника извѣстной группы и пр.?

2. Не существуетъ ли вѣрованья или отголосковъ его, что женщины могутъ родить или родили прежде животныхъ? Какихъ именно?

3. Не существуетъ ли вѣрованья, что производить на свѣтъ могутъ нѣкоторые мужчины, напр. шаманы, колдуны (у якутовъ)? людей и звѣрей?

4. Какіе «родильные» обряды продѣлываются надъ родившимися животными? Чѣмъ объясняютъ одинаковость обрядовъ при рожденіи дѣтей и животныхъ? Надъ какими животными продѣлываютъ «родильные» обряды? Фигурируютъ ли эти животныя въ другихъ вѣрованьяхъ изслѣдуемой группы населенія? Пользуются ли особымъ почетомъ?

5. Нѣтъ ли представленій о зломъ существѣ, вынимающемъ плодъ у животныхъ такъ же, какъ у женщины?

В. Харузина.

Похоронные обряды у корейцевъ.

Въ рядѣ фельетоновъ въ „Рус. Вѣдомостяхъ", подъ общимъ заглавіемъ „Ключъ Дальняго Востока", г. Вацлавъ Сѣрошевскій излагаетъ свои наблюденія во время путешествія по Кореѣ. Одинъ изъ такихъ фельетоновъ (1904г., № 276) посвященъ кладбищамъ и похороннымъ обрядамъ корейцевъ. Приведемъ наиболѣе существенныя свѣдѣнія, данныя г. Сѣрошевскимъ.

Когда авторъ пріѣхалъ въ западную Корею, ему попадались часто на склонахъ горъ, среди сосновыхъ перелѣсковъ великолѣпныя могильныя насыпи, цѣлые ряды могильныхъ кургановъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были заботливо окружены съ сѣверной стороны серповидными земляными валами, стояли одиноко или группами по нѣсколько штукъ. Сквозь рѣзныя деревянныя ворота въ видѣ буквы П вела къ нимъ обыкновенно широкая дорога. Впереди кургановъ виднѣлись низенькіе камни (ту-ди) боговъ-хранителей могилъ да каменные столбы и каменныя фигуры людей и животныхъ.

Кладбище занимало довольно обширную площадь. Передъ однимъ курганомъ находилась невысокая каменная плита, впереди нея небольшой гранитный кубъ, по сторонамъ каменные столбы въ сажень вышиной, украшенные грибообразными главами.

Кладбищъ въ Западной Кореѣ много. Имѣются кладбища особыя не только у жителей всякой деревни, но каждый родъ, нерѣдко каждая отдѣльная семья старается обзавестись своими могилками. Большинство такихъ могилокъ находится далеко въ горахъ, и только богачи хоронятъ своихъ покойниковъ, какъ китайцы, среди воздѣланныхъ полей родного участка по указаніямъ вѣщаго «пань-су».

У простонародія нѣтъ для этого ни достаточно времени, ни денегъ. Они обращаются съ умершими проще, но и они стремятся, по силѣ возможности, задобрить своихъ покойниковъ внимательнымъ за ними уходомъ и стараются содержать свои кладбища въ возможномъ порядкѣ и чистотѣ.

Какъ хоронили древніе корейцы своихъ покойниковъ, неизвѣстно. Слабый намекъ на это есть въ коротенькой замѣткѣ неизвѣстнаго автора въ *The China Review*. Нѣкоторые писатели упоминаютъ объ обычаѣ нѣкоторыхъ тунгузскихъ племенъ морить голодомъ, поѣдать или сжигать живыми стариковъ. Во французско-корейскомъ словарѣ есть указаніе, что подобный обычай относительно недавно существовалъ и въ Кореѣ [1]). Гриффисъ тоже говоритъ объ этомъ обычаѣ (стр. 83) слѣдующее:

«Весьма вѣроятно, что корейцы произошли отъ сліянія южныхъ племенъ съ племенами, пришедшими съ сѣвера, отъ Амура, поэтому

---

1) *The China Review*. Vol, XIV, стр. 224. Human Sacrifices in Corea.

убійство стариковъ, обычное тамъ, равно какъ и среди тибетцевъ, не представляетъ ничего невозможнаго среди самихъ корейцевъ» [1]).

Къ такимъ пережиткамъ древнихъ погребальныхъ обычаевъ принадлежитъ, несомнѣнно, выбрасываніе мертвецовъ прямо на дворъ, подъ легкій соломенный навѣсъ, что до сихъ поръ дѣлается въ окрестностяхъ города Кюнь-сань (въ Сѣверной Чіолла) [2]).

Сожиганіе покойниковъ, общераспространенное въ царствованіе династіи Силла и Коріо, прекратилось съ паденіемъ буддизма и примѣняется только буддійскими монахами; другимъ оно воспрещено закономъ.

Господствующіе въ настоящее время вездѣ въ Кореѣ погребальные обычаи цѣликомъ позаимствованы изъ Китая; они считаются обязательными подъ страхомъ уголовной отвѣтственности и строго всѣми соблюдаются. Они основаны на двухъ главныхъ принципахъ корейской морали и на общераспространенныхъ вѣрованіяхъ: на почитаніи предковъ и на вѣрѣ въ безсмертіе души.

По корейскимъ понятіямъ, у человѣка—три души [3]). Послѣ смерти одна изъ этихъ душъ поселяется въ остающейся дома «поминальной дощечкѣ» (уй-пха), другая остается въ могилѣ на попеченіи духа горъ, воплощеннаго въ надгробномъ камнѣ «ту-ди», третья отправляется въ неизвѣстную страну „десяти судей“, гдѣ, согласно съ ея жизнью на землѣ, она приговаривается къ пребыванію въ обители вѣчнаго счастія или вѣчныхъ мученій. Ведутъ душу къ этимъ „десяти судьямъ“ (са-цза) демоны подземнаго царства.

Согласно воззрѣнію, что душа покойника обладаетъ всѣми человѣческими свойствами, погребальные обряды корейцевъ стремятся доставить умершему все нужное ему въ длинномъ пути на тотъ свѣтъ и въ будущей тамъ жизни; почитаніе умершихъ и сыновняя къ нимъ любовь выражаются въ причитаніяхъ, громкомъ, всенародномъ плачѣ, постѣ и глубокомъ траурѣ живыхъ, главнымъ образомъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ по мужской линіи.

Чтобы задержать отходящую душу возможно долго на землѣ, стараются корейцы въ моментъ кончины производить въ домѣ умирающаго возможно меньше шума. У изголовья больного собираются тогда и ухаживаютъ за нимъ исключительно мужчины. Прежде всего укладываютъ его на широкой доскѣ, покрытой цыновками, а подъ голову подкладываютъ ему подушку. Лицо умирающаго поворачиваютъ на югъ. Лишь только онъ скончается, затыкаютъ ему ротъ ватой, чтобы задержать «остатокъ дыханія», обладающій свойствомъ убивать все живое. Но раньше того присутствующіе пробуютъ раскрыть особыми палочками челюсти покойнаго ради провѣрки его смерти. Принято, что глаза умер-

---

1) Обычай этотъ существовалъ до недавняго времени среди чукчей; среди якутовъ сохранились очень живыя о немъ воспоминанія, но самый обычай давно исчезъ. (В. Сѣрошевскій, „Якуты“, стр. 512).

2) Форма погребенія, до сихъ поръ практикующаяся въ сѣверной Манчжуріи.

3) Смотри у якутовъ вѣрованіе въ „три человѣческія души“ и связь ихъ съ „тремя частями человѣческой тѣни“ („Якуты“, стр. 667).

шему отцу закрываетъ старшій сынъ; онъ же, если любилъ покойника, долженъ былъ заранѣе позаботиться для него о прекрасномъ, прочномъ гробѣ и погребальномъ платьѣ. Къ болѣе рѣдкимъ обрядамъ принадлежитъ «танъ-чжи».

Когда смерть отъ болѣзни или старости угрожаетъ любимому человѣку, кореецъ въ отчаяніи прокусываетъ или прорѣзаетъ себѣ палецъ руки и кормитъ кровью умирающаго. Очень часто палецъ бываетъ откушенъ или отрѣзанъ цѣликомъ, что считается выраженіемъ высочайшей скорби.

Немедленно послѣ кончины корейца въ комнату, гдѣ лежитъ на доскѣ покойникъ, вносятъ домашніе маленькій столикъ съ *тремя* блюдами риса и *тремя* чарками рисовой водки (сули); рядомъ кладутъ *три* пары соломенныхъ сандалій, *три* куска бумажной ткани, *три* листа бумаги и... плащъ. Все это предназначено для *трехъ* душъ покойника. Затѣмъ троекратно произносится громко его имя, и ѣда выбрасывается за двери, а вещи сожигаются на дворѣ. Всѣ эти предметы забираютъ души покойника совмѣстно съ «са-цза», подземными провожатыми, къ «десяти судьямъ праведнымъ». Въ то же время слуга входитъ на крышу дома и, взявъ платье покойника за воротъ и приподнявъ его одинъ рукавъ, а другою рукой развѣвая его фалды, поворачиваетъ все къ сѣверу, куда уходятъ души умершихъ. Онъ троекратно вызываетъ покойника по имени, въ ожиданіи, что тотъ, пожалуй, вернется. Послѣ того этимъ же платьемъ покрываютъ усопшаго. Въ первый же день во дворѣ устраивается поспѣшно по китайскому обычаю и образцу бѣлая траурная бесѣдка, обшитая цыновками, выложенная тканями, гдѣ ставятъ столъ съ пищей «для душъ» покойнаго. Къ руководству похоронами члены семейства выбираютъ среди ближайшихъ родственниковъ «похороннаго старосту»,— мужчину, если покойникъ мужчина, женщину, если онъ женщина. Тогда только назначенныя къ тому лица приступаютъ къ омовенію и одѣванію тѣла. Присутствующіе, исключая похороннаго старосты, всѣ уходятъ на дворъ, становятся съ южной стороны похоронной бесѣдки и, повернувшись лицомъ на сѣверъ, громко и горько рыдаютъ.

Одѣвальщики избираются изъ числа родственниковъ или старыхъ, вѣрныхъ слугъ. Они раздѣваютъ покойника, причесываютъ ему волосы вверхъ, по-корейски, и завязываютъ ихъ тамъ въ обязательный пучекъ; затѣмъ обмываютъ тѣло душистою водой и вытираютъ полотенцами. Они обрѣзаютъ покойнику ногти у рукъ и ногъ, старательно сохраняя обрѣзки въ особыхъ для каждаго пальца шелковыхъ мѣшочкахъ. Въ такіе же мѣшочки прячутся ими обрѣзки волосъ, и всѣ они укладываются въ гробъ на дно ради избѣжанія впослѣдствіи всякихъ недоразумѣній съ покойникомъ, который ничего изъ своей особы не можетъ оставить безнаказанно на землѣ. Даже воду послѣ омовенія, гребешки и утиральники покойнаго всѣ выбрасываются на дворъ въ особую яму.

Для одѣванія тѣло переносится на другую доску, покрытую цыновками и одѣялами. Одѣвальщики надѣваютъ ему на голое туловище ватное платье, а на ноги ватные чулки и черные китайскіе башмаки на-

толстой бумажной подошвѣ; затѣмъ они обматываютъ его шелковыми и холщевыми кушаками, а сверху надѣваютъ ситцевый или шелковый халатъ, стянутый поясомъ въ таліи. Этотъ поясокъ у женщинъ и чиновниковъ всегда краснаго цвѣта.

Затѣмъ одѣвальщики, умывши руки, ставятъ у тѣла на столикѣ кусокъ мяса, немного супа, бумажку съ трогательнымъ и похвальнымъ жизнеописаніемъ покойнаго, дѣлаютъ возліянія водкой на восточной сторонѣ и приступаютъ къ кормленію покойнаго просяною кашей. Богатые корейцы къ кашѣ прибавляютъ немного мелкаго жемчуга и куски нефрита, предохраняющіе будто бы тѣло отъ скорой порчи. «Похоронный староста» сбрасываетъ платье съ лѣваго плеча, моетъ руки и приближается къ усопшему съ восточной стороны, затѣмъ съ западной, наконецъ, становится прямо передъ нимъ и наполняетъ ему кашей насильно раздвинутый ротъ; послѣ того кладетъ на ротъ бѣлую повязку, чтобъ удержать тамъ драгоцѣнную кашу, а глаза завязываетъ черною лентой, въ уши вкладываетъ вату и на все лицо набрасываетъ черный шелковый платочекъ, концы котораго туго стягиваютъ назади головы. Руки тоже связаны чернымъ платкомъ, и все тѣло покрыто одѣяломъ.

Всю ночь горятъ у тѣла свѣчи, стоитъ стулъ со сложенными на немъ обычными вещами покойнаго, на столѣ лежатъ гребенки, утиральники, стоитъ подсвѣчникъ, кадильница и кадило, рукомойникъ, полный воды, которую перемѣняютъ слуги два раза ежедневно. Все это въ ожиданіи души покойника, изображеніе которой лежитъ тутъ же поверхъ платья въ видѣ бѣлой шелковой ленты въ 3—4 фута длиной. На землѣ стоитъ ящикъ съ бумажками, сжигаемыми обильно во время церемоніи. Съ правой стороны усопшаго водруженъ высокій шестъ съ краснымъ флагомъ, на которомъ бѣлыми буквами начертано его имя, фамилія, мѣсто рожденія и общественное положеніе. На концѣ шеста воткнуто вилообразное остріе для устрашенія злыхъ духовъ.

На слѣдующій день одѣваютъ покойника еще въ одно платье, которое бываетъ и цвѣтнымъ,—остальныя платья всѣ обязательно бѣлыя. Женщинъ одѣваютъ въ юбку и длинный халатъ, повязанный поверхъ поясомъ. Одѣвальщики еще разъ переносятъ покойника на особую доску, подъ голову кладутъ вмѣсто подушки его собственное платье, затѣмъ распускаютъ временно всѣ его повязки и пояса, въ ожиданіи, авось, не вернется ли жизнь къ нему. Являются четыре разсказчика, которые жалобнымъ голосомъ разсказываютъ о жизни и заслугахъ покойнаго. Въ это время домашніе сжигаютъ большое количество облитой спиртомъ бумаги.

На третій день тѣло укладываютъ въ гробъ, сбитый изъ толстыхъ досокъ; у богатыхъ онъ красиво лакированъ снаружи и выстланъ шелкомъ внутри. Бѣдняки просто красятъ его въ черный цвѣтъ и выклеиваютъ бумагой. На дно гроба корейцы насыпаютъ толстый слой угольнаго порошка, покрываютъ его листомъ бумаги и поверхъ всего кладутъ доску съ семью отверстіями, изображающими созвѣздіе Большой Медвѣдицы—единственный остатокъ древне-корейскихъ вѣрованій въ ихъ

современыхъ похоронныхъ обрядахъ. Затѣмъ гробъ выстилается тщательно одѣяломъ, въ изголовьяхъ его кладется подушка, и только тогда сыновья покойнаго вмѣстѣ со слугами, обмывъ предварительно руки, опускаютъ туда тѣло умершаго. Мѣшечки съ обрѣзками ногтей и волосъ, а также выпавшіе у покойника еще при жизни зубы размѣщаются по угламъ гроба. Пустое пространство между тѣломъ и стѣнками гроба корейцы заполняютъ оставшейся одеждой покойнаго и ватой, послѣ чего все накрываютъ двумя покрывалами, называемыми «небесами», и заколачиваютъ крышку гроба.

Наглухо заколоченный, обмазанный смолой и воскомъ, покрытый и лакомъ, гробъ стоитъ обыкновенно нѣкоторое время во дворѣ, повернутый головой къ югу. Погребеніе происходитъ у крестьянъ спустя три дня, у болѣе зажиточныхъ людей—спустя девять дней; члены царствующаго дома хоронятся только черезъ девять мѣсяцевъ съ момента кончины. Впрочемъ, приличіе требуетъ, чтобы родные не торопились съ погребеніемъ, и даже бѣдняки держатъ покойниковъ дома нерѣдко недѣлю и больше; богатые же корейцы рѣдко хоронятъ своихъ мертвецовъ раньше трехъ мѣсяцевъ. Все это время гробъ стоитъ во дворѣ въ изготовленной для него бесѣдкѣ за ширмами; въ соотвѣтственное время у него ставятъ ужинъ, завтракъ, обѣдъ, блюда, любимыя покойникомъ, цвѣты и плоды. Прислуга неизмѣнно по утрамъ ставитъ тамъ умывальникъ съ чистой водой и вѣшаетъ утиральники. Наконецъ, предсказатель (пань-су) опредѣлилъ мѣсто, благопріятное для могилы, и назначилъ счастливый день для похоронъ. Яма роется тамъ съ соблюденіемъ разнообразныхъ церемоній. Прежде всего съ сѣверной стороны означеннаго мѣста ставятъ невысокій, всего на одинъ футъ вышиной, камень «ту-ди», изображающій духа-хранителя могилы. Затѣмъ утромъ, въ день, предназначенный для рытья ямы, похоронный староста послѣ жалобныхъ причитаній у тѣла усопшаго отправляется вмѣстѣ съ предсказателями и родственниками покойника на могилки и обозначаетъ мѣсто ямы воткнутыми въ землю вѣтками сливы. Ихъ обыкновенно семь, что соотвѣтствуетъ числу звѣздъ Большой Медвѣдицы, и размѣщены онѣ такимъ образомъ, что одна вѣтка изображаетъ голову, другая приходится посрединѣ, третья—въ ногахъ. Остальныя четыре вѣтки втыкаютъ по угламъ. У центральной вѣтки служители ставятъ посуду съ ѣдой и чашки съ рисовой водкой (сули).

Тогда присутствующіе отправляются къ столу, поставленному у «ту-ди», преклоняютъ колѣни, жгутъ тимянъ (траву), льютъ на землю воду, сжигаютъ въ большой мѣдной жаровнѣ бумажки и бьютъ несчетное число поклоновъ. Наконецъ, «похоронный староста» становится на колѣни у самой обозначенной имъ могилы, заливается горькими слезами и двукратно бьетъ земные поклоны, а прислуга принимается за рытье ямы, обыкновенно очень неглубокой. Дно ямы засыпается пескомъ и известкой. Выносъ тѣла на могилки совершается тоже въ счастливый день, указанный предсказателями. Громкія рыданія и дикіе вопли сопровождаютъ выносъ тѣла на кладбище. Гробъ покрывается покрываломъ чернаго,

синяго или краснаго цвѣта. На крышку гроба кладутъ служители шляпу покойника и флагъ съ знаками его имени и положенія. Во время приготовленія къ выносу присутствующіе жгутъ непрерывно свѣчи, благоуханія, приносятъ жертвы изъ пищи и водки и кладутъ земные поклоны. Наконецъ, кортежъ двигается въ путь; гробъ несетъ толпа носильщиковъ, достигающая иногда 30-ти человѣкъ. Впереди гроба идутъ люди съ сосновыми вѣтками въ рукахъ, съ лопатами, со значками и съ фонарями, снабженными траурными надписями. Во главѣ шагаютъ скоморохи, одѣтые въ звѣриныя шкуры, съ ужасными масками на лицахъ: они предназначены устрашать и прогонять злыхъ духовъ на пути кортежа. Вслѣдъ за ними несутъ служители ящикъ съ вещами покойника. По обѣимъ сторонамъ все время движутся факельщики съ зажженными факелами; во время хода родственники и знакомые жгутъ бумажки, изображающія китайскія деньги. За чиновниками слѣдуетъ бумажная лошадь, которую сжигаютъ на могилѣ, а золу ссыпаютъ въ яму. За гробомъ въ самомъ концѣ кортежа идутъ въ глубокомъ траурѣ сыновья и близкіе родственники покойника; знакомые и болѣе отдаленные родственники ѣдутъ верхомъ или слѣдуютъ въ носилкахъ.

На кладбищѣ носильщики ставятъ гробъ на цыновки съ южной стороны ямы такимъ образомъ, чтобы лицо покойника было направлено къ сѣверу. Происходятъ обычныя жертвы изъ пищи и водки, послѣ чего «похоронный староста» бросается на землю съ громкими рыданіями. Плачъ и причитанія прекращаются на нѣкоторое время только послѣ спуска гроба въ яму, но они возобновляются съ удвоенной силой, когда туда же спускается флагъ съ именемъ покойника и кусокъ чернаго шелка. Затѣмъ присутствующіе преклоняются передъ могильнымъ камнемъ (ти-ду), у котораго стоятъ блюда съ явствами, плодами и водкой. Могильщики насыпаютъ на гробъ сначала смѣсь извести, угольнаго порошка и бѣлаго камня, а затѣмъ землю; все это время трезвонъ гонговъ и трескотня барабановъ не прекращаются. Надъ могилой насыпается обыкновенно круглый, довольно высокій курганчикъ. Похороны завершаются обильными жертвоприношеніями водкой, которую льютъ на землю, и сушеной рыбой, которую раздаютъ прислугѣ и могильщикамъ. Похоронный кортежъ уноситъ обратно домой ящикъ съ платьемъ покойнаго и ставитъ его въ комнатѣ предковъ, гдѣ онъ находится все время траура и гдѣ передъ нимъ домашніе часто молятся и сжигаютъ жертвоприношенія. Возвращающихся родственниковъ встрѣчаетъ съ рыданіями на порогѣ дома похоронный староста. Всѣ молятся, сжигаютъ много бумажекъ, затѣмъ входятъ и принимаются за скромную трапезу. Являются двѣ—три шаманки (му-дань) съ музыкой; онѣ переодѣты покойникомъ, говорятъ отъ его имени, разсказывая въ первомъ лицѣ извѣстныя происшествія изъ его жизни.

Такимъ образомъ *двѣ* души покойника пристроены: одна ушла въ невѣдомую страну, другая поселилась въ могилѣ подъ защитой надгробнаго камня «ти-ду». Для третьей души приготовлена продолговатая дощечка въ одинъ футъ длиной, въ два дюйма шириной и въ палецъ толщи-

ной; у богатыхъ она сдѣлана изъ каштановаго дерева, выросшаго въ такомъ мѣстѣ, куда не залетаетъ «лай собакъ и пѣніе пѣтуха». Бѣдняки довольствуются картономъ такого же размѣра и формы. Дощечка красится въ черный цвѣтъ, и на ней бѣлыми китайскими буквами пишется имя покойнаго. Въ бокахъ дощечки продѣланы отверстія, облегчающія доступъ въ нее душѣ усопшаго. Передъ дощечкой справляютъ домашніе по покойномъ поминки, приносятъ въ жертву пищу, плоды, цвѣты и водку. Такъ ее чествуютъ до четвертаго колѣна, послѣ чего ее зарываютъ въ могилу собственника. Первыя поминки совершаютъ дѣти на другой день послѣ похоронъ родителей, дальше каждые десять дней и на ново и полнолуніе въ продолженіе двухъ—трехъ лѣтъ со дня смерти покойника. Раньше въ могилы корейскихъ королей зарывали живыхъ рабынь-наложницъ, которыхъ со временемъ только замѣнили каменными женскими изображеніями. Души покойниковъ, по корейскимъ понятіямъ, постоянно носятся кругомъ живыхъ своихъ родственниковъ, образуя какъ бы невидимую часть рода и семьи, требующую большаго вниманія и заботъ, чѣмъ мірская, такъ какъ она способна мстить и вредить, а сама недоступна возмездію. Отсюда происходитъ тщательное соблюденіе всякаго рода поминокъ по родственникамъ и ревностный дорого-стоящій уходъ за могилами предковъ. Отсюда постоянный страхъ корейца, чтобы кто нибудь не обидѣлъ его покойниковъ, не потревожилъ ихъ сна. Нарушеніе кладбищенскихъ границъ, погребеніе чужого человѣка вблизи родственныхъ могилъ вызываетъ среди туземцевъ кровавыя и ожесточенныя распри, въ которыхъ принимаютъ участіе нерѣдко цѣлыя деревни и роды и которыя составляютъ 50% всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ провинціальныхъ управленіяхъ полуострова. Всякое несчастіе, злоключеніе, житейская неудача приписываются корейцами гнѣву, мести или неудовольствію покойниковъ. Незадачливый туземецъ или безплодная его жена ищутъ прежде всего причины своихъ невзгодъ въ могилахъ своихъ предковъ, предпринимаютъ къ нимъ затруднительныя далекія поѣздки, сжигаютъ передъ ними богатыя жертвы или рѣшаются на переносъ тѣла въ другое болѣе удобное мѣсто, по указанію предсказателя (пань-су). Рѣшившись на послѣднее, они прежде всего раскапываютъ могилу и вскрываютъ гробъ; если тѣло измѣнило свое тамъ положеніе или почернѣло, то это считается неопровержимымъ признакомъ, что покойника постигла обида и что вслѣдствіе этого всему семейству, даже роду угрожаетъ несчастіе. Родные и родовичи немедленно обращаются за совѣтомъ къ ворожею (пань-су) и, по его совѣту, переносятъ обыкновенно тѣло въ другое мѣсто, соблюдая въ сокращеніи всѣ похоронные обряды. Продолжительный и тягостный корейскій трауръ является тоже выраженіемъ родственной солидарности. Всякая обида, а тѣмъ болѣе смерть родственника подлежитъ отмщенію. Пока это не случилось, ближайшіе родственники (нѣкогда весь родъ) налагаютъ на себя тягостныя ограниченія, побуждающія ихъ къ скорѣйшему исполненію обязанности. До сихъ поръ въ Кореѣ человѣкъ въ трауре и преступникъ носятъ тоже названіе и обозначаются тѣмъ же іероглифомъ. Корейскіе заключенные и осужден-

ные дѣйствительно носятъ грубую, траурную корейскую одежду и большія покаянныя, туземныя шляпы, закрывающія лица и головы, и они, подобно тому какъ потерявшіе родителей, прячутся при встрѣчахъ съ посторонними за небольшіе вѣера. Нельзя также преступникамъ и траурникамъ никакъ разговаривать и смѣяться. Вообще люди, потерявшіе родителей, держатъ себя до сихъ поръ въ Кореѣ такъ, какъ нѣкогда держали себя въ Японіи люди, скрывавшіеся отъ родовой мести въ предназначенныхъ къ тому храмахъ и убѣжищахъ. Во время самаго глубокаго трехлѣтняго траура по родителямъ, изъ которыхъ два года считаются тяжелымъ трауромъ, а годъ—полутрауромъ, дѣтямъ нельзя заниматься какимъ-либо трудомъ, нельзя ходить въ гости и принимать посѣтителей, не слѣдуетъ вообще проявлять какого-либо интереса къ житейскимъ дѣламъ, воспрещено убивать живыхъ существъ даже вредныхъ, даже гадовъ и паразитовъ, кишмя-кишащихъ въ грязныхъ траурныхъ одеждахъ туземцевъ. Они носятъ грубыя одежды, не стригутъ волосъ и бородъ, не ѣдятъ мяса, рыбы, чеснока. Они считаются временно умершими для мірскихъ суетъ и удовольствій. Жены на время траура покидаютъ мужей и закрываютъ имъ доступъ на свое ложе. Дѣвушки не выходятъ замужъ, мужчины не женятся. Дѣти, родившіяся во время родительскаго траура, считаются незаконными, происхожденіе ихъ позорно, и они могутъ быть проданы родственниками или отцомъ въ рабство. Въ день смерти главы семьи всѣ домашніе не ѣдятъ пищи, а дѣти послѣ смерти родителей три дня строго постятся. Вообще всѣ родственники покойнаго подлежатъ трауру, котораго продолжительность и сила убываютъ соотвѣтственно степени родства. Родство разсматривается у корейцевъ исключительно въ мужской линіи. Мужъ послѣ супруги и жена послѣ мужа соблюдаютъ тоже глубокій трехлѣтній трауръ.

Въ настоящее время общая бѣдность населенія и нѣкоторое паденіе древне-родовыхъ связей значительно ослабили соблюденіе траура среди простого народа.

Поѣздка къ казакамъ-грузинамъ въ Терскую область.

Въ Терскую область къ казакамъ-грузинамъ я былъ командированъ въ маѣ этого (1904) года Этнографическимъ отдѣломъ Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, съ цѣлью записать ихъ пѣсни и потомъ сравнить съ грузинскими закавказскими. Однако, прежде чѣмъ ѣхать къ нимъ, я предварительно навелъ справки, можно-ли тамъ добыть матеріала, чтобы поѣздка не оказалась безполезной. Справки тѣмъ болѣе нужны были, потому что путь былъ не изъ близкихъ и на авось ѣхать было рискованно. Списавшись съ однимъ тамошнимъ купцомъ, который меня въ этомъ отношеніи обнадежилъ, сообщилъ маршрутъ и пригласилъ, я отправился. Поѣхалъ я въ станицу Александро-Невскую или, какъ тамъ называютъ,—Сасоплы, иногда Саплы. Рекомендательныхъ доку-

ментовъ я не успѣлъ получить, такъ что ѣхалъ безъ нихъ, думая, что разъ я ѣду въ гости, то свидѣтельствъ никакихъ не нужно будетъ. Впослѣдствіи оказалось, что я жестоко ошибся. Ѣхать сначала пришлось по желѣзной дорогѣ, затѣмъ на лошадяхъ верстъ около ста слишкомъ. Послѣ 15-ти-часовой ѣзды въ страшную жару и пыль я, наконецъ, благополучно прибылъ въ г. Кизляръ, Терской Области. Отъ Кизляра до Сасоплы еще оставалось около 22 верстъ, которыя пришлось проѣхать на перекладныхъ. Пріѣхавъ въ станицу, я началъ искать моего купца и послѣ нѣкотораго времени, наконецъ, отыскалъ его. Тутъ у насъ произошла довольно курьезная сцена. Этотъ купецъ меня почему-то не принялъ, и я такимъ образомъ, очутился на улицѣ. Если бы не сельскій учитель, мое положеніе было бы весьма затруднительное. Что было дальше, я не буду распространяться, а уклонюсь и скажу нѣсколько словъ объ этихъ казакахъ-грузинахъ.

Точныхъ какихъ-либо историческихъ свѣдѣній о томъ, когда они вышли изъ Грузіи, я пока не могъ найти. Въ матеріалахъ для исторіи Кавказа Буткова о нихъ упоминается въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]). «Грузины и Армяне суть тѣ, которые по доброй волѣ служили Россіянамъ въ Гиляни въ числѣ 700 человѣкъ. Бывъ оттуда переведены 1730 года въ Дербентъ, а 1733 года въ крѣпость Святаго Креста, они купно съ поселившимися у крѣпости Святаго Креста для торговли, состояли теперь въ 450 семьяхъ. Военныхъ отпускали на свободу; но 1736 года, по прошенію начальника ихъ генералъ-маіора Лазаря Христофорова, съ товарищами 112 человѣками паки приняты они въ россійскую службу, поселены при Кизлярѣ, съ полученіемъ земли подъ пашню, жалованья противъ Астраханскихъ гарнизонныхъ полковъ и денежнаго пособія на поселеніе. Изъ нихъ въ 1739 году, по приглашенію фельдмаршала графа Миниха, нѣсколько вступило въ грузинскія гусарскія три роты, составленныя изъ князей и дворянъ, выѣхавшихъ съ царемъ Вахтангомъ. Въ 1747 и 1748 годахъ всѣ Кизлярской грузинской команды Грузины и Армяне отъ службы отставлены съ тѣмъ однако, чтобы оставались на жительствѣ при Кизлярѣ» [2]). Такимъ образомъ, грузины на Терекѣ являются съ 1730 года, а если мы примемъ во вниманіе, что Грузинскій царь Вахтангъ VI, переселяясь въ Москву, взялъ съ собою около полутора тысячъ семействъ, изъ которыхъ, какъ говорятъ, часть застряла какъ въ г. Кизлярѣ, такъ и въ г. Моздокѣ и другихъ мѣстахъ, то—и раньше.

Являются ли данные казаки потомками семействъ, выселившихся съ царемъ Вахтангомъ, или, быть можетъ, потомками тѣхъ семействъ, «которыя служили Россіянамъ по доброй волѣ», сказать ничего утвердительнаго не могу. Въ самой станицѣ мнѣ пришлось пробыть около сутокъ, и я ничего узнать не могъ, такъ какъ на другой же день я долженъ былъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, ѣхать

---

[1]) Свѣдѣнія эти собраны мною при содѣйствіи св. П. Карбелова.

[2]) П. Бутковъ. Матеріалы для исторіи Кавказа. Т. I. стр. 155.

обратно. Все, что я могъ узнать и видѣть за это короткое время, это слѣдующее: грузинъ въ этой станицѣ 60 дворовъ [1]), русскихъ тоже. Есть по нѣсколько дворовъ одной фамиліи, какъ, напр., Бабилюровы, Ломидзе и др. По образу жизни они нисколько не отличаются другъ отъ друга. Они такъ же, какъ и русскіе, проходятъ въ полку строевую службу четыре года, а затѣмъ дослуживаютъ 21 годъ въ станицѣ, отправляясь на одинъ мѣсяцъ въ году въ лагери. Въ общемъ, казацкая жизнь выработала изъ нихъ особый казацкій типъ, такъ что такого грузина отъ казака положительно нельзя отличить. Въ свободное отъ службы время они занимаются: скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, виноградарствомъ, вырабатывая вино подъ названіемъ сусло. Что же касается грузинокъ, то это форменныя казачки, съ такими же, какъ у тѣхъ, коротенькими юбками и кофтами и особыми казацкими черяками (родъ чевяковъ), и только иногда разница въ лицѣ, глазахъ, и волосахъ показываетъ, что это все-таки типъ не русскій. Какъ казаки, такъ и казачки сохранили родной языкъ и говорятъ на немъ такъ же, какъ и на русскомъ. Если принять во вниманіе, что эта небольшая кучка, находясь около 170 лѣтъ среди русскихъ, не утеряла родного языка, то приходится только поражаться ея необыкновенной живучести. Вотъ пока все, что мнѣ удалось видѣть и узнать о сасоплинскихъ казакахъ-грузинахъ. На слѣдующее утро я съ грустью распростился съ широкими улицами станицы, чистенькими и бѣленькими, какъ у малороссовъ, хатками. Я ѣхалъ обратно въ Кизляръ и далѣе.

Въ Кизлярѣ мнѣ содержатель разгонной почты посовѣтовалъ ѣхать на перекладныхъ, и я, послушавшись, покатилъ на тройкѣ, чтобы поскорѣе выбраться изъ «прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ». Проѣхавъ нѣсколько станцій, я къ вечеру подъѣзжаю на ст. Шелкозаводскую. Зная, что и здѣсь тоже живутъ грузины-казаки, я рѣшился попытать счастья. Думаю: если что и случится, то, авось хуже, чѣмъ было, не будетъ. Дѣйствительность оправдала мои надежды. Макаръ Ивановичъ Отиновъ, староста почтовой станціи, устроилъ мнѣ это дѣло—и черезъ два часа у одного своего пріятеля собралъ нѣсколько казаковъ. Вскорѣ я явился съ своимъ фонографомъ и записалъ пять интереснѣйшихъ въ научномъ отношеніи пѣсенъ. Записи, конечно, я сейчасъ же демонстрировалъ, чѣмъ всѣхъ присутствующихъ привелъ въ неописуемый восторгъ. Вѣсть о чудѣ-машинѣ моментально распространилась по ближайшимъ хатамъ, и черезъ нѣкоторое время не было щели въ моей хатѣ, откуда бы не выглядывали глаза и не смотрѣли бы съ удивленіемъ. Въ особенности поражались и крестились женщины, не видѣвшія никогда такой диковины.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда записывать было нечего, я отправился ночевать на станцію, гдѣ и записалъ свои наблюденія и все то, что мнѣ пришлось узнать отъ мѣстныхъ жителей. Отъ нихъ, въ общемъ, мнѣ пришлось узнать немного. Станицу свою они называютъ по-грузински Сарапани, по-русски Шелковкой. Откуда вышли ихъ

[1]) Имѣется школа, гдѣ, разумѣется, обучаютъ только русскому языку.

предки, они и сами не знаютъ, и въ этомъ отношеніи насъ опять выручаютъ какъ матеріалы для исторіи Кавказа Буткова, такъ отчасти и ихъ пѣсни. Въ этихъ матеріалахъ мы вотъ что находимъ:

«Въ 1735 году основанъ въ 70 верстахъ отъ Кизляра казенный шелковый заводъ, выше гребенскихъ станицъ (19 верстъ ниже Шадрина), на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ нынѣ Шелковская крѣпость. Оный наз. Сарафонниковъ [1]). Къ работѣ изъ доброй воли переселились сюда и построили слободу грузины и армяне. Въ 1792 году было на семъ заводѣ мужеск. пола душъ: армянъ 227, грузинъ 135, россіянъ 35. Въ 1764 году сей заводъ принадлежалъ оберъ-директору Хастатову, армянину, а потомъ взятъ въ казенное вѣдомство. Въ 1772 году собрано на семъ заводѣ 8 пудовъ шелку». Такимъ образомъ, матеріалы намъ показываютъ, по какимъ причинамъ здѣшніе грузины поселились; ихъ же пѣсни указываютъ на ихъ родину Кахетію, о чемъ—ниже.

Далѣе, что мнѣ пришлось узнать отъ нихъ, это слѣдующее: грузинъ-казаковъ въ станицѣ до 60 дворовъ, русскихъ 120. Есть, разумѣется, школа, гдѣ всѣ обучаются только русской грамотѣ. Раньше эта станица находилась ближе къ Тереку, но во время одного изъ своихъ половодій Терекъ затопилъ и дома ихъ, и сады, и поля, такъ что они принуждены были выселиться дальше. И вотъ уже лѣтъ пять, какъ они строятся и мечтаютъ разводить виноградники. Они такъ же, какъ и тѣ грузины, сохранили родной языкъ и, кромѣ русскаго, въ совершенствѣ говорятъ на армянскомъ и ногайскомъ языкахъ. Среди этихъ казаковъ также попадаются чисто-грузинскіе типы, хотя есть и такіе, которыхъ не отличишь отъ великорусскихъ. То же самое встрѣчается и среди женщинъ. (Дѣвушки ходятъ больше по городскому, и это, нужно полагать,—вліяніе гор. Грознаго, находящагося сравнительно недалеко отъ станицы). Грузинскихъ фамилій среди этихъ казаковъ я не встрѣтилъ; всѣ онѣ превратились уже въ русскія, какъ, напр.: Дубниковъ, Каринъ, Дмитріевъ, Китранинъ и др.

Пѣсни, какія я записалъ у этихъ казаковъ, принадлежатъ къ слѣдующимъ: 1) «Алило», рождественскій гимнъ; поется наканунѣ Рождества Христова, при чемъ первыя два колѣна на дворѣ, а третье—войдя въ комнату. Напѣвъ трехголосный, протяжный, торжественный. Въ этомъ родѣ пѣсни поются, главнымъ образомъ, въ Кахетіи. 2) Свадебная пѣсня, когда жениха съ невѣстой провожаютъ съ пѣніемъ до церкви и обратно. Она у нихъ наз. Перхули, въ отличіе отъ Макрули закавказскихъ грузинъ, и имѣетъ попеременную форму, какъ «Іав нана». 3) «Шавлего»—героическая пѣсня, совершенно отличная по мелодіи съ пѣснею одинаковаго названія закавказскихъ грузинъ и такъ же имѣющая поперемѣнную форму, какъ «Іав нана». 4) «Супрули» (застольная). Интересная трехголосная пѣсня древне-церковнаго напѣва, съ квинтовыми ходами. 5) «Мелис симгера»—одноголосная пѣсня съ хоромъ, тождественая по формѣ съ пѣсней «Ормоши петви чавкаре». 6) «Автандил

---

[1]) Отсюда, нужно полагать, и грузинское названіе Сарапани.

гадвинадире» — охотничья пѣсня, тоже отличная по мелодіи съ пѣсней одинаковаго названія тѣхъ грузинъ и также имѣющая попеременную форму [1]. 7) Плясовая («Сатамашо») пѣсня, одинаковая по формѣ со многими пѣснями закавказскихъ грузинъ. Напѣвъ ея нѣсколько напоминаетъ пѣсню «Пѧрина парина» и поется съ ташемъ, т. е. битьемъ въ ладоши. 8) «Тетро кало, тетро мтредо» (Бѣлая дѣвица—бѣлая голубка) — женская пѣсня любовнаго содержанія, оригинальна тѣмъ, что въ ней нѣтъ ничего грузинскаго, кромѣ текста. Это просто женскій казацкій напѣвъ съ грузинскими словами. Очевидно, первоначальный мотивъ его утерянъ. Такимъ образомъ, всего—восемь пѣсенъ. Семь изъ нихъ (если считать и 6-ю) удивительно сохранились, восьмая-же—подъ сильнымъ вліяніемъ казацкихъ женскихъ пѣсенъ. Возвращаясь опять къ вопросу относительно предковъ этихъ казаковъ, я долженъ сказать, что первая пѣсня «алило» прямо указываетъ, что предки этихъ казаковъ выходцы изъ Кахетіи. По крайней мѣрѣ, пѣсня «алило» поется только тамъ и отчасти въ Рачинскомъ уѣздѣ, Кут. губ., обитатели котораго, по моему мнѣнію, также суть выходцы изъ Кахетіи. За это, по крайней мѣрѣ, говоритъ народная пѣсня—музыка. Далѣе, пѣсни перхули (наше макрули), шавлего, мелис симгера, собственно также свидѣтельствуютъ о послѣдней. Но, благодаря тому, что напѣвы эти нѣсколько суровы, думается, что они не изъ нынѣшняго Телавскаго или отчасти Тіонетскаго уѣздовъ, Тиф. губ., гдѣ напѣвы болѣе мягки, а изъ Кизикіи (нынѣшняго Сигнахск. уѣзда, Тиф. губ.), гдѣ напѣвы отличаются нѣсколько большей суровостью въ сравненіи съ первыми. Это также подтверждается еще и записаннымъ мною аллегорическимъ текстомъ «кали ту шарасао», который поется, главнымъ образомъ, тамъ, т. е. въ Кизикіи. Разумѣется, все это я не выдаю за несомнѣнную истину, а высказываю, какъ догадку и предположеніе. Какъ бы то ни было, если принять во вниманіе, что эти пѣсни записаны у людей, оторванныхъ отъ родного края около 170 лѣтъ тому назадъ, то приходится придать имъ особенную цѣнность. Такіе памятники съ очевидностью намъ показываютъ, какого содержанія были пѣсни и какъ пѣли 200 лѣтъ тому назадъ, если не во всей Грузіи, то, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ ея провинцій.

Д. Аракчіевъ.

---

[1]) Объ этой пѣснѣ мнѣ одинъ казакъ говорилъ, что она будто-бы занесена, лѣтъ пять тому назадъ, однимъ грузиномъ изъ Закавказья. Я хотѣлъ тогда же навести справку объ этомъ, но какъ-то совсѣмъ забылъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось написать цѣлыхъ два письма по этому поводу г. Отинову, но отвѣта я такъ отъ него и не получилъ. Такъ эта оригинальная пѣсня и осталась у меня, къ глубокому сожалѣнію, подъ сомнѣніемъ.

Критика и библіографія.

Friedrich Ratzel: Über Naturschilderung. 1904. München und Berlin. Цѣна 4 р. 50 к.

Незадолго предъ своею смертію извѣстный нѣмецкій географъ, профессоръ лейпцигскаго университета, Ратцель издалъ книгу подъ заглавіемъ «Über Naturschilderung». Въ ней онъ излагаетъ и развиваетъ рядъ мыслей, которыя заключаютъ въ себѣ цѣлую теорію, стройную и продуманную, о томъ, какъ нужно изображать природу, какъ передавать впечатлѣнія, отъ нея получаемыя. Природа заключаетъ въ себѣ неистощимыя богатства красоты, и поэтому всѣ описанія, имѣющія цѣлью дать точныя свѣдѣнія о природѣ въ широкомъ смыслѣ слова, должны заключать въ себѣ, помимо научнаго, и художественный элементъ. На послѣднемъ авторъ настаиваетъ, утверждая, что его присутствіе можетъ лишь увеличить цѣнность научной правды. Говоря о природѣ, какъ сокровищницѣ красоты, авторъ старается выяснить понятія прекраснаго и возвышеннаго въ природѣ, опредѣлить тѣ частности, которыми обусловливаются эти понятія. Эта часть книги представляетъ собою большой интересъ въ виду тѣхъ эстетическихъ положеній и замѣчаній психологическаго характера, которыя предлагаетъ авторъ. Во второй части книги авторъ говоритъ объ искусствѣ изображенія природы, о должномъ наблюденіи природы, о необходимости тщательнаго выбора словъ и выраженій при передачѣ зрительныхъ впечатлѣній, предостерегаетъ отъ злоупотребленій, такъ называемою, красивою и образною рѣчью, которая въ концѣ концовъ оказывается шаблонною и безсодержательною.

Книга проф. Ратцеля такъ содержательна и интересна, что исчерпать въ краткой рецензіи ея матеріалъ невозможно. Почтенный авторъ изложилъ въ ней результаты своихъ многолѣтнихъ размышленій, и результаты эти для каждаго читателя могутъ быть поучительны и цѣнны. Книга заключаетъ въ себѣ 378 стр. текста, 7 небольшихъ рисунковъ, издана прекрасно

E. E.

С. Агабековъ (составилъ). **Учебникъ тюркменскаго (sic!) нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ (sic)! Закаспійской области.** Асхабадъ. 1904 г. (стр. IY + 100 + 25).

Это—второй по счету учебникъ туркменскаго нарѣчія послѣ труда покойнаго Шимкевича, [1]) отъ котораго онъ отличается тѣмъ, что всѣ

[1]) Практическое руководство для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменъ Закаспійской области, П. Шимкевича. (Было два изданія, одно въ 1892 г., другое въ 1899 г., въ двухъ форматахъ: in 8⁰ и in 16⁰).

примѣры въ немъ напечатаны не только транскрипціей, но и арабской азбукой, и, кромѣ того, въ концѣ книги приложено 160 туркменскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ авторомъ. Существенное отличіе разбираемаго учебника туркменскаго нарѣчія отъ «Практическаго руководства для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменскаго», Шимкевича еще то, что авторъ скромнѣе смотрѣлъ на свою задачу и написалъ грамматику нарѣчія ахалъ-текинскихъ туркменъ, что и оговорилъ въ предисловіи, а не преслѣдовалъ болѣе обширныя, а слѣдовательно и менѣе выполнимыя цѣли, какъ подполковникъ Шимкевичъ, ибо руководство послѣдняго, написанное, повидимому, для изученія вообще туркменскаго языка, безъ указанія, какой мѣстности и какому племени свойственны тѣ или другія особенности рѣчи,—стремится «обнять необъятное»; потому что, долженъ оговориться, самостоятельнаго туркменскаго нарѣчія, въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ, существуетъ нарѣчіе татарское, турецкое и проч., въ настоящее время нѣтъ; многочисленные туркменскіе племена и роды, кочующіе въ своей главной массѣ на пространствѣ отъ предгорій Копетъ-Дага до Аральскаго моря и отъ Аму-Дарьи до Каспійскаго моря, не имѣя своихъ письменныхъ памятниковъ [1]), говорятъ въ настоящее время тѣми нарѣчіями турецкаго языка, которыя общеупотребительны въ той или другой мѣстности. Такъ, напримѣръ, туркмены, живущіе у предгорій Копетъ-Дага (теке, отамышъ, тохтамышъ, іомуды и многіе другіе), т.-е. на границахъ сѣверной Персіи съ ея исконнымъ турецкимъ населеніемъ, говорятъ азербиджанскимъ нарѣчіемъ лишь съ небольшими уклоненіями отъ него въ деталяхъ.

Племена, живущія на границахъ Афганскаго Туркестана и въ немъ, а также кочевья туркменскихъ родовъ въ Бухарѣ, на границахъ Закаспійской области съ Бухарою и въ предѣлахъ Хивинскаго ханства (салоры, сарыки, эрсаринцы, чодоры и друг.), употребляютъ нарѣчіе, весьма близкое къ джагатайскому или узбекскому; наконецъ, туркмены, обитающіе въ границахъ Красноводскаго и Мангишлакскаго уѣздовъ (Закаспійской области), т.-е. по сосѣдству съ обширнымъ райономъ Усть-Урта, населеннаго киргизскими племенами, говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ киргизскому. И только основательное знакомство со всѣми этими нарѣчіями туркменъ, быть можетъ, дастъ возможность оріенталисту выдѣлить изъ наносныхъ вліяній самобытную основу грамматики туркменскаго языка, этого всеже возможнаго праотца современнаго южнотурецкаго нарѣчія. Пока же оригинальнѣйшею и любопытнѣйшею чертою туркменскихъ нарѣчій остается произношеніе, столь рѣзко отличающееся отъ произношенія остальныхъ тюркскихъ нарѣчій, что на него слѣдовало бы обратить особое вниманіе нашимъ оріенталистамъ. Многіе своеобразные звуки туркменскаго говора, не передаваемые на бумагѣ никакими знаками и объясненіями, необходимо или слышать самому, или черезъ граммофонъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если всѣ тран-

[1]) Встрѣчающіяся диваны Махдумъ-Кули и друг. рапсодовъ и пѣвцовъ туркменской славы писаны на джагатайскомъ нарѣчіи.

скрипціи, передающія туркменскіе тексты (въ томъ числѣ и въ учебникахъ Агабекова и Шимкевича), весьма далеки отъ истиннаго произношенія. Посему, не разбирая со стороны грамматической учебникъ г. Агабекова, остановимся на собранныхъ имъ пословицахъ. Большое, сравнительно, собраніе ихъ (едва-ли пока не единственное) заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ по бытовому міровоззрѣнію туркменъ; здѣсь есть пословицы, удивительно вѣрно отражающія характеръ былыхъ «степныхъ рыцарей», полный жаднаго влеченія къ лихимъ аламанамъ и сознанія только своего достоинства, напримѣръ: «За преданность гяуру расплата—черная сабля»; «храброму человѣку никакое дѣло не трудно»; «въ день битвы у героя нѣтъ голоса»; «день принадлежитъ сильному, какъ поджаренная пшеница тому, у кого острые зубы»; «если видишь вполнѣ достойнаго героя, не спрашивай, какого онъ происхожденія»; «если тáта [1]) не бить, не будетъ другомъ»; «хвостъ чужой собаки долженъ быть прижатъ между ногами»; «если невѣрные завоюютъ даже весь міръ, ты всеже будь крѣпокъ въ своей вѣрѣ»; «если лошадь скакунъ, другихъ качествъ отъ нея и не нужно» и т. п. Широкое существованіе рабства у туркменъ во времена «аламанчилыка» также нашло себѣ отраженіе въ пословицахъ: «лучше быть рабомъ богатаго, чѣмъ сыномъ бѣдняка»; «если отецъ состарился, не покупай раба, если мать стара, не покупай рабыни» (т.-е. не вноси этимъ разлада въ семью); «зазнавшійся рабъ загадитъ колодецъ»; «изъ рабовъ не выходитъ свѣтлыхъ, а изъ пастуховъ—вліятельныхъ людей»; «раба убиваютъ думы, а осла кормъ» и другія.

Отношенія къ соплеменникамъ и другимъ народамъ выражаются въ слѣдующихъ пословицахъ: «Съ человѣкомъ отъ другого отца не охоться даже на зайца» (т.-е. не веди дружбы съ инородцами); «на лисицу той или другой страны охотятся только съ мѣстными борзыми»; «сосѣду приключилось, все равно, что родному»; «бокъ-о-бокъ живущему сосѣду не говори обидныхъ словъ»; «если разбросаешь костеръ—потухнетъ, если затронешь сосѣда—откочуетъ»; «потерявшій свою землю будетъ плакать семь лѣтъ,—потерявшій свое племя, будетъ плакать до смерти».

Къ сожалѣнію, недостаточное, повидимому, знакомство автора съ оттѣнками русскаго языка послужило причиною того, что переводъ очень многихъ пословицъ получился весьма неудовлетворителенъ: напримѣръ, *хâнъ бакды-худай бакды* переведено «ханъ взглянулъ и Богъ взглянулъ», тогда какъ слѣдовало бы «взглядъ хана—взглядъ Бога»; *нâдâн достдан дâнâ дюшманъ яхшидыръ* передано «умный врагъ—лучше глупаго друга», вмѣсто: «знающій, умѣлый врагъ лучше невѣжественнаго друга; *тушана догдык тâпâ* переведено: «зайцу (дорогъ) холмъ, гдѣ онъ родился» вмѣсто: «зайцу достаточно и того холма, на которомъ онъ родился: «*Аязъ-хан, чарыкынга бакъ* переведено: «Аязъ ханъ, смотри на свои онучи», тогда какъ слѣдовало бы передать «Аязъ-ханъ, смотри на свои сандаліи» (а пожалуй, и *лапти*), ибо слово *чарык* у туркменъ

[1]) Татами туркмены зовутъ персіанъ и иранское населеніе Хивы и Бухары.

означаетъ кожанную подошву, прикрѣпляемую ремешками или веревками къ голой ступнѣ; эта обувь носится только самыми бѣдными представителями туркменскихъ племенъ; фраза, *ат досту-ата досту*, переведена «другъ (подарившій) лошадь такъ же дорогъ, какъ другъ отца», что едва ли точно; вѣрнѣе слѣдовало бы, согласно смысла оригинала, «другъ лошади—другъ отца» (т.-е. тотъ, кого признала лошадь, не можетъ быть врагомъ») и т. д.

Кромѣ того, едва ли слѣдуетъ обобщать съ пословицами и тѣ стихотворныя изреченія извѣстнаго средне-азіатскаго мистика Суфи-Аллаяра (24—25 стр.), которыя авторъ помѣстилъ въ числѣ произведеній народной мудрости туркменъ, ибо трудно допустить, чтобы эти отрывки изъ дивана Аллаяра пользовались особенно широкимъ распространеніемъ въ живой рѣчи представителей полудикихъ туркменскихъ племенъ.

А. Семеновъ.

Keleti Szemle—Revue Orientale pour les études ouralo-altaïques. 1904 г. I livraison.

Первая книжка симпатичнаго будапештскаго журнала «Восточное Обозрѣніе» за текущій годъ, редактируемаго д-рами *Kúnos* и *Munkácsi*, по обыкновенію, интересна. Мы находимъ въ ней, кромѣ рецензій, продолженіе труда *С. Патканова*—«Географія и статистика тунгузскихъ племенъ Сибири» (стр. 36—55), четвертую главу труда *Мункачи*—«Древнѣйшія извѣстія о язычествѣ вогуловъ и остяковъ» (стр. 56—87) и продолженіе труда *И. Шишманова*—«Этимологія имени «булгаринъ» (стр. 88—110). Предполагая особо остановиться на статьѣ г. Шишманова, скажемъ о двухъ первыхъ нѣсколько словъ.

Въ основу статьи г. Патканова положенъ трудъ академ. *Шренка* (Объ инородцахъ Амурскаго края), дополненный свѣдѣніями новѣйшаго времени: губернаторскими отчетами, трудами экспедиціи по изслѣдованію Забайкалья и наблюденіями, сдѣланными во время переписи 1897 г. Авторъ дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ инородческихъ племенъ: 1) манегровъ (36—39), бираровъ (39—41), кили (42—43), собственно *тунгузовъ*: орочонъ (44—56), родовъ белётъ, нинаганъ, киндыгиръ, баягиръ, никагиръ, сологонъ; роды акдарня, балатаръ и иглагиръ впервые открыты при переписи 1897 г.; далѣе слѣдуютъ роды: далмай, суягоръ, бултегеръ, качитъ, лакшикэгиръ и тулуягиръ. Схема, по которой авторъ описываетъ каждое племя, такова: a) географическое распространеніе племени, b) численность его, c) перечень родовъ, d) образъ жизни или стадія культуры, e) вѣрованія, f) языкъ и g) занятія. Трудъ г. Патканова безусловно полезенъ, но такъ какъ онъ зиждется главнымъ образомъ на трудѣ Шренка, то даетъ лишь поправку статистическихъ данныхъ по новѣйшей всенародной переписи, не сообщая новыхъ свѣдѣній по этнографіи.

Д-ръ *Мункачи* задался цѣлью свести воедино всѣ свѣдѣнія о вогулахъ и остякахъ съ древнѣйшихъ временъ, дѣлая выдержки въ хроно-

логическомъ порядкѣ изъ всѣхъ путешествій и отдѣльныхъ описаній этихъ племенъ. Мы вернемся при удобномъ случаѣ къ обзору первыхъ главъ этого труда. Извлеченія свои д-ръ Мункачи снабжаетъ небольшимъ вступленіемъ о каждомъ авторѣ и о степени оригинальности его извѣстій. Подобныя попытки—собрать воедино разбросанныя свѣдѣнія о данномъ краѣ или племени—сдѣланы были въ русской литературѣ для Вятской (въ «Памятныхъ книжкахъ») и Казанской губ. (въ «Изв. Каз. общ. археол., ист. и этногр.»). Д-ръ Мункачи начинаетъ IV главу съ труда плѣннаго шведа Іог. Беркъ. *Мюллеръ*, который пользовался главнымъ образомъ рукописью Григорія Новицкаго «о народѣ остяцкомъ», добавилъ сюда кой-какія свѣдѣнія, собранныя во время поѣздки съ митрополитомъ сибирскимъ *Филоѳеемъ* (въ схимѣ Ѳеодоръ), но умолчалъ о главномъ источникѣ. Правда, Мюллеръ ввелъ въ свое описаніе нѣкоторыя новыя детали, но—прибавимъ мы—еще вопросъ: явились ли эти детали результатомъ личныхъ наблюденій, или же онѣ просто произошли отъ неточной передачи словъ Новицкаго? Въ сдѣланныя д-ромъ Мункачи извлеченія входятъ отрывки:

1) Общее понятіе объ остяцкихъ идолахъ (божкахъ). 2) Мѣста богослуженія и шаманы. 3) Заклинаніе (связываніе воли) божества. 4) Наказаніе божковъ. 5) Жертвенныя церемоніи. 6) Изображеніе недавно умершаго въ видѣ идола. 7) Медвѣжій праздникъ. 8) Медвѣжья присяга. 9) Присяга надъ идоломъ. 10) Бѣлогорскій (при сліяніи Оби съ Иртышемъ) идолъ. 11) Гусь—идолъ. 12) Обскій старикъ.

Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, насколько интересны эти извлеченія. Не менѣе поучительны извлеченія изъ извѣстнаго труда другого шведа, испытавшаго, подобно Мюллеру, плѣнъ и ссылку въ Сибирь Филиппа Іоганна *Страленберга* (Табберть). И въ этомъ случаѣ д-ръ Мункачи даетъ не менѣе любопытныя извлеченія:

1) Медвѣжій культъ у вогуловъ. 2) Культъ медвѣдя у остяковъ. 3) Вѣра въ загробную жизнь. 4) Древніе (бронзовые) идолы.

Затѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ Sammlung Russischer Geschichte академика Герг.-Фридр. *Миллера*:

1) Главныя капища остяковъ: одно въ Шайтанскихъ юртахъ (иначе—Лонкпугль), другое близъ г. Сургута, гдѣ хранился идолъ *Ортлонкъ*, называвшійся у русскихъ *Мастерко*. Далѣе идетъ выдержка изъ Ремезовской лѣтописи о томъ, что Ермакъ Тимофеевичъ обращался къ вогульскому шаману, прося предсказать ему его будущую судьбу. По приводимому Миллеромъ русскому преданію, предсказаніе это имѣло мѣсто на р. Тавдѣ, въ вогульской деревнѣ *Чандыры*.

Изъ «Путешествія по Сибири» проф. Іог.-Георга *Гмелина* (старшаго) приводится выдержка о нахожденіи вогульскаго желѣзнаго идола на вершинѣ горы Благодать. Это извѣстіе тѣмъ любопытно, что теперь ближе 400 верстъ отсюда нѣтъ ни одного вогула. Точно также нѣтъ вогулъ по рр. Лобвѣ, Яйвѣ и Тавдѣ, гдѣ было нѣкогда сплошное почти вогульское населеніе. Во время своего путешествія адъюнктъ Спб. Акад. Лепехинъ собралъ на Тавдѣ слѣдующія преданія о вогуличахъ:

1) О пещерахъ, гдѣ совершались жертвоприношенія. 2) Происхожденіе цынги (приписывается мѣстными русскими жителями тому обстоятельству, что вогуличи тайно приходили сюда для принесенія жертвъ, но дымъ отъ этихъ жертвъ былъ настолько зловоненъ, что заразилъ русскихъ цынгой, при которой, какъ извѣстно, пухнутъ десны и страшно воняетъ изо рта). 3) О почитаніи лиственницы. 4) Вогульскій охотничій амулетъ.

Другой путешественникъ—Петръ Симонъ *Палласъ*—даетъ любопытное мѣсто относительно обрусѣвшихъ вогулъ на р. Турѣ, носившихъ съ собой на охоту божковъ-покровителей. Во многихъ мѣстахъ по рр. Лобвѣ, Сосьвѣ и Лозьвѣ Палласъ нашелъ пещеры, гдѣ оказались слѣды кострищъ, кучи костей, а иногда находимы были маленькіе бронзовые идолы и кольца, съ вырѣзанными на нихъ фигурами; эти предметы охотно покупали у русскихъ вогулы и почитали ихъ, какъ божковъ. Показаніе это драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что объясняетъ частое нахожденіе малопонятныхъ бронзовыхъ издѣлій въ этомъ краѣ. У Палласа же встрѣчаются цѣнныя свѣдѣнія объ остякахъ, собранныя студ. *Зуевымъ* (его сотрудникомъ) по низовьямъ Оби. Таковы:

1) Остяцкіе идолы. 2) Божки, изображающіе умершихъ выдающихся людей. 3) Священныя горы и деревья. 4) Главныя божества обдорскихъ остяковъ и самоѣдовъ. 5) Способъ почитанія священныхъ мѣстъ. 6) Остяцкіе шаманы. 7) Ворожба. 8) Жертва и жертвенные обряды. 9) Жертвоприношеніе отъ имени больного. 10) Почитаніе медвѣдя. 11) Медвѣжья присяга. 12) Присяга при тяжбѣ. 13) Религіозные обряды при рожденіи. 14) Похоронные обряды. 15) Остяцкая медицина. 16) Счастливыя примѣты.

Путешествовавшій съ Палласомъ одновременно Готтлибъ *Георги*, ассистентъ проф. *Фалька*, въ описаніи своего путешествія и въ книгѣ «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ», даетъ много новыхъ свѣдѣній о вогулахъ по рр. Чусовой, Вишерѣ и Колвѣ. Мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя выдержки изъ него:

1) Предметы религіознаго почитанія и шаманы. Жертвенныя рощи; идолы. 2) Праздники и жертвоприношенія. 3) Очищеніе роженицы. 4) Погребеніе.

Таковы выборки, сдѣланныя д-ромъ Мункачи изъ старыхъ путешествій по Россіи. Польза этихъ выборокъ несомнѣнна: онѣ крайне облегчатъ всякаго, кто пожелаетъ заняться обзоромъ быта и вѣрованій остяковъ и вогуловъ. Остается только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ отдѣльнаго оттиска труда д-ра Мункачи.

С. К. К—въ.

Archiv für Religionswissenschaft. Herausgegeben von A. Dieterich u. T. Achelis. 7 B., III u. IV Heft, 8 B., I H. 1904.

Между интересными статьями, помѣщенными въ названномъ журналѣ, обращаетъ на себя вниманіе работа A. Dieterich'a «Mutter Erde»

(8 B.), которая представляетъ собою начало цѣлаго ряда статей подъ общимъ заглавіемъ «Volksreligion. Versuche über die Grundformen religiösen Denkens».—Исходя изъ того положенія, что изученіе религіи народовъ должно начаться съ изученія народныхъ обычаевъ, въ которыхъ хранится ритуалъ отжившаго вѣрованія, авторъ обращается къ народнымъ обычаямъ, сопровождающимъ главные моменты человѣческой жизни, т. е. рожденіе и смерть, подвергаетъ ихъ тщательному изслѣдованію, чтобы выяснить тотъ путь, которымъ шло религіозное мышленіе человѣка. Сравнивая и разбирая обряды, сопровождающіе рожденіе и смерть у людей разныхъ временъ и національностей, авторъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ этихъ обрядахъ первое мѣсто занимаютъ обращенія къ землѣ и дѣйствія, въ которыхъ земля играетъ важную роль. Наименованіе земли матерью также заставляетъ автора признать за нею важное значеніе при образованіи религіозныхъ идей въ умѣ человѣка.—Статья A. Dieterich'a, помимо своей основной идеи, интересна своимъ богатымъ матеріаломъ; изъ нея читатель можетъ ознакомиться со многими обрядами, которыми человѣчество окружало рожденіе и смерть отдѣльнаго лица, стремясь выразить въ нихъ свое отношеніе къ вѣчно волнующимъ человѣческую душу вопросамъ: откуда и куда явился и идетъ человѣкъ?—

Въ III и IV H. 7 тома того же журнала находится небольшая статья L. Radermacher'a, озаглавленная: St. Phokas. Въ ней авторъ разбираетъ случай замѣщенія христіанскимъ вѣрованіемъ древняго языческаго повѣрья. Св. Ѳока Синопскій считается покровителемъ моряковъ въ приморскихъ мѣстностяхъ Чернаго и Адріатическаго морей. Ему молятся передъ отправленіемъ въ путь и желаютъ имѣть его гостемъ на кораблѣ, но такъ какъ приглашать въ гости невидимаго нельзя, какъ нельзя и угощать его, то деньги, назначенныя на угощеніе, раздаются бѣднымъ подъ именемъ денегъ Св. Ѳоки. Подобное же вѣрованіе существовало и въ языческомъ мірѣ четырехъ сѣверныхъ германскихъ племенъ, жившихъ у моря; было повѣрье, что на каждомъ кораблѣ живетъ добрый духъ, хранящій его отъ бѣды. У грековъ помощниками на морѣ считались Діоскуры и. т. д.

Авторъ приведенной статьи, подыскивая языческое божество, которое смѣнилось образомъ христіанскаго святого, не останавливается ни на одномъ опредѣленно и предполагаетъ нѣкоторую связь между именемъ святого и приданной ему функціей.

Въ этомъ же томѣ помѣщена статья K. Sapper'a: «Religiöse Gebräuche und Anschaungen der Kekchi—Indianer». Жизнь индійцевъ Америки еще такъ мало изучена, что всякія свѣдѣнія о ней возбуждаютъ интересъ. Названная статья составлена очень тщательно и хорошо знакомитъ какъ съ религіозными воззрѣніями даннаго племени, такъ и со многими обычаями ихъ бытовой жизни. Христіанство, явившееся въ Америкѣ тотчасъ послѣ ея открытія, распространялось усердно представителями католичества и туземцы отчасти восприняли христіанское ученіе, которое въ сочетаніи съ ихъ первоначальными вѣрованіями

произвело весьма странное смѣшеніе и породило совершенно новыя воззрѣнія въ ихъ душахъ. Въ концѣ статьи приложены въ переводѣ двѣ молитвы индійцевъ племени Кекхи (Kekchi) наивныя и несложныя; вторая оканчивается словами: «во имя Бога Отца, Бога Сына и Святаго Духа», и окончаніе это ясно свидѣтельствуетъ о знакомствѣ индійцевъ съ христіанскими молитвами.

E. E.

The India of the Queen, by the late Sir William Hunter. Изданіе Lady Hunter. New Vorkand. Bombay 1903 г.

Леди Hunter опубликовала въ названной книгѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе заслуживающихъ вниманія произведеній ея покойнаго мужа, W. Hunter, который былъ плодовитымъ писателемъ и не мало потрудился на различныхъ поприщахъ литературы объ Индіи.

Подборъ написанныхъ имъ статей въ разсматриваемомъ нами изданіи, сдѣланъ столь удачно, что не оставляетъ желать ничего лучшаго и надо надѣяться, что вслѣдъ за первымъ томомъ не замедлитъ появиться и второй.

«Индія Королевы» состоитъ изъ пяти произведеній, написанныхъ около 1887 года. Тепло написана статья «Народныя движенія въ Индіи»; въ «Работѣ англичанъ въ Индіи» авторъ показалъ себя недюжиннымъ государственнымъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. Проживающіе въ Бенгалѣ съ интересомъ прочтутъ о «Рѣкѣ разрушенныхъ столицъ». Эта статья покажетъ, какъ было ужасно дѣло разрушенія за которое отвѣтственны Гугли. «Одна за другою, говоритъ авторъ, индійскія народности созидали свои столицы и одна за другою европейскія націи находили ихъ разрушенными на ихъ насыпныхъ холмахъ. Буддисты, мусульмане, португальцы, датчане, голландцы, французы, нѣмцы и англичане укрѣпляли этотъ великолѣпный каналъ всевозможными способами и укрѣпленіями, но ужасная рѣка со всѣми поступала одинаково, и въ настоящее время одни города лежатъ въ развалинахъ на сушѣ, другіе—въ прибрежномъ илѣ, а третьи разрушены и залиты водою, которая собственно и сдѣлала все это»... («Englishman», October)

А. С—ъ.

Internationales Archiv für Ethnographie. B. XVII, Heft I—II.

Томъ XVII вышеназваннаго журнала заключаетъ въ себѣ обстоятельную статью Dr. Людвига Керстена (Ludwig Kersten) подъ заглавіемъ: «Die Indianerstämme des Gran Chaco, bis zum Ausgange des 18 Jahrhunderts». Авторъ даетъ интересныя свѣдѣнія объ индѣйскихъ племенахъ Южной Америки, жительствовавшихъ главнымъ образомъ по р. Лаплатѣ, объ ихъ переселеніяхъ и разселеніяхъ въ бассейнѣ этой рѣки, объ особенностяхъ ихъ быта, объ ихъ языкѣ; между прочимъ, авторъ обращаетъ большое вниманіе на то вліяніе, которое оказало на условія жизни туземныхъ племенъ появленіе испанцевъ и ихъ колонизаторская дѣятель-

ность; помимо отрицательныхъ сторонъ, какъ-то: заразительныя болѣзни, жестокое истребленіе туземцевъ испанскими переселенцами и т. п., европейская культура имѣла для туземцевъ и нѣкоторыя хорошія слѣдствія: прирученіе лошадей и употребленіе ихъ для передвиженія, начало скотоводства.

Особенное вліяніе на жизнь туземцевъ Южной Америки авторъ усматриваетъ въ миссіонерской дѣятельности католическихъ монашескихъ орденовъ, главнымъ образомъ, іезуитовъ; послѣднихъ Dr. Людвигъ Керстенъ цѣнитъ, какъ первыхъ изслѣдователей быта индѣйскихъ племенъ Южной Америки, называя членовъ іезуитскаго ордена «основателями южно-американской этнологіи».—

Сравнительно мало еще изученный бытъ туземныхъ племенъ Южной Америки представляетъ собою большой интересъ со стороны этнографической. Статья же Dr-а. Керстена до нѣкоторой степени можетъ удовлетворить этому интересу, вслѣдствіе чего она можетъ быть прочтена не безъ пользы.

Е. Е.

И. В. Селицкій. Кульджинскіе переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. Экономическо-этнографическіе очерки и бытовая жизнь джаркентскихъ таранчей и дунганъ. (Извѣстія Общества Истор., Археол. и Этн. при Каз. Унив., т. XX, вып. 6, стр. 243—324). Казань. 1904 г. 8°.

О дунганахъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» было помѣщено нѣсколько статей. Такъ, въ книгѣ XVI-ой (1893 г.) Ѳ. В. Пояркову и В. Ѳ. Ладыгину принадлежатъ два очерка подъ общимъ заглавіемъ «Салары». (Саларъ—одно изъ главныхъ мѣстъ пребыванія дунганъ въ въ Китайской провинціи Хань-су; отсюда и саларскіе дунгане названы саларами). При этомъ г. Ладыгинъ, знающій хорошо китайскій языкъ и нѣсколько тюркскихъ нарѣчій, далъ не только обстоятельный этнографическій очеркъ дунганъ-саларъ, но и помѣстилъ еще словарь ихъ языка. Въ кн. LVII-ой (1903 г.) Ѳ. В. Поярковымъ помѣщена статья: «Сватовство (Ше—мій) у дунганъ». О таранчахъ и дунганахъ есть свѣдѣнія также въ работѣ г. Обручева: «Природа и жители Центральной Азіи и ея юговосточной окраины» (въ журналѣ «Землевѣдѣніе» 1896 г., кн. II.). Кромѣ того, по поводу добровольнаго переселенія къ намъ дунганъ въ 1877 году въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1894 годъ (№ 2) проф. В. П. Васильевымъ была помѣщена статья (передовая): «Китайцы — новые подданные Россіи». О саларахъ писалъ также Г. Н. Потанинъ, кажется, въ «Извѣстіяхъ Имп. Русс. Геогр. О—ва», не говоря уже о болѣе раннихъ авторахъ.

Во всякомъ случаѣ, о дунганахъ и таранчахъ (нарѣчіе послѣднихъ подходитъ къ саларскому) есть достаточная литература; очень жаль, что авторъ, занимавшійся этимъ предметомъ спеціально и довольно долгое время (у насъ есть свѣдѣнія, что еще въ 1894 году, а, можетъ быть, и раньше, г. Селицкій составилъ нѣсколько очерковъ о кульджинскихъ

осѣдлыхъ мусульманахъ, кульджинскихъ переселенцахъ, обычномъ правѣ киргизъ, таранчей и дунганъ, промышленности таранчей и дунганъ) и, вѣроятно, имѣвшій возможность знать болѣе подробно эту литературу, чѣмъ указано здѣсь, не привелъ почти никакихъ источниковъ по своему предмету.. Въ его очеркѣ упоминается лишь очеркъ Пантусова «Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—77 гг. Казань 1871 г.» да статья Д. Ш. въ «Нов. Врем.», 1900 г., № 8764.

Въ разсматриваемой работѣ г. Селицкаго свѣдѣнія о дунганахъ и и таранчахъ довольно разнообразны, хотя въ этнографическомъ отношеніи не всегда опредѣленны, а именно, авторъ не только не даетъ яснаго разграниченія этихъ двухъ народностей, но и не дѣлаетъ никакого географическаго и антропологическаго очерка ихъ, этнографически же признаетъ ихъ почти тожественными, хотя и описываетъ сначала бытъ, вѣрованія и обычаи таранчей, а потомъ отдѣльно—дунганъ. Несмотря на такое отсутствіе яснаго научнаго плана въ работѣ г. Селицкаго, его описаніе таранчей и дунганъ не лишено большого интереса. Здѣсь нашли мѣсто хозяйственный бытъ, духовенство, народные и международные суды, ритуальная музыка (исполнители имѣютъ на это право по наслѣдству изъ рода въ родъ), праздничныя игры (въ томъ числѣ—съ молодымъ козломъ), религіозныя преступленія (запрещается, м. п., месть, лѣность, скупость), духовный приходъ, моленія, школы, бракъ, наслѣдованіе, раздѣлы, смерть и погребеніе (въ лежачемъ положеніи лицомъ къ юго-западу), знахари, а также не мало сказано о политическихъ судьбахъ этихъ двухъ народностей. Здѣсь, однако, нелишнее отмѣтить, что на нѣкоторые изъ перечисленныхъ вопросовъ даны далеко не удовлетворительные отвѣты, скорѣе конспективные. Видно, что авторъ примѣшалъ къ своему чисто-этнографическому труду вопросы политическіе, считалъ послѣдніе настолько важными, что рѣшилъ этнографію представить только въ общемъ видѣ, чтобы, не утомивъ читателя этническими подробностями, скорѣе можно было поставить вопросъ: «что выгадали Россія и Туркестанъ отъ переселенія въ Семирѣчье пятидесятитысячной массы таранчей и дунганъ?»—Какъ извѣстно, это случилось послѣ 12 февр. 1881 года, когда былъ заключенъ петербургскій договоръ съ Китаемъ, возвратившій китайцамъ кульджинскій районъ. Зачѣмъ было ставить этотъ вопросъ автору, намъ непонятно, тѣмъ болѣе что онъ признаетъ себя незнакомымъ съ политической жизнью Китая. Тѣмъ менѣе слѣдовало бы ему приводить шовинистическія строки г. Д. Ш. изъ «Новаго Времени» и соглашаться съ ними. На самомъ дѣлѣ, какая жестокость со стороны науки, разсматривающей весь культурный складъ двухъ мирныхъ народностей, ушедшихъ въ Россію подъ защиту болѣе гуманныхъ законовъ, какая жестокость, повторяемъ, со стороны этой науки въ лицѣ г. Д. Ш. и соглашающагося съ нимъ г. Селицкаго, придти къ тому выводу, что обѣ эти народности, будучи намъ преданны, крѣпки, здоровы, смышлены, «въ рукахъ дѣльнаго командира, снабженные хорошимъ вооруженіемъ и вышедшіе изъ русской военной школы, покажутъ себя грознымъ противникомъ нашихъ враговъ».

Кажется, общепризнана истина, что для науки нѣтъ отечества, стало быть нѣтъ и необходимости проповѣдывать войну. Дѣло науки—освѣщать народамъ мирные пути прогресса. Этнографія, какъ наука, не можетъ и не должна представлять исключенія.

Вл. Б.

А. Шишовъ. Сарты. Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе. Часть I. Этнографія. Ташкентъ 1904. 8°. IV+496 стр. (Изъ «Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области, Тома XI.).

Компилятивная работа г. Шишова во многихъ отношеніяхъ не удовлетворительна. Прежде всего отсутствуетъ научная система въ расположеніи матеріала. Настоящая книга представляетъ, какъ сказано, часть 1-ую, *этнографію*; стало быть, будетъ 2-ая—*антропологія*. Въ такомъ случаѣ почему къ этнографіи отнесена вся 26-я глава: заболѣваемость сартовъ? Почему здѣсь введена глава 9-я: наружные признаки сартовъ? Равнымъ образомъ безъ всякаго видимаго отношенія къ этнографіи написаны первыя четыре главы: геогр. очеркъ, климатъ, растительность, Ташкентъ. Далѣе, въ отдѣльную главу выдѣлено «земледѣліе» и въ отдѣльную же—«полеводство». Торговля и шелководство отнесены къ «ремесламъ» (гл. 20). Раздѣленіе на классы введено въ главу: «Религія и обряды» (22). Отдѣльно отъ религіи написана глава «Праздники и народныя увеселенія» (25). Наконецъ *сарты* разсмотрѣны, только по Сыръ-Дарьинской области [1]), а они живутъ и въ другихъ: Ферганской, Семирѣченской, Самаркандской, Закаспійской и въ Восточн. Туркестанѣ. На самомъ дѣлѣ, компилятивная работа, собирая свѣдѣнія изъ изслѣдованій и матеріаловъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, должна была бы имѣть главной своей цѣлью систематичность и полноту. Полноты, несмотря на 500 страницъ текста, тоже нѣтъ. Первыя четыре главы разработаны, главнымъ образомъ, по матеріаламъ, касающимся г. Ташкента, а не всей Сыръ-Дарьинской области [2]). Историческій очеркъ Ташкента (вообще—блѣдный) не столько былъ бы важенъ, сколько историческій очеркъ сартовскаго племени. За такой очеркъ нельзя считать главы 7-й («О происхожденіи сартовъ»), гдѣ приведено преданіе о происхожденіи ихъ отъ Лота, да свѣдѣнія изъ работъ Макшеева, Л. Соболева, Остроумова, Н. А. Аристова и Миддендорфа на тему, что сартовъ нельзя смѣшивать съ таджиками. Наконецъ, глава, которая должна была бы составить главное содержаніе 1-ой части, т.-е. «этнографіи», 22-я, «религія и обряды», малоудовлетворительна въ смыслѣ полноты. Авторъ счелъ нужнымъ почему-то подробно познакомить съ сущностью мусульманства, но не описалъ всѣхъ толковъ, распростра-

[1]) Такъ опредѣлена граница и въ главѣ „Геогр. очеркъ". Ссылка же на литературу о сартахъ касается и другихъ областей.

[2]) Хотя, повторяемъ, литературные источники иногда противорѣчатъ этому.

ненныхъ у сартовъ. Вообще эта глава написана, главнымъ образомъ, по ташкентскимъ сартамъ.

Что касается источниковъ, которыми пользовался г. Шишовъ, то и здѣсь нельзя не указать на нѣкоторые промахи. Въ главѣ 6-й («Значеніе слова «сартъ»), излагая домыслы Н. П. Остроумова (изъ его книги: «Сарты. Этн. матеріалы. вып. I. 1890 г.), г. Шишовъ не подвергаетъ ихъ никакой провѣркѣ, не даетъ имъ освѣщенія. Такъ же безотносительно приведены свѣдѣнія о томъ же названіи изъ Пашино, Костенко, Уйфальи, П. Комарова, Лерха и др., кстати взятыхъ г. Шишовымъ изъ того же изслѣдованія Остроумова. Если компиляторъ безсиленъ разобраться въ представляющемся матеріалѣ, то лучше всего оставить щекотливый вопросъ въ сторонѣ или, по крайней мѣрѣ, ограничиться самыми скромными указаніями. То же можно сказать и о слѣдующей главѣ, довольно жиденькой, 8-ой: «Численность сартовъ». Авторъ привелъ всѣ попавшіяся ему подъ руку литературныя свѣдѣнія: гдѣ были цифры, тамъ далъ цифры, а гдѣ упомянуто о сартахъ глухо, тамъ и онъ глухо упомянулъ. Напр., объ общемъ количествѣ населенія въ Сыръ-Дарьинской области (1.479.948 ч.) ему извѣстно по цифрамъ 1897 г., а между тѣмъ авторъ имѣетъ, видимо, близкое отношеніе къ къ Сыръ-Дарьинскому статистическому комитету, гдѣ въ теченіе слѣдующихъ 7-и лѣтъ должна же была вестись статистика населенія! Есть свѣдѣнія, которымъ уже миновала 30-лѣтняя давность и которыя г. Шишовымъ не дополнены новыми данными. Такъ, въ гл. 13-ой онъ ссылается на статью Д. К. Зацѣпина: О способахъ измѣренія земель туземцевъ средней Азіи» (изъ «Мат. для статист. Турк. края. Ежегодникъ, вып. III. 1874 г.»), приводитъ изъ нея выдержки и чертежи, а читатель остается озадаченнымъ: что же и теперь эти свѣдѣнія живы, вѣрны, или ихъ надо относить только къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія? Но довольно этихъ примѣровъ. Изъ нихъ ясно, что г. Шишовъ, компилируя литературные источники, продѣлывалъ это чисто-кабинетнымъ и къ тому же механическимъ образомъ, не будучи самъ изслѣдователемъ живого народа, этнографомъ-наблюдателемъ.

Поэтому для людей, серіозно интересующихся сартами, придется попрежнему пользоваться разрозненными матеріалами, не прибѣгая къ компиляціи г. Шишова. По антропологіи сартовъ сдѣлано очень мало. (См. въ книгѣ А. А. Ивановскаго «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи», стр. 272). Значительно устарѣли и *А. П. Хорошхинъ:* «Сборникъ статей, касающихся до Турк. края. Спб. 1876 г.» и «Русскій Туркестанъ. Сборникъ, изданн. по поводу Политехнич. выставки въ Москвѣ 1872 г.» [1]), которыми часто пользуется г. Шишовъ. Болѣе новыя свѣдѣнія найти можно у *Н. А. Аристова:* «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. Спб. 1897 г.», *И. И. Гейръ:* «Путеводитель по Туркестану» Ташкентъ. 1901 г., *Н. Пантусова:* «Языкъ офеней въ мусульманской средѣ Туркестана»

[1]) У г. Шишова озаглавлено: „Катологъ Турк. Отдѣла“ и т. д.

(Записки З. Спб. от. И. Р. Г. О. кн. X., 1888 г.), *Л. Ѳ. Костенко*: «Туркестанскій край». Спб. 1880 г., *Маллицкаго:* «Сборникъ матеріаловъ по мусульманству» Спб. 1899 г., *Н. Лыкошина:* «Бытовой очеркъ осѣдлаго населенія Туркестана» (въ сборн. «Русск. Туркестанъ» 1899 г.), *В. П. Наливкина*: «Школы у туземцевъ Средней Азіи». (Смрк. 1899 г.), *В. Наливкина и М. Наливкиной*: «Очерки быта женщинъ осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы» Казань, 1886 г., а также въ статистическомъ сборникѣ разныхъ областей Туркестана и въ мѣстной прессѣ. Литература о сартахъ болѣе важная и болѣе точная (но лишь по 1887 г.) указана В. Ѳ. Миллеромъ въ «Систематическомъ описаніи коллекцій Дашковскаго Этнографич. Музея. Вып. I, стр. 109—110. Кромѣ того, въ «Этн. Обозр.» 1889 г. кн. III помѣщены «Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ» *М. В. Готовицкаго* и *Р. А. Пфенига* (съ приложеніемъ нотныхъ записей).

Въ 1893 г. вышелъ 2-й выпускъ «Сартовъ» Н. П. Остроумова: Народныя сказки сартовъ съ 4 рисунками. Г-жей *Л. Симоновой* въ «Справочн. книжкѣ Самарк. обл. на 1894 г.» была помѣщена статья «Чародѣйство, гаданіе и лѣченіе сартянокъ въ Самаркандѣ». Въ 1899 г. въ Сборникѣ матер. для стат. Сыръ-Дарьинской обл.» помѣщена статья *Н. Лыкошина:* «Роль дервишей въ мусульманской общинѣ ташкентскихъ туземцевъ». Въ 1900 или 1901 г. вышла книга *Е. Маркова:* «Россія въ Средней Азіи». Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. (2 тома: 541+516 стр.). Тогда же вышла книга *К. М. Ѳедорова:* Закаспійская область. (Асхабадъ, около 260 стр. ц. 3 р.). Въ 1902 г. напечатана книга *К. К. Абазы:* Завоеваніе Туркестана. Разсказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ. (Ц. 1 р. 25 к.) Наконецъ въ вышедшихъ въ 1903 г. «Этнографическихъ очеркахъ Заравшанскихъ горъ Каратегина и Дарваза» *А. А. Семенова* на стр. 22 и слѣдующихъ есть существенныя свѣдѣнія объ этнологическомъ значеніи слова «сартъ». Отчасти интересна В. И. Липскаго «Горная Бухара». Ч. I (Спб. 1902 г.).

Здѣсь указана далеко не вся новѣйшая литература о сартахъ, а лишь немногое, наиболѣе часто встрѣчавшееся въ общей литературѣ. Для компиляторовъ же, занимающихся сартами спеціально, найдется еще, навѣрно, не мало, и имъ слѣдовало бы усерднѣе слѣдить за литературой по своей спеціальности.

Вл. Б.

А. Д. Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899–1901 г.г. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Изд. Имп. Ак. Наук. М. 1904. Ц. 3р. 50 к.

Послѣднее десятилѣтіе довольно неожиданно оказалось чрезвычайно важнымъ для изученія нашего былевого эпоса: благодаря ряду поѣздокъ этнографовъ спеціально съ цѣлью отысканія былинъ, открылась на крайнемъ сѣверѣ цѣлая сокровищница, изъ которой почерпнули много инте-

реснаго недавно вышедшіе сборники *А. В. Маркова* («Бѣломорскія былины») и *Н. Ончукова* («Печорскія былины»). Въ «Этн. Об». кн. LI) по поводу сборника Маркова мы упомянули и о записяхъ г. Григорьева, совершившаго первую поѣздку на сѣверъ въ 1889 году и повторившаго ее въ лѣтнее время двухъ слѣдующихъ годовъ. Результатомъ поѣздокъ явился огромный сборникъ, первый томъ котораго, заключающій болѣе 700 стр., только что вышелъ въ свѣтъ. Весь матеріалъ распредѣленъ на три тома. Въ первый вошли былины и историческія пѣсни, записанныя въ Поморьѣ и Пинежскомъ краѣ, въ остальные два, имѣющіе появиться въ непродолжительномъ времени,—кулойскія и мезенскія старины. Разумѣется, полный отчетъ о трудѣ г. Григорьева можно дать только по выходѣ всего изданія, но и теперь уже можно на основаніи перваго тома судить объ остальномъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ отдѣльныхъ предисловій къ каждой изъ двухъ частей I тома, есть общее предисловіе ко всему изданію, занимающее 60 страницъ. Въ этомъ многословномъ введеніи сообщаются свѣдѣнія о положеніи былинной традиціи въ обслѣдованномъ собирателемъ краю и о пріемахъ записыванія и изданія текстовъ былинъ. Здѣсь, среди мало интересныхъ разсужденій о трудности перевозки валиковъ фонографа, математическихъ расчетовъ количества валиковъ, потребныхъ для записыванія 1,100,200 и т. д. старинъ, трактатовъ объ употребленіи знаковъ препинанія и т. п., встрѣчаются важныя замѣчанія, совершенно теряющіяся въ массѣ ненужныхъ подробностей.

Посѣщенныя г. Григорьевымъ мѣстности оказывается возможнымъ раздѣлить на два класса. Въ первомъ, къ которому принадлежитъ Поморье и Пинежскій край, знаніе старинъ падаетъ, во второмъ, къ которому относятся Кулойскій и Мезенскій края, знаніе старинъ процвѣтаетъ. Въ этомъ послѣднемъ районѣ старины превосходятъ старины перваго района и по количеству стиховъ, и по качеству; встрѣчаются здѣсь нѣкоторыя очень рѣдкія былины, какъ, напримѣръ, былина о Данилѣ Ловчанинѣ, притомъ въ большомъ количествѣ варіантовъ. Старины Поморья и Пинежскаго края напротивъ не особенно велики по количеству стиховъ и передаются далеко не всегда въ исправномъ видѣ; такъ, изъ 212 №№ (пропѣтыхъ 102 пѣвцами и пѣвицами), вошедшихъ въ настоящій томъ, около 30 не имѣютъ стихотворныхъ окончаній, забытыхъ исполнителями.

Репертуаръ поморскихъ и пинежскихъ пѣвцовъ не весьма разнообразенъ. Главнымъ образомъ здѣсь распространены старины: «Князь Дмитрій и его невѣста Домна» (болѣе 20 варіантовъ) и «Мать князя Михайла губитъ его жену» (болѣе 30 варіантовъ).

Перейдемъ къ отдѣльному разсмотрѣнію каждой части I тома.

Поморскія былины (№№ 1—36) занимаютъ стр. 19—123; имъ предшествуетъ особое предисловіе, дающее всѣ необходимыя свѣдѣнія о природѣ края и бытѣ населенія, а также чрезвычайно важныя для будущихъ собирателей указанія мѣстъ, гдѣ еще существуютъ старины, и лицъ, которыя ихъ знаютъ, но почему-либо не были выслушаны г.

Григорьевымъ. Къ числу наиболѣе любопытныхъ старинъ, входящихъ въ эту часть, слѣдуетъ отнести старину «Вдова, ея дочь и сыновья—корабельщики» (варіанты указаны въ сборникѣ А. В. Маркова на стр. 612). Интересно также отмѣтить, что начало старины о Васькѣ-пьяницѣ въ Поморьѣ встрѣчается въ видѣ отдѣльной пѣсни о турахъ, какъ и въ З. Золотицѣ; только новые варіанты хуже бѣломорскихъ. Останавливаютъ вниманіе нѣкоторые варіанты исторической пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, на которыхъ видно вліяніе былинъ; сюда относится № 16, гдѣ сынъ Грознаго названъ Добрынюшкой Ивановичемъ, и № 22, гдѣ то же лицо названо Солнышкомъ,—эпитетъ, составляющій принадлежность кн. Владимира [1]). Примѣры введенія сравнительно болѣе поздней исторической пѣсни въ кіевскій циклъ уже извѣстны намъ изъ сборника г. Ончукова (см. № 5—Скопинъ дѣйствуетъ при кн. Владимирѣ, № 49—Иванъ Грозный выводитъ измѣну изъ Кіева).

«Архангельскія былины» даютъ намъ новые примѣры подобнаго рода, что, конечно, очень важно для изученія исторіи былинъ.

Вторая часть сборника, заключающая пинежскія былины (№№ 1—176, а по общему счету №№ 37—212), представляетъ больше интереса. Исполнители лучше; одна изъ пѣвицъ—Марья Дмитріевна Кривополѣнова—спѣла 14 старинъ (болѣе 2000 стиховъ), при чемъ количество стиховъ въ отдѣльныхъ былинахъ доходитъ до 300, и такимъ образомъ приблизилась къ лучшимъ олонецкимъ пѣвцамъ.

Прежде всего здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченной впервые записанная старина «Путешествіе Вавилы со скоморохами» № 85 (121), послужившая уже собирателю предметомъ для доклада въ Этнографическомъ Отдѣлѣ. Содержаніе этого любопытнаго произведенія, пропѣтаго упомянутой Кривополѣновой, таково. Къ Вавилѣ, сыну честной вдовы Ненилы, приходятъ веселые люди—скоморохи. Объявивъ, что они идутъ въ «инишшоё» царство переигрывать царя Собаку съ его родней, скоморохи приглашаютъ Вавилу съ собой скоморошить. Когда тотъ отговаривается неумѣньемъ, веселые люди, оказывающіеся святыми Кузьмой и Демьяномъ, помогаютъ ему. Дальше идетъ разсказъ о путешествіи святыхъ людей—скомороховъ, во время котораго они творятъ чудеса (превращеніе ржаныхъ хлѣбовъ въ пшеничные, оживленіе вареной курицы, обращеніе холстовъ въ шелковыя и атласныя ткани и т. п.). Побѣдивъ царя-волшебника, скоморохи отдаютъ Вавилѣ его царство. Старина эта представляетъ апоѳеозъ скоморошьяго ремесла; самое искусство игры на гудкѣ оказывается не результатомъ выучки, а даромъ, посылаемымъ святыми Кузьмой и Демьяномъ, являющимися здѣсь покровителями скоморошества. Интересно сопоставить эту былину съ народными сказаніями о святыхъ и выяснить связь (въ народномъ сознаніи) святыхъ врачей-безсребренниковъ со скоморохами, для чего необходимо, разумѣется, цѣлое изслѣдованіе, котораго былина вполнѣ заслуживаетъ. Новыми являются въ сборникѣ старинка № 145 (181)

1) Обратное явленіе — вмѣсто Добрыни въ „Сорока каликахъ" (№ 9/45) фигурируетъ Никитушка Романовичъ.

про «Двѣнадцать братьевъ, ихъ сестру и отца» и шуточная пѣсня, повидимому, мѣстнаго происхожденія «Ловля филина», записанная въ трехъ варіантахъ (№№ 154, 158, 161), почти совпадающихъ другъ съ другомъ. Изъ историческихъ пѣсенъ къ новымъ собиратель относитъ: «Петръ I на молебнѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ» (четыре варіанта №№ 118, 123, 133, 133 а), «Жалоба солдатъ Петру I на князя Долгорукаго» (№ 156), «Братъ спасаетъ царя отъ смерти» (№ 96) и «Платовъ и Кутузовъ» (№ 60). Изъ извѣстныхъ, но рѣдкихъ слѣдуетъ отмѣтить пѣсню про Авдотью Рязаночку, записанную въ двухъ варіантахъ, изъ которыхъ второй — № 94 (130), состоящій всего изъ 30 стиховъ, представляетъ какую-то путаницу, а первый — № 58 (94) довольно удовлетворителенъ, но только родственники героини — Омельфы Тимоѳеевны — сидятъ въ тюрьмѣ у православнаго царя, а не находятся въ плѣну у невѣрнаго царя. Укажемъ еще на новый эпизодъ въ подвигахъ Ильи Муромца: «Илья Муромецъ покупаетъ коня, воюетъ съ Полубѣлымъ и казнитъ Соловья-разбойника» № 144 (180). Въ этой нескладной и путанной былинѣ соединены собственно разсказы о двухъ подвигахъ, при чемъ послѣ каждаго Илья Муромецъ ложится отдыхать въ сыру землю (?) то на 7, то на 20 лѣтъ для накопленія силъ. Въ былинѣ № 73 (109) въ обычный разсказъ объ отъѣздѣ Добрыни и выходѣ его жены за Алешу Поповича вставленъ эпизодъ о похищеніи Настасьи Микуличны какимъ-то Черногрудымъ королемъ. Не лишено интереса то, что встрѣчается въ видѣ отдѣльной пѣсни «Поѣздка Алеши Поповича въ Кіевъ» — № 7 (43), не соединенная съ убіеніемъ Тугарина. Этимъ, конечно, не исчерпывается интересное, доставляемое сборникомъ: изслѣдователь эпоса подмѣтитъ любопытныя черты и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, но мы не ставимъ задачей охватить все въ рецензіи.

Нельзя оставить безъ возраженія воззрѣнія собирателя на задачи и методъ изученія былевого эпоса, о чемъ онъ неоднократно высказывается въ предисловіяхъ, примѣчаніяхъ и дополненіяхъ. По поводу «Путешествія Вавилы со скоморохами» г. Григорьевъ высказываетъ слѣдующее: «Говорить о времени и мѣстѣ ея составленія я считаю пока неудобнымъ и преждевременнымъ. Для этого надо подождать новыхъ варіантовъ, установить точно (не такъ, какъ это принято дѣлать по старинамъ) редакціи и типы и ихъ отношенія другъ къ другу (т. е. ихъ генетическое древо) и пріурочить ихъ къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, указать источники старины (и отдѣльныхъ редакцій) и ея отношенія къ другимъ старинамъ и памятникамъ устной и письменной словесности и пріурочить на основаніи этого редакціи ея къ опредѣленному времени, обратить вниманіе на размѣръ и напѣвъ старины, а также на историческія условія ея возникновенія... Указываемый въ этихъ строкахъ способъ изслѣдованія старинъ не является новостью; онъ давно примѣненъ къ изученію памятниковъ нашей древней письменности; его стали примѣнять и къ изученію старинъ, но только слегка, я же настаиваю на необходимости болѣе точнаго и болѣе систематическаго приложенія его къ изученію старинъ, при которомъ нельзя обойтись срав-

неніемъ однихъ крупныхъ эпизодовъ и одними собственными именами, а придется сравнивать, отъ начала до конца, весь текстъ, всѣ слова. Правда, что при такомъ изученіи о каждой старинѣ придется писать цѣлыя сотни страницъ, но зато изученіе старинъ будетъ давать болѣе результатовъ (?!), чѣмъ теперь!»... (стр. XX—XXI) «Я, конечно, считаю необходимымъ изученіе происхожденія той или другой старины также въ связи съ относящимися къ ней литературными и историческими фактами, но полагаю, что для прочности выводовъ необходимо, путемъ сравненія и изученія всѣхъ существующихъ варіантовъ, сначала выяснить жизнь этой старины на русской почвѣ, а потомъ уже переходить къ ея происхожденію». (стр. 706). Примѣромъ примѣненія указанныхъ требованій служитъ «Обзоръ варіантовъ былинъ и историческихъ пѣсенъ» (стр. 695—705). Извиняюсь за такія длинныя выписки, совершенно однако необходимыя въ виду того, что авторъ состоитъ преподавателемъ университета, что даетъ ему возможность оказывать своими взглядами вліяніе на дальнѣйшій ходъ изученія былевого эпоса.

Прежде всего, разумѣется, нужно напомнить г. Григорьеву, что былина не рукопись и что нельзя примѣнять вполнѣ къ произведеніямъ устной словесности пріемы, съ успѣхомъ, можетъ-быть, примѣняемые къ письменнымъ памятникамъ. Установленіе и изученіе редакцій, типовъ и разновидностей слишкомъ заслонили отъ автора самую былину, тогда какъ на *первый* планъ надо поставить изученіе былины «въ связи съ относящимися къ ней литературными и историческими фактами». Изслѣдователь не остановится передъ изученіемъ былины на томъ только основаніи, что существуетъ всего одинъ варіантъ, онъ не станетъ ожидать въ бездѣйствіи, пока счастливая судьба пошлетъ еще варіанты, чтобы можно было заняться классификаціей ихъ по редакціямъ и типамъ,— нѣтъ, онъ попытается дать истолкованіе этому единственному варіанту. Понятно, придется сдѣлать оговорку: «при современномъ положеніи науки», но эта оговорка обычна, такъ какъ научные выводы всегда только относительны. Мнѣ кажется, то же самое приложимо и къ письменнымъ памятникамъ. Находясь на точкѣ зрѣнія г. Григорьева, что было бы дѣлать со «Словомъ о полку Игоревѣ», напримѣръ? Неужели дожидаться новыхъ списковъ, не пробуя дать оцѣнку этого замѣчательнаго произведенія?!

Право на наше вниманіе того или другого литературнаго памятника выясняется изъ сопоставленія съ другими литературными и историческими фактами, а не изъ построенія генетическаго древа, какъ бы остроумно оно ни создавалось изъ редакцій, типовъ и разновидностей.

Заканчивая нашъ обзоръ сборника, мы должны указать на одну очень важную сторону его.

Необыкновенная тщательность собирателя въ записываніи и изданіи текстовъ дѣлаютъ его сборникъ чрезвычайно цѣннымъ для русской діалектологіи, потому что онъ представляетъ «памятники языка изъ такихъ глухихъ деревень, въ коихъ пока ничего не записано да и не скоро еще, можетъ-быть, будетъ записано», какъ справедливо замѣчаетъ на

стр. LV собиратель. Для изученія народной музыки сборникъ, вѣроятно, окажется также полезнымъ, такъ какъ заключаетъ 56 №№ напѣвовъ, оцѣнки которыхъ я, какъ не спеціалистъ, не беру, разумѣется, на себя.

Н. В. В.

В. М. Іоновъ. Поѣздка къ майскимъ тунгусамъ. («Изв. о-ва Истор., Археол. и Этнограф. при Казан. Унив.» т. XX, вып. 4 и 5, стр. 159—174). Казань. 1904.

Эд. К. Пекарскій. Поѣздка къ приаянскимъ тунгусамъ. (Тамъ же, стр. 175—191). Казань. 1904.

Обѣ эти работы представляютъ изъ себя отчеты упомянутыхъ авторовъ въ качествѣ членовъ нелькано-аянской экспедиціи инженера В. Е. Попова лѣтомъ 1903 года. Г-ну Іонову было поручено собираніе этнографической коллекціи для Музея Императора Александра III, а также и разспросы тунгусовъ на мѣстѣ. Всего имъ опрошено до 30-ти семействъ по теченію р. Маи, главнымъ образомъ, о средствахъ существованія, экономическихъ потребностяхъ тунгусовъ и способахъ ихъ удовлетворенія. Средства эти ничтожны, причемъ вопросъ о покосахъ является будто бы однимъ изъ коренныхъ. Въ нижней части Маи населеніе осѣдлое, живущее скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, а въ верхней Маѣ живутъ извозомъ чая, рыболовствомъ, звѣроловствомъ и охотой; тамъ и здѣсь есть и бродячіе тунгусы, звѣроловы и охотники. Майскіе тунгусы сильно объякучиваются. Тунгусы по р. Алдану тоже терпятъ экономическія стѣсненія, особенно будто бы со стороны духоборовъ и скопцовъ. Эти тунгусы объякучиваются не въ такой степени, какъ майскіе. Жаль, что авторъ не указываетъ, какого рода коллекція собрана имъ, а также собраны ли имъ произведенія народнаго тунгусскаго творчества, записаны ли ихъ вѣрованія, обряды, обычаи и т. п.

Г-нъ Пекарскій занялся цѣлью изслѣдовать приаянскихъ тунгусовъ. Характеръ его работы тотъ же, что и у г. Іонова. Г. Пекарскій посѣтилъ бродячихъ тунгусовъ на р. Алдомѣ, на р. Нангтарѣ, на «Мороской», на р. Уѣ, р. Джагдѣ, р. Бонсякчанѣ, р. Олгомдо и въ с. Нельканѣ. Имъ опрошено до 60 семействъ тунгусовъ трехъ родовъ: макагырскаго, эжанскаго и эджигянскаго. Въ этомъ отчетѣ тоже мало желательныхъ этнографическихъ свѣдѣній; наоборотъ есть лишнія, не идущія къ дѣлу подробности: захромавшій конь, другія случайности и т. п.

Вѣроятно, оба путешественника къ тунгусамъ не замедлятъ дать и болѣе содержательное описаніе своихъ путешествій.

Вл. Б.

«Живая Старина». Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. Годъ XIV. Вып. I и II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Недавно вышелъ этотъ соединенный выпускъ за 1904 г. (на обложкѣ послѣднее указаніе отсутствуетъ, что можетъ повести къ недоразумѣніямъ). Всѣ 232 его страницы заняты исключительно матеріалами по этно-

графіи, а именно: 1) *Д. Зеленинъ*, Изъ быта и поэзіи крестьянъ новгородской губерніи (по матеріаламъ В. А. Воскресенскаго); 2) *Его же*, Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи; 3) *В. Н. Добровольскій*, Загадки, записанныя въ Смоленскомъ уѣздѣ; 4) *М. Б. Едемскій*, Говоръ жителей Кокшеньги Тотемскаго уѣзда; 5) *Его же*, Изъ кокшеньгскихъ преданій; 6) *Н. П. Иваменко*, Сватанье (Орл. губ.); 7) *Г. Яковлевъ*, Пословицы, поговорки (и проч.) Острогожскаго уѣзда; 8) *Дыиновскій*, запис. (сообщ. Ровинскій), Дебрскія эпическія пѣсни; 9) *И. В. Волковъ*, Свадебные обычаи (Грязовецкаго уѣзда); 10) *К. Лавровъ*, Свадебная плачия (Новгород. уѣзда).

Изъ всѣхъ этихъ статей только очеркъ г. Зеленина о великорусскихъ присловьяхъ является исключеніемъ и даетъ не сырые матеріалы, а изслѣдованіе. «Присловье» авторъ опредѣляетъ какъ прозвище, данное той или иной этнографической группѣ, напр., костромичи-*тамойники* (говорятъ «тамой», вмѣсто «тамъ»). Разсматривая вопросъ, кто получаетъ присловье, авторъ останавливается прежде всего на переселенцахъ («посельга̂» у сибиряковъ, «починовцы» въ Вятск. губ., «надызы» (отъ «надысь») въ Уфим. губ., «молдавана» въ Орлов. уѣз., «цуканы» въ Воронеж. губ. и т. д.)

Затѣмъ фонетическія, морфологическія и лексическія особенности говоровъ нашли себѣ также отраженіе въ присловьяхъ: «цуканы», «ладоськой бісъ», «ягуны», «челдоны» и т. п.

Далѣе идетъ вліяніе бытовыхъ отличій: кушанья, одежды, промысловъ, обычаевъ и т. д. напр.: толоконники, табатеры, пьяная Домна (деревня Домна), голопузая Медынь, кособрюхіе рязанцы, черносеребренники, муксунники, «Пинега-Мезѐнь толста селезень», «поляки» (бѣлоруссы), саяны, горюны, палѣхи, сицкарі (Яросл. губ.), тудовщина (Тверск. г). и т. д. Нѣкоторыя черты нравовъ отразились на такихъ присловьяхъ, напр.: воры, разбойники, ухорѣзы, гробокрады, черно-лапотница и др.

И. В. Волковъ приводитъ здѣсь «свадебные причеты, записанные крестьяниномъ, часто бывавшимъ сватомъ». Причеты интересны по разнообразному содержанію, языку и полнотѣ (49 номеровъ).

...г

Ѳ. Н. Никифоровъ. Стюхинскіе чуваши. («Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Каз. Унив. т. XX, вып. 6, стр. 325—348»). Каз. 1904.

Работа г. Никифорова прибавляетъ нѣсколько новыхъ чертъ къ обширной литературѣ о чувашахъ, которыми занимались гг. Ашмаринъ, Шкапскій, Юркинъ, Золотницкій, Магницкій, Смоленскій, Сбоевъ и др. Ѳ. Н. Никифоровъ наблюдалъ жизнь чувашъ с. Стюхина Бугурусланскаго уѣзда, среди которыхъ въ 1898 г. числилось 1330 язычниковъ и 4458 христіанъ (на весь стюхинскій приходъ). Христіанами они числятся только формально; большинство и изъ нихъ придерживается языческой старины. Стюхинцы вышли изъ казанской и симбирской губерній въ началѣ XVIII вѣка. Здѣсь «по какимъ-то обстоятельствамъ или недора-

зумѣніямъ» они лишились значительной части земли, но платили въ казну выкупной платежъ. Когда-то они жили богато, теперь бѣдствуютъ. Всѣ эти «обстоятельства», зависящія отъ «системы» устройства русскихъ инородцевъ, поддерживали и въ стюхинскихъ чувашахъ чувство недовѣрія къ русской культурѣ, къ русской вѣрѣ, и они язычествуютъ еще вполнѣ сознательно. Они себя чувствуютъ особымъ народомъ, а каждому народу «Богъ искони опредѣлилъ держать свою вѣру» (стр. 342). Подробнѣе всего у г. Никифорова описанъ обрядъ погребенія у чувашъ, причитанія по покойникѣ, поминки, нѣкоторые праздники и т. п.

О покойникѣ говорится, что незадолго до смерти умирающій дѣлаетъ распоряженія о погребеніи тѣла (рыть могилу и проч.). По исходѣ души, приносятъ въ избу живую курицу и, держа надъ покойникомъ, отрываютъ ей голову. Далѣе слѣдуетъ омовеніе, приготовленіе гроба. Въ гробъ кладутъ и вещи покойника, всегда имѣвшіяся у него при жизни, а также монету—«деньги свѣта». Потомъ—церемонія угощенія покойника «лепешками, вводящими въ рай». Пьютъ, поминаютъ и причитаютъ. Распѣвъ причитанія всегда одинъ и тотъ же. Надъ свѣжей могилой разводится костеръ, черезъ который прыгаютъ. Возвращеніе домой сопровождается особыми обрядами. Въ Ядринскомъ уѣздѣ курица, приносимая покойнику, иногда замѣняется яйцомъ, которое, будучи вынесено въ поле, разбивается со словами: «приносится, вмѣсто души, душа». При поминкахъ (черезъ три недѣли) изъ чурбана дѣлаютъ подобіе человѣка, приносятъ его въ комнату, одѣваютъ въ платье покойнаго, кладутъ на его постель. Потомъ двѣ-три женщины причитаютъ и воютъ, а остальные присутствующіе веселятся, пляшутъ подъ скрипку, прихлопываютъ въ ладоши. Потомъ съ церемоніями и приговорами везутъ этотъ чурбанъ въ саняхъ или въ телѣгѣ на могилу, гдѣ водружаютъ его въ видѣ памятника.

Справляется чувашами оригинальный праздникъ «сюрень», съ пѣснями, плясками, угощеніемъ, питьемъ на собранныя въ каждомъ домѣ пожертвованія. Въ этотъ день, будто бы, они выгоняютъ изъ домовъ своихъ покойниковъ, пришедшихъ къ нимъ въ гости.

Интересно также почитаніе Николая Чудотворца и другихъ христіанскихъ святынь при непосредственномъ вліяніи юмзей (знахарей).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ обрядовъ указаны и у другихъ изслѣдователей, но г-ну Никифорову удалось дать небольшую, зато яркую и цѣльную картину изъ обширной области вѣрованій въ безсмертіе души и загробную жизнь у такой культурно-неизносившейся народности, какъ чуваши.

Вл. Б.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. В. III. Лохвицкій уѣздъ.

Выпускъ третій Очерковъ заключаетъ въ себѣ подробное описаніе промысловъ и ремеслъ, которыми занимаются жители Лохвицкаго уѣзда. Эти промыслы и ремесла являются подспорьемъ мѣстному крестьянскому

населенію при его главномъ занятіи—земледѣліи и, какъ таковые, практикуются въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время.

Авторъ очерковъ на первомъ мѣстѣ ставитъ плетеніе сѣтей, которымъ занимаются не только взрослые люди, но и дѣти, послѣднія, вслѣдствіе несложности занятія, быстро выучиваются плести и помогаютъ взрослымъ. Между взрослыми есть особенно искусные мастера, которыхъ авторъ и перечисляетъ, описывая ихъ спеціальные пріемы при плетеніи. Плести сѣти крестьянамъ вообще невыгодно, такъ какъ результаты ихъ труда цѣнятся очень дешево и выручка за нихъ небольшая. Не менѣе легкимъ и распространеннымъ является плетеніе кошелей изъ болотнаго растенія. Взрослые смотрятъ на это занятіе, какъ на очень неважное и, въ большинствѣ случаевъ, обучаютъ ему дѣтей. Кромѣ кошелей плетутся постилки на полъ, незамысловатыя корзинки для школьниковъ и т. п. Весь этотъ товаръ за грошевую цѣну сбывается скупщикамъ, которые и перепродаютъ его. Кромѣ плетенья, жители занимаются гончарнымъ производствомъ, ткачествомъ, сапожничествомъ, плетеньемъ ситъ, производствомъ колесъ, кузнечнымъ промысломъ, но всѣ эти занятія мало доставляютъ прибытка крестьянамъ. Авторъ указываетъ на причины этого явленія—онѣ кроются въ отсутствіи организованной помощи кустарямъ. Кустари часто нуждаются въ необходимомъ матеріалѣ, не имѣютъ правильнаго сбыта, зависятъ отъ скупщиковъ.

Авторъ даетъ въ своей книгѣ нѣсколько картинокъ изъ экономическаго быта описываемой мѣстности, что нѣсколько оживляетъ изложеніе, которое страдаетъ нѣкоторою конспективностью. Свѣдѣнія, даваемыя г. Лисенко въ его очеркахъ, весьма полезны для выясненія состоянія русской кустарной промышленности и тѣхъ причинъ, которыя мѣшаютъ или благопріятствуютъ ея развитію.

Е. Е.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1905 годъ. Изд. Смол. статистическаго комитета.

Кромѣ обычныхъ статистическихъ и административныхъ свѣдѣній, въ этой книжкѣ помѣщенъ очеркъ *И. И. Орловскаго*: «Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ» (51 стр.), *Его же.* (некрологъ). Семенъ Петровичъ Писаревъ (4 стр.) и *А. В. Жиркевича*: И. С. Жиркевичъ и его воспоминанія о Смоленскѣ.

Для этнографа первая и третья статьи могутъ служить только источникомъ нѣкоторыхъ справокъ о лицахъ и событіяхъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ жизни народа. Смоленскъ разсматривается здѣсь, какъ старинная «дверь въ Европу», съ отраженіемъ этого на архитектурѣ, на экономической жизни русскихъ областей, на общемъ складѣ жизни въ смоленской землѣ. Исторія дома Романовыхъ шла тоже по дорогѣ съ Запада черезъ Смоленскъ на Москву. Далѣе статья вступаетъ въ этнографію знатныхъ русскихъ родовъ. Уже по изслѣдованію отдѣльныхъ деталей былинъ извѣстно, насколько этотъ матеріалъ важенъ;

гораздо больше онъ могъ бы быть использованнымъ, если бы удалось поставить на вѣрные научные пути вопросъ о вліяніи культуры высшихъ слоевъ на народную массу. Воспоминанія Жиркевича менѣе интересны.

Некрологъ С. П. Писарева († 26 марта 1904 г.), мѣстнаго археолога, даетъ перечень его трудовъ. Покойному принадлежитъ, между прочимъ: «Путешествіе Людвига Римлянина по Африкѣ и Азіи въ 1493 г.». («Ист. В.», авг.); «Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева конца XVIII вѣка». («Кіев. Стар.», томъ XVII); «Повѣсть о св. Меркуріи» («Филол. Зап.», 1881:1 и 2; 1882:2, 3 и 4), «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ» («Пам. Др. Письм.» 1880, III); «Историческое и географическое описаніе города Смоленска» и др. Въ 1893 г. Смоленская городская Дума поднесла ему благодарственный адресъ, присвоила ему имя «основателя городского историко-археологическаго музея».

...з

А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, вып. 4-й. Литеры Х. Ѳ. Южные уѣзды Камышинскій и Царицынскій. Печатанъ подъ наблюд. д. чл. Сарат. учен. архивной коммиссіи С. А. Щеглова. 2 ненум.+стр. 1093—1409+35+1 ненум. 8°.

Бывшій саратовскій губернаторъ А. И. Косичъ, въ адресѣ своемъ на имя Московскаго Археологическаго общества, выразился о своей губерніи: «Саратовская губ. представляетъ глубочайшій интересъ какъ въ археологическомъ, такъ и географическомъ отношеніяхъ. Въ ней сохранились слѣды древнѣйшей жизни края... Здѣсь остался глубокій слѣдъ Великаго Петра, здѣсь ураганомъ прошелъ Пугачевъ... Край этотъ все-таки *tèrra incognita;* онъ менѣе изслѣдованъ, нежели, напримѣръ, Тибетъ и Монголія». Въ этихъ словахъ, разумѣется, много правды, но тотъ же отзывъ можетъ быть примѣненъ къ любой губерніи Россіи. Если память намъ не измѣняетъ, историко-географическій словарь Сарат. губерніи есть единственный въ своемъ родѣ трудъ, потому что «Историко-географическій словарь древней Жомонтской земли» *Спрогиса* значительно у́же по своей программѣ и слишкомъ кратокъ. Допуская охотно, что въ трудѣ г. Минха есть мелкіе пропуски, неточности и пр., нельзя не видѣть однако въ этомъ трудѣ результатъ колоссальнаго трудолюбія: матеріалъ долженъ былъ собираться въ теченіе многихъ лѣтъ (начиная съ 1860-хъ годовъ), при участіи многихъ сотрудниковъ; иначе и быть не можетъ, вслѣдствіе громадности матеріала. Многія страницы этого труда читаются съ захватывающимъ интересомъ; еще большее число страницъ показываетъ, какъ много достойнаго изученія скрывается въ предѣлахъ Сарат. губ. Чѣмъ болѣе при чтеніи вникаешь въ содержаніе разбираемаго словаря, тѣмъ увлекательнѣе оно становится. Словарь г. Минха щедро снабженъ картами и планами, которыхъ въ 4-мъ выпускѣ мы насчитали 6, а содержаніе разнообразно въ высшей степени: кромѣ историко-географическихъ подробностей, въ изобиліи разсыпаны по книгѣ данныя по археологіи и этнографіи. Этнографическія вставки отличаются безпристрастіемъ и даютъ правдивый отзывъ

о правахъ населенія въ прошломъ и настоящемъ; для первой цѣли служатъ архивныя дѣла (напр. о разбойникахъ), для второй—непосредственныя наблюденія (посидѣнки стр. 1164), а иногда то и другое вмѣстѣ (конокрады). Статистическія данныя обильно заимствованы для словаря изъ земскихъ изданій до 1897 г. включительно. Изъ статей историческаго содержанія укажемъ: описаніе Царицынской сторожевой линіи (стр. 1095—97), описаніе подвиговъ разбойниковъ *Хохлова* (1093), Щербака (1392), Шагалы (1360), не говоря уже о подвигахъ въ Саратовскомъ краѣ Стеньки Разина и Пугачева, извѣстія о которыхъ разсѣяны по всей книгѣ.

Недурна статья, посвященная описанію Царицынск. уѣз. (1100—1260), которою не мѣшало бы воспользоваться составителямъ учебниковъ по географіи.

Даемъ содержаніе этой статьи, составленное нами при чтеніи ея: Географическое положеніе. Оро-и гидрографія. Почва. Климатъ. Фауна (флоры нѣтъ!). Старина въ краѣ. Палеонтологія. Историческій очеркъ. Народы древности: скиѳы, аорсы, булгары, буртасы, татары. Сарай и Золотая орда. Древнія карты Царицынскаго края. Низовое Поволжье въ XIV, XV, XVI, и XVII вѣкахъ. Лѣтопись Царицына съ 1589 (основаніе Царицына) по 1892 г. Памятники старины въ уѣздѣ: городища (1139—40), Курганы и находки (1140—1145). Населеніе по племенамъ. Земледѣліе. Топливо. Движеніе населенія. Народное здравіе и врачебная помощь. Народная нравственность. Семейные раздѣлы. Грамотность. Конокрадство (съ картой путей конокрадовъ). Школы и пр., и пр. Уже изъ этого конспекта явствуетъ нѣкоторая разбросанность содержанія, непослѣдовательность изложенія и повторяемость, но недостатки эти искупаются новизною свѣдѣній.

Статья, посвященная описанію г. Царицына (1260—1343) не менѣе интересна. Здѣсь находимъ мы очень много свѣдѣній о Пугачевѣ и Разинѣ, отчасти—по новымъ архивнымъ даннымъ. При всякомъ удобномъ случаѣ обильно приводятся мѣстныя преданія, напр., въ статьяхъ *о царскихъ могильницахъ* (сооруженія Золотоордынской эпохи, стр. 1343—1346), о *р. Щелканѣ*, съ описаніемъ находящихся по ней кургановъ (1374—1378). Небезъинтересно опредѣленіе слова *юртъ* = земельный участокъ; терминъ этотъ употребляется въ грамотахъ XVII в. (юртъ донскихъ казаковъ) при обозначеніи урочищъ, сдаваемыхъ въ оброчное содержаніе.

Прибавлю въ заключеніе, что я прочиталъ весь 4-й выпускъ словаря съ глубокимъ интересомъ. Неизбѣжныя въ подобномъ трудѣ опечатки, нѣкоторая (по мѣстамъ) неотдѣланность изложенія, невыдержанность въ географич. названіяхъ (напр. *Иловла* и *Иловля*), частое повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ (напр., касающихся Разина и Пугачева) не умаляютъ значенія этого труда: всего этого трудно избѣжать въ словарѣ, обнимающемъ тысячи именъ и названій. Равнымъ образомъ извинительна и неполнота алфавитнаго указателя, (напр. пропускъ имени Пугачева), которая легко исправима въ концѣ всего труда.

Не могу не сказать въ концѣ концовъ: побольше бы такихъ трудовъ, и наконецъ-то мы, стремящіеся изучать отдаленныя страны, узнали бы какъ слѣдуетъ свое отечество!

С. К. Кузнецовъ.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Даетъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ. (Оттискъ изъ «Кіев. Старины»). К. 1904. 8⁰. XXXVI + 113.

Этотъ очень оригинальный и цѣнный трудъ А. Е. Крымскаго представляетъ живую страницу въ изученіи исторіи малорусскаго языка со временъ Погодина и по настоящее время. Самая статья А. Е. писалась и печаталась въ «К. Стар.» отдѣльными очерками съ перерывами въ 1898—1899 гг. Теперь она выходитъ съ предисловіемъ, многочисленными поправками и дополненіями. Авторъ не отдѣлалъ этого труда въ корректное стройное изслѣдованіе, но зато онъ съ весьма симпатичной стороны показалъ всю свою филологическую лабораторію, въ которой онъ живо интересовался близкимъ ему предметомъ, усердно работалъ надъ его изученіемъ и изслѣдованіемъ, негодовалъ на ненаучные пріемы нѣкоторыхъ соратниковъ своего дѣла, искалъ имъ достойные отвѣты, удовлетворялся, когда его идеи брали и у нихъ перевѣсъ и даже совсѣмъ съ ними примирялся, когда находилъ у нихъ полное научное удовлетвореніе. Напрасно г. Буличъ упрекнулъ А. Е. за такую подвижность духа ученаго изслѣдователя, искренно любящаго свой предметъ и добросовѣстно имъ занимающагося. Г. Буличъ усмотрѣлъ въ изслѣдованіяхъ А. Е. полемику; это показалось даже невѣроятнымъ самому А. Е., и онъ, покопавшись въ своей памяти, нашелъ, что, вѣроятно, его «стиль» былъ нѣсколько непригоденъ для критическаго изслѣдованія, въ чемъ и извиняется передъ тѣми, кому это было непріятно. Дальше этого упрекъ въ полемичности итти не можетъ. Все изслѣдованіе «о гипотезѣ» проникнуто искреннимъ исканіемъ научной правды, желаніемъ торжества неподкупной логики и научной безпристрастности, отвращеніемъ ко всякимъ тенденціозно-подтасованнымъ фактамъ. Кто хочетъ въ этомъ убѣдиться прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ собственныхъ экскурсовъ г. Крымскаго, пусть заглянетъ на стр. 107, почти послѣднюю, гдѣ онъ радуется, что академикъ Шахматовъ далъ серіезное обоснованіе идей, за которыя ратовалъ нашъ авторъ, и что г. Соболевскій отказался отъ своей гипотезы, противъ которой и былъ поднятъ походъ въ разбираемой книжкѣ.

Гипотеза эта давно извѣстна. Погодинъ, а за нимъ и Соболевскій утверждали, что древнѣйшіе кіевскіе рукописные памятники даютъ основаніе признать великорусскій языкъ (будто бы тожественный съ церковно-славянскимъ) и великорусское населеніе въ древнемъ Кіевѣ до XIII вѣка (по Соболевскому до XV). Послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства кіевскаго кореннаго населенія на сѣверъ, въ Кіевъ пришли переселенцы изъ Галиціи и (по Соболевскому) изъ Волыни. Такъ образовалось малорусское поселеніе въ Россіи. Максимовичъ, Котля-

ревскій, Погодинъ, Владимирскій-Будановъ, Грушевскій, Леонтовичъ и др. опровергали эту теорію. Тѣмъ не менѣе Соболевскій какъ въ одной статьѣ противъ Антоновича, такъ и въ своихъ «лекціяхъ» держался своей гипотезы, подкрѣпляя ее своими филологическими соображеніями. Его же сторонникомъ явился сначала и А. Шахматовъ. Изъ соображеній Соболевскаго наиболѣе вѣскими, казалось бы, должны были быть тѣ, которыя основывались на мнимыхъ галицко-волынскихъ памятникахъ. Однако, г. Крымскій ярко обнаружилъ какъ эту мнимость, такъ и то, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего не малорусскаго. Точнѣе сказать его точка зрѣнія токова: древне-кіевскій языкъ былъ языкомъ древне-русскаго типа; онъ былъ прямымъ предкомъ современнаго малорусскаго языка. Этотъ послѣдній отъ своего древне-русскаго типа отступилъ меньше, чѣмъ великорусскій въ области морфологіи, и, наоборотъ, въ фактахъ фанетики великорусское нарѣчіе оказалось болѣе консервативнымъ. Въ памятникахъ, дѣйствительно кіевскихъ («Изборники Святослава»), довольно ясно отразились древне-малорусскія основы рѣчи; другіе памятники, называемые Соболевскимъ кіевскими, всѣ не кіевскаго происхожденія, оттого и языкъ ихъ другого типа. Этотъ послѣдній вопросъ г. Крымскій, и послѣ отказа Соболевскаго и Шахматова отъ галицко-волынской гипотезы считаетъ еще очереднымъ; къ нему онъ еще думаетъ вернуться.

Для этнографіи вопросъ объ этническихъ передвиженіяхъ объ исконныхъ чертахъ языка, какъ фактора культуры, о смѣшеніи съ новыме элементами или распаденіи на отдѣльные составные имѣетъ не маловажное значеніе, и потому нельзя не привѣтствовать на отраницахъ «Этн. Обозрѣнія» разсмотрѣнной здѣсь работы А. Е. Крымскаго, такъ отзывчиво отнесшагося къ заблужденіямъ ученыхъ собратьевъ, и такъ мирно перешедшаго «къ очереднымъ вопросамъ».

Вл. Б.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Вѣстникъ Воспитанія 1904 г. Мартъ. *Ковалевскій, Макс. проф.* Этнографія и соціологія.—Отзывы на книги: *Вл. Фромъ*, Японія и Корея; *П. Ю. Шмидтъ*, Страна утренняго спокойствія; *Н. М. Федорова*, Дальній Востокъ.—**Май.** *Х-овъ, В. П.*: О психологіи французскаго народа.—**Октябрь.** Отзывъ о книжкѣ *Красильникова*, Малороссія и малороссы.

Вѣстникъ Европы 1904 г. Январь—февраль. *Кнорринъ Ѳ. И.* Изъ Америки въ Японію. I. На Сандвичевы о-ва. II. День въ Гонолулу. III. Въ Японіи. Нагасаки. IV. Іокогама. Токіо. Коби. Японское Средиземное море. V. Опять Нагасаки.—**Январь.** *Евг. Л.* Отзывъ о кн. *Г. Т. Хохлова* „Путешествіе уральск. казаковъ въ „Бѣловодское царство". Съ пред. В. Г. Короленко". СПБ. 1903. (См. „Этногр. Обозр., 1904, № 1, стр. 141).—**Февраль.** *Евг. Л.* Отзывы о кн. *Е. Ѳ. Карскаго* „Бѣлоруссы"—и о „Сборникѣ россійскихъ пословицъ и поговорокъ" *І. И. Иллюстрова.* Кіевъ. 1904.—**Мартъ.** *А. П.* Отзывъ о кн. *А. С. Пругавина* „Религіозные отщепенцы" (очерки современ. сектантства), два вып. СПБ. 1904.—**Апрѣль—Іюнь.** *W.* Изъ жизни на Дальнемъ Востокѣ 1900—1903 г. (Южно-Уссурійскій край. Печилійская провинція. Японія и Южная Манчжурія).—**Май.** *Евг. Л.* Отзывы о кн. *Акифьева* „На далекій Сѣверъ", *К. Носилова* „У вогуловъ" и *В. Львова* „Русская Лапландія и русскіе лопари".—**Іюнь.** *Головачевъ П.* На Балеарскихъ о-вахъ. Путевыя замѣтки. *Надинъ П.* Квантунъ и его прошлое.—*Евг. Л.* Отзывъ о кн. *Л. Личкова* „Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа".—**Іюль.** *Пятигорскій Г.* Эмиграція крымскихъ татаръ.—**Іюль—августъ.** *Русовъ, М.* По Галичинѣ. Записки туриста.—**Августъ.** *Горный, Н. А.* Изъ жизни на уральскихъ заводахъ.—**Сентябрь.** *Александровъ, В.* Аргунь и Пріаргунье. Путев. замѣтки и очерки.—**Октябрь.** *Евг. Л.* Отзывъ о кн. *Маркова, Евг.* „Очерки Кавказа".—**Ноябрь.** *Рапопортъ, С. И*: Вѣрующій Лондонъ. Изъ нравовъ Лондона и его обитателей.—*Евг. Л.* Отзывъ о книгахъ: *Григорьевъ А. Д.* „Архангельскія былины и историч. пѣсни", т. I, и *Ончуковъ* „Печорскія былины".—**Ноябрь—декабрь.** *Ляцкій, Евг.* Поѣздка на Печору. Изъ путев. замѣтокъ.—**Декабрь.** *Евг. Л.* Отзывъ о кн. „Великорусскія пѣсни, записанныя *Е. Линевой*".

Восточное Обозрѣніе. 1904 г. 226. Сообщеніе о такъ называемой „войнишкѣ", дракѣ между жителями двухъ подгородныхъ слободъ. „Войнишка"—отголосокъ старыхъ кулачныхъ боевъ. Корреспонденція изъ села Верхне-Усинскаго сообщаетъ свѣдѣнія о мараловодствѣ въ усинскомъ и урянхайскомъ краю; объ охотничьихъ артеляхъ и о торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ сойотами.—**236.** Въ корреспонденціи изъ Олекминска разсказывается о широко распространенной здѣсь куплѣ-продажѣ дѣтей. Купля-продажа дѣтей практикуется русскими, инородцами и даже духовенствомъ. Цѣна очень низка: отъ 10 до 30 р. за ребенка. Волостныя правленія санкціонируютъ оффиціальными документами подобныя сдѣлки. Корреспондентъ приводитъ образчикъ „договора", заключеннаго при покупкѣ ребенка.—**242.** Въ „Сибирскихъ очеркахъ" приводится разсказъ одной забайкальской старообрядки, которая „обмирала" и видѣла въ это время Христа. Направо она видѣла блаженныхъ праведниковъ, а налѣво, въ аду кромѣшномъ, своихъ односельчанъ. Христосъ объяснилъ „обмершей":—Это они за то горятъ, что измѣнили отеческимъ преданіямъ, школу у себя приняли.—**260.** Въ коррес-

понденціи изъ села Червянскаго, Енис. губ., сообщается, какъ крестьяне боролись съ эпизоотіей посредствомъ „деревяннаго огня". Въ той же корреспонденціи сообщается, о врачебной дѣятельности тунгуса-шамана Омая, столѣтняго старика.—**287.** Въ корреспонденціи изъ Урги сообщается о пріѣздѣ и образѣ жизни Далай-ламы, о съѣздѣ его поклонниковъ.—**289.** Корреспонденція съ понизовьевъ Колымы содержитъ мелкія бытовыя подробности изъ жизни чукчей.—**293.** Въ корреспонденціи изъ села Келарскаго (Лена) сообщается о дѣятельности мѣстныхъ знахарей и лекарокъ.

Журналъ для всѣхъ 1904 г. Мартъ. *Симскій.* Японія прежде и теперь.—**Апрѣль.** *Его же*: Корея.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1904. Мартъ. *Н. А. Насѣкинъ.* Корейцы Пріамурскаго края.—Движеніе корейцевъ въ Южно-Уссурійскій край началось еще въ 1863 году, и въ настоящее время число корейскихъ селеній возросло до 32. Въ статьѣ подробно разсматриваются: сельское хозяйство и промыслы (хлѣбопашество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, ремесла, судоходство, солевареніе), положеніе, образованіе, домашнее хозяйство. Приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о корейскомъ языкѣ и счетѣ (вѣсѣ, мѣрахъ). Далѣе сообщаются данныя о характерѣ корейцевъ и объ ихъ обрядахъ—религіозныхъ (шаманство, свадьба, похороны и поминки, праздники).—*А. Л. Погодинъ.* Очеркъ развитія латышской этнографіи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Авторъ преимущественно останавливается на изданіи латышскихъ народныхъ пѣсенъ, предпринятомъ г. Барономъ на средства Г. А. Виссендорфа и сборникахъ научныхъ комиссій при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ. Обычная латышская пѣсня состоитъ изъ 4 строкъ, изъ которыхъ первыя двѣ заключаютъ поэтическую картину изъ жизни природы, а вторыя—соотвѣтствующій ей образъ изъ жизни сердца. Этотъ пріемъ, встрѣчающійся у всѣхъ народовъ, у латышей приводитъ къ созданію постоянныхъ символовъ: извѣстная картина природы соотвѣтствуетъ опредѣленному настроенію. Въ виду этого латышскія пѣсни оказываются чрезвычайно важными для изученія психологіи народнаго творчества, для установленія ассоціацій, которыми руководилась поэзія при созданіи символовъ. Для этого имѣющіеся сборники даютъ достаточно матеріала; другіе виды народныхъ произведеній, за исключеніемъ отчасти сказокъ, очень мало представлены сборниками.—*М. Грушевскій.* Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси.

„Товариство імени Шевченка" основано въ 1873 г., но до 1892 г. дѣятельность его была мало энергична; въ этомъ году оно было преобразовано въ ученое („Наукове") общество по типу з.-е. академій наукъ и съ этого года начинается расширеніе его дѣятельности. Этнографіи малорусской посвящены слѣдующія изданія: „Записки Наукового товариства імени Шевченка" (56 томовъ)—только отчасти, „Етнографічний збірникъ" (15 томовъ текстовъ) и „Материяли до українсько-руської етнольогиі" (6 томовъ работъ по описательной этнографіи, а также по археологіи или палеоэтнологіи).—**Апрѣль.** *В. И. Ламанскій.* Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXVI—XXVIII.—*И. И. Лаппо.* Витебскій центральный архивъ и его изданіе. Авторъ въ рецензіи своей имѣетъ въ виду всѣ выпуски (числомъ 31) изданія подъ заглавіемъ „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ". Несмотря на не совсѣмъ исправное веденіе изданія, оно имѣетъ важное значеніе для историка и этнографа. Для послѣдняго интересны: 1) документы, рисующіе юридическое и экономическое положеніе сословій и группъ населенія, 2) документы, рисующіе умственную культуру (школы, типографіи, книги, суевѣрія и т. д.), 3) документы, касающіеся религіозной жизни, 4) акты, касающіеся семейной жизни и нравственности и др.

Правительственный Вѣстникъ. 1904. 223. *Л., Е.* Изъ исторіи колоніальнаго вопроса въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Это—попытки завоеванія остр. Мадагаскара 1723 г. Мадагаскаръ въ то время былъ мало извѣстенъ не только рус-

скимъ, но и въ Зап. Европѣ. Открытый 2 февр. 1506 г. португальцемъ Фернандо Сааресомъ, онъ сталъ приманкой для англичанъ, французовъ, голландцевъ, а потомъ и шведовъ. Имъ принадлежатъ и первыя описанія острова и его населенія.—**228.** Николай Ивановичъ Надеждинъ. По поводу столѣтія со дня рожденія (фельетонъ). Н. читалъ въ университетѣ археологію; ему принадлежатъ изслѣдованія географическаго, статистическаго и этнографическаго характера: „Новороссійскія степи", „Сѣверо-западный край Имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ", „Племя русское въ общемъ семействѣ славянъ", „Изслѣдованіе о городахъ русскихъ", „Объемъ и порядокъ обозрѣнія народнаго богатства". Но гораздо сильнѣе дѣятельность Н. И. по части этнографіи развилась въ русскомъ географическомъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей, а съ 1848 года предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи. Въ первомъ же годичномъ собраніи онъ прочелъ рѣчь „Объ этнографическомъ изученіи народности русской", высказавъ широкіе взгляды на этнографію. Онъ же взялъ на себя составленіе программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, разсылка которой принесла большіе результаты. Онъ редактировалъ „Географическія Извѣстія", „Этнографическій Сборникъ" и смѣнившія его „Записки по отдѣленію Этнографіи". Умеръ Н. И. 11 января 1856 г. Заслуги Надеждина въ области науки и литературы еще не нашли справедливой и полной оцѣнки.—**250.** Столѣтіе Императорскаго Казанскаго университета (фельетонъ.)—**292—293.** О сочиненіяхъ царя Ивана Грознаго. (Соч-ія *И. Н. Жданова*. Томъ I. Спб. 1904 г.). Почитатели покойнаго профессора рѣшили издать его статьи и изслѣдованія. Въ 1-й томъ, между прочимъ, вошла нигдѣ еще непоявлявшаяся статья: „Сочиненія Царя Ивана Васильевича". Проф. Ждановъ „предполагаетъ большую или меньшую долю авторскаго участія" царя въ такихъ трудахъ, какъ лѣтопись (офиціальная), житіе св. Антонія Сійскаго (составленное царевичемъ Иваномъ въ 1579 г.), письма четырехъ бояръ къ королю Сигизмунду и др. У автора даны также новыя свѣдѣнія о библіотекѣ царя.

Русская Мысль. 1904. Январь. Отзывъ о кн. *В. Львова*, Русская Лапландія и русскіе лопари.—**Февраль—Сентябрь.** *Корсаковъ*, *В. В.*, По берегамъ Кореи.—**Май.** Отзывъ о кн. *А. В. Маркова*, Бытовыя черты русскихъ былинъ.—**Май—Іюль.** *Черевкова*, *А. А.*, Изъ японской жизни (японскій годовой циклъ).—**Іюнь.** Отзывъ о кн. *В. В. Корсакова*, Въ старомъ Пекинѣ.—**Іюнь—Ноябрь.** *Сѣнчъ*, *А.*, Сахалинъ, какъ колонія.—**Іюнь—Августъ** *М. К. П.*, Персія и персидскій вопросъ (*Whigham* „The Persian problem...).—**Августъ.** *Танъ*, Духоборы въ Канадѣ.—Отзывы о кн. *Вейлерзе*, Японія въ наши дни, и *Гарина*, По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову.—**Октябрь.** *Розенбергъ*, *И.*, *др-ъ*, Раса пролетаріевъ. (Экономич. и соціальное положеніе негровъ въ Соединенн. Штатахъ Америки).—*Я.* Современное экономич. положеніе башкиръ (по офиціальн. даннымъ).—Отзывы на: кн. *Д. Дорошенко*, Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904; *Бессарабы*, *И. В.*, Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губ.; статью г. *Бродскаго*, Слѣды профессіональныхъ сказочниковъ въ русск. сказкахъ (во 2-й кн. 1904 г. „Этнографическаго Обозрѣнія"); *Березина*, *П.*, Чао-сянъ. Страна утра. Корея и Корейцы. Спб. 1904; *Саратъ-Чандра-Дасъ*, Путешествіе въ Тибетъ.—**Ноябрь.** *Богаевскій*, *П. М.*, Независимое государство Конго. *Корсаковъ*, *В. В.*, Лѣто въ Пекинѣ.—**Декабрь.** *Берминъ*, Экономическое положеніе нашихъ инородцевъ. Отзывъ о кн. *К. Д. Носилова*, На Новой Землѣ. Очерки и наброски. Спб. 1903.

Русскія Вѣдомости. 1904. 248. Библіографическія замѣтки: Данъ отзывъ на книгу: „Кустарные промыслы. Статистич. сборникъ Ярослав. губерніи". Мелкіе промыслы падаютъ вслѣдствіе „капитализаціи экономическихъ отношеній". Въ работѣ разсмотрѣно около 40 видовъ кустарныхъ промысловъ.—**266** и **286.** *Сосенковъ*, *П.* На Новой Землѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній сельскаго учителя. Бытовая сторона прослѣжена авторомъ очень мало: самоѣды жалуются, что живется имъ худо—и только.

268. *Г-ко*, *Н.* Старинные города Японіи: Нара, Кіото, Никко. Автору пришлось посѣтить Японію въ мартѣ и апрѣлѣ 1901 г. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передъ

началомъ сельскохозяйственныхъ работъ, у японцевъ принято совершать паломничество къ наиболѣе чтимымъ святынямъ—въ Нару, Кіото и Никко. Въ это время открываются нѣкоторые храмы и комнаты старыхъ императорскихъ дворцовъ, куда въ теченіе остальныхъ 11-ти мѣсяцевъ никто не допускается.

Какъ извѣстно, главною религіей въ Японіи является шинто или шинтоизмъ, но рядомъ съ ней исповѣдуются также буддизмъ и ученіе Конфуція. Всѣ эти религіи, смѣшиваясь между собой, съ теченіемъ времени утрачиваютъ свою первоначальную чистоту, но свойственный шинтоизму культъ предковъ прочно укоренился въ Японіи и играетъ важную роль въ религіозной и общественной жизни японцевъ. Шинтоистская религія принимаетъ въ сонмъ боговъ выдающихся героевъ и дѣятелей, увеличившихъ славу Японіи. На почвѣ такихъ вѣрованій воспиталась фанатическая любовь къ родинѣ, беззавѣтная храбрость и удаль, презрѣніе къ смерти...

Въ Нагасаки находится шинтоистскій Осува-храмъ. Въ Хіого (близъ Кобе) находится замѣчательная бронзовая статуя Будды, вышиной въ 5—6 саженъ, поставленная на каменномъ пьедесталѣ въ ростъ человѣка. Будда, по-японски Дайбутсу, изображенъ въ своей обычной позѣ—сидящимъ и сложившимъ руки на колѣняхъ. Вѣки опущены, на губахъ полу-улыбка, относящаяся къ чему-то невидимому, что созерцаетъ великій Дайбутсу. Статуя производитъ впечатлѣніе силы и неземного величія, даетъ настроеніе, хотя вокругъ, во дворѣ и боковыхъ дворикахъ храма царитъ вполнѣ мірская суета: цѣлая ярмарка лавочекъ и балагановъ, въ которыхъ даются представленія, и всюду толпа зрителей и слушателей. Въ храмъ доступъ всѣмъ свободенъ, при соблюденіи единственнаго условія—сниманія обуви у входа. Въ шинтоисткихъ храмахъ внутри нѣтъ идоловъ. Къ нимъ ведутъ обыкновенно ворота, состоящія изъ двухъ массивныхъ столбовъ съ двумя перекладинами наверху, въ родѣ буквы П. Къ Сува-храму у горы Сува-яма ведетъ нѣсколько десятковъ такихъ воротъ, отстоящихъ шаговъ на 5—10 одни отъ другихъ и окрашенныхъ въ ярко-красный цвѣтъ.

Нара—небольшой городокъ въ 2-хъ часахъ по желѣзной дорогѣ отъ Кобе. Нѣкогда бывшая резиденціей японскихъ микадо, Нара славится въ настоящее время своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, своими храмами и въ особенности паркомъ священныхъ оленей при храмѣ Касуга.

Японскіе пилигримы очень напоминали нашихъ богомольцевъ—не внѣшнимъ обликомъ, не одеждой. Все это совсѣмъ другое, особенно колоссальныхъ размѣровъ круглыя шляпы, съ добрый зонтикъ величиною. Сходство заключалось въ одинаковомъ наивномъ любопытствѣ, благоговѣйномъ почтеніи ко всякому предмету не только внутри, но и внѣ храма, въ неистощимомъ терпѣніи выслушивать розсказни лицъ, принадлежащихъ къ храму, въ томъ, наконецъ, что мужчины и женщины ходятъ на богомолье отдѣльными группами. По словамъ переводчика Куруми-сана, японцы, особенно женщины, очень любятъ ходить молиться по святымъ мѣстамъ.

Краса и гордость Нары—чудный Касуга-паркъ. Первое, что́ поражаетъ посѣтителя, помимо красоты парка,—совершенно ручные олени и лани, выбѣгающіе изъ чащи на аллеи и нѣжно ласкающіеся къ прохожимъ.

Оказывается, что уже много столѣтій олени пользуются въ паркѣ Касуга неприкосновенностью. Не такъ давно еще убійство священнаго оленя и даже ударъ палкой въ предѣлахъ парка Касуга наказывались смертью... Чѣмъ ближе къ храму, тѣмъ шире аллеи и тѣмъ больше оленей. Почтенный проводникъ Куруми-санъ объяснилъ причину: близъ храма, въ лавочкахъ, продаются лепешки изъ овсяной муки, которыя во множествѣ раскупаются паломниками и тутъ же отдаются оленямъ. Кромѣ оленей, живущихъ на свободѣ, при храмѣ содержатся въ стойлахъ нѣсколько оленей и бѣлая священная лошадь. Покормили и священную лошадь... Въ помѣщеніи, похожемъ на открытую сцену нашихъ загородныхъ садовъ, невдалекѣ отъ храма, сидѣло нѣсколько дѣвушекъ, одѣтыхъ въ длинныя бѣлыя одежды съ оригинальною бѣлою повязкой на головѣ. Сидѣли онѣ молча, неподвижно, какъ статуи: ни обычной шаловливой улыбки, ни ласково-лукавыхъ взоровъ японской „мусме“.

— Это въ родѣ монахинь,—сообщилъ Куруми-санъ и прибавилъ:—Бросьте имъ 10 сенъ (коп.) и увидите, что будетъ. Когда бросили на полъ возлѣ дѣвушекъ указанную монету, тотчасъ же безмолвно поднялась одна изъ нихъ и начала плавно кружиться по сценѣ. Покружившись двѣ—три минуты, дѣвушка такъ же молча опустилась на прежнее мѣсто. Новыя 10 сенъ, и то же самое продѣлала съ тою же серьезностью другая. Это—священный танецъ, называемый кобура. „Этимъ онѣ и живутъ",—сказалъ Куруми-санъ. Громадный шинтоистскій храмъ Касуга-дзинжа построенъ въ 682 г. по Р. Хр. у подножія горы Микасаяма. Очень интересенъ его своеобразный орнаментъ изъ раскрашеннаго дерева на потолкахъ, стѣнахъ и столбахъ. По обѣ стороны воротъ въ нишахъ стоятъ безобразныя страшилища, грубыя изображенія духовъ—„стражей храма". Одинъ изъ нихъ окрашенъ въ тускло-зеленый, другой—въ красный цвѣтъ. Своеобразное почтеніе оказываютъ имъ паломники: обѣ статуи сверху донизу облѣплены маленькими комочками жеванной бумаги. Молящійся пишетъ на бумажкѣ свою просьбу, затѣмъ жуетъ бумажку и старается плюнуть въ идола такъ, чтобы комочекъ попалъ въ ту часть тѣла, о выздоровленіи которой молится. Если комочекъ прилипнетъ,—мольба будетъ услышана.

Интересная особенность Нары и ея парковъ—безчисленное множество каменныхъ фонарей. Японцы, въ томъ числѣ Куруми-санъ, увѣрены, что ни одинъ человѣкъ не могъ до сихъ поръ сосчитать всѣхъ фонарей въ паркахъ Нары. Практичные служители храма въ опредѣленное время года собираютъ осторожно копоть (сажу) отъ горящихъ внутри фонарей-свѣтильниковъ,—изъ нея приготовляется превосходная тушь.

Въ одномъ изъ уголковъ парка Касуга на небольшомъ пьедесталѣ полулежитъ бронзовый олень, держащій во рту кусокъ бамбуковаго ствола, изъ котораго течетъ въ каменный водоемъ холодная, чистая вода. Осмотрѣнъ былъ еще храмъ Санга-тзуда, остающійся безъ ремонта уже 1150 лѣтъ. Въ храмѣ Нига-тзуда находится бронзовая статуя богини Кванонъ съ 11-ю лицами, „всегда теплая", по словамъ Куруми-сана. Въ буддійскомъ храмѣ Тодай-джи находится громадная статуя Будды, работы знаменитаго въ древнія времена японскаго художника Ріобена.

Кіото—старый столичный городъ Японіи, славящійся красотой мѣстоположенія, кипучею торговою и промышленною дѣятельностью (въ немъ лучшія шелковыя, перламутровыя издѣлія, вышивки и работы изъ художественной эмали такъ-называемой клоазоне), древнѣйшими и богатѣйшими храмами, историческими памятниками, старинными дворцами, красотой женскаго населенія, лучшими во всей Японіи гейшами, могилой знаменитаго героя Японіи Хидеоси и многимъ другимъ. Кіото сравниваютъ съ нашею Москвой по его историческому значенію. Интереснѣе всего въ Кіото храмы, расположенные далеко на окраинахъ города, часто на склонахъ горъ.

Вотъ и Чіонинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ японскихъ храмовъ. Слишкомъ много мѣста понадобилось бы даже для приблизительнаго описанія красотъ художественнаго орнамента и всѣхъ частей этого стариннаго храма. Путешественнику показали всѣ его достопримѣчательности, всѣ временно открытыя чудныя внутреннія комнаты, Сенджіодеки (тысяча циновокъ) и проч., а во дворѣ, подъ особымъ навѣсомъ, громадный колоколъ, въ который ударяютъ привѣшеннымъ снаружи толстымъ бревномъ, вызывая глухой гулъ, а не звонъ. На небольшой площадкѣ подъ колоколомъ помѣстилось нѣсколько продавщицъ фруктовъ и сластей.

Далѣе былъ осмотрѣнъ шинтоискій храмъ Ясака-дзинжа, храмъ Ничи-отани съ „Очковымъ мостомъ", получившимъ свое названіе отъ двухъ круглыхъ, большихъ отверстій для пропуска воды, напоминающихъ очки. По обѣимъ сторонамъ моста прудъ заросъ священнымъ лотосомъ, который цвѣтетъ только въ августѣ. Въ храмѣ Кіо-мидзу-дера, посвященномъ богинѣ Кванонъ, какой-то жрецъ храма читалъ нараспѣвъ, въ родѣ нашихъ дьячковъ, священную книгу, часто ее перелистывая и заглядывая временами, скоро ли конецъ. Передъ храмомъ бронзовый драконъ изрыгалъ изъ пасти холодную, чистую воду. Здѣсь

удалось видѣть еще одинъ священный танецъ „Будъ-дай“, исполненный дѣвушками-служительницами храма Кіо-мидзу-дера. Интереснѣе всего кажется туристамъ внутренность храма Санджіо-санчено. Снаружи это—длинное деревянное зданіе, похожее на сарай. Внутри—та же бѣдность отдѣлки. Посрединѣ оставленъ проходъ, а по обѣ стороны его поднимается амфитеатромъ помостъ, на ступенькахъ котораго стоятъ тѣсно, плечемъ къ плечу, золотыя статуи Будды, числомъ якобы 33,333. Раньше онѣ были сдѣланы будто бы вправду изъ золота, но теперь, какъ говорится, лишь для красоты слова. Статуи—деревянныя, рѣзныя, прекрасной работы, хорошо позолоченныя. Этотъ сонмъ Буддъ производитъ своеобразное впечатлѣніе.

Храмъ Хого-кудинджа любопытенъ громадною, просто чудовищной величины, головой Будды. Преданіе гласитъ, что нѣкогда существовала вся фигура Будды, пропорціональная по размѣрамъ головѣ, но однимъ изъ землетрясеній, столь частыхъ въ Японіи, уничтожена и осталась одна голова.

Новой постройки храмъ Даймокденъ менѣе интересенъ, чѣмъ старинный храмъ Куродани, весь полный историческими памятниками вражды между Кума-майо, выдающимся вождемъ партіи Генджи („бѣлое знамя“), и Ицумари, вождемъ партіи Гейки („красное знамя“). Тутъ же и могилы обоихъ героевъ старой Японіи. Въ этомъ храмѣ имѣются двѣ безподобной работы священныя картины, вышитыя золотомъ и шелками. Особенно хороша картина, изображающая смерть Будды. Разнообразныя животныя окружаютъ, плача, ложе великаго учителя жизни. Прошли столѣтія, а краски и оттѣнки этой вышитой картины свѣжи, какъ новыя.

Неподалеку кладбище съ тысячами довольно однообразныхъ памятниковъ. Въ большинствѣ—простыя каменныя плиты; немногія статуи изображаютъ Будду. Здѣсь, въ Кіото, находится могила знаменитѣйшаго японскаго героя-воина Тоетоми Хидеоси, возвысившагося исключительно благодаря своимъ дарованіямъ изъ сана простого воина до сіогуна. Тутъ же по близости и холмъ, гдѣ зарыты нѣсколько десятковъ тысячъ ушей, которыя были отрѣзаны войсками Хидеоси у побѣжденныхъ ими корейцевъ и китайцевъ и привезены какъ побѣдный трофей въ Японію.

Интересны храмы: Синіодо, Гинкакуджи (серебряный павильонъ), Кинкакуджи (золотой павильонъ). Послѣдніе два окружены прелестными небольшими парками, устроенными въ чисто-японскомъ вкусѣ. Въ храмѣ Китано все посвящено памяти знаменитаго воина и святого, совершившаго всѣ свои подвиги на быкѣ, изображеніе быка можно увидѣть тутъ же, въ одномъ изъ двориковъ храма. Подлѣ храма Китано есть любопытная постройка, въ родѣ сарая на столбахъ, снизу открытая,—нѣчто напоминающее свайныя постройки. Снаружи и внутри стѣны зданія сплошь увѣшаны картинами въ рамахъ, пожертвованными богомольцами въ ознаменованіе своего спасенія отъ неминуемой гибели, чаще всего на морѣ и въ сраженіи. Картины эти, иныя весьма древнія, изображающія самураевъ, дайміосовъ, разныя бытовыя сцены, очень интересны съ этнографической и художественной точки зрѣнія.

Но время бѣжитъ съ неумолимою быстротой. Надо спѣшить осмотрѣть императорскій музей, гдѣ собраны превосходныя коллекціи стараго японскаго искусства и образцы художественной промышленности. Японцы сами сознаются, что эти старинныя издѣлія—недосягаемый идеалъ для современныхъ художниковъ-мастеровъ, работающихъ по металлу, фарфору, дереву, перламутру. Шелковыя вышивки и черепаховыя издѣлія также ухудшились. Многіе состоятельные японцы поэтому являются ревностными собирателями памятниковъ японской старины. Умершій годъ тому назадъ величайшій трагикъ Японіи Данджура былъ, говорятъ, большимъ знатокомъ-коллекціонеромъ и обладалъ коллекціей драгоцѣнныхъ костюмовъ, не уступающихъ по роскоши хранимымъ въ императорскомъ музеѣ. Противъ музея въ особомъ зданіи открыта „Бизи-цуканъ“, художественно-торгово-промышленная выставка. Эта выставка—тотъ же музей, только современныхъ японскихъ издѣлій. Въ одинъ изъ вечеровъ удалось повидать и знаменитыхъ гейшъ Кіото. Хотя артистки были, очевидно, выше по искусству

нагасакскихъ гейшъ, но ихъ представленіе, утратившее прелесть новизны, показалось совсѣмъ скучнымъ. Въ пантомимѣ „Ловля рыбы мужчинами и приготовленіе соли изъ морской воды женщинами" можно отмѣтить развѣ оригинальность музыкальныхъ мотивовъ, напѣвовъ, изображавшихъ кипѣніе воды въ котлахъ, подбрасываніе сучьевъ въ огонь и т. д.

„Кто не видѣлъ Никко, тотъ не знаетъ, что́ такое красота". Эту японскую поговорку всѣ слышатъ десятки разъ въ Нагасакахъ, Кобе, Осакѣ, Токіо, Нарѣ, Кіото... Но ѣхать въ Никко значило забираться въ глубь страны, языкъ которой совершенно недоступенъ, а сельское населеніе не говоритъ иначе, какъ по-японски.

За три дня пребыванія въ Никко авторъ едва успѣлъ осмотрѣть достопримѣчательности его: Джинкійо—красный мостъ, по которому имѣетъ право ходить только японскій императоръ, многочисленные шинтоисткіе храмы Санджинко, Нишибо-Тошогу, Тошогу-ишина-монъ, Кара-монъ-Іемитсу, Кара-монъ-Іеясу, Удайджинъ-Іомейонъ, Санбутсу-до, Хонши-до и др., и нѣсколько буддійскихъ храмовъ, менѣе замѣчательныхъ, чѣмъ перечисленные выше. Подавляющее впечатлѣніе производитъ богатство фантазіи, вложенной въ украшенія, орнаментъ стѣнъ, потолковъ, колоннъ, карнизовъ, дверей, воротъ... Художественныя богатства, заключающіяся въ храмахъ Никко и въ дворцовыхъ императорскихъ комнатахъ при храмахъ (японскій микадо, какъ извѣстно, не только глава государства, но и высшее духовное лицо въ Японіи), трудно описать въ бѣгломъ очеркѣ.

Гористая мѣстность вокругъ Никко очаровательна. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Никко есть любопытный уголокъ. На расчищенной площадкѣ надъ горною рѣчкой расположены полукругомъ около 50-ти фигуръ, высѣченныхъ изъ камня-песчаника: Будда и его ученики сидятъ въ рядъ. Надъ этими статуями прошли вѣка, онѣ побурѣли, покрылись пылью и мхомъ, и самый беззаботный туристъ, забравшійся въ этотъ уголокъ, навѣрное задумается подъ шумъ горнаго ручья и шелестъ листьевъ передъ этими чуть улыбающимися лицами учениковъ великаго Дайбутсу.—**276.** *Сѣрошевскій*, *Вацлавъ*. Ключъ Дальняго Востока. Кладбища и похоронные обряды. (См. здѣсь „Смѣсь").—**282.** *Кауфманъ*, *А*. Въ царствѣ пшеницы. Авторъ дѣлаетъ бытовые наброски экономическаго положенія Новоузенскаго уѣзда.—**299.** *Сѣрошевскій*, *Вацлавъ*. Ключъ Дальняго Востока. Описаны корейскій бракъ и обряды при рожденіи. Въ сущности, вѣнчаніе сводится къ обмѣну подарками. Послѣ свадьбы молодая заплетаетъ свои волосы не въ одну, а въ двѣ косы. Новорожденному постепенно дается до шести личныхъ постоянно мѣняющихся именъ: 1) „*А-мі-онъ*"—первое имя, дѣтское ласкательное, въ родѣ: жемчужина, красотка, добротка, тигръ, поросенокъ, лягушка, королевскій глазъ, наконецъ... драконъ съ опредѣленіями: добрый, тихій, золотой. 2) *Пібль-міонъ*—прозвище, даваемое въ старшемъ возрастѣ сообразно характеру ребенка, его наружности или вызванное какимъ-либо приключеніемъ дитяти,—напримѣръ, кротомъ зовутъ коротконогаго, бойкаго—орломъ и т. д. 3) *Коань-міонъ*—собственное, родовое имя, которое мальчикъ получаетъ въ день совершеннолѣтія, т.-е. въ день свадьбы. Подъ этимъ именемъ мальчика заносятъ въ списки населенія. Главною составною частью коань-міонъ есть звукъ „хань-іоль-цза", родовой знакъ. Каждое родовое имя должно заключать его, такъ какъ онъ указываетъ на принадлежность къ опредѣленному роду. Глава рода заблаговременно составляетъ списки такихъ родовыхъ именъ. Присвоенію коань-міонъ сопутствуютъ игры и обряды съ участіемъ родственниковъ и друзей. 4) Цза-хо—имя интимное, семейное, употребляемое только близкими, старшими возрастомъ друзьями и родственниками въ обращеніи къ младшимъ. 5) Піоль-хо—имя отличительное почтительное, какимъ называютъ младшіе старшихъ, если имъ нельзя употребить родового или интимнаго прозвища. И такъ они зовутъ старшаго брата или дядю „отцомъ такого-то", если у него есть сыновья, или тому подобнымъ оборотомъ. Піоль-хо бездѣтныхъ опредѣляется семейнымъ совѣтомъ. 6) Чинъ-хо—похвальное имя, даваемое послѣ смерти за общественныя заслуги. Дѣвочки и мальчики до 8-ми, самое большое—10 лѣтъ воспитываются вмѣстѣ

и часто нагіе бѣгаютъ толпами по улицамъ; съ того возраста ихъ раздѣляютъ и начинаютъ обращаться съ ними различно.—**308, 315.** *М.*, *С.* Столѣтіе казанскаго университета.—**316.** *Спрошевскій*, *В.* Ключъ Дальняго Востока. Дано описаніе прически и платья у корейцевъ. Долгое время головной уборъ былъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ различныхъ классовъ корейскаго общества. До реформъ 1894 г. волосяныя шляпы, въ родѣ цилиндра съ прямыми полями (катъ), считались привилегіей дворянства. Въ настоящее время онѣ въ общемъ употребленіи. Но еще въ 1895 году сеульскіе мясники подавали прошеніе о распространеніи и на нихъ права носить волосяную головную повязку (манъ-гонь) и шляпы-цилиндры (куани или катъ) [1]). Ограниченія касались и другихъ частей костюма. Только привилегированные классы могли носить широкіе рукава, а также верхній халатъ съ разрѣзомъ. Только привилегированнымъ разрѣшалось одѣваться въ цвѣтной, узорчатый шелкъ и носить черные суконные сапоги съ острыми носками. Студенты и учителя, вообще педагогическій и ученый міръ, носили волосяные, рогатые береты, которые и сейчасъ часто попадаются на улицахъ Сеула. Теперь многіе изъ этихъ господъ, можетъ-быть, едва читать умѣютъ. Они надѣваютъ береты и очки только для виду, для большей важности, чтобы о нихъ хорошо думали другіе. Очки—большія, круглыя, въ толстой черепаховой оправѣ—въ большой модѣ.

Въ настоящее время покрой корейскаго платья (оси), какъ мужского, такъ и женскаго, одинаковъ во всей странѣ и для всѣхъ слоевъ населенія. Оно состоитъ изъ шальваръ (ко-ыи, лѣтнихъ—па-ди, зимнихъ—по-сокъ-ой), широкихъ и сборчатыхъ у бедеръ и суживающихся сильно къ ступнѣ. Женскія шальвары (не-сокъ-ой), немного у́же мужскихъ и плотно охватываютъ ногу пониже колѣнъ. Въ тальѣ шальвары стягиваются продѣтой въ поясокъ тесемкой. Мужчины даже лѣтомъ носятъ ватные набрюшники. Во время работъ они обыкновенно сбрасываютъ все, исключая набрюшниковъ да коротенькихъ нижнихъ штановъ, напоминающихъ „поясъ стыдливости“. На плечи надѣваютъ корейцы небольшую кофточку съ рукавами (шангъ-сокъ-кои), застегнутую, или, вѣрнѣе, завязанную подъ подбородкомъ. Полы ея у мужчинъ не достигаютъ даже пояса. У женщинъ (ча-го-ри) эта кофточка до того коротка, что груди выступаютъ изъ-подъ нея. Рубашекъ корейцы не носятъ. Штаны и кофточку (ча-го-ри) они надѣваютъ прямо на голое тѣло. Верхнее платье, употребляемое корейцами при выходѣ на улицу или въ гости, представляетъ длинный ниже колѣнъ халатъ съ отложнымъ воротникомъ и широкими рукавами. Женщины надѣваютъ еще юбки (чхума), стянутыя въ тальѣ тесемками, но начинающіяся собственно подъ пахами. Крестьянки довольствуются юбками до колѣнъ, но женщины привилегированныхъ сословій предпочитаютъ длинныя до земли. Юбки эти очень неуклюжи, особенно благодаря твердости матеріаловъ, такъ какъ туземцы очень сильно крахмалятъ свои ситцы и коленкоры, изъ которыхъ главнымъ образомъ они шьютъ свое платье. Простой народъ, даже средній классъ, почти-что не употребляютъ другихъ тканей. Только знать, придворные и сановники надѣваютъ поверхъ брюкъ и кофточекъ, замѣняющихъ бѣлье, верхніе халаты изъ шелка. Есть такіе, которые носятъ все шелковое, но такихъ мало. Шелковая одежда всегда цвѣтная: свѣтло-желтая, розовая, красная, свѣтло-зеленая, бронзовая, синяя или фіолетовая. Дѣти, дѣвушки и молодыя женщины, даже изъ простонародья, носятъ кофты розовыя, темно-желтыя или оливковаго цвѣта; женщины старше тридцати лѣтъ въ правѣ одѣвать фіолетовые цвѣта, старухи одѣваютъ только бѣлое. При выходѣ на улицу женщины зажиточныхъ классовъ, особенно

[1]) *The Korean Repository*, 1898 y., p. 127. „Манъ-гонь“, или головная повязка, представляетъ нѣчто въ родѣ ажурной ермолки съ отверстіемъ въ верхушкѣ для пучка волосъ мужской прически. Корейцы не снимаютъ „манъ-гонь“ даже въ комнатахъ. На улицѣ они поверхъ „манъ-гонь“ надѣваютъ шляпу, которую подвязываютъ лентами подъ подбородкомъ. Бѣдняки, у которыхъ нѣтъ „манъ-гонь“, подвязываютъ голову платкомъ или надѣваютъ просто вѣнокъ изъ травы.

молодыя, набрасываютъ поверхъ головъ длинныя покрывала (чангъ-отъ), снабженныя рукавами, такъ что ихъ можно, въ случаѣ необходимости, надѣть какъ кафтанъ, но служатъ они преимущественно для скрыванія лица и фигуры гуляющей, какъ восточная чадра. На ноги надѣваютъ мужчины прежде всего полотняныя гамаши, затѣмъ тиковые чулки (по-сень) и лапти или туфли, плетеныя изъ бичевокъ (шекъ-хри, также меки-ри); иногда это—просто соломенныя или изъ лыка подошвы въ родѣ японскихъ (цхо-чими), прикрѣпленныя къ ступнѣ подвязками. Зажиточные туземцы носятъ китайскіе остроносые сапоги (шуй-эхи) на толстой подошвѣ. Крестьянки ходятъ или босикомъ, или надѣваютъ коротенькіе чулки и туфли. Современное корейское платье создано по китайскимъ образцамъ со времени династіи Минъ (по-корейски Міонъ, 1368—1644 гг.). Какъ раньше одѣвались корейцы, неизвѣстно. Нѣкоторыя племена пользовались для одеждъ шкурами животныхъ, остатки чего сохранились на сѣверѣ и на нѣкоторыхъ островахъ; другіе одѣвались въ ярко-расшитыя и украшенныя серебромъ и бусами платья, повидимому, сходныя съ тунгузскимъ костюмомъ.

Корейцы спятъ въ штанахъ и кофтахъ, но снимаютъ верхнее платье, котораго зимой надѣваютъ иногда по нѣскольку паръ одно на другое. Зимой ихъ халаты и штаны всѣ на ватѣ. Одѣяла (ни-бу-ри) въ общемъ употребленіи. Вмѣсто подушекъ подъ голову кладутъ туземцы деревянные валики, подставки или бамбуковыя плетушки. Подстилкой служатъ имъ тонкіе матрасы-цыновки или просто толстая бумага. Туземцы совсѣмъ не знаютъ драгоцѣнныхъ, металлическихъ или какихъ-либо другихъ украшеній,—результатъ запрещенія, изданнаго 400 лѣтъ тому назадъ.

Бѣлый цвѣтъ платья заставляетъ часто стирать его. Для этого все платье корейцы распариваютъ и, свернувши, колотятъ вальками въ проточной водѣ, затѣмъ сушатъ, крѣпко вытянувши на доскахъ или рамахъ, и обильно крахмалятъ. Самые жесткіе европейскіе ситцы не удовлетворяютъ корейскій вкусъ; они считаются здѣсь недостаточно твердыми и блестящими, и ихъ подкрахмаливаютъ. При шитьѣ помогаютъ себѣ корейцы особымъ клеемъ, который соединяетъ края тканей не менѣе прочно, чѣмъ нитка. Въ ненастье туземцы употребляютъ дождевые плащи изъ немятой соломы, общеизвѣстные на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Зажиточные надѣваютъ плащи изъ промасленной, крѣпкой какъ клеенка, бумаги; она много лучше, пріятнѣе на-ощупь и прочнѣе въ носкѣ всѣхъ извѣстныхъ непромокаемыхъ тканей. Эту бумагу выдѣлываютъ корейцы изъ лыка, шелковицы и бумажнаго дерева (Broussonetia papyrifera).—**343.** *Анучинъ*, Д. Памяти В. И. Сизова (Извлеченіе изъ рѣчи, прочитанной въ засѣданіи моск.-археологич. о-ва 26 ноября).—**344.** *Якушкинъ*, В. Памяти А. Н. Пыпина.

Русское Богатство 1904 г. Январь. Отзывы о кн. *Хохлова*, *Г.*, „Путешествіе Уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство“, и *Черевковой*, *А. А.*, „Очерки современной Японіи“.—**Апрѣль.** Отз. о кн. *Васюкова*, „Край гордой красоты“. Кавказское побережье Чернаго моря.—**Іюнь.** Отз. о Сборникѣ россійскихъ пословицъ и поговорокъ, *Иллюстрова*, *I. И.*,—**Іюль.** Отз. о кн. *Дюмолара*, „Японія въ политич. и экономич. отношеніяхъ“.—**Октябрь.** *А-левъ*, *Н. П.*, Религія въ Японіи.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1904. 313. Интересные факты изъ области цензуры русской народной пѣсни. (См. здѣсь „Хронику“.)—**318.** Наша печать: О сообщеніи *Н. А. Крюкова*, въ соединенномъ засѣданіи С.-Петербургскаго центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго о-ва „объ аргентинскихъ колоніяхъ по личнымъ наблюденіямъ“. На каждомъ шагу г. Крюковъ убѣждался, какъ въ этихъ людяхъ, оторванныхъ отъ старой родины и нашедшихъ примѣненіе своему желанію трудиться въ чужой странѣ, не угасла любовь къ Россіи и интересы къ ея жизни не заглохли, дорогія о ней воспоминанія безъ злобы и ненависти, какъ прежніе мелкіе торгаши, ремесленники, комиссіонеры всецѣло поглощены хозяйственными заботами, пашутъ, жнутъ, работаютъ на землѣ.—**320.** *Порошинъ*, *Ив.*, На Новомъ озерѣ. (Изъ поѣздки въ Бѣлозерье). Авторъ даетъ бѣглый очеркъ съ указаніями на историч. старину и народный бытъ этого глухого уголка Новгор. губ.—**291** и **323.** *Жилкинъ*, *И.*, Сектанты на Волгѣ. Сообщены религіозныя міровоззрѣнія, приведены нѣкоторые „псалмы“.—**328.**

Высшенскій, А. П., Объ А. Н. Пыпинѣ.—**329.** *Z.* Изданія для корейцевъ Уссурійскаго края. Авторъ полемизируетъ съ бывшимъ начальникомъ Сеульской миссіи, помѣстившимъ статью: „Къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки" въ № 41 „Извѣстій по Казанской епархіи": г. Z. стоитъ за знаніе мѣстныхъ нарѣчій въ дѣлѣ миссіонерства.—**331.** *Клеменцъ, Дмитрій*, Н. М. Мартьяновъ. По поводу его кончины.—**347.** Близъ с. Андреевки, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Гирманъ, разрывая на собственной землѣ курганъ, нашелъ въ немъ,—по словамъ „Придн. Кр".,—рѣдкія въ археологическомъ смыслѣ вещи: жабу, черепаху и кабана—всѣ три изъ камня-песчаника, при чемъ одинъ кабанъ до трехъ пудовъ вѣса. Крестьянинъ Гирманъ не придалъ никакого значенія такимъ находкамъ, и потому каменная жаба была разбита, черепаха пошла вмѣсто стояна подъ деревянный „млынъ" (мельницу), а кабанъ былъ привезенъ въ село и поставленъ возлѣ хаты Гирмана, откуда его деревенскіе хлопцы вытаскивали на середину дороги и „смолили" для собственной потѣхи. Обо всемъ этомъ случайно узналъ московскій студентъ Б. К. Жукъ, объѣзжавшій пороги Днѣпра, по указанію проф. Д. И. Эваницкаго, и сообщившій объ этомъ профессору въ Москвѣ. Въ настоящее время каменный кабанъ, благодаря Я. П. Новицкому, ѣздившему въ с. Андреевку къ крестьянину Гирману, доставленъ въ Екатеринославъ и водворенъ въ областной музей имени А. Н. Поля.—**355.** За послѣднее время въ Осетіи все чаще и чаще повторяются возмутительные случаи женокрадства. Ни плачевные результаты подобныхъ кражъ, ни строгая административная кара за нихъ не въ силахъ не только пресѣчь, но сколько-нибудь ограничить, ослабить это великое зло въ жизни осетинъ. Жертвою такого хищничества за послѣднее время являются даже учительницы народныхъ школъ, какъ недавно былъ описанъ случай на страницахъ „Казбека". Приходится лишь удивляться возможности существованія этой вредной устарѣвшей формы брака у такого, сравнительно, просвѣщеннаго народа, какъ осетины. Останавливаясь на этомъ дикомъ обычаѣ, „Казб." объясняетъ тѣ историческія и бытовыя условія, которыя поддерживаютъ его существованіе.

Вопросъ объ умычкѣ тѣсно связанъ съ другимъ наболѣвшимъ вопросомъ въ осетинской жизни, вопросомъ о калымѣ, и можно съ несомнѣнностью сказать, что не будь калыма, не было бы и умыканія. Въ силу калыма женщина въ Осетіи стала предметомъ купли и продажи почти въ буквальномъ смыслѣ слова и тѣмъ самымъ обезличена вѣками до того, что теперь молодой человѣкъ, рѣшающійся похитить дѣвицу, и не находитъ нужнымъ сообразоваться съ тѣмъ, расположена ли къ нему намѣченная жертва или нѣтъ. Такъ бываетъ почти во всѣхъ случаяхъ похищеній. Слѣдствіемъ этого обыкновенно бываютъ весьма плачевные результаты, если не со стороны братьевъ и родственниковъ похищенной (коимъ священный долгъ приписываетъ преслѣдовать похитителя кровавой местью, идти на похитителей войною), то даже при лучшемъ исходѣ (когда отобраны у похитителя всѣ средства къ существованію на калымъ—нещадный, назначаемый при примирительной процедурѣ), герой часто и очень часто платится несчастіемъ въ семейной жизни, встрѣчая отъ своей поруганной жертвы совсѣмъ не тѣ чувства къ себѣ, какія ожидалъ...

Борьба съ обычаемъ при помощи административныхъ или церковныхъ мѣръ не помогала дѣлу. Калымъ же не только не искореняется, но увеличивается до ужасающихъ размѣровъ. Такъ онъ въ настоящее время колеблется между **400—800** и болѣе рублями. До сихъ поръ молодые люди доставали эту сумму помощью отхожаго промысла, для чего массами отправлялись на заработки въ Сибирь, Баку и др. мѣста, теперь же, за послѣдніе годы, съ паденіемъ заработной платы, это средство оказывается несоотвѣтствующимъ; но молодому человѣку надо какъ-нибудь да добыть нужный капиталъ. Вотъ отсюда и получается то страшное развитіе конокрадства и разбоевъ всякаго рода, отъ которыхъ за послѣднее время не стало житья самимъ же осетинамъ... Уже сложился у многихъ лучшихъ отцовъ взглядъ на калымъ, какъ позорный „долгъ предъ дочерью".

Воруютъ только джигиты. Между женатыми нѣтъ воровъ. Къ счастью, взглядъ на калымъ кое-гдѣ мѣняется: недавно въ одномъ изъ передовыхъ селеній въ

Осетіи Н. Хр. огромная масса молодежи подала петицію бывшему преосвященному (при освященіи школы) о возобновленіи мѣръ къ искорененію или ограниченію калыма (до 100—200 руб.), затѣмъ, спустя мѣсяцъ, этою же молодежью съ массой другихъ сочувствующихъ былъ выработанъ слѣдующій небезъинтересный проектъ: возбудить этотъ вопросъ при сельскомъ сходѣ, отобрать у всѣхъ домохозяевъ подписки—не брать и не давать калыма, выработать карательныя мѣры за нарушеніе подписаннаго (въ видѣ, напр., конфискаціи отданнаго или взятаго въ пользу учащихся; все это санкціонировать высшею властью и затѣмъ выбрать на каждый кварталъ по 2—3 изъ уважаемыхъ стариковъ и обязать ихъ (хотя бы клятвою) слѣдить за исполненіемъ выработаннаго постановленія каждому въ своемъ районѣ (кварталѣ) и при этомъ обязать ихъ для сего присутствовать, хотя поочередно, при каждомъ брачномъ договорѣ. Проектъ заслуживаетъ вниманія и даетъ надежды. Остается желать, чтобы онъ не остался подъ сукномъ.

Новости этнографической литературы.

Бекимовъ, М. Н. Матеріалы къ изученію киргизскаго народнаго эпоса. Съ предисловіемъ *Н. Ѳ. Катанова*. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Казан. Унив.“, т. XX, стр. 218—332). Каз. 1904 8⁰.

Богрова, Евг. Персія и персы. М. 1903.

Бузескулъ, В., проф. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. Изд. 2-е. Стр. VIII+533. Ц. 3 р.

Буличъ, С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I. Съ прилож., вмѣсто вступленія, „Введенія въ изученіе языка“, Б. Дельбрюка. Спб. Изд. С. К. Булича и Л. Ф. Пантелѣева. Стр. XI+248. Ц. 6 р.

Васюковъ, С. И. Крымъ и горные татары.

Waterloo, S. Жизнь пещернаго человѣка. Съ американскаго (?) перевелъ Н. С. Кур—овъ. М. Изд. книжн. магаз. торг. дома „С. Курнинъ и К⁰.“

Вейлерзе, Г. Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды. Спб. 1904.

Воробьевъ, Кл. Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославск. губ. Яр. 1904.

Врадій, В. П. Опьяняющіе напитки у китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и инородцевъ Уссурійскаго края. Спб. 1904.

Врадій, В. П. Пищевые продукты китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др. Спб. 1904.

В—нъ, А. С. Изъ исторіи древне-русской Вятки. („Пам. книжка Вят. губ., 1905, стр. 179—233).

Гамильтонъ, А. Корея. Пер. съ англ. Спб. Изд. А. С. Суворина. Стр. 327. Ц. 1 р. 50 к.

Гессе-Вартегъ, Эрнестъ-фонъ. Японія и японцы. пер. Шрейдеръ. Спб. 1904.

Гессенъ, Ю. И. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. Стр., 148. Ц. 1 р.

Головачевъ, П. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Стр. 216. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Грушевскій, М., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. Стр. 380. Ц. 2 р.

Гурляндъ, Я. І. Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе. (Изъ „Извѣстій о-ва Истор., Арх. и Этн. при Каз. Ун. т. XX, стр. 49—158). Каз. 1904. 8⁰.

Дунинъ-Горковичъ, А. А. Очеркъ народностей Тобольскаго Сѣвера. Отт. изъ Изв. Рус. Геогр. О-ва. Спб. 1904.

Ермоловъ, А. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ: Томъ II. Всенародная агрономія. Спб. 1905. 8⁰. XII+528 стр. Томъ III. Животный міръ въвоззрѣніяхъ народа. Спб. 1905. 8⁰. 7+555 стр.

Ефименко, А. Я. Южная Русь. Т. I. (Очерки исторіи правобережной Украйны. Малорусское дворянство и его судьба. Южнорусскія братства. Конные суды въ лѣвобережной Украйнѣ. Народный судъ въ Западной Руси. Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси. Архаическія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ. Литовско-русскіе данники и ихъ дани). Ц. 2 р.

Зеленинъ, Д. К. Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. Этнографическій и историко-литературный очеркъ. В. 1905. 8⁰. 52 стр. (изъ „Памятной книжки Вятск. губ. на 1905 г., томъ XXVI-й).

Извѣстія Восточнаго Института, подъ ред. Позднѣева. Т. VIII. 1902—1903 гг.

Извѣстія Восточнаго Института подъ ред. А. Позднѣева, V-ый годъ, т. X.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Казанской епархіи. *Вып. VI.* I. Мамадышъ и Мамадышскій уѣздъ. Каз. 1904. XXX+420 стр.

Іоновъ, В. М. Поѣздка къ майскимъ тунгусамъ. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Ун.", т. XX, стр. 159—174). Каз. 1904. 8⁰.

Коваленскій, М. Старая и новая Японія. Историч. очеркъ. М. 1904.

Кудрявцевъ, В. Ф. Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края. Очеркъ. (Изъ „Пам. книжекъ Вятской губ." на 1904 и 1905 гг.).

Кузнецовъ, Я. О. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изд. владимірской уч. архивн. коммиссіи. Стр. 93.

Куланжъ, де-Фюстель. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Т. II. Германское вторженіе и конецъ Имперіи. Цѣна не обозначена.

Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губерніи. Изданіе стат. бюро яросл. губ. земства. Яросл. 1904. Стр. 465+60.

Лесевичъ. В. Етнографічній збірникъ. Видае етнографічна комісия наукового товариства імени Шевченка. Т. XIV. У Львові. Стр. 3.57. Ц. 4 корони.

Линева, Е. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Текстъ подъ ред. акад. Ѳ. Е. Корша. 1904.

Львовъ, В. Русская Лапландія и русскіе Лопари. 1904.

Мибиховъ, М. Я. Исторія еврейскаго народа отъ Вавилонскаго плѣненія до первой эпохи танаевъ. Спб. 1904.

Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 г. т. I. Поселенныя таблицы. в. 1. М. 1903.

Никифоровъ, Ѳ. Н. Стюхинскіе чуваши. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Унив.", т. XX, стр. 325—348). Каз. 1904. 8⁰.

Новомбергскій, Н. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904.

Пекарскій, Э. К. Поѣздка къ приаянскимъ тунгусамъ. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Унив.", т. XX, стр. 175—191). Каз. 1904. 8⁰.

Панова, О. Н. Годъ на материкѣ южнаго полюса. Спб. 1904.

Порфирьевъ, С. И. Древности казанскаго края въ актахъ генеральнаго межеванія. (Изъ „Извѣстій о-ва Истор., Арх. и Этн. при Каз. Унив.", т. XX, стр. 1—16). Каз. 1904. 8⁰.

Розовъ-Цвѣтковъ. По ту сторону „Пояса міра". Этнографич. очерки и разсказы. М. 1904.

Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Томы I и II. Изд. еврейскаго колонизац. О-ва. Спб. 1904. Ц. 6 р.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовск. губ. за 1902 г. Саратовъ. 1904.

Свенъ-Гединъ. Таримъ-Лобъ-Норъ. Тибетъ. Путешествіе по Азіи 1899—1902 гг. Изд. Девріена. Спб. 1904.

Свѣдѣнія о рукописяхъ и т. д., поступившихъ въ рукописное отдѣленіе И. Академіи Наукъ въ 1903 г.

Селицкій, И. В Кульджинскіе переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. (Изъ „Извѣстій О-ва Исторіи, Археологіи и Этн. при Каз. Унив.", т. XX, вып. 6, стр. 243—324). Каз. 1904. 8⁰.

Сикорскій, И. А., проф. Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстр. изложеніи. Съ 21-й табл. въ краскахъ и 285-ю фиг. въ текстѣ. Кіевъ. Стр. 574. Цѣна 5 руб.

Сно, Е. Э. Очерки (популярные) изд. Поповой: Великоруссы, Малороссы, Бѣлоруссы, Поляки и Литовцы, Финны, Татары, Кавказъ, Самоѣды, Инородцы Сибири, Народы Туркестана. Ц. отъ 5 до 13 коп.

Стукаличъ, В. К. Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ. Витебскъ. 1904.

Сувировъ, Н. И. Корея. Страна и ея исторія послѣдняго времени. Съ 24-мя рис. Спб. Изд. кн. маг. К. Фельдманъ. Стр. 108. Ц. 50 к.

Сухаревъ, А. А. Казанскіе татары. Опытъ этнографическаго и медико-антро-

пологическаго изслѣдованія. Спб. 1904. 8⁰. 195 стр. (Диссертація на степень доктора медицины).

Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ. Черезъ Алтай и Памиръ. Очерки путешествія по Памиру. М. 1905.

Талмудъ, въ переводѣ *Н. А. Переферковича.* Серія первая (Мишны и Тосеоты): Т. I. Зераимъ („Посѣвы"); Т. II, Моэдъ („Праздники"); Т. III. Нашимъ („Жены"); Т. IV. Незикинъ („Правонарушенія"); Т. V. Кодашимъ („Святыни"); Т. VI. Тehаротъ („Чистоты"). Дополненіе къ IV тому: трактатъ „Авотъ рабби Наеана"). Цѣна за все 16 руб. Серія вторая (принимается подписка: за 12 выпусковъ ц. 12 руб. Адр. Спб. Знаменская, 10.) будетъ заключать источники (Мехильта, Сифра, Сифре) и первые трактаты Бавли (Вавилонскаго Талмуда). См. здѣсь „Хронику".

Уманецъ, С. Современ. бабизмъ (расколъ въ Магометанствѣ). Тифлисъ. 1904.

Ухтомскій, Э., князь. Изъ области ламаизма. Спб. 1904.

Федоровъ, Н. М. Дальній востокъ.

Франке, Куно. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (съ V вѣка до настоящаго времени). Перев. съ англ. П. Батина. Съ 39 портр. Спб. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. 592. Ц. 3 р.

Фромъ, Вл. Японія и Корея.

Шереметевъ, С. Д., графъ. Отъ Углича къ морю Студеному. Спб. 1904.

Эструпъ, I. Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. Перев. съ датскаго *Т. Ланге.* Со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ (87 страницъ) *А. Крымскаго*, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. М. 1905. 8⁰. LXXXVII+117 стр. Ц. 1 р. 25 к. („Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазарев. Инст. Вост. язык. вып. VIII-й).

Behlen, H. Der Pflug u. d. Pflügen bei d. Römern u. in Mitteleuropa in vorgeschichtlicher Zeit. Dillenburg, 1904. XVI+192.

Bücher, K. Die Entstehung d. Volkswirtschaft. 4 Auf. Tübingen. XI+456.

Cann, Mc. The Picturesque Gold Coast. Lond. 1904.

Folkmar, D. Album of Philippine Types. Manila. 1904. 80 таблицъ.

Haeckel, E. Anthropogenie. 5 Aufl. Lpz. 1903.

Hoffmann-Krayer, E. Knabenschaften u. Volksjustiz in d. Schweiz. Отт. изъ Schweiz. Archiv f. Volkskunde. B. VIII.

Kandt, R. Gewerbe in Ruanda. Отт. изъ Z. f. Ethnologie. B. XXXVI. H. 3—4.

Krause, E. Vorgeschichtiche Fischereigeräte u. neuere Vergleichungssücke. Berlin, 1904.

Lullies, H. Zum Götterglauben d. alten Preussen. Beil. z. Jahresbericht 1904. d. K. Wilhelms Gymnasium in Königsberg.

Mason, O. T. Aboriginal American Basketry. Washington, U. S. Nat. Mus. 1904.

Meyer, A. B. Album v. Philippinentypen. Ill. Dresden. 1904. 37 табл.

Meyer, A. B. u. Richter, O. Celebes. I. Samml. d. Herren P. u F. Sarasin aus d. J. 1893—96. Dresden. 1903.

Mohammed Adil Schmitz du Moulin. Der Islam. Lpz. 1904. IX+285.

Nieuwenhuis, A. W. Quer durch Borneo. Leiden. 1904. Th. I. XV+493.

Olufsen, O. Trough the unknown Pamirs. Lond. 1904. XXII+238.

Partsch, J. Mitteleuropa. Die Länder u. Völker von d. Westalpen u. d. Balkan bis an d. Kanal u. das Kurische. Gotha. 1904. XII+463.

Rosen, E. v. The Chorotes Indians in the Bolivian Chaco. Stockholm. 1904.

Schirmeisen, K. Die Entstehungszeit d. germanischen Göttergestalten. Brünn, 1904. 32 s.

Schmidt, M. Ableitung Südamerikanischer Geflechtsmuster aus d. Technik d. Flechtens. Отт. изъ Z. f. Ethnologie 1904. H. 3—4.

Schnee, H. Bilder aus d. Südsee. Berlin, 1904. XIII.+394.

Schwindrazheim, O. Deutsche Bauernkunst. Wien. 1904. (?). XV+168.

Seler, E. Gesammelte Abhandlungen z. amerikanischen Sprach. u. Alterthumskunde. B. II. Berlin. 1904. XXXVII+1107.

Sievers, W. Asien. 2 Auf. umgearb. Lpz. u. Wien. Bibl. Inst. 1904. 15 Lief.

Söhns, F. Unsere Pflanzen. Ihre Namenserklärung u. ihre Stellung iu d. Mythologie u. im Volksaberglauben. 3 Auf. Lpz. 1904. 178 s.

Spencer, B. a. Gillen, F. The Northern Tribes of Central Australia. L. 1904. XXXV+784.

Spiess, C. 40 Personennamen u. 60 Sprichwörter d. Evheer Togos u. ihre Bedeutung. Отт. изъ Mith. d. Seminars f. oriental. Sprachen z. Berlin. jahrg. VII, Abt. III.

Steere, Narrative of a Visit to Indian Tribes of the Purus River, Brazil. Washington, U. S. Nat. Mus. 1903.

Steinmetz, K. Eine Reise durch die Hochländer Oberalbaniens. Wien. 1904. 68 s.

Velten, C. Sitten u. Gebräuche d. Suaheli. Gött. 1903.

Wallaschek, R. Anfänge d. Tonkunst. Lpz. 1903. IV+340.

ХРОНИКА.

† **Николай Михайловичъ Мартьяновъ** 30-го ноября скончался. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся культурныхъ дѣятелей Сибири, имя котораго останется навсегда связаннымъ съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ восточно-сибирскихъ музеевъ—минусинскимъ.

Явившись въ Минусинскъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ качествѣ завѣдующаго аптекой, Н. М. немедленно обратилъ вниманіе на неизслѣдованность края, богатаго произведеніями природы и высоко интереснаго въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, и сталъ самъ и чрезъ посредство другихъ лицъ собирать коллекціи и заинтересовывать ими мѣстное населеніе. Къ 1877 г. имъ было уже собрано такое количество предметовъ, что онъ могъ войти въ минусинскую городскую Думу съ предложеніемъ объ открытіи музея, а лѣтъ черезъ десять музей этотъ пріобрѣлъ широкую извѣстность по всей Сибири и даже далеко за ея предѣлами; коллекціи не только собирались, но и представлялись спеціалистамъ для опредѣленія и описанія; при музеѣ составилась обширная библіотека; въ Минусинскъ (городокъ съ 7-ю тыс. жителей) стали заѣзжать даже ученые иностранцы, посѣщавшіе Сибирь. Для музея было выстроено городомъ красивое двухъ-этажное каменное зданіе; въ музеѣ стали работать спеціалисты, труды которыхъ (Клеменса, Савенкова, Горощенко, Яковлева и др.) стали издаваться. Въ 1900 г. музею было назначено ежегодное казенное пособіе въ 1,500 р.; въ 1901 г. при красноярскомъ подъотдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества положено основаніе капиталу имени Н. М. Мартьянова, проценты съ котораго должны идти на экскурсіи и печатаніе трудовъ по музею. Большую часть средствъ для своего развитія минусинскій музей получилъ отъ частныхъ лицъ благодаря стараніямъ своего основателя, именно за первыя 25 лѣтъ своего существованія, болѣе 30-ти т. р. (около 75% всѣхъ поступившихъ суммъ). Музей заключаетъ въ себѣ 12 отдѣловъ (болѣе 60-ти тыс. предм.), библіотека при немъ—около 24 т. томовъ. При участіи Н. М. образовалось также въ Минусинскѣ Общество попеченія о народномъ образованіи, открывшее въ 1902 г. пріютъ имени Н. М. Мартьянова. Необыкновенно скромный, всю жизнь трудившійся для общества

и для края, ставшаго его второй родиной, Н. М. пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Въ лицѣ музея онъ оставилъ по себѣ достойный памятникъ, который, надо надѣяться, сохранитъ и впредь свое просвѣтительное значеніе для края и свою выдающуюся роль въ качествѣ мѣстнаго музея вообще. *„Русск. Вѣд."*

О дѣятельности Ник. Мих-ча и о созданномъ имъ музеѣ лучшія свѣдѣнія можно найти въ книгѣ *Ф. Я. Кона* «Историческій очеркъ минусинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902)». См. отзывъ въ «Этн. Обозр.» 1902, № 3, стр. 158—159.

---

† **Поручикъ Вацлавъ Тачановскій,** какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», скончался въ Харбинѣ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ при Лаоянѣ. Извѣстный польскій филологъ и знатокъ польскаго языка, В. Тачановскій, издавалъ въ Варшавѣ «словарь польскаго языка». Смерть его—чувствительная потеря для науки.

---

† **В. Л. Беренштамъ,** извѣстный педагогъ и публицистъ, скончался 10-го ноября въ Кіевѣ, въ возрастѣ 65-ти лѣтъ. Покойный работалъ за послѣдніе годы въ кіевскомъ Обществѣ грамотности и въ мѣстныхъ изданіяхъ *Кіевская Старина* и *Кіевскіе Отклики*, а ранѣе занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями на югѣ Россіи.

„Русск. Вѣд."

---

† **Д-ръ Максъ Бартельсъ,** извѣстный антропологъ, скончался въ Берлинѣ. Покойный долго состоялъ секретаремъ берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи, въ изданіяхъ котораго и помѣщена большая часть его статей. Въ его переработкѣ съ многочисленными дополненіями вышло также сочиненіе Плосса «Женщина въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи» (2 тома со множествомъ иллюстрацій), выдержавшее нѣсколько изданій. Ему принадлежитъ также извѣстный трудъ: «Die Medizin d. Naturvölker».

„Русск. Вѣд."

---

† **Эмиль Шлагинтвейнъ,** извѣстный оріенталистъ, скончался въ концѣ октября въ Цвейбрюкенѣ, въ возрастѣ 69-ти лѣтъ.

Какъ и его старшіе братья, Германъ, Адольфъ и Робертъ, Эмиль посвятилъ себя изслѣдованію Индіи и Тибета, но въ то же время, какъ тѣ заявили себя изслѣдователями-путешественниками, Эмиль, занимавшій служебный постъ въ Баваріи, посвящалъ всѣ свои досуги изученію исторіи и религіи Индіи и Тибета. Въ 1863 г. вышло его сочиненіе «Buddhizm in Tibet», за которымъ послѣдовали: «Цари Тибета» (1868), «Die Gottesurtheile der Indier» (1869) и др. Въ 1880—81 гг. имъ было издано роскошное иллюстрированное сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ «Indien in Wort und Bild» (2-е изд. 1890). Въ 1899 г. появилась

1-я часть его Lebensbeschreibung von Padma Sambhava». Послѣ смерти своихъ братьевъ онъ привелъ въ порядокъ и описалъ собранныя ими богатыя коллекціи и передалъ ихъ въ музеи Германіи. *„Русск. Вѣд.“*

---

† **Миссіонеръ François Coillard** скончался въ Ліалуи, столицѣ народа баротсе, въ маѣ 1904 г. Онъ работалъ въ Южной Африкѣ съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Съ 1885 г. онъ началъ свои миссіонерскіе труды среди баротсе. Его книга: On the Freshold of Central Africa, изданная въ Лондонѣ въ 1897 г. и вышедшая на французскомъ яз. въ 1898 г. подъ заглавіемъ: Sur le haut Zambèze, представляетъ значительный интересъ для этнографа. *«Globus».*

---

† **Alpfons Stübel,** извѣстный геологъ, скончался въ ноябрѣ 1904 г. Его путешествіе по Южной Африкѣ въ сопровожденіи W. Preiss-a обогатило новыми данными не только географію и геологію, но и этнологію, антропологію и этнографію. Въ 1875 вмѣстѣ съ Рейссомъ Штюбель открылъ Анконскій могильникъ въ Перу, также и развалины Тіагуанако. Изъ его трудовъ, представляющихъ особый интересъ для этнографа, слѣдуетъ назвать: Das Totenfeld v. Ancon. Berl. 1880—87 (въ сотрудн. съ Рейссомъ); Kultur u. Industrie Südamerikanischer Völker, 1889—90 (въ сотр. съ Рейссомъ, Коппелемъ и Уле), Indianertypen aus Ecuador u. Colombia. 1888 (въ сотр. съ Рейссомъ). *«Globus».*

Преміи имени М. И. Михельсона, какъ сообщаетъ отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, по истеченіи настоящаго конкурснаго трехлѣтія (1904—1906 гг.) будутъ присуждены лицамъ, выполнившимъ одну изъ слѣдующихъ назначенныхъ Отдѣленіемъ задачъ. *1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія*: Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли

тюркскіе говоры*). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода. *2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка:* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Примѣчаніе: Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи. *3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ:* Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ. *4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ:* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ:. *5. Слова русскаго языка со звукомъ «х»:* Фонетическія условія происхожденія звука «х» въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ «х» или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское «*х*», въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе «*х*» въ общесловянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука «*х*» въ словахъ русскаго языка: «*х*» какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; «*х*» въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ «*х*». 6. *Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка:* Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ. 7. *Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій:* Предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія. 8. *Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ:* Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка. Слова скандинавскаго происхожденія: 1) составляющія исключительную принадлежность русскихъ славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ, 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ. Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію. Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ 1) русскихъ, 2) скандинавскихъ.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р. Преміи присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представлены не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія. Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представляемы не позднѣе 1-го марта 1906 года—напечатаныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Премія проф. А. А. Котляревскаго, половинная въ 500 рублей, присуждена проф. харьковскаго университета С. М. Кульбакину за изслѣдованіе по исторіи и діалектологіи польскаго языка. *Русск. Вѣд.*

Двадцати-пятилѣтіе «Памятныхъ книжекъ Вятской губерніи». Ежегодное изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета «Памятная Книжка Вятской губерніи» вышла въ 1904-мъ году 25-й разъ. Передъ нами 25 солидныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ громадную массу очень интереснаго матеріала. Съ первыхъ же лѣтъ своего изданія «Памятная Книжка» не стала ограничиваться одними справочными сообщеніями, но поставила себѣ цѣлью подготовлять матеріалъ для полнаго описанія губерніи въ статистическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ. И за четверть вѣка своего существованія она настолько успѣла въ этомъ, что является теперь самымъ необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелалъ бы изучать обширный Вятскій край въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Особенно посчастливилось статистическому отдѣлу, въ которомъ работалъ и работаетъ главнымъ образомъ редакторъ «Книжки» членъ-секретарь Комитета *Н. А. Спасскій.* Громадная масса точныхъ, хорошо обработанныхъ свѣдѣній. Для этнографіи наибольшій интересъ представляютъ статистическія данныя о племенномъ составѣ губерніи, очень разнообразномъ, о многочисленныхъ толкахъ и сектахъ мѣстныхъ старообрядцевъ, объ отхожихъ и кустарныхъ промыслахъ и другихъ занятіяхъ населенія, и т. п.

Не меньшимъ богатствомъ отличается историческій отдѣлъ, украшенный многочисленными статьями маститаго мѣстнаго историка *А. С. Верещагина* и извѣстнаго археолога *А. А. Спицына.* И здѣсь очень много крайне интереснаго для этнографа. Укажемъ, для примѣра, на статьи А. С. Верещагина: «Древнѣйшія поселенія и колонизація Вятскаго края» (1882 г., стр. 114—121), «Почитаніе Николы Можайскаго на Вяткѣ въ XVII в.» (1902, 36—49); статьи Спицына: «Къ исторіи вятскихъ инородцевъ» (1889 г., 207), «Вятская старина» (1885 г., 149—191) и др.

Собственно-этнографическій отдѣлъ «Книжекъ» также нужно назвать очень богатымъ. Много прекрасныхъ статей посвящено инородцамъ мѣстнаго края. Очень цѣнная статья *Н. П. Штейнфельда* «Бесермяне» (1895 г., 220—259) является почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ этой загадочной народности. Громадный научный интересъ представляютъ статьи о вотякахъ покойнаго *Н. Г. Первухина* (1889 г.; 1890, 1—84) и *Г. Е. Верещагина* (1896 г. и 1897). Татарамъ посвящены статьи *Н. П. Штейнфельда* (1894 г.) и *П. М. Сорокина* (1897 г.); черемисамъ статья *В. К. Магницкаго* (1893 г.). Не меньше статей посвящено описанію русскаго населенія губерніи. Перечислять здѣсь эти статьи мы, къ сожалѣнію, лишены возможности за недостаткомъ мѣста. Назовемъ лишь громадный трудъ покойнаго *Н. М. Васнецова:* «Матеріалы для объяснительнаго словаря Вятскаго говора» (1892—1903), доведенные пока до буквы *п.*

Мы указали только на главные отдѣлы «Книжекъ» и отмѣтили лишь ничтожную долю напечатанныхъ въ нихъ статей. За подробностями отсылаемъ интересующихся къ «Указателю статей» за всѣ 25 лѣтъ изданія, напечатанному въ «Книжкѣ» 1904 года.

Юбилей «Памятной Книжки Вятской губерніи» является всецѣло юбилеемъ ея теперешняго редактора, члена-секретаря Комитета *Н. А. Спасскаго*, подъ редакціей котораго вышли всѣ 25 книжекъ. Самое изданіе можно назвать роднымъ дѣтищемъ г. Спасскаго, которому онъ посвятилъ свои главныя силы, свои труды и свою любовь. Заслуга Спасскаго и въ томъ, что онъ сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству цѣлый рядъ мѣстныхъ изслѣдователей.

Несомнѣнныя и громадныя заслуги г. Спасскаго въ развитіи разсматриваемаго нами изданія даютъ намъ поводъ подробнѣе остановиться на этой замѣчательной личности.

Николай Александровичъ Спасскій родился въ 1846 году. Среднее образованіе получилъ въ Вятской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1863 г. Черезъ годъ поступилъ въ Казанскій Университетъ и окончилъ курсъ его по естественному факультету въ 1869 г. Мечты Н. А-вича посвятить свою жизнь педагогической дѣятельности не сбылись: въ то время какъ разъ повѣяло классицизмомъ, и преподаваніе естественныхъ наукъ было исключено изъ гимназій, а реальныхъ училищъ еще не было. Молодому естественнику, противъ всѣхъ его желаній, пришлось поступить въ чиновники. Въ томъ же 1869 г. Н. А-вичъ поступаетъ въ только что открытый тогда въ Вяткѣ Мировой Съѣздъ, въ званіи помощника секретаря. Съ слѣдующаго года одновременно служитъ и въ мѣстномъ губернскомъ земствѣ, въ качествѣ дѣлопроизводителя по спеціальнымъ вопросамъ (напр. объ открытіи въ Вяткѣ сельско-хозяйственнаго училища, о проведеніи желѣзной дороги на Архангельскъ и т. п.).

Въ 1872 году губернаторъ Чарыковъ предложилъ Н. А. Спасскому должность секретаря Вятскаго статистическаго комитета. Съ 1874 по 1891 годъ Н. А-вичъ состоялъ одновременно редакторомъ неоффиціальной части «Вятскихъ губернскихъ Вѣдомостей» (самый лучшій періодъ этого полезнаго изданія), а также исполнялъ различныя порученія Комитета: въ неурожайный 1877—78 годъ произвелъ экономическое обслѣдованіе пострадавшихъ волостей, въ 1882 г. былъ командированъ въ Москву на Всероссійскую выставку для устройства Вятскаго кустарнаго отдѣла, въ 1890 г. съ такимъ же порученіемъ на выставку въ Казани, и т. д. Въ 1876. г. награжденъ золотою медалью за доставленіе трудовъ на Московскую Антропологическую выставку; въ 1885 г. серебряною медалью Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ университетѣ за доставленіе свѣдѣній по первоначальному воспитанію дѣтей; въ 1890 г. избранъ членомъ названнаго Общества. 28 ноября 1904 года, при открытіи въ Вяткѣ Губернской Архивной Коммиссіи избранъ предсѣдателемъ этой послѣдней.

Пожелавъ «Памятной Книжкѣ Вятской губ.» дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ ею пути всесторонняго изученія края, мы въ то же время

не можемъ не высказать желанія, чтобы и подобныя изданія другихъ губерній Россіи послѣдовали этому прекрасному примѣру.

Д. З-нинъ.

Изъ области цензуры русской народной пѣсни интересные факты сообщаетъ г. Мартемьяновъ въ спеціальной брошюрѣ объ этомъ вопросѣ.

Въ царствованіе Николая I изслѣдованіе въ области народной пѣсни нѣсколько расширилось. Но это не значить, что и цензура тогда сдѣлалась менѣе подозрительной. Ничего подобнаго не случилось. Печатаніе пѣсенъ разбойничьихъ и близкихъ къ нимъ казачьихъ въ это царствованіе почти совсѣмъ не допускалось; если же онѣ иногда и проскальзывали въ печать, то развѣ ужъ въ искаженномъ видѣ, болѣе или менѣе «облагонамѣренныя». Да и съ другими, преимущественно бытовыми, пѣснями было дѣло не лучше.

Пушкинъ, горячо интересовавшійся народною поэзіей, еще въ 1827 г. напрасно хлопоталъ о разрѣшеніи напечатать пѣсни о Разинѣ. Отказали наотрѣзъ. Мотивъ: разинскія пѣсни къ напечатанію «неприличны» — терминъ, съ которымъ въ примѣненіи къ пѣснямъ мы встрѣтимся еще не разъ.

Осторожный Сахаровъ, усердный собиратель народныхъ пѣсенъ, долженъ былъ, подобно своимъ предшественникамъ екатерининскихъ временъ, «исправлять и калѣчить» ихъ; иначе онѣ не могли появляться въ печати.

Въ 1844 г. П. В. Кирѣевскій задумалъ издать свое богатое собраніе пѣсенъ. Надо было обратиться къ цензурѣ, и для насъ очень любопытны совѣты, данные ему по этому поводу его братомъ — Иваномъ Васильевичемъ. Чтобъ обезпечить выпускъ пѣсенъ, Иванъ Васильевичъ рекомендовалъ хлопотать передъ самимъ министромъ Уваровымъ. Но и тутъ требовались сильные доводы, даже съ ссылкой на Европу. «Главное, на чемъ основывайся (при объясненіяхъ съ министромъ), — пишетъ Иванъ Васильевичъ брату, — это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ наши народныя пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ по всей Германіи».

Но авторъ письма напрасно возлагалъ столь сильныя упованія на Европу и на германскій смѣхъ; цензура не сдалась, и многія изъ собранныхъ Кирѣевскимъ пѣсенъ, кажется, и доселѣ покоятся въ рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ.

Съ XI по вторую половину XIX в. наша народная пѣсня пережила, несомнѣнно, немало тяжелыхъ дней. За этотъ длинный періодъ въ ея исторіи, безспорно, преобладаютъ невеселыя страницы, свидѣтельствующія о горькой долѣ пѣсни. Даже XVIII в., несмотря на относительную тогдашнюю пѣсенную свободу, особенно во второй половинѣ столѣтія, удостоенной лестной клички «вѣка пѣсенъ и пѣсенниковъ», нашей пѣснѣ «жилось», въ сущности, очень нелегко. И хуже всего было положеніе исторической.

Это подтверждается не только «пѣсенными дѣлами», но и любопытнымъ письмомъ Прокофія Демидова къ Г. Ф. Миллеру, отъ 22 сентября 1768 г., по поводу пѣсни «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское». Въ демидовскомъ письмѣ, появившемся въ печати цѣликомъ лишь недавно, говорится, что посылаемую Миллеру пѣсню о селѣ Преображенскомъ нашъ любитель народной словесности «досталъ отъ сибирскихъ людей, понеже туда всѣхъ разумныхъ дураковъ посылаютъ, которые прошедшую исторію поютъ на голосу». У себя дома, на Руси, за исключеніемъ какой-нибудь далекой глуши, пѣть исторію тогда, слѣдовательно, не полагалось. Такъ, конечно, было и на дѣлѣ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что когда уже въ наше время стали усердно разыскивать «народную исторію» — былины, то пришлось отправлять за ними экспедиціи въ глухіе олонецкіе и архангельскіе края — въ эту «русскую Исландію», гдѣ раньше некому было истреблять памятники народной словесности. Но XVIII в. все же еще можетъ считаться сноснымъ для пѣсенъ. По замѣчанію г. Пыпина, въ этомъ вѣкѣ пѣсни были менѣе испорчены, чѣмъ теперь, пѣсня «еще имѣла свѣжую творческую силу»; и потому въ тогдашнихъ пѣсенныхъ записяхъ больше цѣльности. Позже пѣсенный текстъ сдѣлался гораздо темнѣе и хуже. Оттого же, «напримѣръ, продолжаетъ г. Пыпинъ, записанныя теперь пѣсни о Петрѣ Великомъ, видимо, отрывочны и фантастически спутаны».

Въ конечномъ результатѣ — гибель нѣкоторыхъ перловъ народнаго творчества, опустошеніе «народной души». *Спб. Вѣд.*

Новое музыкально-этнографическое изданіе только что выпустила музыкально-этнографическая коммиссія, состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, а именно: систематически составленный «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ для младшаго возраста», заключающій въ себѣ 55 номеровъ чисто-народныхъ пѣсенъ, подобранныхъ въ строгой послѣдовательности по степени ихъ трудности, начиная съ простѣйшихъ одноголосныхъ и кончая трехголосными, причемъ тексты, во избѣжаніе затрудненій, всѣ сплошь подведены подъ ноты, какъ они поются народомъ, что значительно облегчаетъ пользованіе сборникомъ.

Готовится къ печати второй выпускъ — для старшаго возраста.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія «Школьный Сборникъ» допущенъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Цѣна 1-го выпуска 45 коп., съ пересылкой подъ бандеролью 51 к. съ наложнымъ платежомъ — 68 коп. Адресъ: въ Москву, въ Румянцовскій Музей, *Н. А. Янчуку*.

«Южная рѣчь» — подъ такимъ заглавіемъ кіевское общество имени Т. Г. Шевченка приступило къ изданію сборника сочиненій извѣстной изслѣдовательницы русской народной жизни А. Я. Ефименко.

„Русск. Вѣд.“

Новый нѣмецкій этнографическій журналъ. „Globus" привѣтствуетъ появленіе новаго этнографическаго журнала въ Германіи. Въ Эльберфельдѣ выходитъ съ 1904 г. Zeitschrift d. Vereins f. rheinische u. westfälische Volkskunde. Одинъ изъ издателей ея фольклористъ P. Sartori. Цѣна изд. 5 марокъ. Въ двухъ первыхъ №№ помѣщены м. пр. слѣдующія статьи: *Iostes*, Roland in Schimpf u. Ernst.—*Sartori*, Todansagen. *Schell*, Zum Baumkultus im Bergischen.—*Wehrhan*, Ein Detmolder Thierprozess v. 1644.—*Dirksen*, Volksmedizin am Niederrhein.—*Rademacher*, Fastnachtsbräuche. и др.

Художественно этнографическій музей въ Гуцульщинѣ, именно въ ея столицѣ, мѣстечкѣ Коссовѣ, на границѣ Восточной Галиціи и Буковины, основывается, благодаря стараніямъ врача Бобровскаго, для собиранія произведеній мѣстнаго народнаго искусства. Какъ извѣстно, гуцулы выдѣляются среди русиновъ живописностью своихъ костюмовъ и недюжинной художественностью своихъ издѣлій изъ дерева, кожи, глины и металла. *„Русск. Вѣд."*.

Рѣдкая коллекція кружевъ получена промышленнымъ музеемъ въ Санктъ-Галленъ, центральномъ мѣстѣ швейцарской кружевной промышленности. Это—даръ отъ нѣкоего Иклэ. Собраніе это содержитъ до 7,000 образцовъ кружевъ и вышивокъ всѣхъ временъ и странъ.

„Русск. Вѣд.".

Изъ области матеріальной культуры въ Хорватіи: Въ Загребѣ издается интересное изслѣдованіе *I. Holjac и M. Pilar*, Kroatische Bauformen. Матеріалъ, печатаемый лишь теперь на средства Ingenieur u. Architektenverein'а въ Загребѣ, является тѣмъ болѣе интереснымъ, что онъ собранъ еще въ 1885 г., тогда какъ съ тѣхъ поръ, благодаря возрастанію въ цѣнѣ строительнаго матеріала, дуба, въ типѣ крестьянскихъ построекъ Хорватіи происходятъ нѣкоторыя перемѣны: исчезаютъ оригинальные и красиво украшенные дома и сараи. Все изданіе будетъ состоять изъ 5 вып., изъ которыхъ вышелъ пока одинъ, и закончится въ 1905 г. Къ послѣднему выпуску предполагается приложить очеркъ о крестьянскомъ жилищѣ въ Хорватіи.

„Globus".

Исторія польскаго искусства обогатилась вышедшимъ сороковымъ и послѣднимъ выпускомъ предпринятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупнаго изданія памятниковъ города Кракова (Pomniki Krakowa). Матеріалъ для этого изданія доставили два художника: Максимиліанъ и Станиславъ Церха, отецъ и сынъ, которые въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ зарисовывали всѣ памятники краковскаго зодчества и скульптуры, частью теперь уже разрушенные. Обширный текстъ пера

Феликса Коперы, директора національнаго музея въ Краковѣ, служитъ не только объясненіемъ рисунковъ, но составляетъ, кромѣ того, самостоятельный опытъ исторіи искусства въ Польшѣ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„*Русск. Вѣд.*“.

На мѣстѣ древняго кельтскаго царства въ Болгаріи, недалеко отъ Казанлыка, въ бассейнѣ р. Тунджи, на Туловской равнинѣ (отъ села Тулова, на ней находящагося), произведены были по иниціативѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія Шишманова раскопки одного кургана. По снятіи верхняго слоя въ немъ были найдены: урна, наполненная пепломъ, стеклянный сосудъ и большой въ $1^1/_2$ м. вышиной позолоченный металлическій свѣтильникъ съ изображеніемъ головы кошки. Раскопки еще не закончены. Вышина кургана 12 м., окружность—около 60 м. Полагаютъ, что курганъ этотъ относится къ эпохѣ кельтовъ. Извѣстно, что въ III в. до Р. Х. эта часть Болгаріи входила въ составъ бывшаго кельтскаго царства, главнымъ городомъ котораго былъ Тиле.

„*Русск. Вѣд.*“.

Важныя доисторическія находки въ Швейцаріи сдѣланы недавно около станціи Тайнгенъ, линіи Шафгаузенъ-Констацъ въ Швейцаріи, въ одной пещерѣ.

Самая пещера,—мѣстные жители называютъ ее Kesslerloch,—была извѣстна уже давно, и еще въ 1873 году въ ней сдѣланы были находки палеолитической эпохи. Но недавно д-ръ Мильхъ произвелъ въ пещерѣ болѣе основательныя раскопки и нашелъ *множество остатковъ палеолитическаго періода*, какъ-то: костей животныхъ, употреблявшихся человѣкомъ въ пищу, и разныя орудія изъ кремня и кости. Найденные виды животныхъ отчасти степные, какъ сусликъ, хомякъ, отчасти лѣсные—благородный олень, косуля, медвѣдь; кромѣ того, найдены остатки вымершихъ животныхъ: мамонта, пещернаго льва, носорога. Оружіемъ служили остроги, стрѣлы и копья съ наконечниками изъ кремня, изъ котораго изготовлялись также ножи, скребки, проколки и проч. Изъ костей дѣлались иглы, очевидно, для сшиванія шкуръ. На нѣкоторыхъ костяныхъ оружіяхъ встрѣчаются нарѣзки для украшенія, найдена также одна человѣческая статуэтка, грубо вырѣзанная изъ оленьяго рога, и нѣсколько изображеній рыбы, оленя и дикой лошади или осла. Изъ остатковъ самого человѣка найденъ только одинъ скелетъ, роста всего 124 сант., но съ вполнѣ развитыми костями. Находка этого скелета подтверждаетъ выводъ Колльмана о существованіи въ каменный вѣкъ въ Европѣ карликовой расы.

„*Русск. Вѣд.*“.

О „1001 ночи“ появились новыя работы. Въ «Трудахъ по востоковѣдѣнію» (вып. VIII-в) напечатано «Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи *І. Эструпа*, переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ

переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. (М. 1905 г. 8°. LXXXVII, 117 стр.). На-дняхъ вышелъ послѣдній XVI томъ французскаго перевода «Тысячи и одной ночи», сдѣланный съ арабскаго подлинника Мардрюсомъ (J. Mardrus). Это огромное предпріятіе начато было пять лѣтъ тому назадъ, въ 1899 году, и теперь, когда оно закончено, является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ какъ съ научной, такъ и съ литературной точки зрѣнія. Мардрюсъ сдѣлалъ съ одного изъ лучшихъ текстовъ, булакскаго, полный, дословный переводъ съ сохраненіемъ всѣхъ стиховъ и неудобныхъ съ точки зрѣнія современныхъ приличій мѣстъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ французскимъ языкомъ.

«Анналы ислама» изданы герцогомъ Leone Caetani (въ Миланѣ). «Анналы» охватываютъ весь періодъ мусульманства отъ Магомета до завоеванія Египта турками. *„Русск. Вѣд.“*

«Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII-ое столѣтіе»—подъ такимъ заглавіемъ *Я. I. Гурляндъ* помѣстилъ статью въ «Извѣстіяхъ о-ва Ист., Арх. и Эти. при Каз. унив.» (т. XX, вып. 4—5, стр. 49—158. 1904 г.). Здѣсь разсмотрѣны «Зачатки степного законодательства», «Чингисъ-Ханъ и его Яса», «Второстепенные законодательные документы эпохи Чингисъ-Хана и его потомковъ», «Монголо-Ойратскій союзъ и уложеніе 1640 года», «Второстепенные законодательные акты 17 столѣтія у монголо-ойратовъ» (Абаканская писаница, Шалобалинская писаница), «О религіозныхъ вліяніяхъ на степное законодательство», а также степные законы бурятъ (братскихъ), тунгусовъ и киргизовъ.

Киргизскія сказки, записанныя *М. Н. Бекимовымъ* и помѣщенныя въ томъ же выпускѣ казанскихъ «Извѣстій о-ва Ист., Арх. и Эти., числомъ 6, по отзыву Н. Ѳ. Катанова, представляютъ интересные варіанты. Сказки эти: I. Объ одномъ богатырѣ, побѣждавшемъ злыхъ духовъ; II. О богачѣ Алдыръ-Кöсе и хитромъ его работникѣ; III. О Карашашъ-сулу и Каражакъ-батырѣ; IV. Объ Алдыръ-Кöсе и его продѣлкахъ; V. О золотоволосомъ Тотамбаѣ и сестрѣ его — колдуньѣ; VI. Объ одномъ мурзѣ, купившемъ сонъ и сдѣлавшемся царемъ.

Моленіе на мордовскомъ пчельникѣ и другіе обряды и причитанія, связанныя съ этимъ моленіемъ (20-го іюля), описаны въ статьѣ Владиміра Савкина «На мордовскомъ пчельникѣ» («Изв. о-ва Ист., Арх. и Эти. при Каз. унив.», т. XX, вып. 4—5, стр. 192—198). Старикъ-пчелякъ передъ липой приноситъ въ жертву бѣлаго гуся и произноситъ: «Царица! вотъ тебѣ приносимъ живую душу, пусть размножится наша пасѣка»... и т. д. Далѣе идутъ другія жертвы, и другія моленія, между прочимъ: «Дай намъ, Господи, воскъ ради нашихъ умершихъ

родителей», обращаются къ «царицѣ лѣса», къ покойнымъ «дѣдамъ, прадѣдамъ, свекрамъ и свекровамъ», къ «Царю Ильѣ, Зосимѣ и Савватію», пьютъ изъ столѣтней чашки «пуре» (медовый напитокъ). Ковшъ «пуре» вливается старикомъ въ родникъ, при чемъ произносится заклинаніе: «Старикъ семидесяти овраговъ, семидесяти горъ и ручьевъ, весь лѣсъ и что въ лѣсу! идите ко мнѣ на пиръ въ мой пчельникъ!». Далѣе старикъ, а потомъ одна изъ старухъ голосомъ подражаютъ какому-то завыванію духовъ.

Народныя «бирки», распространенныя въ Чистопольскомъ уѣздѣ, описаны съ иллюстраціями въ «Извѣстіяхъ о-ва Истор., Арх. и Этн. при Каз. Унив.». Т. XX, вып. 6, въ статейкѣ В. Лобанова, а именно, даны рисунки и описаніе слѣдующихъ видовъ «бирокъ»: 1) «подводныхъ колодокъ» (очередь давать подводу); 2) штемпелей (на разныя суммы денегъ, количество предметовъ и т. д.); 3) «податныхъ бирокъ»; 4) «жеребьевъ» и «колодокъ» (роль квитанціи и расписки); 5) деревенскихъ вывѣсокъ: соломенное кольцо, пара обручей и т. п.

Экспедиція для изученія енисейскихъ остяковъ организуется Комитетомъ для изслѣдованія Азіи. Племени этого осталось всего нѣсколько сотъ человѣкъ, и они по своему языку рѣзко отличаются отъ прочихъ остяковъ и отъ другихъ сибирскихъ инородцевъ. *„Русск. Вѣд.“*.

Областной музей и библіотека въ Асхабадѣ, основанные заботами ген.-ад. А. Н. Куропаткина, освящены 14-го ноября въ спеціально выстроенномъ зданіи. Въ библіотекѣ собрано уже до 10,000 экземпляровъ книгъ и брошюръ. Музей составился первоначально изъ экспонатовъ, поступившихъ отъ средне-азіатскаго отдѣла всероссійской выставки 1896 г. Библіотека была сформирована въ 1895 г., а музей въ 1898 г. но до постройки собственнаго зданія были тѣсны и неудобны. Зданіе сооружено двухъэтажное, состоящее изъ 10 просторныхъ свѣтлыхъ залъ: два книгохранилища, читальня, экспедиціонная, зоологическій отдѣлъ, ботанически-минералогическій, этнографическій, лабораторія и обширный вестибюль. *„Правит. Вѣст.“*.

О горныхъ таджикахъ, ихъ бытѣ, вѣрованіяхъ, нѣкоторыхъ древностяхъ и т. п. интересныя свѣдѣнія находятся въ вышедшемъ описаніи (на англ. языкѣ), путешествія по Помиру датчанина Олуфузена (Olufusen, Through the Unknonn Pamirs. The second Danish Pamir Expedition, 1898—1899. L. 1904). Авторъ посѣтилъ Ваханъ, Ишкашимъ, Гаракъ на верхнемъ Пянджѣ, зимовалъ у Хорока при впаденіи Гунда въ Пянджъ. *„Русск. Вѣд.“*.

Населеніе Индіи. Изъ опубликованныхъ недавно въ Синей книгѣ результатовъ переписи населенія въ Индіи въ 1901 г. видно, что тамъ насчитывалось на 1,766,597 англ. кв. миляхъ (4,576,600 кв. кил.) 294,361,056 жителей. $61,_5\%$ поверхности съ $78,_{87}\%$ населенія состояли непосредственно подъ англійскимъ владычествомъ; остальное принадлежало туземнымъ государствамъ. Самая большая англійская провинція—Бирма, самая населенная—Бенгалія съ $78^1/_2$ милл. жителей. Самое населенное туземное государство—Гайдерабадъ съ 11 милл. жителей. Изъ религій самая распространенная браманизмъ, насчитывающій болѣе 207 милл. послѣдователей; $62^1/_2$ милл. магометанъ и $9^1/_2$ милл. (почти исключительно въ Бирмѣ) буддистовъ. Перепись насчитываетъ еще 94 тыс. парси (въ Бомбеѣ), почти 3 милл. христіанъ (въ томъ числѣ 2,664 тыс. туземцевъ) и $8^1/_2$ милл. «анимистовъ». Изъ 1,000 туземцевъ только 53 могутъ читать и писать. Языковъ и нарѣчій насчитывается 147; изъ нихъ 25 относятся къ арійскимъ, на которыхъ говорятъ 221 милл. населенія, 14—къ дравидійской вѣтви ($56^1/_2$ милл. населенія) и 79—къ тибетско-бирманской ($9^1/_2$ милл.). Языки послѣдней категоріи распространены въ Гималаяхъ, Ассамѣ, Бирмѣ, дравидійскіе—въ центрѣ и на югѣ Индостана, арійскіе—въ остальныхъ частяхъ Индіи.

„Русск. Вѣд.“.

По классической археологіи и искусству въ послѣднее время фирмой Reimer въ Берлинѣ изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ, какъ-то: «Magnisia am Maeander», описаніе раскопокъ C. Humann, архитектурныхъ памятниковъ J. Cothe и скульптуръ C. Watzinger; «Die Sculpturen des Vatikanischen Museums», beschr. v. W. Amelung, T. I. H. Schliemann's «Sammlung Trojanischer Alterthümer», beschr. v. H. Schmidt (подробный каталогъ троянскихъ древностей коллекціи Шлимана съ 9-ю табл. и 1,176 рис. въ текстѣ): «Thera», раскопки 1895—1902 гг. T. III. Исторія города Теры, изд. Г. Ф. Гертрингеромъ и Вильскимъ; «Gordion», раскопки 1900 г., опис. G. и A. Körte; K. Runczewski, «Gevölbeschmuck im Römischen Alterthum», со мног. табл. и рис.; «Die attischen Grabreliefs», her. v. A. Conze; «Die Sculpturen des Pergamon-Museums zu Berlin (33 листа платинотипій) и др. *„Русск. Вѣд.“.*

Введеніе археологіи въ школѣ встрѣчаетъ все больше и больше сторонниковъ. Весной 1905 г. соберется въ Аѳинахъ первый международный археологическій конгрессъ. На конгрессѣ между прочимъ будетъ поднятъ вопросъ о введеніи въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній въ числѣ второстепенныхъ предметовъ преподаванія археологіи и исторіи искусства. Намѣченъ рядъ археологическихъ экскурсій по Греціи и на острова Эгейскаго моря. *„Русск. Вѣд.“.*

Программа археологическаго международнаго конгресса въ Аѳинахъ выработана организаціоннымъ комитетомъ. Конгрессъ откроется 25 марта 1905 г. и будетъ распадаться на семь секцій: 1) классическая археологія; 2) доисторическая и восточная археологія; 3) раскопки, музеи и поддержаніе античныхъ памятниковъ; 4) эпиграфика и исторія; 5) географія и топографія въ ихъ отношеніяхъ къ археологіи; 6) византійская и древне-христіанская археологія; 7) археологія какъ предметъ преподаванія. Подробно разработанная программа включаетъ въ себя расписаніе продолжительной (до 20-го апрѣля) экскурсіи по всѣмъ болѣе или менѣе выдающимся мѣстамъ раскопокъ въ Греціи, на островахъ и на іонійскомъ побережьѣ Малой Азіи. Желающіе принять участіе въ конгрессѣ должны заявить объ этомъ не позднѣе 1-го февраля (18-го января) 1905 года, причемъ къ заявленію долженъ быть приложенъ взносъ въ 20 фр. Ежедневные расходы по поѣздкамъ исчисляются приблизительно въ 10 руб. *„Русск. Вѣд.“.*

Въ микенскихъ раскопкахъ на о. Критѣ у Кноса обнаружены богатыя находки, въ томъ числѣ масса глиняныхъ сосудовъ съ микенскими письменами, двѣ фигурки египетскаго стиля, выточенный камень съ протокритскими надписями, обломки сосуда съ изображеніемъ кабана, метрическая надпись, содержащая гимнъ Зевсу Диктэйскому и др. *„Русск. Вѣд.“.*

Изображеніе Орфея на очень цѣнной древней мозаикѣ (мозаичный полъ) недавно найдено подъ Іерусалимомъ. Орфей съ лирой представляетъ главную фигуру этой мозаики. Онъ окруженъ звѣрями, которыхъ укрощаетъ своей игрой. Въ четырехъ углахъ картины находятся одинаковыя окруженныя цвѣтами группы; наверху и внизу—двѣ женскихъ головки съ греческими надписями: Ѳеодосія и Георгія. Между Орфеемъ и обоими портретами сдѣланы еще декоративные рисунки. Находка отправлена въ Константинопольскій музей. *„Русск. Вѣд.“.*

Раскопки знаменитаго святилища Аммона въ египетскихъ Ѳивахъ французскимъ археологомъ Легрэномъ сопровождались замѣчательной находкой.

Легрэнъ наткнулся на крипту, полную статуй. Большинство—бронзовыя. Около тысячи статуй изображаютъ Озириса въ его различныхъ воплощеніяхъ. Обрадованный неожиданной удачей, Легрэнъ продолжалъ поиски въ томъ же направленіи и нашелъ еще около 450-ти статуй, на этотъ разъ каменныхъ, но хорошо сохранившихся. Легрэнъ надѣется, что его находки этимъ не ограничатся. Изъ найденныхъ статуй многія изображаютъ царей различныхъ династій. Такъ, среди нихъ есть изображеніе царя второй династіи Ка-Сехмени, четвертой—Хеопса, пятой—Саха-Ра, много статуй царей восемнадцатой династіи. По мнѣнію Легрэна, его послѣднія находки заполняютъ много пробѣловъ въ исторіи

Египта. Какъ извѣстно, еще Геродотъ видѣлъ храмъ Аммона въ Өивахъ, въ которомъ ему показывали рядъ изъ 341 статуй, изображающихъ верховныхъ жрецовъ Аммона, изъ чего онъ между прочимъ заключилъ, что святилищу не менѣе 11,340 лѣтъ. Такъ какъ среди найденныхъ есть много статуй жрецовъ, то Легрэнъ предполагаетъ, что раскопанный имъ подземный храмъ и есть видѣнный Геродотомъ. Масперо внесъ ту поправку въ гипотезу Легрэна, что во время Птоломеевъ статуи святилища Аммона, утратившаго популярность среди эллинизированнаго населенія столицы, были перенесены въ подземную крипту, гдѣ остались предметомъ почитанія немногихъ друзей старины. *„Русск. Вѣд.“*.

«Змѣиная богиня» и культъ «креста» у пеласгическихъ грековъ. Вышедшій недавно *Ежегодникъ Британской Школы въ Аѳинахъ* (The Annual of the British School at Athens) (№ IX, 1903—1904) содержитъ въ себѣ отчеты о раскопкахъ на островѣ Критѣ, продолжающихъ извѣстныя изслѣдованія Evans'a остатковъ «микенской» или «миноанской» культуры, предшествовавшей эллинской и относящейся къ эпохамъ за 4,000—2,000 лѣтъ до нашей эры. Новый свѣтъ на религію этой пеласгической Греціи проливаетъ открытіе изображеній (изъ голубаго фаянса, сходнаго съ древнѣйшимъ египетскимъ) «змѣиной богини» и мраморнаго *креста*, составлявшаго, повидимому, главный предметъ культа. Дополненіемъ къ этимъ отчетамъ можетъ служить описаніе раскопокъ въ Филакопи на о. Мелосѣ (Excavations at Phylakopi in Melos. Hellenic Society, Suppl. Paper, № 4), гдѣ также были найдены предметы той же культуры, выказывающей черты сходства съ египетской временъ отъ XII до XVIII династіи. *„Русск. Вѣд.“*.

Законы вавилонскаго царя Хаммураби, бывшаго современникомъ Авраама, издалъ въ переводѣ и въ подлинникѣ Гуго Винклеръ, снабдившій текстъ цѣнными примѣчаніями. Для исторіи культуры законы Хаммураби особенно интересны потому, что съ этими законами въ нѣкоторыхъ частяхъ представляютъ большое сходство законы Моисея.

„Русск. Вѣд.“.

Къ изученію еврейской народности. Д-ръ А. С. Вайсенбергъ, состоящій членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, много лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ евреевъ въ антропологическомъ отношеніи и извѣстный своими антропологическими трудами не только въ Россіи, но и за границей, въ настоящее время приступилъ къ изученію бытовой жизни еврейской націи, ея духовнаго склада, народнаго творчества и вопроса объ отношеніи ея къ другимъ народностямъ, что должно составить интересное дополненіе къ его антропологическимъ трудамъ и дать объясненіе и нѣкоторымъ вопросамъ антропологіи евреевъ.

Съ цѣлью болѣе всесторонняго изученія этого вопроса и въ видахъ полученія возможно большаго количества данныхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, д-ръ Вайсенбергъ обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ, кто можетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, не отказать въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи.

Для руководства наблюденій по тѣмъ вопросамъ, которые ему кажутся болѣе важными, онъ предлагаетъ нижеслѣдующую программу, отвѣты на которую могутъ быть присылаемы или въ редакцію «Этнографическаго Обозрѣнія» или непосредственно д-ру А. С. Вайсенбергу (Адр. Елисаветградъ).

Вопросные пункты:

1. Какія вы знаете пѣсни, имѣющія какія-либо отношенія къ евреямъ и еврейству?

2. Какіе вы знаете легенды, сказки и разсказы, въ которыхъ фигурируютъ евреи или еврейство?

3. Какіе вы знаете повѣрія, обряды и обычаи, въ которыхъ фигурируютъ евреи или еврейство?

4. Какіе вы знаете заговоры, заклинанія и причитанія, въ которыхъ участвуютъ евреи или еврейство?

5. Какія вы знаете пословицы, поговорки и прибаутки, имѣющія отношеніе къ евреямъ или еврейству?

6. Какія вы знаете топографическія названія, имѣющія отношеніе къ евреямъ, и каково происхожденіе этихъ названій? (Напримѣръ: Жидъ-озеро, Жидовка-балка и т. п.).

7. Каковъ взглядъ народа на еврейскіе праздники? Повѣрья и разсказы, относящіеся къ нимъ.

8. Каковъ, вообще, взглядъ народа на еврейскую религію, ея отношеніе къ христіанству и наоборотъ? Повѣрья и разсказы, относящіеся сюда. Разсказы о выкрестахъ, взглядъ на нихъ.

9. Каковъ, вообще, взлядъ народа на характеръ еврея и его дѣятельность? Разсказы, относящіеся сюда.

10. Каковъ взглядъ народа на происшедшія въ послѣднія десятилѣтія перемѣны въ положеніи евреевъ? Нашли-ли еврейскіе погромы, выселеніе евреевъ изъ деревень и введеніе винной монополіи (въ отношеніи ея къ евреямъ) какое-либо выраженіе въ народномъ творчествѣ? Пѣсни, разсказы и пр. относящіяся сюда произведенія.

При этомъ необходимо принять во вниманіе нижеслѣдующія условія:

а) Сообщать данныя въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ пришлось услышать изъ устъ разсказывающаго, ничего не прибавляя отъ себя и не стѣсняясь выраженіями, а также направленіемъ, проглядывающимъ въ разсказахъ, будь оно благопріятно или неблагопріятно для евреевъ. Требуется только объективное отношеніе къ предмету.

б) Необходимо указать народность разсказывающаго (малороссъ, молдаванинъ и т. п.) и мѣсто его жительства.

в) Не стѣсняться сообщеніемъ хотя бы и малѣйшаго факта, придерживаясь пословицы: съ міру пониткѣ—голому рубашка.

г) Если извѣстны какія-либо литературныя данныя по затронутымъ здѣсь вопросамъ, то прошу не отказать сообщить источники (полное названіе книги съ обозначеніемъ страницы, гдѣ напечатана пѣсня, разсказъ и т. п., имѣющіе отношеніе къ евреямъ).

д) Для облегченія обработки матеріала желательно имѣть каждую цѣльную вещь записанной четко и разборчиво на особомъ листѣ бумаги. Запись можетъ быть сдѣлана по желанію съ сохраненіемъ мѣстнаго говора или на литературномъ языкѣ.

Еврейское населеніе Россіи, его занятія сельскохозяйственнымъ, ремесленнымъ, чернорабочимъ, фабрично заводскимъ трудомъ, еврейская нужда, благотворительность и образованіе получаютъ интересное освѣщеніе въ недавно вышедшемъ «Сборникѣ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи». (Томы I и II. Изд. еврейск. колонизац. о-ва, Спб. 1904). Огромная часть еврейской массы ищетъ, но не находитъ средствъ существованія въ физическомъ трудѣ. Свыше 500,000 человѣкъ живутъ ремесломъ, или $13,_{2}{}^{0}/_{0}$ еврейскаго населенія, тогда какъ въ богатой и промышленной Германіи процентъ ремесленниковъ не превышаетъ 6—7. Другими словами, въ силу ограниченія права жительства, численность евреевъ-ремесленниковъ превышаетъ надобность въ нихъ населенія, а при такихъ условіяхъ удѣлъ ремесленниковъ—жалкій заработокъ и упорная безработица. Свыше 100,000 евреевъ живутъ трудомъ чернорабочихъ, изъ нихъ до 13,000 выходятъ на полевыя работы. Около 9,000 семействъ (съ 51 тыс. душъ) занимаются земледѣльческимъ хозяйствомъ въ еврейскихъ колоніяхъ, 21,500 человѣкъ—сельскохозяйственными промыслами внѣ колоній и т. д., такъ что общая численность еврейскаго населенія, живущаго сельскохозяйственными промыслами, достигаетъ до 150,000 человѣкъ несмотря на то, что законодательство сдѣлало для евреевъ занятіе земледѣліемъ почти невозможнымъ. До 32,000 насчитано корреспондентами евреевъ-рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; небольшое число ихъ объясняется нежеланіемъ предпринимателей брать къ себѣ евреевъ-рабочихъ въ виду празднованія ими субботы, чѣмъ нарушался бы общій ходъ работъ, и отсутствія въ средѣ евреевъ техническихъ знаній. Мелкихъ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ евреямъ, насчитано до 2,500 — 3,000. Но масса живетъ не капиталомъ, а трудомъ, и этотъ трудъ не даетъ возможности прокормиться. Отсюда — громадный ростъ еврейской нищеты, пауперизма. Число семействъ, пользовавшихся въ 1898 г. общественною организованною благотворительностью, составило... $19^{0}/_{0}$ всего числа, въ большихъ же городахъ—отъ 25-ти до $37,_{7}{}^{0}/_{0}$!

„Русск. Вѣд.“.

Къ изученію быта франкфуртскихъ евреевъ. Знаменитое еврейское гетто во Франкфуртѣ-на-Майнѣ дождалась своего историка въ лицѣ проф. И. Кракауэра, только-что издавшаго монографію о немъ «Geschichte der

Judengasse in Frankfurt a/M». Авторъ даетъ подробную его исторію съ момента возникновенія въ 1462 г. вплоть до 1887 г., когда послѣднія постройки гетто были снесены, рисуетъ его бытъ и удѣляетъ особое вниманіе своеобразной архитектурѣ и внутреннему устройству его домовъ.

„Русск. Втд.“.

Вторая серія Талмуда въ русскомъ переводѣ оріенталиста *Н. А. Переферковича* явится продолженіемъ первой, заключающей въ себѣ переводъ ***Мишны и Тосефты*** въ *шести* томахъ. ***Вторая серія Талмуда*** будетъ заключать источники (Мехильта, Сифра, Сифре) и первые трактаты Бавли (Вавилонскаго Талмуда).

Переводъ этотъ является первымъ полнымъ и всесторонне объясненнымъ переводомъ *Талмуда* не только па русскомъ языкѣ, но и вообще на европейскомъ.

Попытокъ перевода *Талмуда* имѣется множество, начиная съ 1519 г., когда лейбъ-медикъ германскаго императора Максимиліана Павелъ Риціусъ (крещ. евр., проф. философіи въ Павіи), по порученію этого императора, взялся перевести весь Талмудъ на латинскій языкъ. Дѣло въ томъ, что Максимиліанъ, по настоянію доминиканскихъ монаховъ, повелѣлъ въ 1509 г. сжечь Талмудъ, какъ крайне еретическую книгу, вслѣдствіе чего возгорѣлся извѣстный въ исторіи споръ между доминиканцами и знаменитымъ гуманистомъ Рейхлиномъ, возставшимъ на защиту Талмуда. Императоръ заинтересовался содержаніемъ столь слѣпо осужденной имъ книги и поручилъ своему приближенному еврею перевести ее. Но Риціусъ вскорѣ умеръ, успѣлъ перевести полностью лишь одинъ трактатъ. Послѣ него было много попытокъ перевода въ теченіе XVI и XVII вѣковъ. Еврейскій языкъ сталъ преподаваться во всѣхъ университетахъ, и Талмудъ изучался какъ важный предметъ богословской науки. Переводы отдѣльныхъ трактатовъ Талмуда часто подавались молодыми богословами въ качествѣ докторскихъ диссертацій. Въ началѣ XVIII в. амстердамскій профессоръ Суренгузій собралъ имѣвшіеся переводы отдѣльныхъ трактатовъ и издалъ всю Мишну на латинскомъ языкѣ. Первый *нѣмецкій* переводъ Мишны изданъ въ 1763 г.

Хуже обстоитъ дѣло съ другой основной частью Талмуда, Тосефтой, которая, будучи еще труднѣе Мишны, самими евреями изучается неохотно, несмотря на ея чрезвычайную историческую, лингвистическую и литературную важность. Единственная попытка перевести Тосефту сдѣлана была до насъ въ XVIII в. (1755—1757) принявшимъ католичество еврейскимъ ученымъ Блазіо Уголино, успѣвшимъ перевести почти половину Тосефты на латинскій языкъ. Но этотъ переводъ, подобно другимъ латинскимъ переводамъ того времени, является подстрочникомъ, буквально передающимъ еврейскій текстъ слово за словомъ. Едва ли этотъ варварскій латинскій языкъ когда-нибудь кѣмъ-нибудь былъ понятъ. Въ 1902 г. нѣмецкій ученый Heinrich Laible издалъ переводъ одного перваго трактата Тосефты, и нѣмецкая критика привѣтствовала это предпріятіе, какъ великій подвигъ, дѣлающій наконецъ

доступнымъ для ученаго міра одно изъ важнѣйшихъ произведеній еврейской мысли.

Не останавливаясь на другихъ попыткахъ перевода (существуетъ на нѣмецкомъ языкѣ цѣлая книга о переводахъ Талмуда, «Kritische Geschichte der Talmud Uebersetzungen», гдѣ перечислено около 90 работъ на 14 языкахъ), слѣдуетъ отмѣтить лишь работу Пиннера, задумавшаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія издать на нѣмецкомъ языкѣ весь Талмудъ въ 28 томахъ. Первый (и единственный) трактатъ этого перевода вышелъ въ 1842 г. съ субсидіей русскаго правительства (переводъ посвященъ императору Николаю I, который, по имѣющимся въ литературѣ свѣдѣніямъ, ассигновалъ извѣстную сумму спеціально на переводъ Талмуда).

Ни одна изъ этихъ попытокъ не доведена до конца, такъ что мы доселѣ, несмотря на 400-лѣтнюю дѣятельность цѣлой арміи переводчиковъ, не имѣемъ всего Талмуда въ переводѣ ни на одномъ европейскомъ языкѣ.

Переводчики собственно и не собирались давать *весь Талмудъ*. Одни переводили съ апологетической или реабилитаціонной цѣлью, и выбирали такіе трактаты, которые даютъ параллели христіанскому ученію (напр. о Мессіи) или церковнымъ обычаямъ, или римскому праву, другіе преслѣдовали цѣли полемическія и переводили тѣ трактаты, гдѣ излагается ученіе Талмуда о язычникахъ (подъ которыми переводчики подставляли «христіанъ», хотя это явный анахронизмъ, такъ какъ Талмудъ знаетъ только іудео-христіанъ, какъ еврейскую секту, и то очень мало), третьи переводили съ филологической цѣлью (ad linguam discendam) или богословской (для экзегетики, гомилетики и т. п.), или религіозно-нравственной (ad animum pietate excolendum). Никто изъ нихъ не переводилъ *Талмудъ для Талмуда*, не видѣлъ въ немъ самомъ самодовлѣющей цѣли. Этимъ и объясняется то на первый взглядъ поразительное обстоятельство, что почти никто не начиналъ съ начала, а всѣ тянулись къ концамъ, къ верхамъ, выбирая самыя позднія произведенія, хотя отъ этого переводъ становился чрезвычайно темнымъ, ибо эти произведенія предполагаютъ уже извѣстными читателю работы предшествующихъ вѣковъ. Евреи, изучающіе Талмудъ съ чисто практическими цѣлями, также обращаютъ все свое вниманіе на позднѣйшія произведенія, но тутъ это понятно, такъ какъ для повседневной практики древніе законы имѣютъ сравнительно меньшее значеніе, нежели позднѣйшіе, зато изученіе Талмуда невѣроятно осложняется. По плану Переферковича, обнимающему *весь Талмудъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія, сначала подлежатъ переводу произведенія древнѣйшей, такъ называемой, таннаитской эпохи (т. е. Мишна, Тосефта, Мехильта, Сифра и Сифре), а затѣмъ уже на нихъ, какъ на фундаментѣ, должны быть выведены прочія части (гемары), которыя какъ по формѣ, такъ и по характеру представляютъ собой не болѣе, какъ объясненія древнѣйшихъ произведеній. Только при такой хронологической системѣ перевода, передающей въ естественномъ порядкѣ посте-

ленныя напластыванія, и могутъ быть понятны сложные талмудическіе дебаты, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ устраненіи и разъясненіи противорѣчій между различными мѣстами основныхъ произведеній.

Таинственность, окружавшая *Талмудъ*, породила, какъ извѣстно, крайнія и противорѣчивыя мнѣнія о его содержаніи.

Талмудъ въ средніе вѣка многократно сожигался и внесенъ въ списокъ запрещенныхъ католикамъ, зловредныхъ книгъ (Index librorum prohibitorum). Средневѣковая цензура вычеркнула изъ *Талмуда* массу мѣстъ, гдѣ имѣются неодобрительные отзывы о Римѣ, гдѣ возвеличивается Израиль, какъ избранный народъ Божій, восхваляется обрѣзаніе и т. п., мѣстъ, казавшихся средневѣковымъ цензорамъ соблазнительными для читателей *Талмуда*. Такъ какъ эти мѣста къ печатанію запрещались, то они евреями тщательно заучивались наизусть, передавались отъ учителей къ ученикамъ, ходили въ спискахъ. Теперь они издаются отдѣльно и составляютъ необходимое дополненіе къ печатаемымъ въ Россіи изданіямъ Талмуда. Разумѣется, съ точки зрѣнія цензуры нашего времени, въ этихъ мѣстахъ ничего противоцензурнаго нѣтъ, и всѣ они *безъ единаго исключенія* вошли въ русскій переводъ, не встрѣтивъ никакихъ препятствій.

Средневѣковой взглядъ на Талмудъ получилъ сильное распространеніе въ европейскомъ обществѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ антисемитическаго движенія въ концѣ прошлаго столѣтія: антисемиты поспѣшили воспользоваться для своихъ цѣлей старымъ пугаломъ. Литература христіанъ о Талмудѣ громадна. Но въ ней наберется не болѣе 2—3 книгъ, принадлежащихъ серьезнымъ ученымъ, дѣйствительно изучившимъ то, о чемъ говорятъ. Антисемистскіе же писатели обыкновенно Талмуда не знаютъ. Только крайней безпомощностью русской публики въ вопросахъ еврейской литературы можно объяснить безнаказанное появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій такихъ лицъ, какъ Пятковскій («Государство въ государствѣ»), Шмаковъ («Еврейскія рѣчи»), Лютостанскій («Талмудъ и Евреи»), въ которыхъ съ неслыханной дерзостью приписываются Талмуду грубо сфабрикованные тексты.

Поэтому особенно необходимъ полный строго-научный, внѣ всякихъ полемическихъ или религіозныхъ вліяній, переводъ *Талмуда*. *Талмудъ* есть чрезвычайной важности историческій и религіозный памятникъ, который, въ силу печальныхъ историческихъ условій, не внесъ еще своей доли въ сокровищницу человѣческой мысли. Съ одной стороны, онъ важенъ для исторіи религій вообще, ибо создавался въ эпоху великаго броженія человѣческаго ума, когда зарождались величайшія религіозныя системы; важенъ для исторіи христіанства, составляя ключъ къ пониманію многихъ сторонъ еврейскаго быта и еврейской мысли, перенесенныхъ въ первоначальную христіанскую общину, съ другой,— онъ важенъ какъ первоисточникъ для исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, географіи, хронологіи и прочихъ наукъ, связанныхъ съ исторіей, а съ третьей, онъ — доселѣ дѣйствующій религіозный и правовой кодексъ, со многими отраслями котораго (напр. брачнымъ правомъ) при-

ходится считаться не только евреямъ, но и современному государству, въ которомъ живутъ евреи.

Языкъ Талмуда, вообще крайне сжатый и неудобный для перевода, изобилуетъ намеками на разные библейскіе законы и существовавшіе обычаи, намеками, можетъ быть, понятными и извѣстными ученымъ евреямъ, но не извѣстными простымъ смертнымъ, для коихъ переводъ предназначается. Это вызвало необходимость большихъ введеній и многочисленныхъ примѣчаній, почти вдвое увеличившихъ объемъ перевода.

Русскій переводъ имѣетъ въ виду читателя, совсѣмъ неподготовленнаго, незнакомаго даже съ Библіей. Въ виду этого подробно раскрываются и разъясняются всѣ ссылки на Библію и на другія мѣста Талмуда, всѣ указанія на существующіе у евреевъ обычаи и на всякаго рода факты, историческіе, этнографическіе и т. п., естественно предполагающіеся въ Талмудѣ общеизвѣстными. Гдѣ содержаніе допускаетъ иллюстрацію, чертежомъ или рисункомъ, планомъ, фотографіей, тамъ таковая дана. Кромѣ того, не оставлено безъ вниманія и положеніе того или другого вопроса у современныхъ евреевъ, съ каковой цѣлью даны въ прибавленіяхъ отрывки изъ дѣйствующихъ законодательныхъ кодексовъ— Маймонида и Шулханъ Аруха, молитвы, изображенія филактерій, мезузъ, разводнаго письма, синагогальнаго рога и т. п.

Самый переводъ близокъ къ подлиннику.

Такъ какъ количество и объемъ томовъ пока еще не поддается опредѣленію, переводъ издается серіями, по 12 книгъ (выпусковъ) приблизительно равнаго объема. Нѣсколько книгъ, представляющихъ вмѣстѣ законченное цѣлое, образуютъ томъ съ отдѣльной пагинаціей.

Закончившійся второй (базельскій) международный конгрессъ по исторіи религій былъ богатъ интересными сообщеніями. На конгрессѣ присутствовало болѣе 250-ти членовъ. Изъ рефератовъ обратили на себя вниманіе сообщенія: ассиріолога *Іереміаса*—о монотеизмѣ въ древне-вавилонской религіи, токійскаго ученаго Watanabe—о религіяхъ современной Японіи (причемъ имъ было обращено вниманіе на эволюціонный характеръ японскаго буддизма, обнаруживающаго наклонность къ сближенію съ христіанскими вѣроученіями), д-ра Sarasin'а—о религіозныхъ представленіяхъ примитивныхъ народностей, *проф. Кольбаха*—о вліяніи изобразительнаго искусства на религіи Египта, Вавилоніи и Греціи и др. Изъ Россіи были представлены доклады *В. Сѣрошевскаго* («Религія племени Айно на о. Іесо») и *А. Аракеляна* («Религія древнихъ армянъ»). *„Русск. Вѣд."*.

Нравственный кодексъ Японіи, основой котораго служатъ передававшіеся по традиціи взгляды и правила японскаго рыцарства (самураевъ), изложенъ въ изданной лѣтъ пять тому назадъ книжкѣ: Буши-до (Душа Японіи). Мысли, собранныя японскимъ ученымъ Иназо Нитобэ. Пер. съ подл. А. Салмановой. М. 1905. (167 стр.). Ц. 60 коп.

«Буши-до» значить собственно «рыцарскій путь», т. е. какъ долженъ жить и вести себя «рыцарь» или джентльмэнъ. Переводъ этой книжки представляетъ особый интересъ теперь, когда волей судьбы мы должны бороться съ японцами и быть свидѣтелями примѣровъ ихъ военнаго рыцарства. Сочиненіе Нитобэ было изложено уже ранѣе на русскомъ языкѣ—съ нѣкоторыми добавленіями—г. Богословскимъ, въ статьѣ „Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ» (Владив. 1903), изданной въ *Извѣстіяхъ* Восточнаго института. Но работу г. Богословскаго трудно найти въ продажѣ, а потому новое изданіе книжки является вполнѣ умѣстнымъ. Переводъ не вездѣ гладокъ, но въ общемъ удовлетворителенъ, изданіе чистенькое и книжкѣ можно пожелать распространенія, тѣмъ болѣе, что доходъ отъ продажи ея имѣетъ поступить «въ фондъ постройки Народнаго дома г. Владивостока». *„Русск. Вѣд.“.*

О развитіи японской лирической поэзіи интересныя данныя сообщаетъ изслѣдователь ея Отто Гаузеръ.

Въ періодъ своего расцвѣта, совпавшаго съ временемъ средневѣковаго европейскаго миннезенгерства, *японская лирика* воспѣвала главнымъ образомъ весну и любовь, но затѣмъ застыла и свелась постепенно къ словеснымъ фокусамъ по опредѣленной программѣ, которая требовала, чтобы чувства выражались обязательно въ 15-ти строкахъ по 31-му слогу въ каждой, что близко подходило къ схемѣ нашихъ сонетовъ, съ тою только разницей, что японская лирика не знала риѳмы. Проникновеніе ападно-европейской культуры въ Японію произвело переломъ въ японкой лирической поэзіи; появились переводы на японскій языкъ лучшихъ произведеній западно-европейской поэзіи. Переводчики стремились сочетать европейскую форму съ духомъ своей отечественной лирики. Вскорѣ появились и оригинальныя произведенія японской лирики, образцы коихъ имѣются въ настоящее время въ переводахъ на европейскіе языки. Наиболѣе виднымъ современнымъ японскимъ лирикомъ является Никамура Акиба, прославившійся поэмой «Видѣніе на полѣ битвы» и выступившій въ 1898 г. съ сборникомъ «Цвѣты и осенніе листья».

„Русск. Вѣд.“.

Къ исторіи искусствъ Дальняго Востока. Въ Лондонѣ вышло англійское изданіе японскаго художественнаго журнала *The Kokka* подъ ред. проф. Такашимы въ Токіо. Журналъ этотъ выходитъ съ 1889 г. и знакомитъ съ сокровищами искусства Дальняго Востока, хранящимися въ почти недоступныхъ частныхъ коллекціяхъ и журналахъ.

„Русск. Вѣд.“.

Китайскіе амулеты. H. N. Stuart издалъ интересный каталогъ монетъ восточно-азіатскихъ государствъ, находящихся въ коллекціи Общества Искусства и Наукъ въ Батавіи, (Haag, Nijhoff, 1904). Между

прочимъ, имъ описаны также китайскіе амулеты, имѣющіе видъ монетъ (четырехъугольные съ отверстіемъ посреди). На нихъ иногда находятся незамысловатыя надписи вродѣ: «Много счастья, долгіе годы, 100 сыновей, 1000 внуковъ».—«Пусть всѣ сыновья достигнутъ высшихъ научныхъ ступеней».—«Долголѣтіе какъ у журавля и черепахи» и т. д. На нѣкоторыхъ амулетахъ встрѣчаются изображенія дракона, саламандры, цвѣтовъ сливнаго дерева, кипариса, считающихся символами счастья. На одномъ амулетѣ изображенъ олень (luh), поѣдающій лиліи: это надо читать luh jä i, т. е. «Доходы отъ административной должности по желанію». На нѣкоторыхъ написаны заклинанія противъ злыхъ духовъ. Въ коллекціи находятся и католическіе образки. На одномъ изъ нихъ изображено око, подъ нимъ Богоматерь и вокругъ надпись: «Марія, моли за насъ и за дѣтей язычниковъ». На обратной сторонѣ—св. Іосифъ Обручникъ и надпись: «Св. Іосифъ, великій патронъ Китая, моли за насъ». *„Globus"*.

Къ этнографіи Австраліи. Globus обращаетъ вниманіе на выходъ новаго труда извѣстныхъ изслѣдователей Австраліи Спенсера и Джиллена: Spencer a Gillen, The Northern Tribes of Central Australia. Онъ является какъ бы продолженіемъ ихъ перваго труда: The Northern Tribes of Central Australia и результатомъ годового пребыванія среди туземныхъ племенъ. Особенное вниманіе оба изслѣдователя посвятили богатой духовной культурѣ описываемыхъ племенъ, которая стоитъ въ несоотвѣтствіи (какъ вообще у австралійцевъ) съ чрезвычайно бѣдной культурой матеріальной. Сумѣвъ возбудить, какъ рѣдко удавалось изслѣдователямъ, полнѣйшее довѣріе туземцевъ, Спенсеръ и Джилленъ собрали богатые матеріалы о вѣрѣ въ колдовство, о шаманахъ, о тотемахъ, тотемистическихъ обрядахъ, соціальномъ устройствѣ и т. д. Въ отдѣлѣ о матеріальной культурѣ они подробно описали вооруженіе, одежду, утварь, орнаментику и декоративное искусство туземцевъ. Спенсеръ и Джилленъ между прочимъ выставляютъ слѣдующую теорію заселенія Австраліи племенами, пришедшими съ сѣвера. Первымъ потокомъ на матрикъ хлынула раса, стоящая на весьма низкой ступени культуры —представителями ея служатъ вымершіе теперь тасманійцы. Вслѣдъ за тѣмъ материкъ наводнили другіе пришельцы съ сѣвера—нынѣшніе австралійцы; они стояли на довольно высокой ступени цивилизаціи и регрессировали лишь постепенно. Доказательствомъ этого послѣдняго положенія Спенсеръ и Джилленъ считаютъ именно высоту ихъ духовной культуры сравнительно съ бѣдностью культуры матеріальной. Въ области вѣрованій оба изслѣдователя подчеркиваютъ полное отсутствіе представленія о верховномъ существѣ и о возмездіи послѣ смерти.

Палеонтологическія изысканія Клаача въ Австраліи. Только что вернулся изъ своего путешествія въ Австралію гейдельбергскій профессоръ Г. Клаачъ (Klaatsch).

Проф. Клаачъ спеціализировался на изученіи палеонтологіи человѣка и культуры палеолитическаго вѣка. Имъ совершено нѣсколько поѣздокъ по Франціи, Бельгіи, Германіи и Англіи для ознакомленія въ музеяхъ и на мѣстахъ раскопокъ (въ пещерахъ и т. д.) съ древнѣйшими остатками человѣка въ Европѣ. Желая пополнить свои знанія наблюденіями надъ бытомъ современныхъ дикарей, живущихъ еще въ условіяхъ каменнаго вѣка, онъ отправился въ Австралію. Здѣсь онъ путешествовалъ сначала въ бассейнахъ рѣкъ Батавіи и Арчера, посѣщалъ тамъ стоянки темнокожихъ дикарей и изучалъ ихъ бытъ. Для безопасности его сопровождалъ вооруженный отрядъ. Послѣ того онъ отправился на острова въ заливѣ Карпентарія, гдѣ живетъ племя, почти совершенно незнакомое съ бѣлыми. Здѣсь Клаачъ занимался антропологическимъ и этнографическимъ изученіемъ населенія, для каковой цѣли правительство Квинслэнда предоставило въ его распоряженіе казенный пароходъ. Имъ вывезенъ изъ своего путешествія богатый матеріалъ, разработкой котораго онъ и намѣренъ теперь заняться. *„Русск. Вѣд.“*.

Питекантропосъ на Явѣ. Въ газетѣ *Soir* появилось сенсаціонное извѣстіе, что на островѣ Явѣ двумъ европейцамъ удалось наблюдать живого питекантропоса. Оставляя на отвѣтственности газеты сомнительное извѣстіе, передаемъ нѣкоторыя подробности.

Голландскій купецъ Ванъ-Беренъ отправился на охоту, заблудился въ лѣсу и долженъ былъ переночевать подъ деревомъ. Ночью его разбудили странные звуки, близко подходившіе къ словамъ курри-курри. Утромъ купецъ увидѣлъ на деревѣ колоссальное гнѣздо съ круглымъ отверстіемъ въ полметра діаметромъ. Въ отверстіе выглянула голова съ щетинистыми темнорусыми волосами, затѣмъ на землю спустилось животное, очень напоминавшее собою человѣка. Вернувшись въ обитаемыя мѣста, Ванъ-Беренъ вскорѣ снова отправился въ лѣсъ въ обществѣ американскаго натуралиста, д-ра Вердегоуза. Они отыскали дерево, на которомъ, какъ оказалось, жила цѣлая семья питекантропосовъ. Ученый устроилъ себѣ шалашъ подъ деревомъ и прожилъ тамъ около трехъ мѣсяцовъ, наблюдая нравы животныхъ. Вотъ результаты этихъ наблюденій. У туземцевъ питекантропосы извѣстны подъ названіемъ ашъперицъ. Ихъ характерной чертою является чистоплотность; они часто купаются, чего другія обезьяны не дѣлаютъ. Ходятъ они, конечно, нагими, но самки украшаютъ себя ожерельями изъ мелкихъ вѣтокъ и ягодъ, очень заботливо ухаживаютъ за дѣтенышами и поютъ, убаюкивая ихъ. Языкъ у нихъ членораздѣльный, но очень бѣдный; пища состоитъ изъ плодовъ, корней, рыбы и птичьихъ яицъ. Они знакомы съ огнемъ, но не умѣютъ еще его добывать. Вердегоузъ не представилъ

никакихъ фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе своего разсказа. Но, какъ сообщаетъ та же газета, по его указаніямъ отправилась въ лѣсъ для изученія живого питекантропоса цѣлая группа ученыхъ.

„Русск. Вѣд.“

Къ этнографіи Африки. Майоромъ P. H. G. Powell-Cotton'омъ (Geograph. Journ. 1904, VII), посѣтившимъ въ 1902 г. сѣверныя области Уганды, были встрѣчены оригинальныя для Африки двухэтажныя хижины. Въ такихъ хижинахъ живетъ племя tepeth, занимающее склоны горъ Морото и Эльгонъ. Племя это внушаетъ сосѣднимъ племенамъ страхъ, такъ какъ среди нихъ будто бы имѣется много колдуновъ. На восточномъ склонѣ горы Эльгонъ живетъ племя wongabunèy. Это пещерныя жители. Но пещеры, по мнѣнію Powell Cotton'a, искусственно обдѣланы не современнымъ ихъ населеніемъ. *„Globus“*.

Изученіе карликовыхъ племенъ Африки будетъ пополнено скоро свѣдѣніями, которыя разсчитываетъ добыть англійскій изслѣдователь, майоръ Пауэль Коттонъ, предпринимающій экспедицію въ Центральную Африку, въ область между истоками Нила и рѣкою Замбези.

Путешественникъ думаетъ прожить нѣкоторое время въ странѣ людоѣдовъ Конго, а затѣмъ займется изученіемъ карликовыхъ племенъ тропическаго лѣса и области къ западу отъ озера Киву. На британскую территорію онъ намѣренъ выйти въ странѣ Ньясса, чтобы спуститься затѣмъ къ берегу р. Замбези. *„Русск. Вѣд.“*.

По этнографіи Бразиліи доставилъ новыя свѣдѣнія д-ръ Теодоръ Кохъ, командированный туда берлинскимъ этнографическимъ музеемъ и опубликовавшій недавно отчетъ о своихъ изысканіяхъ въ области верхняго теченія Амазонки.

Съ середины февраля до начала іюля онъ находился въ пути, въ теченіе котораго встрѣтилъ на Ріо-Тики совершенно неизвѣстныя до сихъ поръ индѣйскія племена. Выступивъ изъ своей главной квартиры въ Санъ-Фелипе, Кохъ направился къ югу, добрался до рѣки Курикуріари, поднялся вверхъ по ней и по ея лѣвому притоку Канаури; отсюда онъ черезъ низкій водораздѣлъ достигъ рѣки Карамабача и по ней до Уаупеса, большого западнаго притока Ріо-Негро. Ріо-Тики и является притокомъ Уаупеса. Область этой рѣки до сихъ поръ ни разу не посѣщалась бѣлыми. Добраться до нея водой было нелегко, ибо рѣка пересѣчена множествомъ водопадовъ и пороговъ. Особенно красивъ водопадъ Кугуру, 15 м. высоты. Въ этихъ случаяхъ Кохъ долженъ былъ выходить изъ ботика и по сухому пути обходить водопады. Въ то время какъ долина Курикуріари населена очень слабо (въ ней живутъ только индѣйцы племени тукано да почти совсѣмъ дикіе маку, которые бродятъ по лѣсамъ, не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства), долина Тики населена очень густо; тутъ живутъ индѣйцы племенъ тукано, дезана, дикана бара и маку. По-

слѣдніе имѣютъ лишь очень отдаленную лингвистическую связь съ маку изъ долины Курикуріари, а въ долинѣ Тики исполняютъ роль домашнихъ рабовъ у болѣе сильныхъ племенъ. Изъ послѣднихъ особенно интересны дикана и бара, и наблюденія надъ ними Коха имѣютъ наибольшее научное значеніе. Благодаря замкнутому образу жизни они совершенно не затронуты деморализирующимъ вліяніемъ цивилизаціи, и Кохъ, который жилъ въ ихъ деревняхъ нѣсколько недѣль, имѣлъ возможность наблюдать тутъ подлинный бытъ индѣйцевъ. Онъ собралъ множество фотографій, 13 листовъ словаря и пріобрѣлъ многочисленные предметы быта.

„Русск. Вѣд.“.

Матеріальная культура американскихъ племенъ нашла оригинальнаго изслѣдователя въ лицѣ *Holmes'a.* Въ недавно разосланномъ по научнымъ учрежденіямъ 20-мъ годичномъ отчетѣ Bureau of Ethnologie въ Вашингтонѣ за 1898—99 гг. находится его работа: Aboriginal Pottery of the Eastern United States (237 стр. и 186 табл.). Хольмсъ дѣлитъ гончарныя издѣлія туземныхъ племенъ восточной части Соед. Штатовъ на пять групnъ: 1) долины средняго теченія Миссисипи; 2) южно-апалахская група; 3) области между Аллеганскими горами и Атлантическимъ Океаномъ; 4) ирокезская группа и 5) сѣверо-западная. На приложенной картѣ показана область распространенія каждой группы. Керамика Сѣв. Америки не достигала никогда высоты керамики Центральной Америки и Перу; тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчаются отдѣльные образцы высокаго достоинства. Въ произведеніяхъ южныхъ областей проявляется сходство съ мексиканскими издѣліями. Особенно хороши раскрашенныя лицевыя урны изъ долины средняго теченія Миссиссиппи. Хольмсъ изучилъ основательно богатый матеріалъ, собранный въ музеяхъ Америки, вслѣдствіе чего ему было возможно подробно опредѣлить область распространенія каждой группы и культурный уровень изготовителей, отразившійся на формѣ и отдѣлкѣ сосудовъ. Онъ подробно описалъ также форму, окраску, украшенія гончарныхъ издѣлій на основаніи изученнаго имъ матеріала, а также старинныхъ источниковъ—описаній и рисунковъ.

„Globus“.

Населеніе Гренландіи по даннымъ переписи 1901 г., недавно опубликованнымъ датскимъ правительствомъ, почти все состоитъ изъ эскимосовъ. Количество европейскихъ колонистовъ съ 1840 г. (280 чел.) непрерывно уменьшалось (до 272 ч. въ 1901 г.), а вообще населеніе Гренландіи за послѣдніе десять лѣтъ (1891—1901) увеличилось на 9% и составляло въ 1901 г.—11,893 чел. Женщинъ значительно больше, чѣмъ мужчинъ, что статистики объясняютъ опасными для жизни промыслами туземцевъ, уносящими много жертвъ. Смертность постепенно однако уменьшается. Пространство Гренландіи занимаетъ 2.170,000 кв. кил., изъ которыхъ только 88,000 приходятся на землю, свободную отъ льда и глетчеровъ. Наиболѣе населенные пункты—Суккертогенъ (382 жит.) и Юліенгабъ (333 жит.).

„Русск. Вѣд.“.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1905 годъ (годъ одиннадцатый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи

подъ редакціей предсѣдателя отдѣленія проф. *Д. Н. Анучина.*

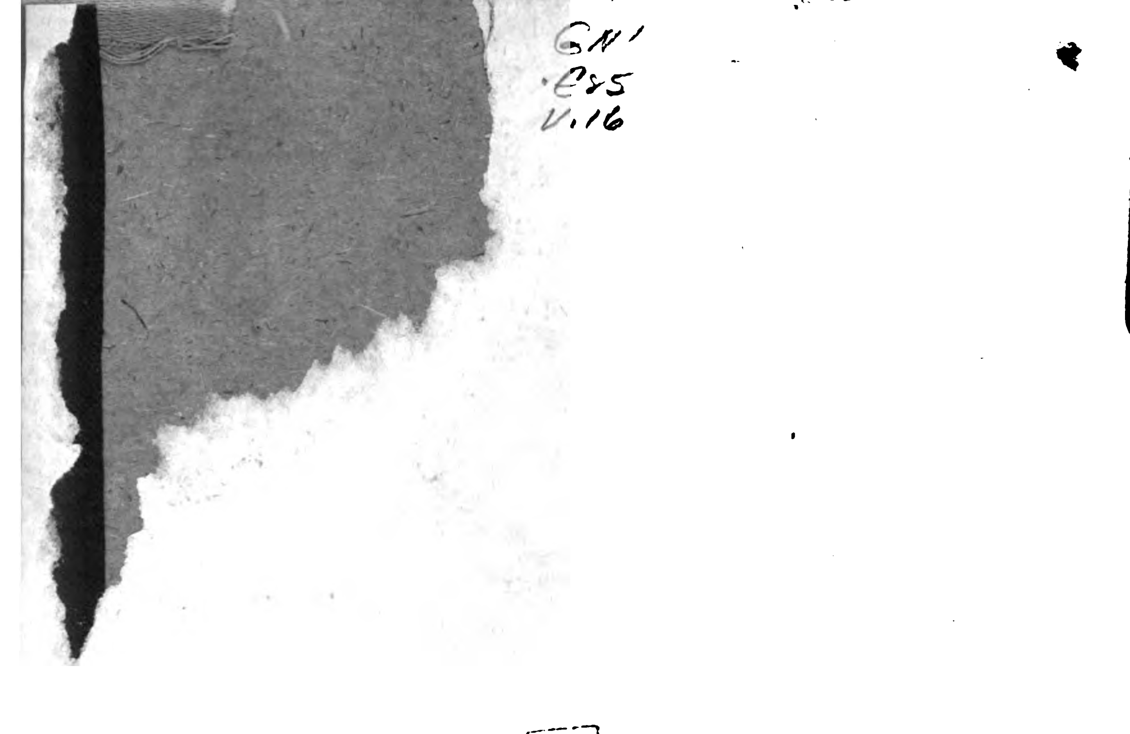
Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—6 руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехническій музей, Москва. Прежніе годы, 1895—1903, могутъ быть получены по **5** р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за **3** р. Всѣ года (1894—1903), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за **46** р., съ подпиской на 1904 г.—за **50** р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за **65** р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія“ помѣщены между прочимъ статьи: **Б. Ѳ. Адлеръ**: „Сѣверогерманская низменность“; **Н. М. Альбовъ**: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“—„Очерки растительности Колхиды“,—„Природа Огненной Земли“; проф. **Н. И. Андрусовъ**: „Поѣздка въ Дагестанъ“; проф. **Д. Н. Анучинъ**: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій“, — „Суша“ (краткія свѣдѣнія по орографіи), — „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины“ — „И. В. Мушкетовъ и его научные труды“, — „О преподаваніи географіи“; **В. В. Богдановъ**: „Мурманъ“; **Л. С. Бергъ**: „Аральское море“; **В. Г. Богоразъ**: „Ламуты“; **А. М. Беркенгеймъ**: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“,—„Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины“, — „Переселенческое дѣло“; **Н. В. Богоявленскій**: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи“; **П. А. Бѣльскій**: „Тянь-шань“,—„Петровскія озера Корчевск. у.“; проф. **А. И. Воейковъ**: „Воздѣйствіе человѣка на природу“; **М. М. Воскобойниковъ**: „Изъ наблюденій на Памирѣ“; **А. Грачевъ**: „Объ озерахъ Костромской губ.“; **Б. М. Житковъ** и **С. А. Бутурлинъ**: „По Сѣверу Россіи“; **А. А. Ивановскій**: „Истоки рѣки Москвы“, — „Озеро Гокча“, — „Араратъ“; **П. Г. Игнатовъ**: По южному Алтаю“; проф. **А. Н. Красновъ**: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина“; проф. **П. И. Кротовъ**: „Вятскій увалъ“,—„О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; **А. А. Круберъ**: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“,—„Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы“, — „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи“,—„Новая Гвинея“; **Г. И. Куликовскій**: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края“; **М. Л. Леваневскій**: „Очерки Киргизскихъ степей“; проф. **Э. Е. Лейстъ**: „Луна и погода“; **В. Н. Леоновъ**: „Озера въ области р. Пры, Рязанск. г.“,—„Озера Нижней Рачи, въ Закавказьѣ“; **Е. И. Луценко**: Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ“,—„Озера въ области истоковъ Дона“; **А. К. Ф. М.**: „Альпинизмъ“; **В. Г. Михайловскій**: „Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа“, **М. В. Никольскій**: „Слѣды ассировавилонской культуры на Кавказѣ“; проф. **В. А. Обручевъ**: „Природа и жители Центральной Азіи“; проф. **А. П. Павловъ**: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ“; **С. К. Паткановъ**: „По Юкатану“; **Х. С. Г. Султановъ**: „Свящ. область мусульманъ въ Аравіи“: пр.-доц. **Г. И. Танфильевъ**: „Доистор. степи Евр. Россіи“,—„О торфяникахъ Моск. губ.“; **Н. Тихоновичъ**: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл.“; пр.-доц. **Б. А. Федченко**: „Задачи ботанической географіи“; **А. Ѳ. Флеровъ**: „Ботанико-географич. очерки“; **Д. Чорчъ**: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки“; **А. Яриловъ**: „Педологія или наука о почвѣ“ и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и библіографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу вышли: 1) **Ф. Нансенъ**. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) **Г. Н. Потанинъ**. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) **Арт. Гейки**. О преподаваніи географіи. Совѣты учителямъ; 4) проф. **С. Гюнтеръ**. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

DO NOT REMOVE FROM POCKET

3 0000 053 5